Дэвид Герберт Лоуренс

Психоанализ и бессознательное

Порнография и непристойность

Дэвид Герберт Лоуренс
в 1929 году,
за несколько месяцев до смерти

*Мои книги
не предназначены
для общей массы
читателей.
Я считаю ошибочным
распространенное
мнение о том, будто
всякий человек,
умеющий читать
печатные буквы,
способен прочесть
и уяснить себе все,
что напечатано
этими буквами.
И я полагаю
настоящим несчастьем
то обстоятельство,
что серьезные книги
выставляют у нас
на продажу, как некогда
работорговцы
выставляли на рынках
обнаженных рабов.
Но тут уж ничего
не поделаешь:
живя в эпоху
ложно понимаемой
демократии,
нам некуда деться
от ее порядков...*

Дэвид Герберт
Лоуренс

Психоанализ и бессознательное

Порнография и непристойность

Москва
«ЭКСМО»
2003

УДК 820
ББК 87.7
Л 81

Переводы с английского *В. Чухно, В. Звиняцковского*

Серийное оформление и дизайн книги *Е. Шамрай*

Иллюстрации *М. Курдюмова*

В оформлении книги использованы фрагменты гобеленов работы *Уильяма Морриса*

Лоуренс Д. Г.

Л 81 Психоанализ и бессознательное. Порнография и непристойность. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 480 с., илл. (Серия «Антология мудрости»).

ISBN 5-699-03099-9

В этой книге великий английский писатель Дэвид Герберт Лоуренс (1885—1930), автор блестящих и беспрецедентных по своей откровенности литературных произведений, открывается отечественному читателю с неожиданной стороны. Убедительностью аргументов и обезоруживающей смелостью философские эссе Лоуренса не уступают по силе воздействия его прославленной художественной прозе. Лоуренс удивляет, шокирует и... подтверждает репутацию писателя, которому всегда есть что сказать по-настоящему

УДК 820
ББК 87.7

ISBN 5-699-03099-9

Писатель на все времена

Через два дня после Рождества, 27 декабря 1875 года, в городе Ноттингеме, что в Средней Англии, бывшая школьная учительница стала женой простого шахтера. Она ни разу не видела его в шахтерской одежде и никогда не бывала до этого в шахтерском поселке.

В один из них и отвез новобрачную на постоянное жительство счастливый супруг, и в первый же вечер, когда он пришел домой после шахты, она сначала подумала, что в их дом забрел по ошибке какой-то негр. Но незнакомец улыбнулся сквозь маску из угольной пыли и стал уверять ее, что он ее законный супруг. Когда она присмотрелась к нему и убедилась, что это действительно так, она попросила его побыстрей искупаться, потому что ужин уже готов. Но он ограничился тем, что вымыл руки, и тут же уселся за стол.

— Разве можно есть в таком виде? — ужаснулась она. — Ты ведь очень грязный.

— Хватит с меня и помытых рук, моя милая, — ответил он. — Угольная пыль — это чистая грязь.

Этот мужчина и эта женщина были родителями Дэвида Герберта Лоуренса, появившегося на свет в маленьком шахтерском доме десятью годами спустя.

Да, как в это ни трудно поверить, но великий английский писатель, виртуозный мастер магической прозы и музыкальной поэзии, самобытный эссеист и мыслитель Д. Г. Лоуренс был сыном простого, полуграмотного шахтера. Родился Лоуренс 11 сентября 1885 года в доме на Виктория-стрит в шахтерском поселке Иствуде, расположенном на холмах над живописной Эруошской долиной, что в графстве Ноттингемшир, в непосредственной близости от Шервудского леса, в котором некогда «шалил» благородный разбойник Робин Гуд.

Дэвид стал четвертым из пяти детей шахтера Артура Джона Лоуренса и бывшей школьной учительницы Лидии Лоуренс, урожденной Биэрдсолл. Он был любимцем матери и перенял от нее чуткое, восприимчивое отношение к культуре, искусству, к духовным ценностям прошлого и настоящего. От отца же, человека простого и трудолюбивого, отличавшегося широтой натуры и глубоко привязанного к собратьям по классу, мальчик воспринял страстную, неукротимую любовь к жизни во всей полнокровности ее естественных проявлений, богатстве ее изменчивых красок и оттенков. Контраст между окружавшей поселок живописной природой и грязными улицами с выстроившимися по обеим сторонам

одинаковыми, уродливыми, закопченными кирпичными домами, был таким же разительным, как и между унылой средой, в которой вырос Лоуренс, и его утонченной, изысканной прозой.

Лоуренсы, подобно многим другим шахтерским семьям того времени, не могли похвастаться особым материальным достатком, и ранние впечатления Дэвида были далеки от идиллических. Отец, любивший после смены посидеть в пивной с приятелями, нередко приходил домой навеселе, и в такие вечера начинались шумные выяснения отношений между родителями, выплескивавшие наружу глубоко заложенный антагонизм в природе обоих — отца, вполне удовлетворенного жизнью и своим местом в ней, и матери, свысока относившейся к нравам и привычкам рабочего люда и мечтавшей о лучшей доле для себя и своих детей.

Натура целеустремленная и волевая, Лидия Лоуренс решила любой ценой добиться того, чтобы ее любимец Дэвид, порвав с семейной традицией (в соответствии с которой все мужское потомство готовилось к горняцкому уделу), избрал для себя менее опасную и более престижную в глазах окружающих профессию пастора или учителя. А основания для осуществления ее планов были достаточно веские: ее младший сын рано обнаружил незаурядные способности к языкам и рисованию.

В 1891 году Дэвида отдают учиться в приходскую школу в Бовале. Он хорошо успевает по всем предметам и в 1897 году становится первым в истории этой школы учеником, получившим право на поощрительную стипендию муниципаль-

В этом доме на Виктория-стрит, в шахтерском поселке Иствуде, что в графстве Ноттингемшир (Центральная Англия), 11 сентября 1885 года родился Дэвид Герберт Лоуренс.

Семейная фотография Лоуренсов.
Сидят: сестра писателя Леттис Ада, мать Лидия Лоуренс, Дэвид Герберт Лоуренс, отец Артур Джон Лоуренс.
Стоят: сестра Эмили Уна, братья Джордж и Уильям.

ного совета графства, что давало ему возможность продолжать учение в Ноттингемской средней школе, куда в 1898 году он и поступает.

С детских лет Лоуренса отличали острая наблюдательность и огромная впечатлительность; он по-своему воспринимал окружающий мир — и людей, и природу, и животных. Строгая мать не разрешала детям держать домашних животных, и единственными «любимцами», которые когда-либо жили в доме Лоуренсов, были кролик Адольф и щенок Рекс. Лоуренс пронес любовь к животным через всю свою жизнь и написал о них немало стихотворений и рассказов. Героями этих произведений были самые разнообразные существа — от китов и слонов до дикобразов и летучих мышей. У него в доме всегда жили «маленькие друзья», а порой и не такие уж маленькие. На ранчо в американском штате Нью-Мексико, где писатель поселился незадолго до смерти, он держал кошек, собак и даже корову Сьюзен, которую называл своей «мистической подругой».

Летом 1901 года Лоуренс знакомится с Джесси Чеймберз, жившей с семьей на ферме неподалеку от Ноттингема,— девушкой интеллектуальной, начитанной и совершенно не похожей на его ровесниц, которых он знал в Иствуде. Сложные взаимоотношения Дэвида и Джесси и их «неофициальная» помолвка станут впоследствии одной из главных тем романа «Сыновья и любовники», а Джесси — прототипом героини романа Мириам. Помолвка эта расстроилась — скорее всего не без вмешательства Лидии Лоуренс,— но Дэвид и Джесси еще долго оставались друзьями.

Джесси Чеймберз, юношеская «пассия» Лоуренса, была девушкой интеллектуальной, начитанной и совершенно не похожей на других его ровесниц. Сложные взаимоотношения Дэвида и Джесси и их «неофициальная» помолвка станут впоследствии одной из главных тем автобиографического романа «Сыновья и любовники», а Джесси — прототипом героини романа Мириам.

В том же 1901 году, вынужденный оставить Ноттингемскую среднюю школу из-за несчастного случая с отцом, Лоуренс некоторое время работает конторским служащим в фирме по производству хирургических принадлежностей в Ноттингеме. Однако спустя три месяца, в 1902 году, он заболевает воспалением легких и после выздоровления уже не возвращается на фирму. Болезнь он перенес тяжело, и его здоровье было непоправимо подорвано. Воспаление легких подействовало даже на голосовые связки Лоуренса: его голос стал очень высоким. Все, кто его знал и оставил о нем воспоминания, отмечают этот его необычайно тонкий голос.

По настоянию матери Лоуренс осенью 1902 года поступает на освободившееся место помощника учителя в одной из школ Иствуда. Его учениками были дети шахтеров; обучение всех школьников и всех классов велось одновременно в одном огромном помещении, и между группами учеников постоянно происходили стычки и сражения, так что сладить с детьми было непросто. Таким «диким преподаванием», как называл его Лоуренс,— сначала в иствудской школе, а затем в одной из школ Илкестона (графство Дербишир), где он временно исполнял обязанности «полноправного» учителя,— будущий писатель занимался четыре года: с осени 1902 по лето 1906 года.

«Интеллигентская» учительская карьера молодого Лоуренса льстила самолюбию матери. Сам же он, сменив за четыре года несколько школ, сгорал от нового увлечения, новой всепоглощающей страсти — писательства. Вечерами, в краткие часы отдыха, пренебрегая и без того не слишком

крепким здоровьем, двадцатилетний Дэвид пишет и пишет, пробуя себя сразу в трех жанрах — романах, стихах и рассказах.

Сначала он сочиняет стихотворения, а весной 1906 года начинает работать над своим первым романом «Белый павлин» (*The White Peacock*), первоначально называвшимся «Летиция» (*Laetitia*), по имени главной героини. Роман этот занимает достойное место в творчестве Лоуренса, но прежде всего он интересен тем, что в нем нарисована колоритная фигура егеря Эннебла, «предтечи» лесника Оливера Меллорза, любовника леди Чаттерлей в знаменитом романе писателя.

В сентябре 1906 года Лоуренс поступает на двухгодичные курсы по подготовке учителей при Ноттингемском университетском колледже и в то же время продолжает заниматься литературным творчеством. Незадолго перед Рождеством 1907 года газета «Ноттингемшир гардиан» объявляет конкурс на лучший рассказ, и Лоуренс выигрывает его. Напечатанный газетой рассказ «Прелюдия» (*A Prelude*) — первое произведение Д. Г. Лоуренса, увидевшее свет.

Получив в 1908 году диплом учителя в Ноттингемском университетском колледже, осенью того же года он начинает преподавать в школе «Дэвидсон Роуд» в Кройдоне, предместье Лондона, и занимается преподаванием вплоть до 1911 года. В апреле 1908 года Лоуренс заканчивает первый вариант романа «Белый павлин». Джесси Чеймберз, с которой Лоуренс продолжает поддерживать дружеские отношения, не только поощряет его первые литературные опыты,

но и посылает несколько его стихотворений в лондонский журнал «Английское обозрение». Эти стихотворения, а также новелла «Гусиная ярмарка» (*Goose Fair*) были напечатаны в ноябрьском номере «Английского обозрения» за 1909 год, а вскоре Лоуренс познакомился с редактором журнала Фордом Мэдоксом Фордом, достаточно известным в то время писателем и издателем, и тот ввел его в литературный мир Лондона.

Работу над «Белым павлином» Лоуренс завершает ранней весной 1910 года, а уже в марте-июне создает роман «Нарушитель» (*The Trespasser*). В октябре того же года он приступает к работе над романом «Сыновья и любовники» (*Sons and Lovers*), первоначально называвшимся «Поль Морел» (*Paul Morel*) — по имени главного героя.

9 декабря 1910 года умирает от рака миссис Лоуренс, не успев порадоваться выходу в свет написанного сыном романа «Белый павлин», который был опубликован в январе 1911 года одновременно издательствами «Даффилд» (Нью-Йорк) и «Хайнеманн» (Лондон). Одним из первых читателей романа был отец писателя. Когда автору прислали сигнальный экземпляр, Артур Лоуренс тут же взял книгу в руки и принялся читать, но, с трудом одолев полстраницы, насмешливо взглянул на сына и спросил:

— Ну и сколько тебе заплатили за эту тарабарщину, парень?

— Пятьдесят фунтов, отец.

— Пятьдесят фунтов?! Не рассказывай мне сказки, — и Артур, подмигнув, проницательно и с хитрецой улыбнулся,

Будущая супруга писателя Фрида Уикли, урожденная фон Рихтхофен, в молодости. Фрида, эффектная зеленоглазая блондинка, была женой бывшего преподавателя Лоуренса в Ноттингемском университетском колледже. После развода вышла замуж за Лоуренса.

давая понять, что его не так-то легко провести. — Да я хоть целый год вкалывай — и то мне столько денег не выложат!

Осенью 1911 года, после тяжелого приступа легочной болезни, Лоуренс принимает решение оставить преподавательское поприще и целиком посвящает себя литературе. В январе-феврале 1912 года он перерабатывает роман «Нарушитель», а в апреле завершает первый вариант романа «Поль Морел». В том же месяце он знакомится с Фридой Уикли, эффектной зеленоглазой блондинкой, женой его бывшего преподавателя в Ноттингемском университетском колледже. Девичья фамилия Фриды была фон Рихтхофен, она происходила из семьи немецких аристократов и носила титул баронессы. Родилась она в 1879 году, то есть на шесть лет раньше Лоуренса, и у нее было трое детей — две дочери и сын.

Лоуренс произвел на баронессу необычайно сильное впечатление. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, ибо, как проницательно заметил Андре Моруа в своей книге «Пророки и поэты», «женщины быстро распознавали в Лоуренсе нечто первозданное, близкое их собственной, женской, природе». Он, как и они, мог осязать присутствие какой-то магии в окружающем мире и умел передавать другим свою способность остро ощущать жизнь. Может быть, из-за своего хрупкого здоровья и постоянной близости смерти он был наделен особым даром чувствовать себя по временам несказанно счастливым. Впоследствии Фрида не раз говорила, что до встречи с Лоуренсом она не знала, что значит по-настоящему жить.

3 мая 1912 года Фрида уходит от мужа и тайком уезжает со своим возлюбленным в Германию, к родителям. В августе они с Дэвидом отправляются в путешествие по Швейцарии и Италии, завершив свой вояж тем, что пешком переходят через Альпы и обосновываются в небольшом итальянском городке Гарньяно, где Лоуренс возвращается к роману «Поль Морел» и в ноябре завершает его, дав ему окончательное название «Сыновья и любовники». В начале декабря того же года он начинает роман «Заблудшая девушка» (*The Lost Girl*), первоначально назвав его «Мятеж мисс Хотон» (*The Insurrection of Miss Haughton*), над которым работает и в первые месяцы следующего, 1913 года.

В феврале 1913 года в издательстве «Дакуорт» выходит сборник Лоуренса «Стихотворения о любви и другие стихотворения» (*Love Poems and Others*), а в мае — роман «Сыновья и любовники». В этом романе проявились многие из особенностей, характерных для дальнейшего творчества писателя. Лоуренс не пытается быть беспристрастным, как многие из современных ему писателей, и не наблюдает за своими героями откуда-то сверху. Он близко к сердцу принимает их судьбы, пишет неравнодушно, с пристрастием, и накрепко, чуть ли не родственными узами, привязывает к своим героям также и читателей.

У Лоуренса мужчины и женщины живут одной жизнью с миром физической природы. Люди откликаются на все живое восторженно, от сердца, безотчетно. Этим качеством был сполна наделен отец писателя, которому в романе дано имя Морел. Сам Лоуренс хоть и не был шахтером, но унас-

ледовал от отца типичное для шахтера восприятие мира: он словно каждый день выходил на свет из кромешной темноты шахты и как бы впервые видел новорожденный мир.

Роман во многом автобиографичен: в его основу Лоуренс положил конфликт между своими родителями. Хоть его отец и был малообразованным шахтером и много пил, но он необыкновенно живо понимал и чувствовал естественную сторону жизни. Мать же по своему общественному положению стояла на ступеньку выше отца, была умственно и духовно более развита, тоньше чувствовала, знала высокий полет мысли. И все же она полюбила этого простого шахтера, потому что, как писал Лоуренс, при первой же встрече с ним она ощутила, что «от его тела шел живительный ток, как тепло от свечи; жизнь горела в нем сумрачным и ровным золотистым пламенем, и это казалось ей непостижимым чудом, ибо сама она загоралась только от головы и чувства».

Но их брак не был счастливым, и что-то в отце постепенно отмирало. В конфликт были замешаны и дети, и в своем автобиографическом романе Лоуренс находит нужным встать на сторону матери, хотя позднее, в реальной жизни, осознает правоту отца.

В марте 1913 года Лоуренс начинает и в июне завершает первый вариант книги, которая впоследствии перерастет в два романа — «Радуга» (*The Rainbow*) и «Влюбленные женщины» (*Women in Love*). «Радуга» выйдет в 1915 году в издательстве «Метьюэн», а окончательный вариант «Влюбленных женщин» — в 1920 году в нью-йоркском издательстве «Селтцер».

Фрида и Дэвид Лоуренсы
в Мехико, 1925 г.
Слева — миссис Конвей, знакомая Лоуренсов.
«Мехико на самом деле не так уж плох,—
писал Лоуренс,— особенно если находишь здесь
приятное общество в лице твоих
соотечественников».

Многие исследователи творчества Лоуренса считают, что своей высокой репутацией романиста писатель обязан прежде всего этим своим трем ранним произведениям — «Сыновья и любовники», «Радуга» и «Влюбленные женщины», хотя далеко не все читатели разделяют такое мнение.

В июне 1914 года Дэвид и Фрида возвращаются в Англию, где она наконец-то получает развод, и 13 июля они сочетаются браком в Лондоне. На загородной прогулке 1 августа они узнают о начале Первой мировой войны, и это мешает молодоженам отправиться в Италию, где они намеревались поселиться из-за ухудшающегося здоровья Лоуренса. В конце ноября 1914 года в издательстве «Дакуорт» выходит первый сборник новелл Лоуренса «Прусский офицер и другие рассказы» (*The Prussian Officer and Other Stories*).

Роман «Радуга», увидевший свет в 1915 году, сразу же после выхода запрещают, вменив в вину автору «натурализм и излишнюю откровенность в некоторых сценах». Для Лоуренса это был тяжелый удар. Продолжающаяся война, слабое здоровье, постоянная бедность, отвернувшиеся от него друзья, неоднократные унизительные медосмотры на предмет пригодности к военной службе, невозможность получить разрешение на выезд из страны, обвинения в шпионаже в пользу Германии, да еще к тому же запрет романа — приводят писателя к отчаянию, и жизнь становится для него, как он сам признавался, «беспросветным кошмаром».

В 1916 году они с Фридой переезжают в Корнуолл. Лоуренс продолжает работать над романом «Влюбленные женщины», а после его окончания в октябре того же года прини-

мается за «Очерки американской классической литературы» (*Studies in Classic American Literature*). Однако местные власти, подозревая Лоуренсов в шпионской деятельности, вынуждают их покинуть Корнуолл ввиду его «стратегического военного значения». Они возвращаются в Лондон, где в ноябре 1917 года Лоуренс начинает работать над романом «Посох Аарона» (*Aaron's Rod*). В декабре они вместе с Фридой переезжают в графство Беркшир.

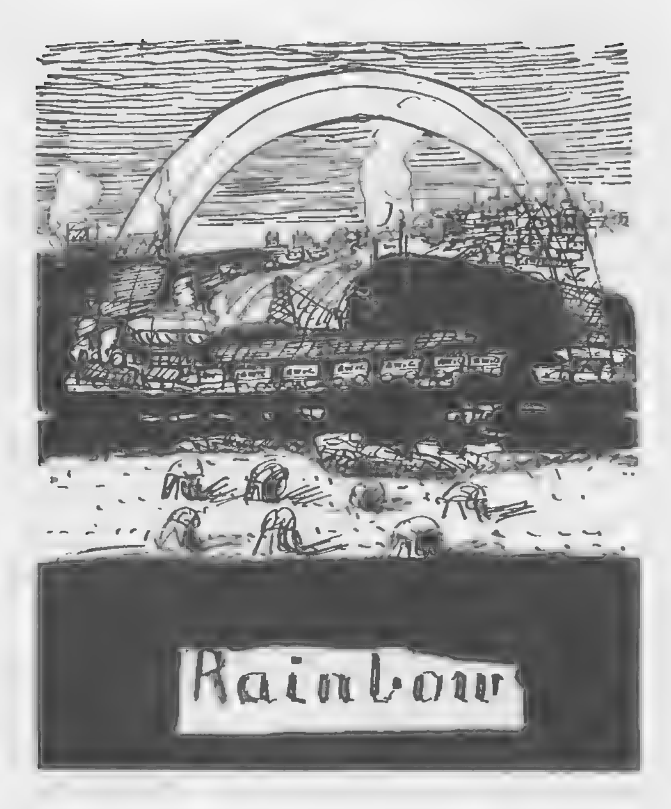
26 сентября 1918 года Лоуренса в третий раз вызывают для медицинского освидетельствования и, несмотря на его слабое здоровье, признают годным к нестроевой воинской службе. Но, к счастью для писателя и всего человечества, 11 ноября Первая мировая война завершается.

На протяжении нескольких лет Лоуренс не может найти издателя для своего лучшего (по мнению многих исследователей) романа «Влюбленные женщины», который он закончил еще в 1916 году. В сентябре 1919 года он решает отправить рукопись за океан, американскому издателю Томасу Селтцеру, который по достоинству оценивает роман и принимает его к печати. Книга увидела свет, как уже упоминалось, лишь через четыре года после написания, в 1920 году.

В ноябре 1919 года, спустя один год после окончания войны, Лоуренсы отправляются на континент (так англичане называют остальную Западную Европу). Прибыв в Италию, они непродолжительное время живут в Турине, в Леричи, во Флоренции. В декабре они переезжают в Рим, а оттуда — на остров Капри, где поселяются на несколько месяцев.

В январе 1920 года Лоуренс пишет эссе «Психоанализ и бессознательное» (*Psychoanalysis and the Unconscious*), которое было опубликовано в 1921 году в Нью-Йорке. Комментируя это произведение, журнал «Нация» писал: «Под шокирующей формой этого эссе Д. Г. Лоуренса скрывается то, что все мы сегодня чувствуем в отношении затронутых им проблем, но боимся себе в этом признаться. Если бы Лоуренс выражал свои взгляды не с помощью научных терминов, которым он сам не доверял, а с помощью художественных и поэтических образов, то мы получили бы от него не эссе, а еще один великий роман». Эти слова могут быть отнесены и ко второй его работе о бессознательном, написанной годом позже. Обе эти работы являются своего рода ключом к лучшему пониманию творчества Лоуренса и путеводителем по его романам.

В 1920 году, после выхода «Влюбленных женщин», Лоуренс возобновляет работу над романом «Заблудшая девушка», который выходит осенью в английском издательстве «Хайнеманн». В конце апреля 1921 года Лоуренсы переезжают в курортный город Баден-Баден в горах Шварцвальд, что на юго-западе Германии. Там в мае писатель заканчивает «Посох Аарона», а в июне пишет первый вариант своего эссе «Фантазия на тему о бессознательном» (*Fantasia of the Unconscious*). В том же 1921 году роман «Влюбленные женщины» выходит и в Англии, в лондонском издательстве «Секкер». Лоуренс приступает к работе над циклом стихо-



Рисунок, выполненный Лоуренсом в качестве полушутливой иллюстрации к своему роману «Радуга». На рисунке изображен опоясанный радугой шахтерский поселок Иствуд, где родился Лоуренс. Внизу надпись на английском языке — «Радуга». Этот рисунок Лоуренс послал 2 марта 1915 года своей почитательнице Виоле Мейнелл.

творений «Птицы, звери и цветы» (*Birds, Beasts and Flowers*).

В 1922 году Лоуренсы отправляются в Австралию, где с июня по август живут в Новом Южном Уэльсе и где писатель начинает, а к середине июля заканчивает первую редакцию романа «Кенгуру» (*Kangaroo*). Лето 1923 года супруги проводят в Мексике, где Лоуренс пишет первый вариант романа «Пернатый змей» (*The Plumed Serpent*). Вообще в 20-е годы Лоуренсы переезжают с места на место очень часто, живя то в Англии, то в США, то в Мексике.

В феврале 1925 года, когда Лоуренсы находились в Мексике, Дэвид тяжело заболел малярией и лишь чудом остался жив. От местного врача Фрида узнает, что ее муж неизлечимо болен туберкулезом и ему остается жить считанные годы. Она перевозит Лоуренса в американский штат Нью-Мексико, на ранчо Кайова, которое за год до этого было ею приобретено у одной из знакомых. У него настолько болезненный вид, что ей приходится нарумянить ему щеки, чтобы ему разрешили пересечь границу и въехать в Соединенные Штаты.

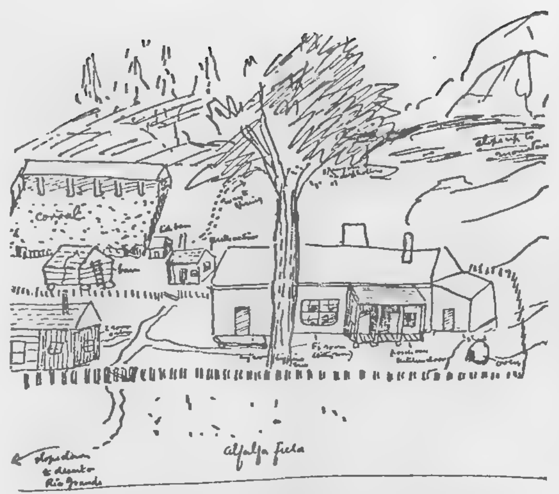
Через некоторое время Лоуренсу становится лучше, и он снова много работает. За короткий период он создает пьесу «Дэвид» (*David*), пишет цикл эссе под общим заглавием «Размышления на смерть дикобраза» (*Reflections on the Death of the Porcupine*), несколько рассказов и повесть «Девица и цыган» (*The Virgin and the Gipsy*), которая была опубликована посмертно, в 1930 году. Кроме того, он заканчивает роман «Пернатый змей».

Оформление обложки журнала «Смеющаяся лошадь». выполненное Лоуренсом и предложенное редакции.

В мае 1926 года Лоуренсы переезжают в Италию и снимают виллу неподалеку от Флоренции. В конце лета этого года Лоуренс последний раз в своей жизни едет в Англию, а по возвращении в Италию начинает работать над романом «Любовник леди Чаттерлей» (*Lady Chatterley's Lover*) и всерьез берется за живопись.

Увлечение рисованием и живописью началось у Лоуренса в ранней юности — еще до того, как он почувствовал тягу к сочинительству. В детстве он любил перерисовывать иллюстрации из журналов, а когда стал старше, брал уроки рисования у профессиональных художников. За кисть или карандаш он брался на протяжении всей своей жизни, но по-настоящему занялся живописью лишь на склоне лет. Его мягкие акварели, в основном пейзажи, до сих пор украшают многие дома в Англии, Америке и Италии. Многие его картины хранятся в частных коллекциях. Не случайно его художественная проза столь образна и живописна, и у читателей зачастую создается впечатление, что описанные места, дома или людей они видели своими глазами.

В 1928 году Лоуренс заканчивает роман «Любовник леди Чаттерлей». Такого откровенного описания физической любви между мужчиной и женщиной, как в этом романе, английская литература до Лоуренса еще не знала. Мало того, Лоуренс позволил себе использовать в романе нецензурные, так называемые «четырехбуквенные» слова (в английском языке почти все «непристойные» слова — из четырех букв).



We have only one little spring of water – pure water – that will fill a pail in about 3 minutes; it runs the same summer & winter. If we want to grow anything, we must water, irrigate. Mexicans used to bring the water in a made ditch, over deep places by a wooden channel bridge, for nearly 3 miles, from the Gallina Canyon. Then, from the Lewis canyon, he brought it down two miles. It's very difficult, though, in a dry country with dry gravelly soil. You can't bring much flow so far; & in summer very often none. So we leave the ranch quite wild – only there's abundant feed for the five horses. And if we wanted to take the trouble we could bring the water here as Mexicans did, & have a little farm. – There's quite a lot of land, really – it is 160 acres, but it takes a terrible long time to go round the fence, through the wild growth – We get lots of wild strawberries – & we still get gallons of wild raspberries, up our own little canyon, where no soul ever goes. If we ride two miles, we can get no further – Beyond, all savage, unbroken mountains.

Страница из письма Лоуренса с его рисунком, на котором изображен домик на ранчо «Дель-Монте» в Мексике, где в конце 1922 года поселились Дэвид и Фрида Лоуренсы, прибыв туда из Австралии.

Для того времени это было чем-то совершенно неслыханным. Лоуренс так писал о своем романе: «...Я всегда стремился показывать интимные отношения между мужчиной и женщиной как нечто естественное и чрезвычайно важное, а не постыдное и второстепенное. И в этой книге я «зашел» дальше всего. Для меня эти отношения так же прекрасны и возвышенны, как внутреннее, обнаженное «я» человека...». И в самом деле, история любви егеря-лесника и аристократки, несмотря на все физиологические подробности, написана настолько поэтически, а взаимоотношения между любовниками исполнены такой нежности, что порнографической эту книгу назвать никак нельзя.

Сам автор в статье «Порнография и непристойность» (*Pornography and Obscenity*), написанной в 1929 году в ответ на обвинения в свой адрес в «порнографичности», дал этому понятию такое определение: «Что касается порнографии в полном смысле этого слова, то даже я подвергал бы ее строжайшей цензуре. А распознать ее не составляет большого труда. Во-первых, настоящая порнография почти всегда нелегальна, она никогда не проявляет себя открыто. А во-вторых, ее можно узнать по тому, что она во всех без исключения случаях оскорбительна — как для секса, так и для самого человека. Порнография — это попытка осквернить сексуальную природу человека, замарать ее грязью, и это непростительное преступление».

Увы, критики и цензоры узрели в книге лишь непристойные слова и неприличные описания, тогда как красоты чело-

Усыпальница Д. Г. Лоуренса на горе Лобо
над местечком Таос (американский штат Нью-Мексико),
где обрел вечное упокоение прах писателя.
Лоуренс умер 2 марта 1930 года в Вансе, близ Ниццы во Франции.
Через пять лет тело Лоуренса было эксгумировано,
кремировано, а пепел перевезен в Таос.
Фрида умерла в 1956 году в возрасте 77 лет,
пережив Лоуренса на 26 лет,
и похоронена рядом с его усыпальницей.

веческих отношений, поэзии физической любви и нежности чувств они рассмотреть не сумели. Лоуренс знал, какая буря негодования разразится после опубликования романа. «Меня ждут одни лишь оскорбления и всеобщая ненависть»,— писал он. И не ошибся.

По требованию английских издателей, Лоуренс готовит «смягченный» вариант романа, однако в публикации даже этой сокращенной версии ему также отказывают. Тогда он договаривается с итальянским издателем Джузеппе Ориоли о выпуске полного текста в типографии Флоренции тиражом в тысячу экземпляров для распространения по подписке и лично участвует в процессе набора. Через несколько месяцев, в 1929 году, полный вариант романа выходит также в Париже.

Что касается Англии, то «Любовника леди Чаттерлей» издают там лишь в 1932 году, через два года после смерти писателя, но с изъятием всех «нежелательных» мест и «четырехбуквенных» слов. Лишь в 1960 году, спустя 32 года после написания романа, английское издательство «Пингвин букс» решается выпустить в свет полный текст романа, без каких-либо купюр и сокращений. Реакция следует незамедлительно: против издательства возбуждается дело по обвинению в публикации непристойной литературы.

За этим судебным процессом следила вся страна. Суд вынес решение в пользу «Пингвин букс», и это имело важные последствия: была открыта дорога для издания в стране ранее запрещенных книг, таких, как «Улисс» Джойса, «Лолита» Набокова и многих других.

Здоровье Лоуренса между тем начинает резко ухудшаться. В 1929 году он едет в Германию, однако лечение в Баден-Бадене и на других курортах не дает результатов. Несмотря на все увеличивающуюся слабость, он много работает: в частности, пишет цикл из шестидесяти шести стихотворений, сложившихся в последний прижизненный поэтический сборник.

В январе 1930 года он почти не встает с постели, а 6 февраля по настоянию врачей его помещают в санаторий «Ад-Астра» в городке Вансе близ Ниццы. Однако состояние больного становится все хуже. 1 марта Фрида и близкие друзья Лоуренсов Олдос и Мария Хаксли перевезли его на виллу Робермон, а на другой день, в воскресенье, 2 марта 1930 года Лоуренс скончался, не дожив и до сорока пяти лет. 4 марта в присутствии немногих друзей и близких писатель был похоронен на городском кладбище в Вансе. Через пять лет тело Лоуренса было эксгумировано, кремировано, а пепел перевезен на ферму в Таосе, США, где третий муж Фриды, Анджело Равальи, соорудил небольшую усыпальницу, в которой и обрел вечный покой прах писателя. Фрида умерла в 1956 году в возрасте 77 лет, пережив Лоуренса на 26 лет, и похоронена рядом с его усыпальницей.

«Писатель на все времена» — так охарактеризовал Дэвида Герберта Лоуренса один из его современников, ибо «умное сердце» Лоуренса (по образному выражению его биографа Гарри Т. Мура) билось в унисон со всем человечеством, и это обеспечило ему бессмертие в сердцах не

только нынешних, но и многих грядущих поколений читателей. Эта книга, содержащая уникальную своей необычностью, современным звучанием и широтой взглядов «художественно-научную» прозу писателя, не может не вызвать живого интереса самого широкого круга российских читателей.

Валерий Чухно

Что касается порнографии в полном смысле этого слова, то даже я подвергал бы ее строжайшей цензуре. А распознать ее не составляет большого труда. Во-первых, настоящая порнография почти всегда нелегальна, она никогда не проявляет себя открыто. А, во-вторых, ее можно узнать по тому, что она во всех без исключения случаях оскорбительна — как для секса, так и для самого человека. Порнография — это попытка осквернить сексуальную природу человека, замарать ее грязью, и это — непростительное преступление

То, что для одного порнография, для другого — усмешка гения

Порнография и непристойность

Широкая публика, обладающая скорее коллективным слабоумием, чем коллективным разумом, не способна реагировать на что-либо индивидуальным образом...

Pornography and Obscenity

1929

Порнография и непристойность

На вопрос о том, что означают эти два слова, разные люди, естественно, ответят по-разному. То, что для одного порнография, для другого — усмешка гения.

Само слово «порнография», как объясняют нам словари, означает «имеющий отношение к продажным женщинам» или, в буквальном смысле, «описывающий продажных женщин». Но позвольте спросить, кого в наши дни можно считать продажными женщинами? Если тех, кто берет с мужчин деньги за согласие переспать с ними, то ведь большинство женщин, становясь женами, то есть вступая в законный брак, в сущности, продают себя своим мужьям. В то же время многие проститутки отдаются мужчинам просто так, по собственному желанию, не беря с них за это денег. Да и вообще, если в женщине не чувствуется хоть немного от распутницы, от соблазнительницы и блудницы, то такую женщину иначе, чем «сухой воблой», не назовешь. С другой стороны,

во многих проститутках кроются присущие большинству женщин порядочность и благородство. Так стоит ли быть педантом и ограничивать себя рамками предвзятых мнений? Судить обо всем, руководствуясь буквой закона,— неблагодарная и скучная вещь, тем более что законы, как правило, не отражают реальной жизни.

Та же самая история и со словом «непристойный»: никто вам толком не скажет, что под ним понимать. Предположим, оно происходит от слова *obscene*, означающего «то, что не может быть показано на сцене»[1] — разве много это вам объясняет? Думаю, не очень. То, что представляется непристойным Тому, в глазах Люси и Джо выглядит вполне приличным. Да и вообще, вопрос о том, что означает то или иное слово, решается большинством, и то не сразу, а по прошествии определенного времени. Если пьеса шокирует десять зрителей в зале, а остальные пятьсот находят ее безобидной, то это значит, что она непристойна для десяти и пристойна для пятисот, из чего, в свою очередь, следует, что пьесу, ввиду мнения большинства, нельзя считать непристойной. Шекспировский «Гамлет» шокировал аскетических пуритан во времена Кромвеля[2], тогда как сегодня он никого не шокирует, зато сегодня нас шокируют некоторые из пьес Аристофана[3], которые на греков, скорее всего, такого впечатления не производили.

Человек — изменчивое существо, и вместе с ним меняется значение слов. Многое сегодня воспринимается иначе, чем в прошлом, а многое попросту исчезает, преобразуясь в нечто иное. Если нам и кажется, что мы знаем, в каком мире живем, то это лишь потому, что перемены переносят нас

в преобразившийся мир столь стремительно и вместе с тем незаметно.

Мы вынуждены мириться с тем, что все в нашей жизни решается большинством, подавляющим большинством. Да, именно так: все в нашей жизни решает толпа, толпа и еще раз толпа. Уж она-то в точности знает, что пристойно, а что непристойно. Можете ли вы представить себе, чтобы десять миллионов человек из низших классов ошибались, а какие-то десять человек из высших классов были правы? Это же абсурд! Зачем, в таком случае, нужны были бы законы математики?! Так что давайте голосовать! Поднимем руки, подсчитаем голоса и тогда узнаем, в чем заключается истина. *Vox populi, vox Dei. Odi profanum vulgus! Profanum vulgus.*[4]

Сказанное сводится к следующему: если вы обращаетесь к толпе, то ваши слова будут пониматься только в том значении, какое вкладывает в них толпа, то есть в значении, установленном большинством. На этот счет один человек рас-

[1] Лоуренс не совсем точен: английское слово «obscene» («непристойный») происходит от латинского «obsc(a)enus», что значит «отвратительный, мерзкий». (Здесь и далее примечания переводчика.)

[2] *Оливер Кромвель* (1599—1658) — английский государственный деятель, лидер Английской буржуазной революции XVII в.

[3] *Аристофан* (ок. 445— ок. 385 до н. э.) — древнегреческий поэт и комедиограф.

[4] «*Vox populi, vox Dei. Odi profanum vulgus! Profanum vulgus*» (*лат.*) — глас народа — глас Божий. Презираю невежественную толпу! Да, невежественную толпу. (Первое изречение принадлежит римскому философу Сенеке, второе и третье — римскому поэту Горацию.)

сказал мне в письме, каким образом вопрос о непристойности решается американским законом, причем Америка собирается применять эту правовую норму на практике. А решается этот вопрос очень просто (и уверяю вас, дорогие читатели, что это не анекдот, а реальные факты — ведь толпе лучше знать, что пристойно, а что непристойно!). Так вот, согласно этому закону к крайне непристойным могут быть отнесены вполне безобидные и широко употребляемые слова — например, те, что рифмуются со словами «чудак» или «ручка». Причина вот в чем.

Предположим, типограф, набирая слово «чудак» или «ручка», допустит ошибку и поставит «м» вместо «ч» в первом случае и «с» вместо «р» во втором. В таком случае человек этот совершит, в глазах широкой американской общественности, непристойный, неприличный, даже разнузданный поступок, и набранный им текст будет квалифицирован как порнографический. А ведь с широкой общественностью не поспоришь, будь она хоть американской, хоть британской. *Vox populi, vox Dei*, знаете ли. А если не знаете, широкая общественность вам подскажет. В то же время этот самый *vox Dei* до небес превозносит кинокартины, книги и газетные публикации, которые даже такому закоренелому грешнику, как я, кажутся отвратительными и непристойными. Я вынужден, подобно истому пуританину или благочестивому ханже, воротить от них нос и стараюсь глядеть в другую сторону. Когда непристойность становится слащаво-приторной, чтобы облечься в приемлемые для публики формы, и когда *vox populi, vox Dei* становится сиплым от пронизывающей его сентиментальной скабрезности, мне ничего иного не остается, как уподобиться фарисею и держаться от всего этого

как можно дальше, чтобы не заразиться и не запятнаться. Липкий, зловонный деготь — вот что мне это напоминает, и меня не заставишь к этой мерзости прикоснуться.

Сказанное опять-таки сводится к тому, что перед каждым из вас рано или поздно возникнет дилемма: либо принять сторону большинства, сторону толпы, либо не делать этого; либо подчиниться мнению *vox populi, vox Dei*, либо заткнуть уши и не слышать его непристойного воя; либо корчить из себя шута на потеху широкой публике, *Deus ex machina*[5], либо отказываться кривляться перед нею — разве что изредка, чтобы подурачить или позлить этого неповоротливого, порочного монстра.

[5] *Deus ex machina* (*лат.*) — «бог из машины»: драматургический прием, применявшийся иногда в античной трагедии и заключавшийся в том, что запутанная интрига получала неожиданное разрешение во вмешательстве бога, который посредством механического приспособления (машины) появлялся среди действующих лиц, раскрывал неизвестные им обстоятельства и предсказывал дальнейший ход событий. Изобретателем приема deus ex machina в драматургии считается греческий поэт-драматург V в. до н. э. Еврипид. Его трагедии обнаруживали в человеческой психике такие противоречия, которые не могли разрешиться «катарсисом» (очищением), требовавшимся по правилам древнегреческого театра. Драматург нашел оригинальный выход: использовал механизмы с подъемным краном, при помощи которых в решающий момент «с небес» опускалось «божество» (актер, игравший роль определенного греческого бога или богини), разрешавшее все спорные вопросы или разъяснявшее все мотивы поведения трагических персонажей. В современной литературе это выражение означает неожиданное разрешение трудной ситуации, которое не вытекает из естественного хода событий, а является чем-то искусственным, вызванным извне. Примером применения этого приема в русской драматургии является сообщение о приезде настоящего ревизора в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

Когда вы задаетесь вопросом о значении какого-нибудь слова, пусть даже самого простого, не торопитесь с ответом. Потому что каждое слово имеет по меньшей мере два значения, относящиеся к абсолютно разным категориям. Первое из них — это такое значение, которое вкладывает в слово толпа, тогда как второе — это индивидуальное значение слова. Возьмем, например, обычное слово «хлеб». В понимании толпы это продукт, который выпекают из муки в форме буханки или булки, а потом едят.

А теперь возьмем индивидуальное значение этого слова: белый хлеб, серый хлеб, кукурузная лепешка, домашний хлеб, запах свежевыпеченного хлеба, хлебная корка, хлебные крошки, просфора[6], хлебы предложения[7], зарабатывать на хлеб, хлеб из кислого теста, деревенский каравай, французский длинный батон, венский хлеб, черный хлеб, вчерашний хлеб, ржаной хлеб, хлеб «Грэхем»[8], хлеб из ячменной муки, булочки к чаю, *brezeln*[9], *kringeln*[10], сдобные лепешки, пресные лепешки, маца...— и так далее до бесконечности. Пусть перечень этот далеко не полон, но его достаточно для

[6] *Просфора* (или просвира) (*библ.*) — круглый хлебец из пресного теста, употребляемый в христианских обрядах, например в обряде причащения.

[7] *Хлебы предложения* — двенадцать пресных хлебов, которые клались в святилище (месте отправления культов) перед лицом Божиим.

[8] *Хлеб «Грэхем»* — хлеб из непросеянной пшеничной муки грубого помола.

[9] *Brezeln* (*нем.*) — кренделя.

[10] *Kringeln* (*нем.*) — баранки.

того, чтобы мы могли убедиться, что даже такое простое слово, как «хлеб», обладает удивительным свойством раздвигать пределы времени и пространства и переносить нас по коридорам памяти в отдаленные времена и края. Ведь каждое из этих значений индивидуально, а потому каждый из нас как отдельная личность, как индивидуум, получает возможность совершать свое собственное путешествие в поисках нужного нам значения того или иного слова и в соответствии со своим собственным представлением об истинном значении этого слова. Ну а когда слово приходит к нам в своем индивидуальном обличье, находя в нашем сердце индивидуальный, свойственный только нам отзвук, мы испытываем настоящую, ни с чем не сравнимую радость.

Сочинители реклам в Америке прекрасно знают об этом, и самые блестящие образцы американской изящной словесности мы находим не где-нибудь, а в рекламах — например, в тех, что прославляют пенящиеся свойства нового мыла. Такие рекламы звучат чуть ли не как стихотворения в прозе. В них слово «пенящиеся» приобретает живые, игристые, индивидуальные оттенки, передаваемые искусно составленными и поэтично звучащими текстами. Во всяком случае, они звучат поэтично в восприятии тех, кто не замечает, что поэзия эта — на самом деле приманка, нацепленная на крючок.

Таким образом, бизнесу удается открывать индивидуальные, динамичные значения слов, тогда как поэзия утрачивает эту способность. Она все больше тяготеет к применению безжизненных, надуманных, притянутых за уши значений слов, и эти значения в конечном итоге оказываются теми, ко-

торые используются толпой, а значит, вызывают в индивидууме реакции, типичные для толпы. Ибо в каждом человеке сосуществуют два «я» — массовое «я» человека из толпы и индивидуальное «я» отдельной личности, причем соотношения этих двух «я» у разных людей различны. Некоторые почти целиком состоят из одного лишь массового «я», а потому не способны на индивидуальное, образное восприятие мира. Наиболее типичными носителями массового «я» являются люди, занимающиеся профессиональной деятельностью: юристы, преподаватели, священники и так далее. В то же время дельцы и разного рода предприниматели, которых принято поносить последними словами и которые внешне кажутся столь уверенными в себе, как если бы они были людьми с гипертрофированным массовым «я», на самом деле обладают живым, трепетным, а зачастую и легко ранимым индивидуальным «я».

Широкая публика, обладающая скорее коллективным слабоумием, чем коллективным разумом, не способна реагировать на что-либо индивидуальным образом, то есть реагировать, как индивидуум, ввиду чего манипулировать широкой публикой (или, что то же самое, общественным мнением) не представляет большого труда. Толпой манипулировали, манипулируют и всегда будут манипулировать, вот только методы манипулирования могут быть разными. Сегодня ее используют в качестве курицы, несущей золотые яйца[11].

[11] «*Курица, несущая золотые яйца*» (*перен.*) — источник легкого дохода. Смысл фразы состоит в том, что толпа дает себя обманывать, позволяя обогащаться за ее счет всяческим ловкачам и мошенникам.

Сбитая с толку мудреными словечками и индивидуальными значениями слов, толпа громко кудахчет, выражая таким образом свое согласие быть несушкой золотых яиц и впредь. Поистине *vox populi, vox Dei*. Так было во все времена, и так будет всегда, пока существует наш мир. Хотите знать, почему? Да потому, что у толпы не хватает ума, чтобы отличать массовые значения слов от индивидуальных. Толпа навсегда обречена оставаться стадом по той причине, что она не делает разницы между своими естественными чувствами и чувствами, внушаемыми ей теми, кто манипулирует ею и использует ее в своих целях. Толпа никогда не перестанет быть вульгарной и грубой, потому что ею руководят разного рода пройдохи извне, а не естественные, искренние порывы, исходящие изнутри. Толпа не может не быть непристойной, потому что своего мнения у нее никогда не было и не будет.

А это снова возвращает нас к разговору о порнографии и непристойности. Итак, реакция человека на любое слово может быть или массовой, как у толпы, или индивидуальной, как у мыслящей личности, и каждому из нас следует спросить у себя: а индивидуальна ли моя реакция на слова или же она подсказана сидящим во мне массовым «я»? Что касается так называемых непристойных слов, то вряд ли хотя бы одному человеку из миллиона удастся, услышав такое слово, избежать реакции, какую вызывает оно у толпы. Уверяю вас, первая ваша реакция почти наверняка будет массовой: такие слова толпу возмущают, такие слова толпа осуждает. Но дальше этого толпа не идет. А вот человек с индивидуальной реакцией этим не ограничится, а, поразмыслив, спро-

сит у себя: *так ли уж* я шокирован? *В самом ли деле* я испытываю негодование? *Столь ли* велик мой гнев? Ответ наверняка будет таков: нет, я совсем не шокирован, негодования я не испытываю и никакого гнева не чувствую; напротив, я хорошо знаю это слово и воспринимаю его таким, какое оно есть, а потому не собираюсь на потребу толпе делать из мухи слона, и никакие законы на свете не заставят меня думать иначе. И если какой-нибудь мужчина или какая-нибудь женщина, слыша так называемые неприличные слова (а их в языке не так уж и много), не станет спешить с негодованием, а, поразмыслив, сменит массовое мировосприятие на индивидуальное, то он или она от этого только выиграет. Ну а поскольку в основе массового сознания лежит ханжество, то, значит, и всем нам тоже не мешало бы призадуматься и покончить с ханжескими привычками.

До сих пор мы обсуждали в основном проблему непристойности, но вопрос с порнографией еще сложней и запутанней. Даже если человек сумел перейти от массового сознания к индивидуальному, у него все равно могут в глубине души оставаться сомнения, считать ли, например, творения Рабле порнографическими или нет. Он долго и мучительно будет гадать, как относиться к Аретино[12] или, скажем, к тому же Боккачо, и его будут терзать самые противоречивые чувства.

[12] *Пьетро Аретино* (1492—1556) — итальянский писатель эпохи Возрождения, автор язвительных политических памфлетов и сатирических комедий. Известен также своими «Непристойными сонетами» (1524).

Помнится, я вычитал в какой-то статье о порнографии, что это такой вид искусства, который призван вызывать у человека сексуальное желание или, что то же самое, сексуальное возбуждение. Главным при этом, подчеркивалось в статье, является вопрос о том, имел ли автор произведения — писатель либо художник — такое намерение или не имел. Снова этот старый, навязший в зубах вопрос о намерениях! А ведь сегодня он уже никого не волнует — мы теперь хорошо знаем, насколько сильными и неодолимыми бывают наши бессознательные намерения. Зачем вменять человеку в вину сознательные намерения и оправдывать намерения бессознательные — этого я не могу понять: ведь намерения у каждого из нас в основном бессознательные, а не сознательные. Я есть тем, чем я есть, а не тем, чем я себя считаю.

И все же большинство людей полагают, насколько я знаю, что порнография — это нечто низкое, грязное, отвратительное. Словом, люди относятся к ней отрицательно. А почему, хотелось бы знать? Не потому ли, в самом деле, что она возбуждает сексуальные чувства?

Думаю, дело не в этом. Как бы мы ни старались делать вид, что полностью равнодушны к сексу, большинство из нас вовсе не против умеренного сексуального возбуждения. Это нас согревает, это стимулирует нас, подобно проглянувшему в пасмурный день солнцу. Несмотря на почти два столетия пуританизма, люди не утратили интереса к интимной стороне жизни, хотя массовое сознание и свойственная толпе привычка осуждать любые проявления секса не позволяют нам открыто признавать это. Есть, конечно, на свете немало лю-

дей, у которых любые сексуальные побуждения, даже самые естественные, вызывают неподдельное отвращение. Но это, как правило, люди с психическими отклонениями, ненавидящие своих ближних, вечно всем недовольные, разочарованные, страдающие комплексом неполноценности, и таких людей, увы, наша цивилизация породила великое множество. Интересно отметить, что эти люди, как правило, втайне удовлетворяют себя какими-нибудь изощренными и ненормальными формами секса.

Даже искусствоведы с самыми, казалось бы, передовыми взглядами пытаются заставить нас поверить, будто любая картина или книга, которая «взывает» к нашим сексуальным чувствам, является *ipso facto*[13] плохой картиной или книгой. Но это же чистейшей воды ханжество. Ведь половина величайших мировых творений в области поэзии, живописи, музыки, прозы являются великими и прекрасными именно потому, что взывают к нашим сексуальным чувствам. Картины Тициана и полотна Ренуара, «Песнь Соломона»[14] и «Джейн Эйр»[15], «Энни Лори»[16] и оперы Моцарта — все они испол-

[13] *Ipso facto* (*лат.*) — в силу самого факта.

[14] Самая прекрасная из «Песни Песней Соломона», 22-й книги Ветхого Завета. В «Песни Соломона» воспевается самая чистая, самая совершенная любовь, к какой только может стремиться душа человека.

[15] *«Джейн Эйр»* — роман английской писательницы Шарлотты Бронте (1816—1855).

[16] *«Энни Лори»* — известная шотландская песня, посвященная реальной личности, аристократке Энни Лори (1682—1764), и написанная отвергнутым ею возлюбленным, Уильямом Дугласом. Музыку к песне написала леди Скотт в 1835 г.

нены высокого эстетизма и в то же время взывают к нашим сексуальным чувствам, сексуально нас стимулируют (называйте это как хотите). Даже Микеланджело, относившийся к сексу, можно сказать, отрицательно, счел необходимым наполнить свой «Рог изобилия» желудями фаллической формы. Секс является могучим, благотворным, необходимым для человека жизненным стимулом, и все мы испытываем светлую радость, когда его теплый, природный поток проходит сквозь нас, согревая нас подобно солнцу.

Таким образом, у нас есть все основания отвергнуть утверждение о том, будто наличие сексуального мотива в искусстве обязательно является признаком порнографии. Может быть, это и так для какого-нибудь серого пуританина, но пуритане — больные люди, больные физически и душевно, поэтому обращать внимание на их нелепые бредни нам, право, не стоит. Хотя, конечно, сексуальные мотивы бывают самые разные, и разновидностей этих мотивов и их отличий один от другого может быть бесконечное множество. Принято считать, что небольшая доза секса в произведении — это не порнография, тогда как большая — это уже порнография. Но это явное заблуждение. В самых откровенных эпизодах у Боккаччо я усматриваю меньше порнографии, чем, скажем, в «Памеле» или «Клариссе Харлоу»[17] или даже в «Джейн Эйр» — я уж не говорю о массе современных

[17] *«Памела, или Вознагражденная добродетель»* и *«Кларисса Харлоу»* — любовные романы английского писателя Сэмюэла Ричардсона (1689—1761), написанные в эпистолярной форме.

книг или кинофильмов, не подвергаемых никакой цензуре. В то же время «Тристан и Изольда» Вагнера[18], как мне кажется, очень близка к порнографии, точно так же как и некоторые из популярных христианских песнопений.

Так в чем же тут дело? Думаю, не в самих сексуальных мотивах и даже не в сознательных намерениях писателя или художника. Возможно, у Рабле такие намерения действительно были, да и у Боккаччо, скорее всего, тоже, хотя проявлялись они по-разному. С другой стороны, я уверен, что у бедной Шарлотты Бронте или у романистки, написавшей «Шейх», и в мыслях не было возбуждать сексуальные чувства читателей. Тем не менее «Джейн Эйр», на мой взгляд, очень близко граничит с порнографией, тогда как вещи Боккаччо кажутся мне нравственно здоровыми и освежающими.

Недавно ушедший в отставку министр внутренних дел Великобритании, человек во всех отношениях серый, но гордящийся тем, что всегда был и остается последовательным пуританином, не так давно разразился возмущенной статьей по поводу «непристойных» книг и среди прочего написал следующее, причем тон его слов был скорбным и в то же время негодующим:

«...и эти юноша и девушка, которые были абсолютно чисты до тех пор, после прочтения этой книги взяли и вступили в половое сношение!!!»

[18] Опера «Тристан и Изольда» немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813—1883) написана по мотивам французского рыцарского романа о трагической любви рыцаря Тристана и жены корнуэльского короля Изольды.

Ну и слава богу! — вот и все, что мы можем сказать. Но этот серый Страж Британской Морали, по всей видимости, считал, что было бы гораздо лучше для этих молодых людей, если бы они вместо акта любви убили друг друга или довели себя до полного нервного истощения. Такова она, серая болезнь пуритан!

Так что же такое, в конце концов, порнография? Во всяком случае, не взывание к нашим сексуальным желаниям и не побуждение к сексуальной активности средствами искусства. Это даже не предумышленное намерение художника пробуждать или возбуждать сексуальные чувства. В самих сексуальных чувствах нет ничего дурного, коль скоро они проявляются нормальным, а не извращенным, противоестественным образом. Здоровый сексуальный стимул в каждодневной человеческой жизни и необходим и полезен. Без этого мир стал бы скучным и серым. Я бы каждому давал читать озорные, жизнерадостные истории периода Возрождения: это помогало бы людям сбрасывать с себя личину серого чванства — болезни, столь широко поразившей нашу современную цивилизацию.

Что же касается порнографии в полном смысле этого слова, то даже я подвергал бы ее строжайшей цензуре. А распознать ее не составляет большого труда. Во-первых, настоящая порнография почти всегда нелегальна, она никогда не проявляет себя открыто. А во-вторых, ее можно узнать по тому, что она во всех без исключения случаях оскорбительна — как для секса, так и для самого человека.

Порнография — это попытка осквернить сексуальную природу человека, замарать ее грязью, а это непроститель-

ное преступление. Возьмем, к примеру, такое отвратительное явление, как распространенная в большинстве городов торговля порнографическими открытками из-под полы. Те, которые попадались мне на глаза, были столь омерзительны, что, когда я смотрел на них, мне просто хотелось плакать. Какое оскорбление для человеческого тела, какая вульгаризация такой важной сферы, как человеческие отношения! Нагота на этих открытках выглядела отталкивающей и вместе с тем жалкой, а половой акт — унизительным и уродливым. Да, именно так — не актом любви, а грязным, мерзким, постыдным актом спаривания.

То же самое можно сказать и о продаваемых из-под полы книгах. Они или столь отвратительны, что при чтении вызывают тошноту, или настолько глупы, что читать их могут только полные идиоты, а писать — одни лишь кретины.

В равной степени это относится и к непристойным лимерикам[19], которые принято декламировать после обеда, или к пошлым анекдотам, которые коммивояжеры рассказы-

[19] *Лимерик* (по названию города Лимерик в Ирландии) — короткое шуточное стихотворение легкомысленного, абсурдного, а иногда и игриво-эротического содержания, обязательно состоящее из пяти строк, где первая и вторая строки рифмуются с пятой, а третья и четвертая — между собой. Жанр лимерика родился в Англии и популярен в англоязычных странах, а с некоторых пор — и во всем мире. Пример лимерика:

Как-то́ раз баритон из Гаваны
Поскользнулся на корке банана.
Он полгода лечился,
Снова в строй возвратился,
Но не как баритон — как сопрано. (Перевод *В. Чухно*.)

вают друг другу в курительной комнате. Иногда среди них можно услышать действительно остроумные, и это во многом оправдывает рассказчика, но, как правило, в них, кроме грязи и пошлости, ничего нет, а так называемый «юмор» заключается в одних лишь откровенных сексуальных подробностях.

По правде сказать, нагота многих наших современников и в самом деле выглядит жалкой и отталкивающей, а половой акт между многими современными мужчинами и женщинами действительно унизителен и уродлив. И мы никак не можем этим гордиться. Это не что иное, как одно из свидетельств упадка нашей цивилизации. Я уверен, что никакая другая цивилизация, даже древнеримская, не могла «похвастаться» столь высоким процентом людей, чья нагота выглядела бы такой же ничтожной и жалкой и чей секс был бы таким же уродливым, убогим и грязным. Ибо ни в какой другой цивилизации секс не оказывался на самом дне общества, а нагота — на стенках общественных туалетов.

Наиболее разумная часть молодежи, слава богу, понимает это и полна решимости изменить положение вещей и в том, и в другом отношении. Она старается уберечь свою юную красоту, вызволяя ее из удушливого, порнографического подземного мира, созданного старшими поколениями, и она не хочет относиться к сексуальным отношениям как к чему-то постыдному и запретному. Эту перемену в молодежи старики, приверженные серому мышлению, естественно, осуждают, хотя на самом деле это великая перемена к лучшему; это настоящая революция.

Меня не перестает удивлять эта непреодолимая готовность рядового человека из толпы делать из секса грязь. В молодости я долгое время жил в плену заблуждения, будто у здоровых на вид, внешне нормальных людей, которых встречаешь повсюду — в поездах, курилках гостиниц или спальных вагонов,— такие же нормальные чувства и здоровое, хотя, возможно, и грубовато-легкомысленное, отношение к сексу. Увы, это не так! Далеко не так! Опыт показывает, что обычные, заурядные люди подобного рода проявляют оскорбительное отношение к сексу, невероятное к нему презрение, отвратительное желание его оскорбить. Если один из таких, с позволения сказать, индивидов имел половое сношение с женщиной, он обязательно преисполняется торжествующим чувством, что тем самым он облил ее грязью и она теперь стала еще ничтожнее, еще продажнее, еще презреннее, чем была до тех пор.

Именно такие субъекты рассказывают сальные анекдоты, носят с собой грязные снимки и читают непристойные книги. Это представители многочисленного порнографического класса, состоящего из обычных простолюдинов, из мужчин и женщин с улицы. Эти люди относятся к сексу с такой же ненавистью, с таким же презрением, как и самые закоренелые из серых пуритан, но, когда так называемое общественное мнение взывает к их нравственности, они всегда на стороне ангелов. Именно они убеждены в том, что киногероини должны быть бесполыми, пресными существами с застиранной до бесцветности чистотой. Именно они убеждены в том, что сексуальные чувства проявляют одни лишь злодеи и негодяи, что это и есть самая низкая похоть. В их глазах Тициан и Ренуар до крайности неприличны и непри-

стойны, а потому они не хотят, чтобы их жены и дочери видели картины этих художников.

Хотите знать, почему? Да потому что они больны серой болезнью лютой ненависти к сексу, усугубленной желтой болезнью вожделенного обожания грязи. Половые и фекальные функции в человеческом организме отправляются в непосредственной близости друг от друга, но в то же время, если можно так выразиться, совершенно различны по своему направлению. Функция сексуального потока — созидание и жизнь, тогда как функция фекального потока диаметрально противоположна — уничтожение, распад, разложение. Человек со здоровой психикой воспринимает это различие как нечто естественное, и понимание противоположной роли этих двух потоков — один из самых главных и глубоких наших инстинктов.

Но у деградирующей личности этот инстинкт, как и другие основные инстинкты, утрачен, а потому оба потока в ее восприятии идентичны. В этом ключ к пониманию поведения вульгарной толпы, в этом разгадка психологии порнографической публики: сексуальный поток и фекальный поток кажутся им одним и тем же потоком. Такое случается с теми, чья душа гибнет, а основополагающие, врожденные инстинкты отмирают. Тогда секс становится для них грязью, а грязь становится сексом. Тогда половое возбуждение превращается для них в желание побарахтаться в грязи, а любые признаки сексуальности в женщине воспринимаются как проявление ее грязной природы. В этом и заключается суть вульгарных людей из толпы, людей с улицы, и имя им леги-

он[20]. Их голоса заглушают любые другие, потому что их голоса — это *vox populi, vox Dei*. В этом и заключается источник всей порнографии.

Именно поэтому мы можем утверждать, что Бронте с ее «Джейн Эйр» или Вагнер с его «Тристаном и Изольдой» гораздо ближе к порнографии, чем Боккаччо. И для Вагнера, и для Шарлотты Бронте было присуще то мировоззрение — а в соответствии с ним и то душевное состояние,— когда самые прочные из инстинктов ослабевают и секс воспринимается как нечто слегка непристойное, то есть как нечто такое, чему предаются, но тем не менее презирают. Чувственное влечение мистера Рочестера к Джейн Эйр до тех пор остается «нереспектабельным», пока он не получает ожогов, не слепнет и не становится калекой, беспомощным и во всем зависимым от других. Только тогда, полностью униженная и оскорбленная, его страсть получает номинальное право быть признанной. Что же касается всех предшествующих любовных сцен, целомудрие которых приятно возбуждало читателя, то они после такого финала кажутся до некоторой степени непристойными.

То же самое относится и к «Памеле», и к «Мельнице на Флоссе»[21], и к «Анне Карениной». Если произведение воз-

20 Несколько измененная фраза из Библии: «И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много» (Марк, 5.9).

21 *«Мельница на Флоссе»* (1860) — роман английской писательницы Мэри Энн Эванс (1819—1880), писавшей под псевдонимом Джордж Элиот.

буждает сексуальные чувства, но лишь для того, чтобы насмеяться над ними, унизить их, поддать их презрению, то это уже признак того, что в произведении присутствуют элементы порнографии.

По той же самой причине можно без преувеличения утверждать, что элементы порнографии присутствуют почти во всей литературе XIX столетия и очень многие из так называемых «нравственно безупречных» людей того времени обладали чертами, которые иначе, чем порнографическими, не назовешь. Но никогда ранее порнографические аппетиты не разгорались до такой степени, как сегодня. Это несомненный признак болезненного состояния нашего общества, и единственное лекарство от этой болезни — говорить о сексе и о том, что его стимулирует, открыто, без обиняков и недомолвок.

Человек с порнографическим взглядом на мир терпеть не может Боккаччо, потому что свежая, здоровая непосредственность великого итальянского гения заставляет современного порнографического пигмея почувствовать себя грязным, извивающимся червем, каковым он, собственно, и есть. Именно поэтому я давал бы сегодня читать Боккаччо всем, от мала до велика, было бы только у них желание.

В наше время, когда общество погрязло в трясине тайной и полулегальной порнографии, панацеей от этого зла может служить лишь безыскусственная, здоровая откровенность в вопросах секса. И, возможно, истории, поведанные рассказчиками периода Возрождения, такими, как Боккаччо,

Ласка[22] и другие, были бы наилучшим противоядием как от порнографии, так и от тех опасных для психического здоровья псевдолекарств, «исцеляющих душевные раны», которые навязывают нам пуритане.

Вопрос о порнографии, на мой взгляд, сводится к вопросу о секретности. Без секретности и скрытности не было бы и порнографии. Но скрытность и скромность — далеко не то же самое. В скрытности и секретности обязательно кроется элемент страха, зачастую граничащего с ненавистью. Скромность же всегда кротка и сдержанна. В наши дни скромность сбрасывают с себя, как ненужную одежду,— сбрасывают даже в присутствии серых стражей нравственности. Зато секретность, хотя она сама по себе и порок, нынче в большом фаворе. Позиция серых блюстителей морали в этом отношении такова: «Милые барышни, можете полностью забыть о скромности, но ни в коем случае не забывайте, что свой маленький грязный секрет вы должны держать под замком!»

[22] *Ласка* — прозвище итальянского писателя Антона Франческо Граццини (1503—1584), полученное им за его задиристый характер. («Ласка» в переводе с итальянского означает «плотва», а эта рыбка известна среди рыбаков своим боевым характером.) Перу Граццини принадлежит, среди прочих произведений, сборник 22 комических новелл «Вечерние трапезы». Новеллы рассказываются от лица молодых людей, которые собираются вместе во время карнавала в течение трех вечеров. Написаны новеллы живым разговорным языком и рисуют реальный быт Флоренции XVI в. Граццини подражал Джованни Боккачно, хотя его стиль грубоват и несколько тяжеловесен. Лоуренс перевел на английский язык одну из новелл, «Историю доктора Маненте».

Такого рода «маленькие грязные секреты» стали сегодня просто-таки бесценными для людей из толпы. Это нечто вроде скрытых ссадин или нарывов, которые, когда их раздражаешь или почесываешь, вызывают острое и восхитительно приятное ощущение. И вот эти маленькие грязные секреты, эти ссадины и нарывы, люди раздражают и почесывают все чаще и чаще, и они все более воспаляются, так что нервная система и психическое здоровье людей все более портятся. Можно без преувеличения сказать, что сегодня по меньшей мере половина любовных романов и фильмов о любви становятся популярными именно благодаря этому тайному «почесыванию» зудящих маленьких грязных секретов. Можете назвать это сексуальным возбуждением, если хотите, но это сексуальное возбуждение особого рода — его испытывают лишь втайне от всех и им наслаждаются только украдкой. А вот при чтении рассказов Боккаччо возникает иного рода чувственное волнение — простое и естественное, открытое и здоровое,— и оно не имеет ничего общего с возбуждением, испытываемым тайком и вызываемым почесыванием маленьких грязных секретов. Именно такое возбуждение ищут в современных бестселлерах. Это вороватое, производимое исподтишка, скрытое от людских глаз почесывание воспаленных участков воображения есть квинтэссенция современной порнографии, и явление это отвратительно и очень опасно.

Выявить, а тем более разоблачить порнографию не так-то легко — и как раз потому, что она действует украдкой, трусливо и крайне изобретательно. Этим и объясняется по-

пулярность современных любовных романов в дешевых обложках и душещипательных кинокартин о любви, и даже бдительные стражи нравственности отзываются о них с одобрением. Удивляться тут нечему: хитро замаскированное, щекочущее нервы возбуждение, которое вы получаете как зритель или читатель, скрыто под изысканным, белоснежным нижним бельем, причем вы не слышите ни единого грубого или нецензурного слова, которое предупредило бы вас о том, что происходит на самом деле.

Итак, мы убедились, что без секретности, скрытности порнография не могла бы существовать. Но если порнографию порождает трусливая скрытность, то что же порождает сама порнография? Каково ее воздействие на человека?

Воздействие это многообразно и во всех случаях пагубно. Причем по крайней мере одно из последствий этого воздействия неизбежно. Нынешняя порнография — то ли это порнография магазинчиков с резиновыми товарами, то ли это порнография популярных романов, фильмов и пьес, неминуемо приводит к такому пороку, как самоудовлетворение, онанизм, мастурбация, или называйте это как хотите. Молодые ли это люди или старые, женщины или мужчины, юноши или девушки, но современная порнография провоцирует всех их на мастурбацию. А иначе и быть не может. Ведь когда наши серые стражи морали причитают насчет того, что какой-то там молодой человек вступил в половую связь с какой-то девушкой, они на самом деле выражают свое недовольство тем, что эти молодые люди не разошлись в разные стороны и не стали мастурбировать в одиночку. Секс всегда должен находить себе какой-то выход, особенно если речь идет о мо-

лодых людях. И вот в условиях нашей славной цивилизации он находит себе выход в мастурбации. Весь поток популярной литературы, вся индустрия массовых развлечений направлены главным образом на провоцирование мастурбации. Мастурбация — это самое тайное, самое интимное, самое скрываемое из отправлений человеческого организма, даже более интимное, чем отправление естественных надобностей. В этом и заключается главный результат — и психологический и физиологический — всей этой секретности вокруг секса, и провоцируется он нашей замечательной литературой с ее замаскированной порнографией, приятно щекочущей наши маленькие грязные секреты, хотя мы и не подозреваем об этом.

Мне приходилось слышать, что некоторые учителя и священники даже одобряют мастурбацию, видя в ней решение иначе не разрешимой сексуальной проблемы. Ну что ж, это, по крайней мере, честно с их стороны. Сексуальная проблема действительно существует, и от нее так просто не отмахнешься. Она существует, но, находясь за семью печатями табу и запретов, ревностно соблюдаемых отцами и матерями, учителями и соседями, друзьями и недругами, она находит свое собственное решение, и решение это — мастурбация.

Что мы можем сказать об этом решении? Принимаем ли мы его? Принимают ли его все эти серые ревнители нравственности и морали? Если принимают, то должны заявить открыто об этом. Никто из нас больше не должен делать вид, будто не замечает, что мастурбацией занимаются все — и старые и молодые, и мужчины и женщины. Стражи мора-

ли, готовые подвергать цензуре любое открытое, честное проявление и изображение секса, должны наконец признать, что оправдать свое поведение они могут лишь единственным образом: «Нам больше по нраву, чтобы люди занимались мастурбацией вместо секса». Если бы они открыто заявили об этом, тогда существующие формы цензуры были бы хоть как-то оправданны. Коль скоро стражам морали действительно больше по вкусу, чтобы люди мастурбировали, а не занимались сексом, то все предпринимаемые ими меры правильны и индустрия массовых развлечений должна оставаться такой, какой она есть. В самом деле: если половые сношения — смертный грех, а мастурбация по сравнению с ними чиста и безвредна, то, значит, все хорошо и ничего изменять не нужно.

Но так ли уж безобидна мастурбация, как пытаются нас уверить? Действительно ли она чиста и безвредна по сравнению с сексом? Нет, я так не думаю. Конечно, мастурбирование в молодости — вещь неизбежная, но вряд ли естественная. Думаю, мало кто из юношей или девушек занимается мастурбацией без чувства вины, досады и душевной опустошенности. Вслед за возбуждением приходит стыд, раздражение, униженность и пустота. Ощущение униженности и пустоты с годами усиливается, переходя во все растущий гнев на самого себя из-за неспособности отказаться от вредной привычки. В том-то и беда, что мастурбация, если к ней пристрастишься, превращается в привычку, от которой избавиться практически невозможно. Она крепко держит человека в объятиях и не исчезает до самой старости, даже если человек этот успешно женат или имеет любовные связи.

И эта привычка всегда будет порождать у него все то же чувство опустошенности и униженности, униженности и опустошенности. Возможно, это величайшее из зол нашей цивилизации. Так что мастурбация — далеко не безобидная и безвредная слабость, а, пожалуй, самый опасный сексуальный порок из всех, когда-либо поражавших человечество. Вот вам и безобидная и безвредная слабость!!!

Мастурбация опасна главным образом тем, что она изнуряет человека. В половом акте каждый из партнеров что-то отдает, а что-то получает взамен. Первоначальный побудительный импульс уходит, зато приходит новый побудительный импульс. Происходит разрядка избыточной старой энергии, зато идет подзарядка новой энергией. И это относится к любого рода половым отношениям, в которых участвуют двое,— даже к гомосексуальным. Но в случае мастурбации никаких приобретений нет, а есть одни лишь потери. Никакого взаимообмена при мастурбации нет, а есть лишь определенный расход энергии — без всякого возмещения. В ходе акта самоудовлетворения организм в каком-то смысле функционирует как труп. С ним не происходит никаких изменений, а лишь одно омертвение,— то, что принято называть невосполнимым расходом жизненных сил. Но в половом контакте, в котором участвуют двое, такое попросту невозможно. Партнеры по сексу могут даже убить друг друга, однако нулевого результата, как при мастурбации, у них никогда не будет.

Единственным положительным эффектом от мастурбации можно было бы считать высвобождение у некоторых

людей определенного рода психической энергии. Но это такая психическая энергия, которая проявляет себя одним лишь негативным образом, пробуждая у человека болезненную склонность все и вся подвергать сомнению или беспочвенной, мелочной критике либо впадать в другую крайность — преисполняться ко всему и вся неуемным, лицемерным сочувствием и впадать в слезливую сентиментальность. Сентиментальность и болезненная склонность к излишне придирчивому анализу, а часто и к самоанализу, столь характерные для нашей современной литературы, являются признаками этого повального увлечения самоудовлетворением. Именно так проявляет себя мастурбация, именно таковой является сознательная реакция человека, провоцируемая мастурбацией, независимо от того, мужчина ли это или женщина. Наиболее характерной чертой такого сознания является то, что оно сконцентрировано не на объекте, а на субъекте. Это относится как к литературным произведениям, таким, например, как романы, так и к научным трудам. Авторы и тех и других не в состоянии выйти за пределы своего «я», они неустанно ходят по порочному кругу, в центре которого их собственная бесценная личность. Вряд ли можно назвать хотя бы одного из живущих ныне писателей, кто был бы в состоянии выйти за пределы этого порочного круга. В равной степени это относится и к художникам. Отсюда крайне низкий художественный уровень создаваемых ими творений, зато чудовищная плодовитость. В сущности, это не что иное, как упоенность самим собой, воспеваемая на потребу широкой публике. Вот к чему приводит мастурбация и порождаемый ею порочный круг всепоглощающего интереса к своей особе.

И конечно же, это пристрастие оказывает изнуряющее воздействие на человека. По-настоящему мастурбация стала практиковаться англичанами только в XIX веке. Явление это быстро распространялось, приводя ко все большему истощению жизненной энергии у людей, к постепенной утрате ими своей человеческой сущности, так что к настоящему времени от большинства людей осталась одна лишь наружная оболочка. Внешние реакции на окружающий мир у них почти целиком отсутствуют, острота восприятия крайне понижена, созидательная активность большей частью угасла, и все, что осталось от них,— это нечто вроде скорлупы, наполовину заполненной существом, полностью поглощенным собой и неспособным ни брать, ни давать. Да, эти люди неспособны ни брать у других, ни давать другим, ибо существуют только ради самих себя. Вот вам последствия мастурбации, вот вам налицо ее результаты. Заключенная в порочный круг, ограниченный собственным «я», потеряв почти всякие контакты с окружающим миром, современная личность становится все более и более полой, превращаясь в ничто, в полный нуль.

Но во что бы она ни превратилась, эта современная личность,— то ли в ничто, то ли в полный нуль,— она все равно будет крепко держаться за свой маленький грязный секрет, чтобы незаметно, украдкой раздражать его и почесывать. Все тот же порочный круг со своими непостижимыми, слепыми законами.

Один из наиболее благосклонных ко мне критиков однажды написал на мой счет: «Если бы общество заняло по

отношению к сексу позицию мистера Лоуренса, тогда из нашей жизни исчезли бы две вещи — любовная лирика и анекдоты в курилках». Что ж, возможно, в его словах и есть доля истины. Правда, все зависит от того, что́ именно подразумевается под любовной лирикой. Если он имеет в виду шедевры, наподобие, скажем, такого: «Ах, кто же она, моя Сильвия, и чего мне ждать от нее?», то, ради бога, пусть тогда исчезает любовная лирика. Вся эта «чистая», «благородная», «освященная Небом» белиберда — чем она лучше «анекдотов в курилках»? Да ничем — я лично не вижу никакой разницы. "*Du bist wie eine Blume!*" Jawohl![23] Так и представляешь себе пожилого почтенного господина, который, положив руку на голову юной, целомудренной девы, молит Господа Бога о том, чтобы она всегда оставалась такой же чистой, целомудренной и прекрасной. Очень, конечно, трогательно! А на мой взгляд, чистейшей воды порнография!

Воздев глаза к небу в молитве, этот почтенный господин щекочет втайне свой маленький грязный секрет. Ведь он отлично знает, что если Господь Бог сохранит эту юную деву столь же чистой и целомудренной еще в течение нескольких лет (чистой и целомудренной, разумеется, в далеко не чистом понимании этого почтенного господина), то она превратится в несчастную, жалкую старую деву, утратившую прелесть юности и красоты. Так что сентиментальность всегда была и будет верным спутником порнографии. Почему, спрашивается, при виде «прекрасной и чистой девы» сердце нашего старого господина «пронзает стрела печали»? Нормальный человек, то есть не мастурбатор, видя перед собой

красивую юную девушку, подумал бы, радуясь за нее: «Ну и повезет же тому, кому достанется такая невеста!» Так подумал бы нормальный человек, но не сосредоточенный на своей личности, порнографически ориентированный мастурбатор. Его непристойное сердце, видите ли, «пронзает стрела печали», когда перед ним «прекрасная и чистая дева». Не надо нам такого рода любовной лирики, мы уже и так достаточно отравлены этим порнографическим ядом, мы уже и так навидались этих почтенных господ, воздевающих глаза к небу и в то же время щекочущих где-то там, в глубине, свой маленький грязный секрет.

Но что касается настоящей любовной лирики («Моя любовь подобна красной-красной розе...»[24]), то картина становится совершенно иной. Моя любовь может быть «подобна красной-красной розе» только в том случае, если она *не* подобна «белой-белой лилии». А ведь именно «белыми-белыми лилиями» терзает нашу душу любовная лирика сегодня. Сыты мы по горло этими лилиями и этой лирикой! Пропади она пропадом, эта лирика белых-пребелых лилий вместе с анекдотами из курилок! Ибо между ними нет ни малейшей разницы: лилейная лирика — такая же порнография, как и анекдоты курильщиков. *Du bist wie eine Blume* — такая

[23] «"*Du bist wie eine Blume!*" *Jawohl!*» (*нем.*) — «"Ты подобна цветку!" Ну да, разумеется!»

[24] Первая строчка (в переводе *В. Чухно*) стихотворения «Красная-красная роза» великого шотландского поэта Роберта Бернса (1759—1796).

же порнография, как и самые грязные анекдоты, то же почесывание маленьких грязных секретов, то же воздевание глаз к небу. Ах, боже ты мой, если бы Роберта Бернса принимали таким, каким он есть на самом деле, тогда любовь могла бы еще оставаться «красной-красной розой».

Порочный круг, все тот же порочный круг! Порочный круг мастурбации. Порочный круг сознания, сосредоточенного на своем «я», сознания, которое не является в полном смысле сознанием, ибо не сознает себя открыто и до конца, а только и занято тем, что бередит свои маленькие грязные секреты. Порочный круг постоянной скрытности и секретности как со стороны родителей, так и со стороны учителей и друзей — да, в общем-то, с любой стороны. Но, пожалуй, самое главное — порочный круг семьи. И чудовищный заговор секретности со стороны прессы с сопутствующим ему беспрерывным почесыванием и поглаживанием маленьких грязных секретов. Беспрерывная, бессмысленная мастурбация — и бесконечная целомудренность и незапятнанная чистота! Порочный, замкнутый круг!

Но есть ли из него выход? Есть, и только один: навсегда покончить с закрытостью! Полностью отвергнуть секретность! Ибо единственный способ прекратить тот ужасный внутренний зуд, причина которого кроется в тайной одержимости сексом,— это сделать сексуальную тему открытой, говорить о сексе естественно, просто и откровенно. Задача, конечно, не из простых: от привычки к секретности избавиться труднее всего. Но самое основное — начать. Сумев сказать своей подрастающей и надоедливо проказливой дочери: «Девочка моя, единственный раз, когда благодаря те-

бе я получил удовольствие, был в тот момент, когда мы с твоей мамой зачинали тебя», вы сделаете первый шаг на трудном пути к достижению главной цели — освободить и себя и дочь от маленьких грязных секретов.

Как же все-таки избавиться от этих маленьких грязных секретов? Ведь для нас, современных людей, привыкших к скрытности с самого детства, сделать это почти невозможно. На одних лишь теоретических рассуждениях и научном подходе, вроде тех, что предлагает нам доктор Мари Стоупс[25], далеко не уедешь. Хотя, конечно, вдаваться в научные рассуждения вслед за доктором Мари Стоупс — это все-таки лучше, чем быть такими же лицемерами и ханжами, как серые стражи морали. Пользуясь научным подходом и вдаваясь в серьезные рассуждения, мы можем лишь дезинфицировать маленькие грязные секреты. Излишняя серьезность и умствование в этом вопросе либо полностью убивают секс, либо превращают его в жалкий дезинфицированный секрет. «Свободная, чистая», но несчастная любовь у столь многих людей, извлекших наружу свой маленький грязный секрет и подвергших его основательной дезинфекции с помощью умных, научных слов, кажется даже более жалкой, чем обычная любовь с ее маленькими грязными тайнами. В томто и беда, что, убивая свою маленькую грязную тайну, вы убиваете вместе с ней и живой, динамичный секс, получая

[25] *Мари Стоупс* (1880—1958) — ботаник по специальности, активная сторонница регулирования рождаемости и применения противозачаточных средств; открыла в 1921 г. первую в Великобритании клинику по контролю рождаемости.

взамен работающий по научным законам и отлично налаженный механизм.

Вот что случается с теми, кто стал слишком «свободным» в сексе, кто всерьез поверил в «чистую, свободную» любовь. Эти люди делают секс до того рассудочным, что он перестает быть сексом как таковым, превращаясь в нечто вроде абстрактного, происходящего лишь в мозгу действа. И в каждом случае это непременно заканчивается бедой.

Сказанное также относится (пожалуй, даже в еще большей степени) к эмансипированной богеме — а ведь сегодня к богемному племени принадлежат очень многие молодые люди, хотя вряд ли кто-нибудь из них хоть раз побывал в Богемии[26]. Все они исповедуют так называемую «свободную любовь», то есть полную свободу в сексе. Маленький грязный секрет — уже не секрет ни для богемного юноши, ни для богемной девушки. Напротив, они шокируют своей откровенностью в этих вопросах. Для них не существует запретных тем: они открыто говорят обо всем. И их поведение также отличается полной свободой.

Ну и что из этого следует? Даже если им и удалось уничтожить маленький грязный секрет, они при этом умудрились уничтожить и все остальное. Кроме того, прилипшая грязь все равно никуда не делась, секс все равно остается грязным. Единственное, что исчезло бесследно,— так это приятное возбуждение от секретности. Отсюда ужасающая тусклость и унылость богемной жизни, отсюда депрессия и внутренняя

[26] *Богемия* — устаревшее название Чехии.

опустошенность молодых людей из богемы. Они полагают, что покончили с маленькими грязными секретами. Приятное возбуждение от секретности — вот с чем они покончили. Зато часть грязи осталась. И добавились депрессия, безразличие, отсутствие интереса к жизни. Ибо секс, этот генератор нашей активной жизни, в их случае ничего уже не генерирует.

Почему это происходит? По двум причинам. Возможно, идеалистам, рассуждающим подобно доктору Мари Стоупс, и современным богемным молодым людям действительно удалось убить свои маленькие грязные секреты, но каждый из них сделал это в пределах своего «я», и не более. В то же время все мы живем в обществе, где господствует культ возвышенной чистоты и сопутствующих ей маленьких грязных секретов. Под власть этого культа подпало все — и общественная жизнь, и пресса, и литература, и кино, и театр, и радио. Даже дома, за обеденным столом, мы не можем чувствовать себя свободными от него. От него никуда не деться. Юная девушка и молодая женщина, согласно общепринятым ныне канонам, должны быть чисты, целомудренны и бесполы. *Du bist wie eine Blume.* Но та, «что подобна цветку», прекрасно знает, бедняжка, что у всех цветов, даже лилий, есть пьянящие желтые пыльники в верхней части тычинок и липкие рыльца на пестиках, а ведь это не что иное, как секс, настоящий секс. Тем не менее принято считать, что цветы — творения бесполые, и, когда девушке говорят, что она подобна цветку, это означает, что она существо бесполое и должна оставаться бесполой. Она-то прекрасно знает, что

она далеко не беспола и в этом смысле совсем не подобна цветку, но как противостоять всесильному общественному мнению, которое ей навязывают?! Она этого сделать не может, она подчиняется, и тут-то с торжествующим видом появляется маленький грязный секрет. Девушка теряет интерес к сексу, по крайней мере к сексу с мужчинами, и попадает в порочный круг мастурбации и преувеличенного интереса к своей особе, становится замкнутой и застенчивой.

Это одна из самых больших бед нынешней молодежи. Многие молодые люди — можно даже сказать, большинство — и в личном поведении, и в общении со своими сверстниками сумели преодолеть закрытость в отношении секса, прищемили хвост маленькому грязному секрету, и это нужно только приветствовать. Однако в публичной, общественной жизни молодежь по-прежнему остается в серой тени, в которую всех нас погрузили серые стражи морали. Это люди прошлого века, века евнухов, века сладкоречивой лжи, века, старавшегося убить человеческое в человеке,— все наши серые моралисты достались нам из славного девятнадцатого века. И они правят нами. Они правят нами с помощью серой, сладкоречивой, ханжеской лжи, взятой ими с собой из того великого столетия лжи, от которого, слава богу, мы отдаляемся все дальше и дальше. Но они продолжают править

[27] Для создания саркастического эффекта Лоуренс сознательно придает своим словам форму, напоминающую знаменитую фразу из Геттисбергской речи американского президента Авраама Линкольна: «...правительство по воле иарода, от имени народа и во имя иарода» (перевод *В. Чухно*).

нами с помощью лжи, ради лжи и во имя лжи[27]. И они слишком неповоротливы, слишком многочисленны, эти серые наши правители. Дело даже не в том, какое у нас в данный момент правительство. Все они серые как на подбор, и все перекочевали в наш век из прошлого века — века сладкоречивых лжецов, незапятнанной чистоты, целомудрия и маленьких грязных секретов.

Господство в нашем обществе сладкоречивой лжи и целомудренной чистоты, всегда сочетающейся с маленькими грязными секретами,— это и есть одна из причин депрессии и пустоты, испытываемой молодежью. Правда, многим молодым людям удается справиться с маленькими грязными секретами и сопутствующими им ложью и лицемерием, но только в частной, приватной жизни, а в целом молодое поколение по-прежнему находится в путах великой лжи, навязываемой обществу серыми стражами нравственности. Отсюда и реакция молодежи: вызывающее поведение, беспорядочный образ жизни, истеричность, на смену которым всегда приходит расслабленность, бессилие и достойные сожаления безрассудства. Молодые люди чувствуют себя так, будто их держат в тюрьме, в тюрьме грандиозной лжи, где надсмотрщики — общество старых лжецов. Потому и иссякает столь рано молодой сексуальный источник, потому и умирает энергия юности. Молодые люди закованы в цепи лжи, и это иссушает сексуальный источник. Долговечность даже самой искусной лжи никогда не превышает периода жизни трех поколений, между тем современная молодежь —

это уже четвертое поколение, живущее в окружении лжи, порожденной девятнадцатым веком.

Вторая причина, по которой иссякает сексуальный источник, заключается, разумеется, в том, что современные молодые люди, несмотря на всю свою эмансипированность, пока что не могут выбраться из порочного круга сосредоточенной на самой себе мастурбации. Когда они пытаются сделать это, грандиозная энергия общественной лжи и маленьких грязных секретов отбрасывает их назад, в тот же порочный круг. Даже самые эмансипированные из славной богемной братии, бахвалящиеся своими сексуальными подвигами, на самом деле чувствуют себя до удивления скованными в вопросах секса и не могут вырваться за пределы порочного круга нарциссизма и мастурбации. Не исключено, что секс занимает в их жизни даже более скромное место, чем в жизни серых стражей морали, и ограничивается одними лишь абстрактными представлениями о нем. Самым маленьким из маленьких грязных секретов — и тем не находится места в их стерильном мозгу. Их секс более абстрактен, чем теоретическая математика. Как материальные существа из плоти и крови они практически не существуют; в них меньше жизни, чем в привидениях. Современный молодой человек богемного склада и в самом деле похож на привидение; его даже нельзя уподобить Нарциссу, а скорее — его отражению в зеркале общества. Маленький грязный секрет почти невозможно убить. Вы можете предавать его прилюдной казни хоть тысячу раз, но он все равно выползет украдкой на свет, словно краб, из-под погруженных под воду расщелин вашего «я». Считается, что французы, как никакой другой

народ в мире, предельно открыты и откровенны в вопросах секса, но если они и решатся когда-либо покончить с маленькими грязными секретами, то в самую последнюю очередь. Скорее всего, они не хотят и не собираются этого делать. Что касается гласности в сексуальных вопросах, то сама по себе она не в состоянии справиться с этой сверхтрудной задачей.

В том-то и дело, что, как бы вы ни демонстрировали свою открытость в вопросах секса, одним только этим вы маленький грязный секрет не убьете. Вы можете прочесть от корки до корки все романы Марселя Пруста[28], со всеми приведенными в них подробностями, и все равно вы не убьете в себе маленький грязный секрет. Вы только заставите его быть еще более хитроумным и изворотливым. С другой стороны, вы можете привести себя в состояние полного безразличия и сексуальной апатии, но опять-таки вы маленький грязный секрет не убьете. Или, скажем, вы можете быть современным Дон Жуаном, чрезвычайно любвеобильным и легкомысленным, и все же от маленького грязного секрета, сидящего в глубине вашего «я», вам не избавиться. То есть вы по-прежнему останетесь в тенетах нарциссизма и мастурбации, внутри порочного круга самоудовлетворения и самоизоляции. Ибо если уж маленький грязный секрет поселяется вну-

[28] *Марсель Пруст* (1871—1922) — французский писатель, создал цикл романов «В поисках утраченного времени». Использованный Прустом прием изображения внутренней жизни человека как «потока сознания» оказал большое влияние на мировую литературу XX в.

три вас, то он всегда становится центром порочного круга мастурбации и самоизоляции. Можно сказать и иначе: если уж вы попали в порочный круг мастурбации и самоизоляции, то в центре его обязательно оказывается маленький грязный секрет. Вот так и выходит, что самые эмансипированные в вопросах секса, самые раскрепощенные в поведении молодые люди оказываются самым безнадежным образом увязшими в порочном кругу мастурбации и самоизоляции. И нужно сказать, что они не так уж стремятся выбраться из него, ибо, если бы они сделали это, внутри у них осталась бы одна пустота.

И все же некоторые очень хотели бы выйти из этого ужасного круга самоизоляции. Общая беда современных людей заключается в том, что все они слишком погружены в себя, все живут в плену самопогруженности. Вот к какому «веселенькому» результату приводят маленькие грязные секреты. Но освободиться из этого плена стремятся немногие, потому что им почти нечего взять с собой на свободу. И тем не менее некоторые были бы рады вырваться из цепких когтей злого фатума самоизоляции — фатума, постигшего все человечество. Есть еще на свете гордые духом люди — пусть их и меньшинство,— которые хотели бы раз и навсегда покончить с маленькими грязными секретами.

Первое, что нужно сделать для этого,— дать решительный бой сентиментальному лживому мифу о существовании незапятнанной чистоты, вступить в непримиримую борьбу с маленькими грязными секретами, где бы вы ни встретились с ними,— внутри ли себя или среди окружающих вас людей. Беспощадно сражайтесь с грандиозной ложью девятнадца-

того столетия, насквозь пропитавшей нашу сексуальную жизнь, пропитавшей каждого из нас до мозга костей. Сражайтесь неустанно и не щадя своих сил, ибо ложь всемогуща и вездесуща.

Во-вторых, как бы глубоко вы ни были погружены в себя, никогда не забывайте, что мир не сошелся клином на вас одном, что за пределами вашего «я» существует и другой мир. Каждый человек, со всей своей погруженностью в собственный мир, должен хорошо представлять себе пределы своего «я» и научиться считаться с тем, что находится вне этих пределов. Та жизнь, что проходит в окружающем меня мире, соприкасается с моей внутренней жизнью лишь самым своим краем, и эта внешняя жизнь заставляет меня забыть о самом себе и поддаться зародившемуся во мне и все более беспокоящему меня побуждению сокрушить грандиозную ложь старого мира и создать новый мир. А если моя жизнь и далее будет проходить все в том же порочном кругу поглощенности самим собою и мастурбационной погруженности в самого себя, то зачем мне такая жизнь? И в самом деле, если моя индивидуальная жизнь должна будет диктоваться господствующей в обществе огромной всеразвращающей ложью, то такая жизнь и гроша ломаного не стоит. Свобода — великое достояние. И прежде всего свобода от лжи. А это означает, во-первых, свободу от самого себя, от лжи о самом себе, от ложного представления о своей сверхважности — даже в своих собственных глазах; свободу от погруженности в самого себя и от мастурбационной поглощенности самим собою. Во-вторых, это означает свободу от господствующей

в обществе огромной лжи, лжи о незапятнанной чистоте, свободу от маленьких грязных секретов. Любые другие разновидности лжи, какими бы чудовищными они ни были, скрываются под личиной самой главной из них — лжи о незапятнанной чистоте. Даже отвратительная ложь о всесилии денег прикрывается ложью о незапятнанной чистоте. Убейте ложь о незапятнанной чистоте — и с нею вместе, сделавшись беззащитной, умрет и ложь о всесилии денег.

Человеку нужно обладать достаточно ясным сознанием и самосознанием, чтобы он мог установить, где заканчиваются пределы его «я», и ощутить в себе активное побуждение воздействовать на окружающий мир. Если в нем проснется подобное побуждение, значит, он уже не столь всецело поглощен самим собой и научился контролировать свое «я», какие бы чувства ни бурлили в его душе. Это также означает, что он научился не оказывать на себя давление ни в эмоциональной сфере, ни в сфере секса. Только в том случае, если человек покончит с ложью в своем внутреннем мире, он сможет активно бороться и с ложью внешнего мира. В этом и заключается смысл свободы и борьбы за свободу.

Итак, величайшей ложью нашего мира является ложь о незапятнанной чистоте — та самая ложь, что порождает маленькие грязные секреты, ну а воплощение этой лжи — серые стражи морали, доставшиеся нам в наследство от девятнадцатого столетия. Они по-прежнему играют первую скрипку в современном обществе, в прессе, в литературе, во всех областях нашей жизни. И естественно, ведут за собой так называемые широкие массы, то есть, попросту говоря, толпу.

А это, в свою очередь, означает их постоянный, неусыпный надзор за всем тем, что могло бы активно противостоять лжи о незапятнанной чистоте и ее порождению, маленьким грязным секретам. Такой надзор сочетается с неизменным благоприятствованием тому, что можно назвать «легализованной порнографией», то есть «незапятнанно-чистым», но постоянно зудящим маленьким грязным секретам, прикрытым изысканно тонким нижним бельем. Серые стражи морали готовы пропустить и даже поощрить какое угодно количество завуалированной порнографии, но непременно подвергнут запрету каждое откровенное, открыто произнесенное слово.

Что касается существующих на этот счет законов, то они не более чем фикция. В своей статье «О цензуре книг», опубликованной в журнале «Девятнадцатый век», бывший министр внутренних дел виконт Брентфорд пишет: «Следует помнить, что такие действия, как издание непристойных книг и публикация непристойных открыток и фотографий, подпадают под категорию правонарушений, предусмотренных законодательством Соединенного Королевства, и министр внутренних дел, чьей главной обязанностью является поддержание правопорядка в стране, не может, помня о своем долге, подходить с одной меркой к одному преступлению, и с другой — к другому».

Так заканчивает свою статью этот непогрешимый и *ex cathedra*[29] министр. Однако за какие-то десять строчек

[29] *Ex cathedra* (*лат.*) — высокомерный.

до этого он в той же статье утверждал: «Должен признать, что если строго следовать букве закона, то издание и публикация таких книг, как «Декамерон», «Жизнь Бенвенуто Челлини»[30] и «Тысяча и одна ночь» Бертона[31], могли бы стать основанием для привлечения издателей к судебной ответственности. Но общественное мнение выше санкций любого суда, и я даже мысли не допускаю, чтобы судебное дело по отношению к книгам, которые были достоянием читающей публики в течение стольких веков, могло получить поддержку широкой общественности».

Что ж, в таком случае да здравствует общественное мнение! Оказывается, достаточно пройти каким-то там трем-четырем векам, и общественному мнению все становится ясным. Оказывается также, что министр внутренних дел, как бы он ни помнил о своем долге, все-таки *может* подходить с одной меркой к одному правонарушению, и с другой — к другому. Явная необъективность с его стороны! И что такое, в конце концов, это пресловутое общественное мнение? Все та же ложь со стороны серых стражей морали, только в большем размере. Да будь их воля, они бы уже завтра запретили Бенвенуто Челлини. Но они боятся выставить себя

[30] *Бенвенуто Челлини* (1500—1571) — итальянский скульптор и ювелир, известный также своими откровенными мемуарами «Жизнь Бенвенуто Челлини, рассказанная им самим».

[31] *Ричард Бертон* (1821—1890) — английский путешественник и ученый-востоковед, автор первого полного, без купюр и сокращений, перевода на английский язык арабских сказок «Тысяча и одна ночь».

на посмешище, ибо давняя традиция одобряет нескромного Бенвенуто. Так что дело не в общественном мнении, а в боязни серых стражей морали предстать перед народом в еще более глупом виде. Все объясняется просто. Чтобы заручиться поддержкой широких масс, серые властители общественного мнения запрещали и будут запрещать любую новую книгу, разоблачающую сладкоречивую ложь девятнадцатого столетия. И все же серым стражам морали следовало бы поостеречься. Широкие массы сегодня — изменчивая и непостоянная публика. Их любовь к серым выразителям общественного мнения, с их застарелой ложью, уже не столь безоговорочна и слепа. Кроме того, среди этих широких масс находятся и такие люди — правда, их пока меньшинство,— кто ненавидит ложь и ее серых носителей и имеет свои собственные, современные и динамичные, представления о порнографии и непристойности. Нельзя ведь дурачить *очень многих* людей *очень долгое* время — даже если речь идет о незапятнанной чистоте и маленьких грязных секретах.

Это меньшинство хорошо понимает, что книги многих современных писателей — как знаменитых, так и никому не известных — намного порнографичнее, чем самые яркие и откровенные описания в «Декамероне», ибо творения этих авторов раззуживают маленькие грязные секреты читателей и побуждают их к тайному мастурбированию, тогда как нравственно здоровые книги Боккаччо такого воздействия на них не имеют. Меньшинство не менее хорошо понимает, что самые, казалось бы, неприличные рисунки на греческих вазах — *о, непоруганная, непорочная невеста безмол-*

вия! — далеко не так порнографичны, как снятые крупным планом поцелуи на киноэкране, побуждающие мужчин и женщин к мастурбированию, совершаемому ими украдкой и втайне друг от друга.

Но, возможно, придет такой день, когда широкая публика наконец-то захочет взглянуть правде в глаза и научится понимать, чем отличается пресса, кино и современная массовая литература, исподтишка навязывающая обществу мастурбационную порнографию, от истинно художественного изображения сексуального стимула, которое мы видим в книгах Боккаччо, в греческой вазовой живописи или в искусстве древних Помпей. Такие книги, такая живопись, такое искусство необходимы любому из нас для более полного выражения своей личности.

Увы, пока что общественное мнение пребывает в полной растерянности на сей счет — растерянности, доходящей до идиотизма. Когда на выставку моих картин[32] нагрянули полицейские, они не имели ни малейшего представления, какие полотна им надлежит изымать. Поэтому они унесли все картины, где есть хоть малейший намек на наличие у мужчин или женщин наружных половых органов. Их не интересовал ни сюжет, ни тем более смысл картин, и они, эти тонкие ценители искусства в полицейских мундирах, готовы были разрешить все, что угодно, за исключением изображения на полотнах хотя бы фрагмента человеческого «срама». Вот вам

[32] Лоуренс, кроме литературного творчества, занимался еще и живописью.

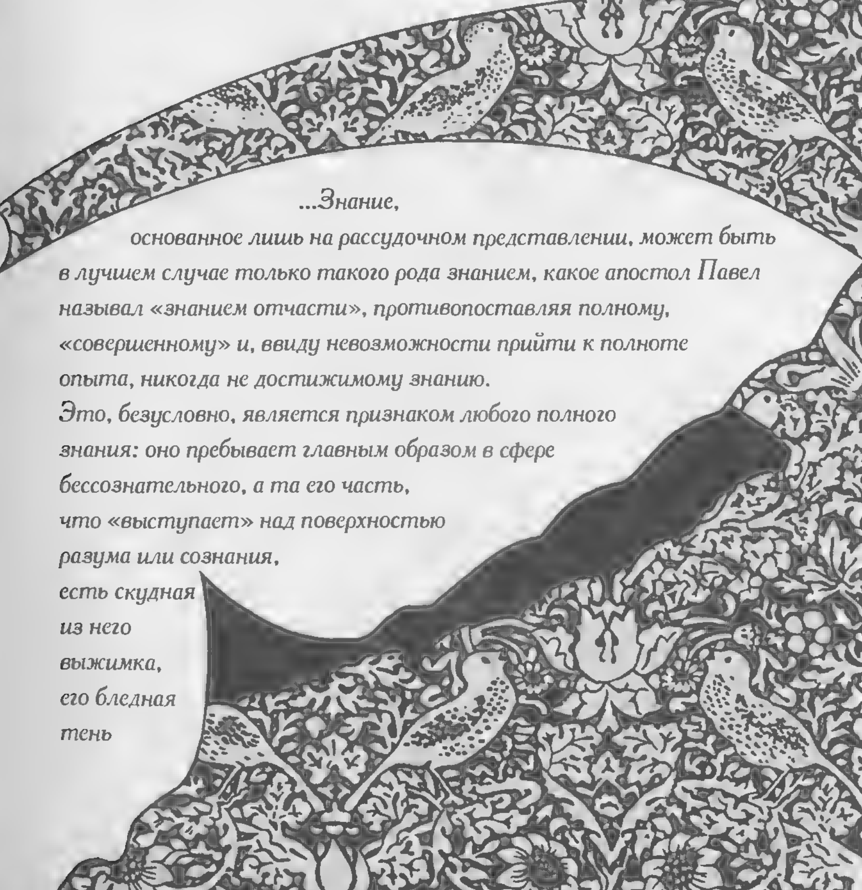
общественное мнение в лице полицейских. Стоило бы нанести пару мазков на сомнительные места — особенно зеленого цвета, чтобы они хоть как-то напоминали фиговый листок, — и «общественное мнение» было бы вполне удовлетворено.

Этому нельзя придумать никакого другого названия — и я вынужден здесь повториться, — чем полный идиотизм. Если в ближайшее время не будет положен конец чудовищной лжи о незапятнанной чистоте и всем этим маленьким грязным секретам, то наше общество и в самом деле превратится в коллективного идиота, причем идиота крайне опасного. Ибо общество состоит из индивидуумов, а каждый индивидуум наделен полом и вся его жизнь вращается вокруг секса. Если же ложь о незапятнанной чистоте и маленькие грязные секреты загонят каждого индивидуума в порочный круг мастурбационной самопогруженности и самоизоляции и будут держать его там, тогда наше общество и в самом деле впадет в состояние полного идиотизма. Ибо мастурбационная самопогруженность делает людей идиотами. Хотя, с другой стороны, если все мы станем полными идиотами, то мы этого попросту не заметим. Да храни нас Господь от такого!

*Лучшая часть наших знаний —
это знания о непознаваемом
и непостижимом.
Мы знаем о солнце,
но не в состоянии его постичь,
хотя и придумали теорию
о каких-то там горящих газах
и прочую причинно-следственную
ерунду.
Даже если у нас и сложилась
более или менее
стройная система
теоретических понятий о солнце
как о сфере кипящего газа ,
то все равно мы ни за что не сможем себе
даже отдаленно представить
это кипение, это бушующее пламя...*

...стоит нам только проглотить наживку психоанализа, как мы окажемся на крючке аморальности

Психоанализ и бессознательное



...Знание, основанное лишь на рассудочном представлении, может быть в лучшем случае только такого рода знанием, какое апостол Павел называл «знанием отчасти», противопоставляя полному, «совершенному» и, ввиду невозможности прийти к полноте опыта, никогда не достижимому знанию. Это, безусловно, является признаком любого полного знания: оно пребывает главным образом в сфере бессознательного, а та его часть, что «выступает» над поверхностью разума или сознания, есть скудная из него выжимка, его бледная тень

Psychoanalysis and the Unconscious

1921

Психоанализ и бессознательное

ПСИХОАНАЛИЗ ПРОТИВ МОРАЛИ

Психоанализ преподнес нам уже целую массу сюрпризов. Перед нашим недоуменным взором разворачивается бурная эволюция взглядов, происходящая не без его влияния. И мы не скоро перестанем удивляться тому, что те, кто вчера по поводу его говорил одно, сегодня утверждают прямо противоположное.

Не успели мы привыкнуть к манипуляциям шаманов от психиатрии, к тому, как неистово и неустанно выискивают они повсюду змею по имени секс, обвивающуюся своими кольцами вкруг корней любых наших действий и поступков; не успели почувствовать неловкость по поводу таящихся в нас скрытых комплексов — как тут же господа психиатры явились на сцену с теорией «чистой психологии». С облегчением вздохнула медицинская братия — все те врачеватели, что от недавних терапевтических инноваций дергались и вер-

телись, как угри на сковородке. Теперь они злорадно готовятся наблюдать за тем, как поведут себя профессиональные психологи, когда и у них станет гореть земля под ногами.

Это, однако, далеко еще не конец. Уже и у этнолога стало звенеть в ушах, у философа стал учащаться пульс, а там и раздраженный моралист почувствовал, что обязан ввязаться в драку. Ибо к тому времени, как он это почувствовал, психоанализ воистину превратился в угрозу для общественной морали. Публика взбудоражилась. Эдипов комплекс[1] стал обиходным выражением у домохозяек, инцест[2] — излюбленной темой застольных бесед, а любительский психоанализ — криком моды.

— Вот погоди у меня, разберусь я с тобой методом психоанализа,— на разные лады, с разными интонациями говорят нынче люди друг другу.

[1] *Эдип* — персонаж древнегреческой мифологии, который убил, сам того не ведая, собственного отца и женился на собственной матери. *Эдиповым комплексом* Фрейд и его последователи именуют якобы возникающее в подсознании любого мальчика 3—4-х лет половое влечение к матери, сопровождаемое ревностью и ненавистью к отцу. Впрочем, иногда фрейдисты говорят и о так называемом негативном (обратном) Эдиповом комплексе, т. е. о влечении к отцу и ненависти к матери. У девочек аналогичный, но противоположно направленный комплекс (влечение к отцу и ненависть к матери) называется комплексом Электры (по имени героини другого древнегреческого мифа, отомстившей матери за убийство отца). Нужно заметить, что З. Фрейд, К. Г. Юнг, а также другие классики психоанализа очень часто прибегали к античным ассоциациям для наименования типичных комплексов и маний, и в этой своей работе Лоуренс, не без полемического задора, следует их примеру, неоднократно приводя примеры и уподобления, взятые из античной мифологии.

[2] *Инцест* — сексуальные отношения с кровными родственниками.

И стали волком глядеть на вас «посвященные» — знаменитые и безвестные. И невозможно теперь скрыться от их зловещего «фрейдистского» взгляда: он находит вас повсюду, куда бы вы ни пытались спрятаться.

Сами же психоаналитики отлично знают, к чему стремятся, к чему ведут дело. Поначалу они вторглись в нашу жизнь как врачи и целители. Осмелев, утвердили свой авторитет в науке. Не прошло и пяти минут, глядь — а они уже превратились в апостолов. Разве не зрим мы всюду и не слышим ежечасно вездесущего Юнга, вещающего нам «вечные истины» с видом непререкаемого авторитета? И нужно ли быть пророком, чтобы увидеть Фрейда, уже стоящего у порога того, что называется *Weltanschauung*[3] — или по меньшей мере *Menschanschauung*[4], что на самом деле еще опаснее?..

Что же мешает ему переступить через этот порог? Два обстоятельства. Во-первых и прежде всего — соображения морали. Но это, в сущности, формальность, через это он бы еще переступил, если бы не второе, гораздо более весомое препятствие: он все никак не может обрести тот краеугольный камень, на котором надлежит ему воздвигнуть свой храм.

Судите сами. Возникло новое учение — никак не меньше. Оно прокралось в нашу жизнь тихой сапой. Нас приучали к нему малыми дозами, как к наркотику. Мы должны уяс-

[3] *Weltanschauung* (*нем.*) — мировоззрение.

[4] *Menschanschauung* (*нем.*) — взгляд на человека.

нить себе, что в нашем декадентском обществе врачи заменили священников, хуже того — их новое учение стало для нас панацеей. Что ж, психоанализ в полной мере использовал выгоды такого положения дел.

И здесь первый, и главный, вопрос — вопрос морали. Речь идет не о реформе морали, не о каких-то там новых моральных ценностях. Речь идет о жизни и смерти морали как таковой. Ведущие психоаналитики прекрасно понимают, на что подняли руку, в то время как большинство их последователей, видимо, пребывают на этот счет пока еще в полном неведении и, стало быть, являются как бы невинными. Но и те и другие приходят в итоге практически к одному и тому же результату, который они пытаются навязать нам под личиной терапии. Они прописывают человечеству полный отказ от института морали, и стоит нам только проглотить наживку психоанализа, как мы окажемся на крючке аморальности.

Прекрасно сознавая свои конечные цели, ведущие психоаналитики старательно хранят о них молчание. Они ходят на цыпочках. Но как бы осторожно они ни ступали, камешки морали осыпаются под их ногами, и каждый шаг самого невинного и наивного аналитика приводит к маленькому камнепаду. Старый мир стонет и корчится. Без боя, без единого удара он рассыпается прямо у нас на глазах, и вот мы уже слышим глухой гул сползающей лавины. Еще немного, и все обрушится в тартарары.

Вот к чему идет дело, и неплохо бы нам это в конце концов осознать. Хотите вырастить змею — растите себе на здоровье, но зачем же пригревать ее на своей груди или ла-

сково называть ее исцеляющей змеей Эскулапа?! Пора уже сорвать с психоаналитика белый врачебный халат. Пора уже, прислушиваясь к странному гулу и подрагиванью почвы — нашего морального основания — у нас под ногами, по крайней мере присмотреться к тому зданию, что так легкомысленно и беззаботно возводим мы над своей головой.

Помню время, когда в испуганном ожидании мы наблюдали за Фрейдом, тогда еще только отправлявшимся в рискованное путешествие на окраину человеческого сознания. Он искал неизведанные истоки таинственного *потока сознания*. Бессмертная фраза бессмертного Джеймса[5]! О, этот адский поток, размывавший берега моей юности! Я чувствовал, как он струится сквозь мой мозг, втекая через одно ухо и вытекая через другое. Я ощущал, как он наполняет мой череп и, подобно гомеровскому Океану[6], омывает мое постигающее самое себя сознание. А иногда мне казалось, что он, этот поток, бьет ключом из моего мозжечка, а затем пронизывает все извилины моего «большого» мозга. О, этот страшный поток! Откуда он приходит и куда уходит? О, этот пресловутый поток сознания!

Скажите, мог ли кто-нибудь оставаться равнодушным, когда Фрейд, как всем нам тогда казалось, вдруг добрался до самых истоков? Всеведущий наблюдатель, он вдруг шагнул из мира сознательного прямо в мир бессознательного, отсюда — прямо в никуда. Он сумел пройти сквозь стены сна — и вот мы уже слышим, как он с шумом разгребает завалы в пещере сновидений. Непроницаемое становится проницаемым, бессознательное перестает быть ничем. Оно уже

не ничто, а сон, стена тьмы, в которую упирается прожитый нами день. Идите прямо на стену, и вы увидите, что на самом деле никакой стены нет. Это просто сгусток тьмы у вхо-

[5] *Джеймс Уильям Джеймс* (1842—1910) — американский философ и психолог. Термин «поток сознания» (stream of consciousness) У. Джеймс впервые употребил в своем фундаментальном труде «Принципы психологии» (1890), где обратил внимание на то, что сознание человека в каждый данный момент своего существования не «дано» ему в виде одних лишь рационально оформленных «мыслей», а наряду с попытками мышления включает в себя и весь «поток» фиксируемых им одномоментных впечатлений. Открытие «потока сознания» оказало влияние не только на психологию и философию, но и на искусство (литературу, театр, затем кино, даже музыку, балет, изобразительные искусства XX в.) — хотя, строго говоря, как художественный прием «поток сознания» в беллетристике применялся еще в XVIII в. («Жизнь и мнения Тристрама Шенди» и «Сентиментальное путешествие» Лоренса Стерна) и особенно в середине XIX в. (классические его примеры можно найти в романе Льва Толстого «Анна Каренина»: изображение душевного состояния Анны перед самоубийством и т.п.). В этом смысле нельзя недооценивать и обратного влияния художественной литературы на теорию У. Джеймса (недаром он был родным братом романиста Генри Джеймса, чье творчество отличается углубленным психологизмом). В XX веке, уже сознательно развивая не только идеи У. Джеймса, но и открытия «венской школы» психоаналитиков, писатели-психологи в изображении «потока сознания» пошли гораздо дальше: ранние примеры его намеренного использования можно найти в произведениях австрийского прозаика конца XIX — нач. XX в. Артура Шницлера, а также в произведениях самого Лоуренса. Классический «поток сознания» в его «законченном» выражении мы видим у классика XX в. Дж. Джойса в таких его произведениях, как «Улисс» и особенно «Поминки по Финнегану».

[6] *Океан* — согласно древнегреческой мифологии, река, омывающая Землю. На Крайнем Западе река Океан омывает границы между миром жизни и миром смерти.

да в пещеру — пещеру изначальной кромешной тьмы, где гнездится поток сознания.

С замиранием сердца мы наблюдали за тем, как Фрейд исчезал в той пещере тьмы, называемой нами сном или подсознанием, в том океане тьмы, где само наше «дневное» сознание — лишь пена на его волнах. Фрейд уверенно продвигался к истокам. Мы видели, как уменьшалась в размерах несомая им свеча, колеблясь во мраке. А потом с нетерпением ждали его возвращения и, как обычно в подобных случаях, надеялись увидеть чудо. И он вернулся, прихватив с собой ворох снов. Широкий выбор товаров по сходной цене.

Но, о небо, что за товары! Что за ассортимент! Что за сновидения, Бог ты мой! Что за хлам оказался в той пещере! Лучше бы нам не видеть этого! Мы не увидели ничего другого, кроме огромного, скользкого змея по имени секс, кучи экскрементов и мириад мерзких, маленьких страхов, кишащих между сексом и экскрементами.

Неужели это и все? Неужели Великое и Таинственное Неведомое, называемое нами Сном, не содержит в себе ничего, кроме этого? Неужели там, в изначальных сферах нашего бытия, нет хоть сколько-нибудь привлекательных духов? Увы, ни единого! Даже трудно вообразить себе тот невыразимый ужас, который испытывает человек, когда перед ним не только разворачивается весь процесс *вытеснения*[7], но и торжественной поступью дефилирует вереница чудовищ, им же самим и «вытесненных». Здесь и мании с кляпом во рту, связанные по рукам и ногам, и всяческие сексуальные комплексы, и торможения, связанные с фекальными

отправлениями,— все эти монстры из сновидений... Мы пытаемся от них избавиться — но куда там, они уже тут как тут, они зримы, конкретны и осязаемы. Эти скопища отвратительных уродов пожирают наши души, становясь причиной неизлечимых неврозов.

Мы и раньше подозревали, что устроены внутри не лучшим образом, но не могли себе представить, до какой степени. Однако во имя исцеления и в качестве панацеи от всех недугов мы готовы были полностью принять все это. И если это лишь результат болезни, мы уже полностью были гото-

[7] *Вытеснение* (*Verdrängung*) — термин классического психоанализа, обозначающий переход психического содержания из сознаиия в бессознательное и / или удерживание его в бессознательном состоянии. Согласно теории З. Фрейда, этот процесс поддерживается определенными бессознательными силами и является одним из важнейших защитных механизмов, благодаря которому неприемлемые для человеческого «я» («эго») желания становятся бессознательными.

[8] *Сублимация* (по Фрейду) — отклонение энергии сексуальных влечений от их прямой цели получения удовольствия и продолжения рода и направление ее на несексуальные цели в сферах социальной деятельности и культурного творчества.

[9] *Ипполит* — персонаж из древнегреческой мифологии, невинный юноша, которого пыталась соблазнить его мачеха Федра, а когда ей это не удалось, она покончила с собой, оставив предсмертную записку, в которой обвинила пасынка в совершенном над нею насилии. Образ Ипполита широко использовался в мировой литературе (Еврипид, Расин и др.) и стал нарицательным образом «сублимированного» юноши. Ипполит погиб, мчась на колеснице вдоль берега моря, ибо отец его Тесей, поверивший клевете Федры и разгневанный «поступком» Ипполита, проклял сыиа, призвав на него гнев морского бога Посейдона, и тот сделал так, чтобы кони Ипполита взбесились и растоптали его.

вы разобраться в ее причинах. Психоаналитик обещал развернуть перед нами весь свиток наших комплексов, с тем чтобы наши навязчивые идеи испарились, а кошмары, вынесенные на свет, рассыпались в прах. Нас убеждали, что стоит только вывести наши ночные страхи в светлое поле сознания, как они немедленно начнут *сублимироваться*. То есть превращаться в... как бы это сказать... в нечто такое, чего мы пока еще точно не можем назвать. Но главное, что они каким-то образом должны *сублимироваться*. Обаяние нового слова столь велико, что мы согласно киваем: да, да, мы понимаем, это процесс *сублимации*[8]. И больше уже ни о чем не спрашиваем. Если наши комплексы в результате их трансплантации в светлое поле сознания действительно подвергнутся *сублимации*, что ж, тогда совсем другое дело, тогда самое лучшее для нас — это согласиться на подобную операцию.

И, заручившись нашим согласием, психоаналитик бодро приступает к курсу терапии. Но, подобно Ипполиту, он скачет слишком близко к морю[9]. В конце концов, если *наши* комплексы существуют лишь в качестве аномалий, которые к тому же так легко устранить, к чему психоаналитику прилагать столько усилий, чтобы освободить нас от них? Ведь как бы ты ни гнал своих лошадей, они все равно остаются с тобой. Осознав это, ты начинаешь понимать, что гнездящиеся в тебе комплексы — не совсем аномалии. Они — составная часть нормального подсознания. Более того, отклонение от нормы начинается именно тогда, когда эти комплексы привносятся в наше сознание.

Таким образом, возникает новая проблема. В тот самый момент, когда психоанализ начинает демонстрировать природу бессознательного, он фактически берется за решение основной задачи психологии. В результате появляется новая психологическая наука, несущая нам учение о том, что наши комплексы — это нечто большее, чем просто сбои в работе механизма психики, как полагал один из первых и самых ярких психоаналитиков, ныне совершенно забытый[10]. Он был убежден в том, что психическая деятельность человека настолько же зависит от определенных органических, механистических процессов, насколько и сама жизнь человека зависит от механистического устройства его тела. И вот в этом механизме психического могут происходить сбои, какие-то его части могут перестать работать, точно так же, как могут перестать функционировать какие-то части тела. Эта остановка или задержка в функционировании какой-то части психики и служит причиной образования комплекса, точно так же, как остановка одного маленького зубчатого колеса машины стопорит работу целого узла этой машины.

[10] Скорее всего, Лоуренс имеет здесь в виду австрийского философа и психолога Отто Вейнингера (1880—1903), автора книги «Пол и характер». Неожиданную точку в блестящей карьере этого молодого ученого, 23-летнего профессора Венского университета, поставило самоубийство. Жизнь и смерть Отто Вейнингера стали основой для одного из философских мифов XX столетия, связавшего его гибель с совершенным им «открытием сексуальности»: не в силах вынести раскрывшейся перед ним «правды» о человеке вообще и о себе самом в частности, юный философ покончил с собой.

Таково происхождение чисто механистической теории комплексов. И вот теперь психологи обнаруживают, что комплекс не обязательно исчезает, если его ввести в сознание. Почему, спрашивается? Видимо, заключают психологи, комплекс возникает вовсе не в результате остановки какого-то «колесика». Ибо сколько аналогичных психических «колесиков» мы искусственно ни запускаем, комплекс все равно никуда не девается. Кроме всего прочего, это означает, что комплекс нельзя рассматривать и как результат искусственного торможения.

Здесь возникает еще одна проблема. Если комплекс не вызывается торможением так называемого «нормального» сексуального импульса, то чем же, черт побери, он вызывается? Он явно отказывается сублимироваться — или, попросту говоря, отвязаться от нас, даже когда мы вытаскиваем его наружу и чуть ли не пинками отгоняем его в «нужную» сторону. На все побуждения нормального сексуального импульса он отвечает отказом. Даже если вам удастся устранить все без исключения торможения нормального сексуального желания, вы все-таки не сможете устранить комплекс. Единственное, что вы сможете сделать,— это превратить ранее бессознательное желание в сознательное.

И тут мы вплотную подходим к моральной дилемме психоанализа. Психоаналитик принимается лечить невротическое человечество путем устранения причины невроза, будучи убежденным, что эту причину следует искать в том или ином неудовлетворенном сексуальном желании. И вот после всего того, что он уже успел наговорить нам о торможении нормаль-

ного сексуального импульса, он вдруг обнаруживает, что в основании почти любого невроза лежит то или иное инцестуозное влечение и что это самое инцестуозное влечение *не является результатом торможения нормального сексуального импульса*. Тут-то мы и сталкиваемся с дилеммой, дилеммой очень непростой и даже пугающей. Если инцестуозное влечение — это вовсе не результат торможения нормального сексуального влечения и существует на самом деле, отказываясь признавать себя несуществующим, как на него ни нападай, то что нам остается делать, кроме как признать его неотъемлемой частью нормального сексуального проявления?

Вот та проблема, с которой не мог не столкнуться психоанализ. Сами психоаналитики единодушно готовы принять инцестуозное влечение как часть нормальной человеческой сексуальности — нормальной, но подавленной из-за морального и, может быть, биологического страха. Но стоит нам признать инцестуозное влечение частью нормальной человеческой сексуальности, как мы будем вынуждены устранить все препоны на пути и самого инцеста. Более того, признать инцест такой же нормой или даже обязанностью, какой сегодня мы признаем половую жизнь в браке. По крайней мере, такой вывод вытекает из положения о том, что невроз является результатом не торможения так называемого *нормального сексуального импульса*, а торможения инцестуозного влечения. И если любое торможение — зло, поскольку неизбежно приводит к невротическим отклонениям, то и торможение инцестуозного влечения — зло, и это зло является причиной практически всех современных неврозов и болезней.

Этот вывод психоанализ никогда открыто не признаёт. Но это именно тот вывод, к которому каждый психоаналитик — хочет он этого или не хочет — приводит в конце концов своего пациента.

Тригант Бэрроу[11] утверждает, что Фрейдово *бессознательное* представляет собой не что иное, как наше сознательное представление о половой жизни в том его виде, в каком оно существует в стадии вытеснения. Отсюда следует, что Фрейдово бессознательное на практике отражает наш внутренний мир не глубже того уровня, на котором пребывают наши вытесненные инцестуозные импульсы. Бэрроу также считает, что грех состоит скорее в знании о том, что такое секс, а вовсе не в самом сексе. Грех возникает в тот момент, когда наш разум обращается к образному представлению, к *знанию* обо всем том огромном разнообразии возможностей, страстей и эмоций, которые означает секс. Адам и Ева согрешили не потому, что имели половые различия, и даже не потому, что вступили в половой акт, а потому, что *узнали* об этих различиях и о возможности акта. Когда секс стал для них ментальным объектом — то есть когда они узнали, что могут по собственному желанию жить половой жизнью, получать от нее удовольствие и даже провоцировать на нее друг друга,— вот тогда-то они и были прокляты и изгнаны

[11] *Тригант Бэрроу* (1875—1950) — английский психоаналитик, автор книг и статей по психоанализу; Лоуренс поддерживал с Бэрроу оживленную и откровенную переписку.

из Эдема. Человек стал сам за себя отвечать и вступил на свой собственный путь.

Оба эти постулата мистера Бэрроу представляются нам не только верными, но и блестящими. Однако должны ли мы делать из них тот же самый вывод, который делает психоанализ? Допустим, мы распознали в нашем бессознательном вытесненное целиком инцестуозное влечение. Допустим также, мы согласились с тем, что лишь *признание желания*, превращение его в ментальный объект, приводит к появлению мотива греха, но что само по себе желание находится вне критики или морального осуждения. Должны ли мы на этом основании считать инцестуозное влечение частью наших естественных желаний и воспринимать это влечение по крайней мере, как меньшее зло, чем неврозы и болезни? Вот в чем вопрос.

Есть, однако, одна деталь, которую психоанализ неизменно упускает из виду. Речь идет о природе изначального подсознания человека. И здесь важнее всего уяснить, присуще ли инцестуозное влечение человеческой психике как нечто изначальное или нет. Когда Адам и Ева узнали, что у каждого из них есть пол и, соответственно, половые различия, то они узнали о чем-то таком, что было им изначально присуще, что предшествовало любому знанию. Но когда психоаналитик открывает в подсознании мотив инцеста, он конечно же, придумывает для людей всего лишь слово для обозначения вытесненной *идеи* секса. Это даже не *подавленное* сексуальное сознание, а именно *вытесненное*. Таким образом, в нем нет ничего изначального и предшествующего мышлению. Оно само по себе есть мотив мышления, следу-

ющий за мышлением. То есть само мышление относит инцестуозное влечение к сфере бессознательного, или, иначе говоря, изначального подсознания, хотя делает оно это, в свою очередь, также бессознательно. Мышление действует в данном случае как злой дух и прародитель своих же собственных кошмаров, действует *добровольно бессознательно.* И мотив инцеста по своему происхождению является не изначальным импульсом, а логическим продолжением уже существующей идеи любви и секса. Разум, таким образом, переводит идею инцеста в ту область психики, где таятся аффекты и страсти, и держит ее там, словно пленницу, в качестве вытесненного мотива.

Это пока еще тоже не более чем допущение, и оно не может быть ничем иным до тех пор, пока мы не определим природу истинного, изначального бессознательного, то есть ту область психики, откуда проистекают все наши подлинные побуждения. Но это изначальное бессознательное — нечто весьма не похожее на то скопище кошмаров, которые, как пытаются уверить нас психоаналитики, лежат в корне всех наших мотиваций. Фрейдово бессознательное — это клетка, в которую разум заключил свое собственное порождение. Истинное же бессознательное представляет собой тот источник, из которого бьет ключом истинная мотивация. Сексуальность, осознанная Адамом и Евой, создана самим Богом, повелевшим им ее не сознавать. Она не есть вторичный продукт человеческого сознания.

II

ИНЦЕСТУОЗНАЯ МОТИВАЦИЯ И ИДЕАЛИЗМ

Само собой разумеется, что мы не сумеем укрепить оснований нашей морали до тех пор, пока не определим истинную природу бессознательного. Сам по себе ключевой термин «бессознательное» (без + сознание) представляет собой, собственно говоря, определение посредством отрицания. И нет никаких сомнений, что именно по этой причине его и предпочел любым другим терминам сам Фрейд[12]. Он отверг такие слова, как *подсознательное* и *предсознательное*, ибо то и другое подразумевало бы наличие некоего зарождающегося сознания, призрачного полусознания, предваряющего разумное осознание. Ничего подобного не должно было подразумевать Фрейдово *бессознательное*. Напротив — он, как нам кажется, хотел отразить в нем то, что *ускользает* от сознательного, то, что в нашей психике противостоит разумному осознанию. Фрейдово *бессознательное*, как мы его понимаем,— это та часть человеческого «я», которая, будучи по своей природе разумной и, более того, идеальной, никак, однако, не желает проявиться до полной узнаваемости и потому укрывается где-то в области аффектов и там ведет свою мощную, невидимую, тайную и часто подрывную работу. Весь комплекс того, что вытеснено из сознания, и составляет наше *бессознательное*.

В этом и состоит весь вопрос: что именно вытеснено в область бессознательного? Может быть, это некий изначаль-

ный импульс, реализация которого в силу каких-то причин оказалась невозможной? Или, может быть, *мысль*, которой почему-то не дано воплотиться в действие? Да и, собственно говоря, что это такое — вытеснение? Подавление импульса некой страсти? Или та самая мысль, которую мы отказываемся воплотить на практике, более того — которую мы вообще отказываемся признать своею? И тем не менее, гонимая и неприкаянная, бесправная и бесприютная, она упрямо отказывается уходить, прозябая где-то за пределами нашего сознания.

Подавляя естественные импульсы страсти, человек рано или поздно приходит к расстройству психики. В наше время это знает каждый и за знание это обязан психоанализу. Но человек устроен очень хитрым образом. Оказавшись загнанным в эмоциональный тупик, он способен из тех или иных чувственно-эмоциональных обстоятельств, в которых он оказался, сотворить в своей голове такие умозаключения, которые уже не имеют ничего общего с чувствами и страстями как таковыми, но представляют собой чисто логические, абстрактные, идеальные построения.

[12] По Фрейду, бессознательное (*Unbewußte*) в широком (или, как пишет сам Фрейд, «описательном») смысле — это те проявления психики, о наличии которых человек либо не подозревает в данный момент, либо не знает о них в течение длительного времени, либо вообще никогда не знал и не узнал бы без «подсказки» психоаналитика В более строгом (или, как пишет Фрейд, «динамическом») смысле бессознательным может быть названо только то, уяснение чего, в отличие от предсознательного, требует значительных усилий или же вообще невозможно.

Возьмем, к примеру, человека, который полагает, что не способен реализовать себя в браке. Он обнаруживает, что его эмоциональное и даже чувственное влечение к матери настолько глубоко, что подобной глубины его влечение к жене никогда не сможет достигнуть. Это открытие заставляет его страдать, ибо он понимает, что его эмоциональное общение с матерью также не доставит ему полного удовлетворения до тех пор, пока не дополнится сексуальным общением. Он считает, что не сможет испытать полнокровного сексуального влечения к жене. Полной, глубокой любовью он способен любить одну только женщину, и эта женщина — его мать. Запертый в четырех стенах мучительной и все нарастающей страсти, он должен либо найти какой-то выход, либо оказаться ввергнутым в пропасть безумия и неизбежной гибели. Каков же для него единственно возможный выход? Ответ очевиден — искать в объятиях матери того утешения, которого более ему нигде не найти. Так рождается инцестуозный мотив. И не нужны здесь никакие хитроумные объяснения психоаналитиков. Инцестуозная мотивация есть логический выход, подсказываемый человеку его разумом, которому ради собственного спасения ничего не остается, как прибегнуть к этой крайности. Почему в данном случае человеческий разум в опасности? Это уже другая тема. Сейчас мы рассуждаем только о причинах возникновения инцестуозного мотива.

Логическое умозаключение об инцесте как о единственно возможном выходе из положения принимается, конечно же, на глубочайшем психическом уровне и затрагивает глубин-

ные нервные центры, встречая с их стороны отчаянное инстинктивное сопротивление. Поэтому оно должно содержаться в строжайшей тайне до тех пор, пока это сопротивление не будет либо сломлено, либо обмануто. Вот почему сначала происходит вытеснение инцестуозного мотива и лишь затем его окончательное саморазоблачение.

Тут-то и начинается подспудное влияние идеализма. Под идеализмом мы в данном случае понимаем мотивацию вырвавшегося наружу огромной силы аффекта, порожденного некой произведенной умом идеей. Таким образом, рассматриваемый нами инцестуозный мотив есть, прежде всего, логическое умозаключение человеческого интеллекта (даже если это умозаключение производится первоначально бессознательно), которое лишь впоследствии привносится в чувственно-эмоциональную сферу, где отныне он будет готов служить руководством к действию.

Эта возникшая под влиянием идеализма мотивация чувственно-эмоциональной сферы представляет собой последнюю и самую страшную угрозу человеческому сознанию. Она означает конец спонтанной, творческой жизни и торжество принципа механицизма.

Ведь совершенно очевидно, что, коль скоро идеал — в виде фиксированного мотива — начинает применяться по отношению к чувственной жизни души, он превращается в своего рода принцип механицизма. Идеализм, стоящий на страже чувственной жизни души, уподобляется схеме устройства сверхсложной машины. А машина, как все мы знаем,— это действующая материальная конструкция. Таким

образом, мы видим, что в своем крайнем выражении чистый идеализм становится идентичным чистому материализму, а самые большие идеалисты на поверку оказываются самыми убежденными и последовательными материалистами. Идеальное и материальное идентичны. Идеал — не более чем бог из машины[13]: маленькое механическое устройство, зафиксированное в человеческой психике и автоматически ею управляющее.

Сегодня мы стоим перед вступлением в последние стадии идеализма, и один лишь психоанализ обладает достаточным мужеством для того, чтобы провести нас по этим последним стадиям. Идентичность любви и секса, одна-единственная потребность в самовыражении посредством любви — вот наши четко фиксированные идеалы, и мы должны их воплотить в полной мере. А это означает, что в конце концов мы придем к инцесту и даже к культу инцеста. Иного выбора у нас попросту нет — во всяком случае до тех пор, пока мы будем следовать этим идеалам.

Почему, спросите вы? Да потому что инцест — это и есть логическое завершение наших идеалов, перенесенных в чувственно-эмоциональную сферу. А спасения от логики идеализм не знает. И коль скоро человек выстроил себе определенную систему идеалов, он готов пойти на все, чего потребует от него логика этой системы, только бы не лишиться самой системы. Более того, на него непременно обрушит-

[13] *«Бог из машины»* (*deus ex machina*) — см. примечание 5 на с. 39

ся какой-нибудь роковой катаклизм, который сметет до основания всю его жизнь еще до того, как разрушится его «мотор» — довлеющий над ним идеал. Так что психоанализ мы смело можем назвать авангардом науки, евангелием новой *идеальной* свободы. Ибо, разумеется, столь полное и последовательное воплощение идеализма не может не вызывать восхищения. Человек в нем есть безусловный хозяин своей судьбы и капитан своей души. Или, лучше сказать, машинист своей души: ведь на самом деле он, этот хозяин своей судьбы, не более чем некий божок из машины. Он лишь изобрел свой собственный принцип автоматизма, а дальше ему остается действовать согласно этому принципу, как «действует» любой винтик сложного механизма.

Но, независимо от степени нашего идеализма, мы все балансируем на краю пропасти; мы пытаемся пройти между двумя раскаленными докрасна металлическими стенками. Отвергнув предлагаемое фрейдистами крайнее средство, мы все же вынуждены будем искать какой-то иной выход. Ибо мы все находимся в тупике, из которого выхода не знаем и знать не можем, а выход ведь должен быть, и мы отчаянно его ищем, ибо найти его означало бы стать самими собою и более никогда и ни в чем не отклоняться от собственной природы. Но мы не знаем, в какую сторону нам идти, чтобы следовать своей природе. И так ли уж виновен психоанализ, когда пытается указать нам хоть какой-то выход, даже если этот выход — инцест?

В то же время мы понимаем, что если будем следовать за «идеалом» и далее, то ничего не сумеем приобрести. Было

бы намного лучше, если бы мы сумели вернуться к нашему собственному, истинному бессознательному. Но не к тому бессознательному, которое представляет собой всего лишь перевернутое отражение нашего идеального сознания. Мы должны, если только сможем, открыть то истинное бессознательное, откуда бьет ключом наша жизнь, предваряя всякие умствования. То первое в нас биение жизни, что не повинно ни в каких рассудочных искажениях, да и не подвластно им,— это и есть бессознательное. Оно изначально, но никоим образом не идеально. Оно и есть то спонтанное начало, из которого нам только и следует исходить в своей жизни.

Каково же, в таком случае, это истинное бессознательное? Оно не фантасмагорическое порождение разума, а естественная, спонтанная воля к жизни, присущая всякому живому организму. Где его начало? Там же, где начало самой жизни. Но все это слишком неопределенно. Что толку говорить о «бессознательном вообще», как мы, например, говорим об «электричестве вообще»? Электричество — это гомогенная энергия, о которой можно говорить вне зависимости от конкретного места ее приложения или применения. Но жизнь невозможно себе представить как нечто, существующее «вообще». Она существует только в конкретных, живых существах. Там, где начало жизни, там — ныне, и присно, и во веки веков — начало отдельного, живого индивида. А это означает, что там, где происходит рождение живого индивида, мы всегда найдем и начало жизни, и помимо этого никакого начала жизни нет и быть не может. Любая попытка дальнейшего обобщения непременно уведет нас

за пределы понятия живого, в область гомогенной механистической силы, как это и происходит в космологиях восточных религий.

Начало жизни — в зарождении первого индивидуального бытия. Можете, если хотите, назвать впервые возникшим индивидом простейший, одноклеточный кусочек протоплазмы. Умозрительно, в пределах абстрактного упрощения, это на самом деле так и есть. В этом смысле мы действительно можем утверждать, что жизнь начинается с простейшего одноклеточного кусочка протоплазмы. Ну а там, где начинается жизнь, начинается и бессознательное. Таким образом, простейший, одноклеточный кусочек протоплазмы — это уже *индивид*. Именно индивид, а не математическая абстракция, как, например, абстракция силы или энергии.

Где начинается индивид, там начинается жизнь. Одно неотделимо от другого. Жизнь неотделима от индивидуальности. Но там, где начинается индивид, там начинается и бессознательное, представляющее собой не что иное, как спонтанную волю к жизни. Пытаясь проследить бессознательное до самого его истока, мы приходим к заключению, что этим истоком для всех высших организмов является та первая яйцеклетка, где зарождается индивидуальный организм. В момент зачатия, когда мужская клетка сливается с женской, во Вселенной возникает новая целостность жизни и сознания. Разве это не очевидно? У бессознательного нет никакого другого источника, кроме этой первой оплодотворенной яйцеклетки.

Бессмысленно говорить о бессознательном как о гомогенном явлении, подобном энергии электричества. Мы лишь тогда действительно будем иметь дело с бессознательным, когда поймем, что в каждом индивидуальном организме заключается его индивидуальная природа, а его индивидуальное сознание творится спонтанно в момент зачатия. Мы сказали *творится*. Под словом *творится* мы имеем в виду спонтанное зарождение во Вселенной, зарождение как бы из ничего. Но ex *nihilo nihil fit*.[14] Это верно и в отношении зарождающегося индивида. Слияние двух клеток, мужской и женской, дает нам представление о процессе его зарождения. И от этого процесса зарождения мы с полным основанием можем ожидать появления новой целостности, согласно закону причины и следствия. Ожидаемым естественным или автоматическим следствием процесса зарождения должно быть появление нового существа. И природа этого нового существа, по тому же закону, должна быть производной от природы родителей.

Однако именно это последнее утверждение мы отрицаем. Мы отрицаем, что природа любого нового творения производна от природы его родителей. Природа ребенка *не является* просто новой перестановкой или комбинацией тех элементов, что содержались в природе родителей. В природе

[14] «*Ex nihilo nihil fit*» (*лат.*) — из ничего ничто не берется. Афоризм римского поэта и философа Тита Лукреция Кара (ок. 98—54 до н. э.), автора 6-томного сочинения «О природе вещей», являющегося поэтическим изложением материалистического учения греческого философа Эпикура (341—270 до н. э.).

ребенка всегда есть что-то такое, чего не было в природе родителей. Более того, в ней есть нечто, что не могло быть произведено от природы *всех других* когда-либо существовавших индивидов. В природе ребенка всегда есть нечто совершенно новое, непроизводное и невоспроизводимое, то, что до сих пор всегда оставалось, и всегда будет оставаться, *беспричинным*. Это «нечто» и есть сущность индивидуальности, не поддающаяся определению и анализу. Каждый раз в момент зачатия каждого высшего организма непостижимым образом возникает во Вселенной эта природа индивидуальности — возникает как бы ниоткуда, из ничего. Вопреки всем причинно-следственным законам зарождения и развития, природа индивида до сих пор остается необъяснимой. Свойственное индивиду единство сознания и бытия, возникающее в процессе зачатия каждого высшего организма, есть результат чистого творения — непостижимого разумом деяния, совершаемого вне тех рамок, в которых существует и может существовать наш ограниченный ум.

Эта беспричинная, сотворенная из ничего природа индивидуальной личности есть извечная тайна божественной природы души. Религия в этом смысле права, тогда как наука ошибается. Каждое индивидуальное существо имеет душу — особую индивидуальную природу, происхождение которой не может быть объяснено на основании каких бы то ни было причинно-следственных законов. Эти причинно-следственные законы не смогут объяснить природу индивидуальности даже отдельно взятого одуванчика. Для существования индивидуальности нет видимой причины, нет в ней ни-

какого логического смысла. Наоборот, она существует вопреки всем научным законам и даже вопреки здравому смыслу.

Теперь, после того как мы это установили, у нас есть все основания вплотную подойти к попытке уяснить себе, что такое бессознательное. Говоря о познании бессознательного, мы, по крайней мере, уже знаем, что именно хотим познать. Нам необходимо внутри сущностной, уникальной природы любого индивида выделить и ограничить именно то, что по самой своей природе не поддается определению и анализу, то, что изначально является непостижимым. Постичь это невозможно, можно лишь испытать — в каждом конкретном случае. И вот то, что в каждом конкретном случае оказывается непостижимым, мы и назовем бессознательным. В сущности, тут больше бы подошло слово *душа*. Ведь на самом деле под бессознательным мы и имеем в виду душу. Но идеалисты так истаскали это слово *душа*, что в наши дни оно означает лишь то, чем человек сам себя считает. А то, чем человек сам себя считает, есть нечто весьма далекое от его истинного бессознательного. Так что от идеалистического слова *душа* нам все же придется отказаться.

Однако если бессознательное есть нечто непостижимое и непознаваемое, то откуда же вообще мы узнали о его существовании? Прямо из опыта, вот откуда. Лучшая часть наших знаний — это знания о непознаваемом и непостижимом. Мы знаем о солнце, но не в состоянии его постичь, хотя и придумали теорию о каких-то там горящих газах и прочую причинно-следственную ерунду. Даже если у нас и сложилась более или менее стройная система теоретических по-

нятий о солнце как о сфере кипящего газа (хотя на самом деле солнце, скорее всего,— нечто совершенно иное), то все равно мы ни за что не сможем себе даже отдаленно представить это *кипение*, это бушующее *пламя*. Знание, основанное лишь на рассудочном представлении, может быть, в лучшем случае, только такого рода знанием, какое апостол Павел[15] называл «знанием отчасти», противопоставляя полному, «совершенному» и, ввиду невозможности прийти к полноте опыта, никогда не достижимому знанию. Это, безусловно, является признаком любого полного знания: оно пребывает главным образом в сфере бессознательного, а та его часть, что «выступает» над поверхностью разума или сознания, есть скудная из него выжимка, его бледная тень.

Знать природу бессознательного для нас такая же необходимость, как знать природу солнца. Но мы не должны пытаться объяснить, что такое бессознательное — не более, во всяком случае, чем мы должны пытаться объяснить, что такое солнце: ведь все равно мы не сможем сделать ни того, ни другого. Мы имеем представление о солнце постольку,

[15] *Апостол Павел* — один из виднейших представителей первого поколения последователей Иисуса Христа; автор четырнадцати посланий, вошедших в канонический состав Нового Завета. В этих посланиях и в многочисленных проповедях, записанных евангелистом Лукой в книге «Деяния святых апостолов» и также вошедших в новозаветный канон, Павел предстает одним из самых образованных людей своего времени. Лоуренс, по-видимому, имеет в виду следующее место из 1-го послания Павла к коринфянам (гл.13, ст. 9—10): «Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится».

поскольку можем его созерцать, наблюдать ход его движения по небосклону, чувствовать его меняющуюся силу. То же самое и с бессознательным. Мы наблюдаем его во всех его проявлениях, в его непрестанных перевоплощениях. Мы видим ход его движения, чувствуем испускаемые им безотчетные импульсы. Все это регистрируется нашим сознанием.

Ибо хотя бессознательное является творческим элементом и, подобно душе, само по себе пребывает вне сферы причинно-следственных законов, оно в то же время следует этим законам в процессе самореализации. Во всяком случае, причинно-следственные явления составляют у каждого отдельно взятого индивида какую-то часть этой непостижимой самореализации бессознательного. Великие законы Вселенной — не более чем устойчивые проявления бессознательного.

Все, что мы можем и даже обязаны сделать,— это попытаться еще более тщательно проследить за проявлениями истинно бессознательного и посредством их рационального познавания сломать те рамки, в которые мы тщетно пытаемся его загнать. Ибо вся суть истинно бессознательного в том и состоит, что оно все время движется вперед, всякий раз опровергая наши знания о «законах» или же устойчивых проявлениях и особенностях бессознательного. Мы заходим чересчур далеко в своих попытках свести истинно бессознательное к неким идеальным понятиям. На самом деле мы можем лишь попытаться познать его подлинную природу и затем положиться на нее самое как на наилучший генератор нового движения и нового существования — творческий двигатель прогресса.

То, от чего все мы нынче страдаем, заключается именно в попытке удержать бессознательное в определенных «иде-

альных» пределах. Чем больше мы форсируем «идеал», тем больше извращаем естественную природу и естественное движение бессознательного. Но едва мы признаем всем нам *знакомое* и при этом *непостижимое* присутствие целостного бессознательного, едва сможем усмотреть его «гнездо» в нас самих и прореагировать на его первые и очевидные движения, едва узнаем его типичные проявления и особенности и сумеем дать научное определение неких причинно-следственных законов, которым оно следует в процессе самореализации в нас самих,— только тогда мы сможем наконец поддерживать свою жизнедеятельность, черпая необходимые для этого силы из спонтанного, изначального источника, вместо того чтобы пытаться делать это, обращаясь к мертвым механическим схемам и идеалам. Вот в чем должна заключаться наука о творческом бессознательном и тех его проявлениях, которые подчиняются определенным законам. Эта наука нам пока не известна, ее пока еще нет, не существует даже ее первого, исходного термина. Правда, основной ее постулат может стать нам ясным даже сейчас — для этого мы должны лишь признать, что бессознательное как новая индивидуальная реальность в каждой вновь оплодотворенной яйцеклетке есть результат творения. Но чтобы до конца понять этот постулат, требуется, чтобы на нас низошла свыше некая благодать, природа которой находится вне науки и выше науки. Вот тогда-то наука и откажется от веры в неограниченность чисто рационального познания и вернется к «старой доброй» вере в Бога. Это вовсе не означает, что наука перестанет быть наукой, но благодаря этому она приобретет возможность прийти наконец к полному и совершенному знанию.

III

РОЖДЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Тщетно стали бы мы пытаться определить, *что есть сознание* или *что есть знание*. Да и к чему нам это, если мы уверены, что это понятно и так, без всяких определений? Но вот чего мы наверняка не знаем, хотя и должны были бы знать, так это природы того изначального, первичного сознания, которое, как целостная и развивающаяся субстанция, лежит в основе функционирования всякого организма. Местонахождением идеального сознания является наш мозг. Но идеальное сознание — это конечный результат работы сознания, готовый продукт. Основная же часть сознания лежит вне мозга. Эта остальная часть сознания и является источником жизненных «соков» человека. Впрочем, не только человека.

Мы ведь должны признать, что медуза или морская звезда тоже обладает своим собственным — пусть и своеобразным, но целостным — сознанием. А признав это, мы тотчас же оказываемся за стенами «замка» нашего идеального сознания, расположенного в мозгу, и попадаем в движущийся поток «сокового» сознания. Но не будем бросаться в другую крайность и удержимся от того, чтобы отправиться на самое дно «сознательной» жизни, к беспозвоночным и бактериям. Не любопытнее ли взглянуть на то, что делается поближе, прямо у подножия той скалы, где высится неприступный замок человеческого сознания?

Возьмем, к примеру, человеческий зародыш, пребывающий в утробе матери. Обладает ли плод сознанием? Видимо,

должен обладать, ибо наделен способностью к независимому саморазвитию. В то же время его сознание не может быть идеальным и церебральным, ибо зарождение первичного сознания, то есть сознания на стадии утробного развития, предшествует первым признакам появления мозга. Тем не менее это уже целостное, индивидуальное сознание, имеющее свою собственную индивидуальную цель, обладающее своим собственным, индивидуальным ритмом развития. Где же центр, средоточие такого сознания? И каким образом оно может функционировать еще до того, как сформировалась нервная система? А оно ведь функционирует — функционирует постоянно и стабильно; оно само, словно невидимый паук, ткет паутину нервов и мозга.

Что это за паук? Где тот центр, откуда он начинает ткать свою паутину? Ибо хрупкий человеческий плод обязательно должен иметь центр сознания, причем такой центр должен быть в нем с самого начала, то есть с момента оплодотворения яйцеклетки. Именно эта яйцеклетка является первичной и центральной, и она останется таковой на протяжении всей долгой жизни других бесчисленных клеток, составляющих любой индивидуальный организм,— останется источником и ключом живого, изначального бессознательного. И в последний миг жизни, так же как и в первый миг зачатия, первичная клетка остается креативно-созидательным центром, центром жизни — как сознательной, так и бессознательно-органической.

Где же в развитом плоде следует искать этот креативно-созидательный центр? Может быть, в мозге или в сердце?

Но здравый смысл нам подсказывает, а наука подтверждает, что этот центр находится где-то в глубине, за пупком. Именно там, вне всякого сомнения, находится этот первичный центр, основу которого и составляет самая первая клетка организма — оплодотворенная яйцеклетка. У любого существа, вынашиваемого в материнской утробе, этот центр находится за пупком. Здесь он был изначально, пребывая в таинственной связи с внешним миром. Надежно связанный с организмом матери, он в то же время выполняет свою собственную работу, пропуская через себя животворящий поток крови. Связанный с системой кровообращения матери, он постепенно сплетает паутину собственных кровеносных сосудов, формируя свое собственное тело как вместилище своего сознания. И все это время между этим центром, этим сгустком жизни, и огромным внешним миром существует совершенная связь. На допущении этой связи астрологи построили свою науку задолго до того, как рассудочное, рациональное сознание присвоило себе все прерогативы знания.

Плод не обладает *личностным* сознанием. Впрочем, что такое, по своему происхождению, понятие личности, как не тот же самый идеал? Но зато плод, несомненно, обладает *индивидуальным* сознанием. Начиная с возникновения первой клетки, этого организующего центра всей его деятельности, он становится существом целостным и единственным в своем роде. Этот центр радикально отличает его от всего окружающего мира, с него он начинает свое автономное развитие. Деятельность этого центра закладывает основание индивида как целого и косвенно вовлекает в себя деятельность всей Вселенной. Ибо вся эта установившаяся, осно-

ванная на причинно-следственных связях Вселенная, целый космос, угаснет и распадется, если не будет постоянно подпитываться и обновляться в центре творческой жизнедеятельности индивидуальных творений.

Но если этот центр находит себе постоянное место в первой, оплодотворенной, клетке, у него должно быть свое место и в развитом плоде, а впоследствии и во взрослом индивиде. Где же его местонахождение у еще не родившегося ребенка? Ответ не вызывает сомнения — там, где плод соединяется с пуповиной. А у взрослого? Да все там же, в области пупка. Этот эмоциональный первичный центр залегает где-то в основании солнечного сплетения нервных узлов.

Не претендуя на терминологическую точность, мы хотим лишь указать на некую научную ошибку. Почему бы не предположить, что центр первичного, конструктивного сознания у всех млекопитающих находится вовсе не там, где его обычно ищут ученые, а в центральной части брюшной полости, в районе пупка или важного нервного центра, называемого солнечным сплетением? Откуда мы это знаем? Мы это просто чувствуем точно так же, как чувствуем голод, любовь или ненависть. А уж на основании *подспудного знания* человека о том, что представляет собою он сам, наука может искать материал для анализа, подвергая критической оценке это знание, доказывая его истинность или ложность.

Всем нам приходилось держать на руках новорожденного или хотя бы грудного младенца, и мы не могли не обратить внимания на разницу ощущений от прикосновения к маленькому, круглому и *упругому* животу малыша и к его малень-

кой, круглой и *мягкой* голове. По этим ощущениям мы могли судить о том, где просто мякоть, а где настоящая жизнь. Все мы видели слепых щенков или слепых котят и слышали, как они пищат. Но откуда берется этот писк? Что это — некие диктуемые мозговой деятельностью восклицания? Нет, это чревовещание: звук исходит из желудка. Там находится центр бодрствования. Посредством писка этих неуклюжих новорожденных существ заявляет о себе их первое, зародившееся еще в плоде сознание. Это не что иное, как бессознательное, обращающееся к нам прямо из того важнейшего брюшного центра, где и у человека располагается его предсознательный «ум».

Здесь, по телу пупка, происходит разрыв новорожденного существа с субстанцией, давшей ему жизнь, здесь впервые разрывается связь. Здесь шрам, как раскрывшийся бутон, навсегда останется напоминанием о боли и первом расцвете индивидуальности. Здесь отметина нашего одиночества во Вселенной, клеймо и печать нашей свободы, нашего совершенства и нашей неповторимости. Отсюда сравнение пупка с лотосом. Отсюда мистический ритуал созерцания собственного пупка. В этом ритуале высший ум полностью растворяется в низшем и первоначальном сознании: последнее сознание возвращается к первому.

Каждая мать понимает это лучше любого философа. Она знает, что такое этот разрыв, знает, что он навсегда разъединяет ее и рожденное ею дитя, давая ему возможность жить своей собственной, отдельной и свободной жизнью. Знает чудную, трепетную розу пупка, нервно содрогающуюся, так что кажется, будто она наделена чувствами и сознанием;

знает, как больно этой розе и как она плачет, тоскуя по прежней, разорванной связи, и в то же время смеется, ликуя от ощущения органической полноты своей отдельности и индивидуальной свободы.

Большое солнечное сплетение симпатической нервной системы — это мощный и активный физиологический центр новорожденного. Этим центром младенец вновь тянется к матери, криками и плачем моля об исцелении свежей раны, о восстановлении прежнего их единения. Этим центром направляется его рот, слепо тыкающийся повсюду в поисках материнской груди. Как же он сможет ее найти — еще ничего не видя, ничего не понимая?.. Но не требуются тут ни зрение, ни разум. Помещающееся в брюшной полости великое предсознание посылает младенцу опережающий сигнал — и его, как магнит, с силой притягивает к себе материнская грудь, словно излучающая живой магнетизм.

Приникая к материнской груди, младенец до какой-то степени восстанавливает прежнюю связь с телом матери. Этот удивительный процесс возвращения к прежнему органическому единству — в дородовое состояние — в то же время есть и стимулирование, питательное поддержание новой индивидуальности. Ребенок испытывает глубокое удовлетворение от проявления силы своей собственной, новой воли. Он теперь живет и действует по законам своего собственного космоса, управляемого им из своего собственного, индивидуального центра, но при этом все еще не теряет связи с соседним космосом — материнским телом.

Теплый, животворный поток вновь устремляется из материнского тела в ноющую брюшную полость ребенка, недавно отделенного от матери. Развитие жизни невозможно без этих разрывов, отделений, катастроф; боль — спутница не только смерти, но и жизни. Быть может, нам недостает мужества и в дальнейшем нашем существовании переживать эти животворящие боли? Если бы мы могли вырваться из привычных пут разума и прислушаться к нашему *бессознательному* разуму, мы обрели бы это мужество с лихвой. Просто мы засиделись в материнской утробе рассудочности.

Великий магнетически-динамический центр нашего первосознания мощно действует в солнечном сплетении. Это им ребенок познаёт новый для него мир в самом начале жизни, когда умом он еще ничего познать не может. У него нет еще зрения, почти нет ощущений и уж вовсе нет никакого мышления. Нам кажется, что у него нет никакой связи с внешним миром; в глазах у него абсолютная тьма, густая, как протоплазма. Но он сознает и чувствует животом — настолько четко и ясно, что это иногда вызывает у нас ужас и чуть ли не раздражение. Точно так же мать нутром своим знает свое дитя — как ни за что и никогда не могла бы знать его головой. Ведь он не может ни мыслить, ни говорить — он может только чревовещать. Но в ответ на это чревовещание из нервного центра матери, из ее солнечного сплетения, исходит прямая, самопроизвольная эманация, посредством которой происходит ее непосредственное общение с нервным центром младенца, что пульсирует в его животе. Так совершается взаимный обмен знаниями, неизрекаемыми знаниями, знаниями в чистом виде, которые, будь они переданы в ином

виде, будь опосредствованы и разбавлены любыми иными средствами выражения, бесконечно много потеряли бы и в целостности, и в полноте.

Взаимообмен этот — словно нежное, мягко струящееся, *творящее* электричество, текущее между великими нервными центрами матери и ребенка. Электричество Вселенной — губительная сила, но живое электричество общения — сила творческая, созидающая. Оно циркулирует между двумя полюсами эмоционального бессознательного двух теперь уже отдельных друг от друга существ, в каждом из них устанавливая первосознание — святой, всеобъемлющий, главнейший поток нашего сознания.

Но есть здесь и другая сторона медали. Эманация между матерью и младенцем несет в себе не одно лишь нежное единение. Она еще способствует и постоянному расширению ранее наметившегося между ними разлома. Поражает богатством оттенков и форм их общение — и в то же время неуклонно увеличивается между ними разобщенность. Если б мы только могли уяснить себе, что эти два процесса должны на протяжении нашей жизни всегда идти рука об руку — и в любви, и в творчестве! Ибо конечная цель человеческого существования заключается в совершенствовании каждой отдельно взятой индивидуальности, единственной в своем роде и неповторимой, а это невозможно без совершенной гармонии между любящими друг друга личностями — носителями этой индивидуальности. Такая гармония, в свою очередь, невозможна без определенной толики одиночества каждого из них, уравновешенного одиночеством другого.

Так же и младенец: находясь в полном единении с матерью, он в то же время нащупывает пути к отдельному, одинокому, независимому существованию. Один процесс — единение — не может протекать без другого — все более углубляющегося разобщения. Новорожденное дитя поначалу испытывает влечение к первичному истоку, льнет к нему и без него обходиться не может. Кажется, что у него пока еще функционирует только тот нервный центр, который побуждает его к единению, к полной близости с матерью. Младенец плачет от страшащего его одиночества, он протестует против разорванной связи. Он радостен и покоен лишь тогда, когда его допускают к груди: тогда он чувствует себя почти так, как будто вернулся назад в утробу.

Почти, но не совсем, ибо даже в эти моменты он все больше ощущает свою новую природу и *силу*. Вот он безмятежно сосет материнскую грудь — и вдруг отстраняется, отодвигается; чего-то ждет. Что случилось? Его что-то насторожило? Нет, просто включился другой его центр. Младенец отпрянул, весь напрягся. Может быть, это газы? Болит живот? Вовсе нет. Вслушайтесь, *как* в такие моменты он кричит. Ушами мы слышим больше, чем видим глазами. Это первый крик его *эго*. Утверждение своей индивидуальности. Крик бунта против неразрывных связей, бунта против единства. В этом крике бурное желание отстраниться от матери — отстраниться от всех и вся. В нем непокорство, упрямое всеотрицание, взрыв темперамента. Что ж, после столь тесного единения с матерью в период утробного развития нужно ли удивляться этим вспышкам ярости у ребенка, этому стремлению к разделению? Криком младенец заявляет об

избавлении от плена утробы, он бьется в слепом порыве к свободе, к отдельному, всеотстраняющему, независимому существованию.

И это вполне естественно: и протестующий плач, и даже припадки гнева,— ибо новорожденный стремится вырваться из связывающих его пут, добиться для себя независимости и свободы. Но порывы эти и припадки способны вывести из себя даже мать. Они ее раздражают, хотя, возможно, и не так сильно, как окружающих. Ведь ничто не оказывает столь сильного и прямого воздействия на великое изначальное сплетение нервных центров, как крик младенца, этот слепой, смутный крик о разрыве связей. Сплошная игра на нервах! Никто не может остаться спокойным — всем кажется, будто вдруг резко наэлектризовалась атмосфера. Мать, быть может, менее всех подвержена этой электризации, ибо в ней самой содержится равный по величине и противоположный по знаку заряд такого электричества. Но и в ней тоже неизбежно, хотя и в гораздо меньшей степени, возникают гнев и раздражение.

Что до самого новорожденного, то весь этот его порыв, все его усилия, направленные на высвобождение из пут зависимости от окружающего его внешнего мира, носят еще совершенно слепой, почти механический характер. Они направлены на одну только мать, хотя затрагивают и других. Активные центры обратной связи содрогаются от раздражающего воздействия окружающей среды. Что это за центры? На этот раз речь идет не о первичном «сознании» в солнечном сплетении, но о связанной с ним бессознательной воле

в другом нервном узле. Этим узлом является поясничный ганглий[16], относящийся к спинной нервной системе и играющий роль другого полюса первичной психической деятельности человеческого индивида. Между ним и солнечным сплетением возникает ток нервного напряжения. Когда младенец надрывается от плача, он из своего поясничного ганглия посылает во внешний мир бурные волны раздражения, непокорности и тревоги, а в тот момент, когда напрягается его спина, она приобретает удивительную для такого крошечного существа силу и мощь. В его поясничном ганглии начинает активно вибрировать бессознательное начало, чья деятельность направлена теперь на разрыв и разобщение. Происходит поляризация матери и ребенка, и оба они подвергаются действию аффекта. Правда, мать, как правило, настолько *уверена*, что ребенок принадлежит ей всецело и полностью, что поначалу не реагирует на его крики. Но он продолжает кричать и кричит до тех пор, пока не вызывает у матери ответную реакцию — раздражение. Ее гнев быстро нарастает, затем следует вспышка — гром и молния. Разражается настоящая буря, и совершается в чистом виде разрыв. После этого оба обречены на свое собственное, индивидуальное существование, оба концентрируются на своем собственном «я», все более совершенствуемом и все более отделяющемся от другого.

Отсюда возникает и дуализм, раздвоенность в первичном сознании младенца. Теплый розовый живот, подрагивающий

[16] *Ганглий* — нервный узел, скопление нервных клеток, волокон и скрепляющей их ткани.

в доверчивом и радостном смехе,— и в то же время непокорно напряженная спина. Отбиваясь и сопротивляясь, дитя ищет независимости. Напряженная спина дает ему ощущение своего частного, отдельного, неприкосновенного существования. Отныне он не допустит никаких посягательств на свою самостоятельность. В нем пробудилась гордость и потребность в самоутверждении. Ему уже знакомо антагонистическое чувство свободы. Ласки матери, ранее принимавшиеся без сопротивления, теперь решительно отвергаются. Непокорное, своенравное дитя находится под властью импульсов слепой воли, исходящих из поясничного ганглия.

Своенравничает дитя — проявляет свой нрав и мать: иногда — чтоб силой удержать упрямое дитя, а иногда — чтобы его оттолкнуть (так кобыла может лягнуть своего повзрослевшего жеребенка). Вступает в действие центр *бессознательной воли*. Рождаясь в недрах поясничного ганглия матери, этот поток негативизма устремляется к только что пробужденному соответствующему центру ребенка, вызывая взаимное отталкивание двух уже установившихся индивидуальностей. Все идет нормально до тех пор, пока оба эти противоположно заряженных потока равны по силе. Но в случае, если один из потоков не встречает ответной реакции, эта сила может стать разрушительной. Мать, у которой центр отталкивания недостаточно развит, слишком много нянчится со своим ребенком и тем самым подавляет его волю. Если ему искусственно навязывать одну и ту же бесконфликтную гармонию взаимоотношений, он может вырасти слабовольным и болезненным.

Итак, необходима полярность динамического сознания — с самого начала жизненного пути. Между полюсами возникают и взаимодействуют два потока сознания, способствующие становлению и развитию индивидуального бытия. Нежное единение — жесткое противостояние. Никакое творческое развитие невозможно без этой полярности, без этой двойственной циркуляции противоположно направленных, спонтанных, ничем не регулируемых потоков. Без существования этих потоков жизнь попросту невозможна. Первичное бессознательное постоянно пульсирует между обоими полюсами: любовь и ярость, притяжение и отталкивание, прием пищи и ее вывод из организма. Что толку выдумывать «идеал» поведения? Кто может выпрямить пути бессознательного[17]? Нам следует понять, что мы не можем, даже с самыми лучшими намерениями, становиться на пути нашего бессознательного: такая наша попытка повлекла бы за собой смертельную угрозу для потока жизни всех тех, кто с нами связан. Нарушая нормальное функционирование одного полюса, мы тем самым нарушаем и нормальное функционирование другого. И здесь возникает еще один жизненно важный аспект — чисто нравственный.

[17] Скрытая цитата из библейской «Книги Екклесиаста» (гл. 7, ст. 13): «Смотри на действование Божие: ибо кто может выпрямить то, что Он сделал кривым?»

IV

ДИТЯ И МАТЬ

Утверждая, что местонахождением первичного сознания новорожденного является брюшная полость, мы вовсе не хотим сказать, что все остальные центры его сознания абсолютно бездействуют. Вместе с появлением ребенка на свет происходит и пробуждение его центральной нервной системы, наблюдаются даже первые проблески памяти, а вскоре начинаются процессы узнавания и познавания. Но спонтанный контроль над жизнедеятельностью ребенка и все изначальные побуждения к развитию его индивидуальности исходят из эмоционального центра в брюшной полости. В солнечном сплетении располагается первый великий источник и возбудитель сознания ребенка. Здесь, за пупком, находится деятельный первичный разум человека, его исходное бессознательное. С момента зачатия и формирования первой клетки — и до самого момента смерти человека — первичный, великий центр его деятельного сознания пребывает в солнечном сплетении.

Цель развития любого существа — расцвет его индивидуальности. Взрослый, развившийся индивид достигает в пору зрелости своего совершенства: он совершенен как сам по себе, так и в своих гармонических взаимоотношениях с окружающим миром и со всей Вселенной. Все то время, пока пробужден лишь один большой центр сознания в брюшной полости, дитя еще не существует отдельно, то есть как самостоятельное существо; все его естество свя-

зано с материнским и размещается в нем. Но как только добавочный — негативный — полюс пробуждает центр бессознательной воли в поясничном ганглии, сразу же начинает биться пульс независимости, начинается утверждение самости. Напрягается спина у ребенка.

Однако и тогда этот ток между двумя полюсами, двойственный по своей сути (позитивный и в то же время негативный, поскольку исходит от позитивно-симпатического и негативно-волевого полюсов), определяется дуализмом двух существ, хотя и является индивидуальным. Каждый из индивидов в этой жизненно важной циркуляции зависит от другого.

Рассмотрим вкратце те *виды* сознания, что проявляют себя в этих двух главных первичных центрах. Душа новорожденного, находящаяся в солнечном сплетении, подобна живому магниту, действующему как сила жизненного притяжения. Она «всасывает» в себя весь окружающий младенца мир — точно так же, как прежде, во внутриутробный период, всасывала в себя жизненные силы из живого мира внутри утробы матери. Во внешних проявлениях она агрессивно эгоцентрична, хотя внутренне радостна и позитивна. Она вещь в себе, существующая для себя; она субъект, не сознающий объекта. Все, что она сознает,— это свой собственный жизненный потенциал, и этот потенциал втягивает в себя внешний объект, как во внутриутробный период субъективная сила жизненного притяжения втягивала поток крови внутрь плода. Тут душа сама для себя является *Всем*. Этакая слепая самодостаточность.

Такова первая модель сознания для всякого живого существа — и действие ее во всяком юном существе не может не вызывать изумления. Но и в этом процессе есть своя оборотная сторона, становящаяся явной с самого начала активной работы поясничного ганглия, ибо душа ребенка в своей первой реакции на возникновение неразрывной связи с внешним миром восстает против самой себя. Восстает даже против своей же собственной модели поведения — модели ассимилирующего единения. В ней созревает необходимость прервать, остановить тот великий ассимилятивный психический процесс, что происходит на уровне симпатического нервного центра. Она должна очиститься от самой себя, порвать все связи и контакты с чем бы то ни было. Затем она должна ощутить и испытать свою собственную *силу*, хотя чаще всего это не более чем пробное, игровое испытание.

Эта реакция все еще чисто субъективна. Когда дитя напрягает спину, вырывается из рук, старается высвободиться, исступленно бьется и кричит без видимой причины,— просто для того, чтоб «показать характер»,— оно не ведает, против чего восстает. У него нет объективной осознанности того, на что оно реагирует, образа некой раздражающей его объективной реальности, проявляющей себя прежде всего через мать. Ребенок, словно пловец, непрерывно «колотит воду» вокруг себя сильными ножками, получающими нервный импульс прямо из поясничного ганглия. Он, как лодочник, «отталкивается от берега», стараясь отправиться в свое собственное плавание, стремясь к свободе, свободе и еще раз

свободе. Это не что иное, как чисто субъективное движение в негативном направлении.

В нашу эпоху культа объективности, после того, как мы долго учились искусству быть объективными и отдавать себе отчет в своих поступках и побуждениях, наверное, непросто осознать могучую, слепую силу бессознательного на первой стадии его проявления. Бессознательное — это нечто совершенно отличное от того, что мы привыкли называть *эгоизмом*. То, что мы называем *эгоизмом*, на самом деле имеет чисто рассудочное происхождение, ибо *эго* есть просто сумма всего того, чем мы себя *считаем*. С другой стороны, могучая изначальная субъективность бессознательного на первой стадии его активности лежит в корне всего нашего сознания и бытия, причем корень этот удивительно крепок и цепок. Поэтому единственное, что мы можем с уверенностью утверждать,— так это именно то, что мы надежно «укоренены». И если мы разрушим магическую формулу этой первоначальной субъективности, мы тем самым выдернем свой главный корень и обречем себя на беспомощное беспочвенное существование.

Итак, эта могучая бессознательная субъективность, в которой «я» есть вещь в себе и для себя; субъективность, активно стремящаяся то к *психической* ассимиляции сопредельной Вселенной, то, напротив, к тотальному от нее отречению; субъективность как первая стадия психической деятельности, поляризованная в солнечном сплетении и поясничном ганглии каждого индивида, но пребывающая во взаимодействии с сопредельными полюсами другого индивида,— субъективность эта является первым и абсолютно не-

обходимым условием существования каждого человеческого индивида. Но мы хотели бы вновь подчеркнуть, что в то же время полная циркуляция устанавливается между *двумя* индивидами (так что *на самом деле* ни один из них, строго говоря, не является свободной *вещью в себе*) и что возникающая при этом полярность между *двумя* индивидами и обеспечивает ту связь между индивидуальной целостностью и внешним миром, которая является ключом ко всякому росту и развитию. Чистая субъективность этой первой стадии психической деятельности не более *эгоистична*, чем чистая объективность любой другой ее стадии. Ибо откуда же взяться эгоизму? Каким образом чистая, взаимно уравновешенная полярность в любом ее виде, взаимодействие *двух* индивидов, жизненно важное для обоих, могут быть в том или ином смысле эгоистичными со стороны одного из них? Вообразить подобное можно лишь, глядя на мир сквозь призму наших искаженных моральных ценностей.

Если бы не здоровый инстинкт, морализирующее человечество давным-давно уже вымерло бы, истребило бы самое себя. Однако человек *вынужден быть* морален — морален в корне и по сути своей. Квинтэссенцией морали является основное для человека стремление сохранить совершенную связь между собственным «я» и «объектом» этого «я» — такую связь, которая, не посягая на целостность индивидов, протекала бы в то же время без сбоев и нарушений жизненно важного взаимообмена.

До сих пор мы видели проявление бессознательного лишь на том первом уровне, где оно целиком и полностью зависит от связи между *двумя* индивидами. Но за установлением

взаимодействия на этом мощном, субъективном, «нутряном» уровне немедленно следует пробуждение всей системы к новому уровню сознания. Это пробуждаются большие верхние центры.

Диафрагма разделяет человеческое тело на две половины — психически точно так же, как и органически. Два нижних центра за диафрагмой — это центры темной, центростремительной, ассимилирующей субъективности. Под их влиянием в грудной клетке активизируются первые два центра объективного сознания, которые начинают действовать с неуклонно возрастающей интенсивностью. В груди, подобно солнцу, «восходит» симпатическое сплетение нервных узлов, а на другом полюсе спинной ганглий заставляет человека расправить плечи, наполняя их мощью и силой. И вот мы уже видим взаимодействие двух уровней первичного сознания: первый, нижний,— это уровень субъективного бессознательного, действующий ниже диафрагмы, и второй, верхний,— сознательный уровень, функционирующий в груди выше диафрагмы.

Следует понимать, что субъективное и объективное в *бессознательной* сфере психики — не то же самое, что субъективное и объективное в сфере *разума*. В случае бессознательного мы не имеем дела с застывшими понятиями, со статическими объектами в форме мыслей. Нам не приходится утруждать себя восстановлением связей между разумом и его собственным идеальным объектом или докапываться до отличий между идеальной вещью в себе и породившим ее разумом. Да и вообще мы обходимся без этой ненавистной вещи

в себе, которая есть одновременно все и *ничто*. Мы шагаем по твердой почве, а не по зыбкой почве абстракций.

Бессознательная субъективность в ее позитивном проявлении — это активное «всасывание» окружающего мира, а в негативном — всеобъемлющее слепое отторжение (то, что мы называем *бессознательным* отрицанием). Эта субъективность охватывает равным образом и творчески-эмоциональную и физическую сторону жизнедеятельности ребенка. Она включает в себя и нежно-любящие отношения между матерью и младенцем, и время от времени переживаемые ими иррациональные реакции взаимного отторжения, и процессы мочеиспускания ребенка и сосания груди матери. Психическое развитие происходит параллельно физическому — при всем их различии между собой. Сосание материнской груди и мочеиспускание младенца — это действия, побуждаемые большими *субъективными* центрами: позитивным и негативным. Когда дитя сосет грудь, между ним и его матерью происходит взаимодействие нервных систем, или симпатическая циркуляция, при которой симпатическое сплетение нервов у матери действует как негативный или подчиненный полюс по отношению к соответствующему нервному сплетению у младенца. При мочеиспускании же младенца имеет место соответствующая циркуляция между волевыми центрами матери и ребенка, так что мать должна получать удовлетворение — и действительно *получает* его,— оттого что организм младенца выполняет функцию выделения. По мере того как это происходит, ее организм испытывает

ощущение, прямо противоположное ощущениям младенца и являющееся реакцией на его ощущения.

В объективном сознании младенца и его матери не существует — по крайней мере на первых порах — никакого четкого представления друг о друге, у них нет никакой *идеи, мысленного образа* друг друга. Их сильная, действенная взаимная привязанность проистекает из больших центров, находящихся в брюшной полости,— тех самых центров, где изначально сосредоточена вся их любовь, истинная любовь. Мы не говорим здесь о той отраженной, словно лунный свет, любви, что исходит из головы, об этой преобладающей в наши дни неполноценной форме любви. Она коренится в одной лишь *идее*: объект любви — чисто мысленный объект, бесконечное число раз оцениваемый, критикуемый, исследуемый и рано или поздно себя исчерпывающий. Все это не имеет ничего общего с действительным и действенным бессознательным.

Итак, установив, что бессознательное вспыхивает, мерцает, истекает мощным субъективным потоком из расположенных в брюшной полости центров, напрямую связывая младенца и мать на соответствующих полюсах жизнедеятельности, мы приходим к выводу, что бессознательное не содержит в себе ничего идеального, а значит, и абсолютно ничего личностного, поскольку *личность*, как и *эго*, является принадлежностью сознательного или рассудочно-субъективного «я». Таким образом, психоаналитику для начала следовало бы заняться чем-то настолько безличным, что так называемые *человеческие* взаимоотношения никоим бы образом его не касались. Ибо возникающие на самых первых по-

рах отношения между матерью и ребенком нельзя назвать не только личностными, но даже биологическими. Этого, увы, все никак не могут уразуметь психоаналитики.

Возьмем простой пример. До ребенка дотронулись чем-то меховым или мохнатым — и он кричит от ужаса. Но вот дотронулись тем же предметом до другого ребенка — и он радостно гукает от удовольствия. В чем тут дело? Какой-то комплекс? У отца второго ребенка есть борода?

Объяснение, конечно, возможное, но уж слишком «очеловеченное». Ведь от трения мехом возникает чисто физический эффект, электрический заряд, а электричество, как известно,— это та сила, которая порождает отталкивание, разъединение. Сила эта соответствует волевым проявлениям, возникающим в нижнем спинном ганглии и вызывающим яростное отталкивание, порывы к собственной независимости, к проявлению собственной силы. Вот почему первый из младенцев — с кротким, мягким характером — от соприкосновения с мехом закричит от страха, а второй — упрямый и непокорный — начнет проявлять восторг. Мы имеем здесь дело с реакцией, затрагивающей очень глубокий слой психики, даже более глубокий, чем сексуальный,— слой, где формируется первоначальная, элементарная «душа». Неудивительно поэтому, что ласковый, послушный ребенок, пытаясь погладить черную кошку, в ужасе отдергивает руку, получив заряд электричества от меха дикого по природе, эгоистичного и хищного существа, тогда как тот же самый заряд вызывает у своевольного, упрямого ребенка прилив радости.

В то же время мы не можем упускать из внимания, что ребенок с первых же дней своей жизни является объектом также принципиально иных, *сознательно*-психических влияний со стороны окружающего мира и почти автоматически реагирует на сознательные проявления нежности со стороны матери. Именно таким образом происходит преждевременное пробуждение сексуальности и развиваются различные комплексы. Но все это проистекает вовсе не от спонтанных проявлений бессознательного. Эти комплексы порождаются вполне сознательными, умышленными действиями, даже если эти действия «ничего такого» и не подразумевали. Тут налицо результат *рассудочной* субъективности, деятельности сознающего себя «я», столь отличной от изначальной бессознательной субъективности.

Вернемся, однако, к чистому бессознательному. С пробуждением к жизни верхних центров открывается совершенно новое поле сознательной спонтанной деятельности. Большое симпатическое сплетение нервов в груди можно назвать «умом» сердца. Это грудное симпатическое сплетение в «верхнем» человеке прямо связано с солнечным сплетением в «нижнем». Но эта связь осуществляется по типу взаимного творческого противодействия. Из верхнего, грудного симпатического центра, как из окна, «выглядывает» бессознательное, ища себе объект приложения. Прижимаясь к материнской груди, ребенок наполняется первичным ощущением *матери*; он не желает ее, не наслаждается ею в полном смысле этого слова, а именно *ощущает ее* как таковую.

И в этом заключается первое важнейшее проявление изначального объективного знания, объективного содержания бессознательного. Такое знание является настоящим сокровищем сердца, понимаемого как символ души. Именно сердце считалось древними тем местом, где пробуждается сознание, и это не было ни ошибкой, ни метафорой. Ибо под сознанием они, как правило, понимали только объективное сознание.

Из сердца как из центра души исходит та удивительная эманация «я», которое ищет любимую и, найдя ее, устремляется к ней, подобно пальцам младенца или незрячего, любовно блуждающим по дорогому лицу, вбирающим в себя его образ и навеки переносящим его в глубины своего бессознательного, своей души.

И это — первый навык объективного знания, приобретаемый бессловесно и вслепую, прямым и непосредственным образом. Это опыт существования младенческого бессознательного непосредственно в образе матери, чистом и непреходящем,— образе, навсегда запечатляемом в его душе. Так душа сама себя оснащает непреходящими ценностями; она словно ткет из них самое себя, как паутину, паутину растущего тела, каждая клеточка которого оснащена непреходящим творческим содержанием.

Груди человека — как двое очей. Нам трудно в это поверить, но соски, как женские, так и мужские, являются полюсами жизнетворной эманации сознания и жизненных взаимосвязей. Нам невозможно это представить себе, но они, пульсируя, подают сигналы во Вселенную или, как малень-

кие фонарики, освещают дорогу душе, прокладывающей себе путь во тьме окружающего мира.

И конечно же, именно из аффективного «сознательного» центра, расположенного в груди, исходит радостное открытие любимого существа — первое объективное открытие в окружающем мире, первое со стороны человеческого «я» воздаяние чести и хвалы тому, что является другим «я». Функцию этого любимого существа исполняет мать, а точнее, молоко в материнской груди. Но это уже уступка большому нижнему сплетению — основному, солнечному, сплетению. Это еще и функция груди как части пищеварительной системы. Но об этом — особый разговор.

Наконец, в процессе сосания груди пробуждаются руки. Странное возникает ощущение, когда смотришь на изображение *Мадонны с младенцем* кисти старых мастеров. Порою круглый живот младенца кажется на их картинах доминирующим центром Вселенной, а по временам из его хрупкой груди как будто исходит нежный свет, свет любви. Кажется, будто его грудь освещает окружающий мир в поисках приложения своей любви и будто это свет истины, падающий на восхищенную Мать, нежно склонившуюся к нему и прислушивающуюся к Божественному откровению.

Маленькие ручки беспорядочно двигаются, пытаясь потрогать, схватить, познать. Хватка младенца ласкова, а не губительна. Он ищет близости с только что обнаруженным дорогим существом, он хочет до конца его понять. Понять и нежно сохранить в своей памяти. Устремиться к нему всем своим ищущим «я». Именно это мы называем любовью.

Но это на самом деле только одно из направлений любви, той любви, что исходит из центра любви в грудной клетке и заставляет губы — искать соски, руки — нежно, ласково двигаться и исследовать, глаза — широко раскрываться и воспринимать. Глаза и руки — они *пробуждаются* и приводятся в активное состояние по сигналу из центра в груди. Но уши и ноги управляются теми центрами, что расположены ниже и глубже. Уши, чуткие к малейшим вибрациям, и ноги, упирающиеся во всякую твердую поверхность, подчинены мощному нижнему спинному ганглию.

И вот теперь все уже действует по-настоящему: руки двигаются и исследуют, глаза стараются постичь, ноги то сгибаются, то разгибаются в коленках, маленькие ступни подергиваются и поворачиваются, уже готовые встать на твердую почву.

Становление индивида в его целости и целостности происходит именно таким образом. Два уровня сознания — первый верхний и первый нижний — устанавливаются на основе взаимосвязи двух полюсов. Так возникает первая полная циркуляция *внутри индивида*, между его собственными, верхним и нижним, центрами. Отныне индивидуальное сознание получает возможность целостного и независимого существования и действия, вне зависимости от наличия или отсутствия внешних связей. Отныне оно получает право быть само по себе.

V

ЛЮБЯЩИЙ И ЛЮБИМЫЙ

Сознание развивается на двух взаимодействующих уровнях. На каждом из них существуют два полюса — позитивный и негативный, то есть симпатический и волевой нервные центры. Первый уровень устанавливается между полюсами симпатического нервного центра — солнечного сплетения — и волевого нервного центра — поясничного ганглия. Этот первый, активный, уровень является уровнем субъективного бессознательного, из которого и развивается сознание как целое.

Параллельно первому уровню *субъективного* динамического сознания (и во взаимодействии с ним) немедленно возникает соответствующий первый уровень *объективного* сознания, представляющий собой объективное бессознательное, поляризованное в ганглии грудной клетки, то есть, попросту говоря, в груди. Устанавливается совершенное взаимодействие по принципу единства противоположностей между первым уровнем в брюшной полости и первым уровнем в грудной клетке. Эти два уровня, поляризующие друг друга в системе четырехкратной полярности, и составляют первое основание индивидуального, самодостаточного сознания.

Каждый из полюсов активного бессознательного выявляется в специфической деятельности и дает начало специфическому виду динамического, или творческого, сознания. На каждом уровне негативный волевой полюс *дополняет*

позитивный симпатический полюс, однако сознание, берущее свое начало от этих двух, дополнительных по отношению друг к другу, полюсов, не является простым сочетанием позитивного и негативного — оно является принципиально иным и противостоит уже другому уровню сознания. При этом сознание каждого уровня является чистым и совершенным само по себе.

Однако в тот момент, когда оба эти уровня — верхний и нижний — вступают в область взаимодействия, достигается принципиально новый уровень их взаимовлияния. Верхний, динамически-объективный, уровень является дополнительным по отношению к нижнему, динамически-субъективному. Между обоими уровнями возникает и постоянно поддерживается гармония противоположностей, и это единство противоположностей между двумя уровнями формирует первое целостное поле сознания. В каждом индивиде существует эта четырехкратная полярность, а во взаимоотношениях двух индивидов — уже восьмикратная.

Теперь, прежде чем мы сможем так или иначе выстроить некую стройную систему научной, «понимающей», психологии[18], мы должны объяснить *природу* сознания на каждом из его динамических полюсов — природу сознания как направление динамико-витального потока, как результирующую физически-органического развития и деятельности индивида. И мы должны это сделать прежде, чем начнем размышлять об «адекватной» системе воспитания. Наука о воспитании нынче повсюду переживает период разброда и шатания. Больше не уповая на путеводную звезду разума, не стремясь

нагрузить интеллект, она без руля и без ветрил носится по волнам в океане абсурда и отчаяния. И не стать ей серьезной наукой до тех пор, пока не будет как следует понята человеческая психика. А человеческую психику мы так никогда и не начнем понимать, прежде чем не осмелимся ступить на темный континент бессознательного. Приступив же к исследованию бессознательного, мы обнаружим, что должны идти от центра к центру — или, пользуясь древним эзотерическим термином, от чакры к чакре[19]. Мы должны терпеливо выявлять психические проявления каждого центра и, более того, по ходу дела выяснять психические результаты взаимодействия (взаимодействия по принципу противоположности) между динамическими центрами — взаимодействия как внутри одного индивида, так и между разными индивидами.

Вот достойное поле для научной деятельности — деятельности на долгие времена. Однако начинать можно хоть завтра. Такая деятельность, по крайней мере, освободит нас от самых ужасных оков — оков идей и идеалов. Это великая цель для тех, кто вечно трудится над высвобождением *спонтанной* психики — истинной души человека.

В предыдущих главах мы надеялись хотя бы обозначить основные вехи становления первой сферы бессознательного, для чего пытались разобраться в природе сознания, проявляющего себя на каждом из указанных полюсов, а также в сложном разнообразии динамического напряжения, возникающего между различными полюсами. До сих пор мы высказали всего лишь предположение о природе первого уровня бессознательного и попытались подойти ко второму, или верхнему, уровню. При этом мы не стремились к научной

точности, по крайней мере в терминологии. Все, к чему мы стремились,— это к вразумительной постановке вопроса.

Для обеспечения уравновешенной деятельности солнечного сплетения пробуждается большое сплетение в грудной клетке. В нынешнюю эру это сплетение можно считать огромной планетой в нашей психической Вселенной. В преды-

18 *«Понимающая психология»* — одно из влиятельных направлений научной психологии начала XX века. Разработка его основ, как и сам термин «понимающая психология», принадлежат немецкому психологу и философу, одному из представителей «философии жизни» Эдуарду Шпрангеру (1882—1963), хотя идея разработки такого направления и применения подобной методологии в науке о человеке принадлежала еще немецкому философу второй половины XIX века Вильгельму Дильтею (1833—1911), который подчеркивал центральную роль не объективного «объяснения», а субъективного «понимания». По-видимому, Лоуренс имеет здесь в виду именно его мысль о том, что «природу мы объясняем, а душевную жизнь понимаем», ибо Лоуренсу была близка идея «понимающих» психологов о важной роли интуиции в постижении закономерностей психики. В то же время острие полемики автора «Психоанализа и бессознательного» в данном случае направлено на недооценку «понимающими» психологами экспериментальной психологии и ее естественнонаучного основания, а также (далее в этом абзаце) и на их теорию воспитания, задачу которого они видели в «адекватном» соотнесении внутренних индивидуально-смысловых образований (переживаний) с миром культурно-исторических ценностей.

19 *Чакра* (*санскр.* «колесо»).— Некоторые разновидности индуизма и буддизма под этим понятием действительно подразумевают психические центры, расположенные в определенных местах человеческого тела, хотя и не называют точного количества всех чакр. Однако обычно индуисты выделяют семь, а буддисты — всего четыре основные чакры, каждая из которых ассоциируется с определенным цветом. формой, органом чувств, природным элементом, божеством и «биджа мантрой» (односложной молитвенной формулой). Среди этих основных чакр, в свою очередь, важнейшими являются две: нижняя (muladhara) — в зоне крестца — и высшая (sahasrara) — на макушке.

дущую, симпатическую, эру цветок Вселенной расцветал в пупке. Но, начиная еще с древнеегипетских времен, солнце творческой активности сияет из груди, из сердца Высшего Человека. Именно оно является для нас источником света: любящее сердце, Святое Сердце. Именно ему мы противопоставляем темную бездну низшего человека, всепоглощающий водоворот его «животной» сущности («живот» — это то, что за пупком). Даже теософы[20] не поняли, что именно там, в животе, на самом деле и расцветает универсальный лотос и что «низший человек» с его «животной» сущностью, этот темный всепоглощающий водоворот, был некогда творческим истоком в истинном понимании этого слова.

Называя сердце солнцем и источником света, мы, однако, нисколько не грешим против биологии. Ибо корень видения, то есть зрения как такового,— в сердечном сплетении. Если же мы будем рассматривать само сердце, а не нервное сплетение, то мы должны будем говорить уже не об одной

[20] *Теософы* — приверженцы теософии (от *греч.* «theos» — «бог» и «sophia» — «мудрость»), популярного во времена Лоуренса религиозно-мистического учения Е. П. Блаватской (1831—1891) о единении человеческой души с божеством и о возможности непосредственного общения с потусторонним миром. Блаватская вместе с Г. Олкоттом основала в 1875 г. в Нью-Йорке Теософическое общество (вскоре его центр переместился в Индию, где существует и поныне). Активным его членом до 1913 г. был Р. Штайнер — создатель отпочковавшегося от теософии учения антропософии (с этим учением Лоуренс также был хорошо знаком). Теософия сочетает в себе элементы эзотерической науки и мистической практики, ставя себе целью выявление в индивиде «скрытых сил», его духовно-божественного ядра. Именно на эти поиски теософами «ядра», «центра сил» человека и намекает автор «Психоанализа и бессознательного».

только нервной системе. Ну а если мы будем иметь дело со всем бурлящим потоком кровообращения, то нам придется залезть в такие дебри, где наш неопытный ум просто станет в тупик. Для наших целей достаточно будет иметь в виду, что солнечное сплетение является первым и главным ключом к той грандиозной пищеварительно-сексуальной деятельности, которая совершается в человеке, деятельности одновременно функциональной и творчески-эмоциональной.

Что же до сердечного сплетения, то оно есть первый и главный ключ к дыхательной системе и всей активно-продуктивной деятельности. Рот и ноздри — ворота в каждый из этих двух великих центров, нижний и верхний; даже грудной области свойственна эта двойственность. Ключ к дыханию и работе рук находится в груди, в то время как ключ к пищеварению, к чувственным проявлениям, к сексу — в нижних центрах. Эта двойственность заходит очень далеко и глубоко. Так же, как и полярность. Все в организме — от основных органов до малых лимфатических узлов — зависит для каждого от своего собственного, особого центра в бессознательной сфере; каждый открывается в сознании своим собственным, особым динамическим ключом, который почти с полным правом можно назвать «клеточкой души». Врожденное бессознательное, или душа,— это первая делимая клетка, и производные от нее клетки, также способные к воспроизводству, образуют органы, узлы и нервные центры человеческого организма. Вот наш ответ материализму, равно как и его противоположности — идеализму. *Клеточ-*

ное бессознательное производит органы, точно так же как и сознание. И эти великие производящие клетки бессознательного и *дальше сохраняют активность* внутри жизненно важных нервных центров, каковые нервные центры, начиная с первого по происхождению — солнечного сплетения — и заканчивая венчающим все это сложное строение мозгом, образуют одну гигантскую цепь двойственной, дуальной полярности и разветвленного сознания.

Все это, конечно, попутные, поспешные, поневоле сбивчивые умозаключения. Вернемся, однако, к основной линии наших рассуждений. Итак, сравнивая сердечное сплетение с солнцем и светом, мы не просто прибегаем к красивой метафоре (метафоре в первоначальном значении этого слова: *перенос*). Ибо эманация сознания из этого первого верхнего центра, расположенного в грудной клетке, действительно сравнима с волнами света, омывающими вечный предмет своей любви и высвечивающими сквозь оболочку его суть. Такой *перенос* объективного знания в глубины души — почти то же самое, что зрение. Это корневое зрение. Оно возникает прежде, чем открываются глаза. Это первый гигантский опыт *постижения*, пока еще темного, но движущегося к свету. Это око груди. Психически — это основное объективное знание. Динамически — это любовь, преданная и верная любовь.

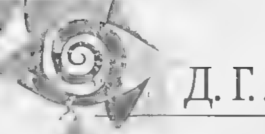
Таким образом, мы почти уже определили двойственность природы этого первого, верхнего сознания. Сначала из груди исходит эманация любви, эманация любящего «я», всего себя отдающего любимому. А затем эта любовь пре-

вращается в обогащенное новым знанием объективное сознание, первое объективное содержание души.

Этот процесс является доказательством и иллюстрацией дуальной полярности. Из позитивного полюса сердечного сплетения проистекает та эманация, которую мы называем самоотверженной любовью. На самом же деле она не самоотверженная (*отвергающая* все свое «я»), а самоотдающая (*отдающая* любимому свое «я»). И это единственная признаваемая нами форма любви. Но из мощного плечевого ганглия исходит негативная эманация, которая испытующе «ощупывает» любимого, возвращаясь к чисто объективному восприятию — не критическому и рассудочному, а эмоционально проницательному.

Вдумаемся в природу этого различного действия двух верхних полюсов. Из симпатического нервного узла в районе сердца проистекает, подобно солнечным лучам, чистая и преданная любовь. Но из мощного плечевого ганглия исходит сила отрицания, сила, воздействующая на предмет своего внимания разделяюще и в конце концов переносящая внутрь себя объективный образ этого предмета. И это вторая половина преданной (самоотдающей) любви — совершенное *знание* любимого.

И теперь это знание само по себе может явиться причиной противопоставления любящего и любимого. Оно — дух такого противопоставления, подобный оттиску на любящем всего того, что не поддается, сопротивляется ему в любимом. Объективное знание — это всегда знание именно такого рода: знание об отличиях, которые невозможно сгладить, точ-



ное знание о пропасти, пролегающей между двумя самыми близкими друг другу существами.

Таким образом, деятельность бессознательного на первом высшем уровне состоит, собственно, из двух видов деятельности. Первый дает то блаженное состояние безраздельной слитности с любимым, которое мы и называем любовью и которым наша эпоха, кажется, насладилась сполна. Это в высшем смысле объективный вид деятельности сознания, хотя такая деятельность и не сохраняет в памяти (даже в *динамической* памяти[21]) никакого объективного образа. Объективно это просто мощный поток, эманация «я» в блаженном самозабвении, подобная истечению солнечного света.

При наличии одного только этого вида деятельности происходит крайнее удаление «я» от его собственной целостности: оно отступает и растворяется в любимом (не это ли мечта всех восторженных влюбленных?). И все же целостность свойственна каждому живому существу, и поддерживается она деятельностью негативного полюса. Бессознательное отправляется на поиски любимого также и из ганглия грудной клетки. Но что именно хочет оно отыскать? Действительное *объективное* знание. Хочет найти такие дива дивные, каких нет в нем самом, и как оттиск запечатлеть их в себе самом. И одновременно определить также и пределы своего собственного существования.

[21] Динамической памятью Лоуренс, видимо, именует ту гипотетическую подсистему памяти, которую современная психология называет сенсорной памятью. Она обеспечивает удержание в течение очень короткого времени (в пределах секунды) продуктов сенсорной переработки информации, поступающей в органы чувств.

Такова вторая часть деятельности верхней, или духовной, самоотдающей любви. В этом исследовании и открытии любимого существа заключается огромная радость. Ибо что такое любимая? Она является тем, чем не являюсь я сам. Сознавая брешь, непроходимую пропасть между мной и любимой, я в самой этой бреши узнаю ее черты. Если первый вид деятельности верхнего сознания полностью устраняет ощущение разобщенности между «я» и *любимым*, то во втором самое открытие *черт любимого* является осознанием этой непроходимой, неустранимой пропасти. Таково объективное знание — в противоположность объективной эмоции. Оно всегда содержит в себе элемент самораспространения, как если бы «я» посредством познания *любимого* обретало способность к расширению, распространению. Кроме того, оно всегда должно по необходимости содержать в себе осознание *пределов «я»*.

То же самое относится и к Божественному Младенцу, запечатленному на картинах старых мастеров. Любопытное впечатление оставляют его изображения на полотнах и фресках Леонардо[22], Боттичелли[23] или великолепного Филиппо Липпи[24]. На них мы видим Мать, в знак покорности и во внимании сложившую руки на груди, и Младенца, пристально вглядывающегося в нее с такой удивительной *объективностью*, вдумчивостью, с таким глубоким проникновением в материнскую сущность, которые, с нашей северной точки зрения, просто непостижимы. Глаза Младенца, вне всякого сомнения, полны невинности и в то же время какой-то глубокой, довизуальной проницательности, так что становится

ясно, что он смотрит на Мать именно через разделяющую их пропасть. В его взгляде настолько запечатлена эта пропасть, о чем мы судим по интенсивности этой довизуальной проницательности, что северянину в этом внимательном взгляде обычно чудится антипатия, и объективность этого взгляда кажется нам почти жестокой.

Очевидно, между любящими (в объективном смысле понятия любви) обычно преобладает один из двух видов деятельной любви — «любовь притягивающая» и «любовь отталкивающая». Мы у себя на Севере обожествляем первую из них. Но на Юге все иначе: там более естественным представляется «объективный», рассудочный стиль любви. И сверх того, на лице Младенца в изображении старых итальянских мастеров почти всегда лежит темная печать изна-

22 *Леонардо да Винчи* (1452—1519), итальянский живописец, скульптор, архитектор, инженер, ученый; универсальный ренессансный гений, теоретик и практик Высокого Возрождеиия. Мадонн Леонардо принято считать образцами гуманистического идеала женской красоты и материнства. Живописи Леонардо свойственна продуманная композиция, ясная система жестов и мимики персонажей.

23 *Сандро Боттичелли* (настоящие имя и фамилия — Алессандро Филипепи) (1445—1510) — итальянский живописец, один из последних представителей Раннего Возрождения. Его произведения иа религиозные темы отмечены одухотворенной поэзией, игрой линейных ритмов, тонким колоритом.

24 *Филиппо Липпи* (ок. 1406—1469) — итальянский живописец Раннего Возрождения. Его картины на религиозные сюжеты проникнуты светской жизнерадостностью и любовным бытописанием («жанризмом»). Лоуренс, очевидно, имеет здесь в виду знаменитую работу Ф. Липпи «Поклонеиие Младенцу», написанную в конце 50-х — начале 60-х годов XV столетия.

чального сознания нижнего, телесного, уровня, сознания мощного, субъективного, «эгоцентричного» — так называемой «чувственности».

Возьмем пример с нашими собственными детьми. Посмотрим на младенца, который только-только научился направлять внимание на тот или иной предмет. Нам часто кажется, что он вглядывается в свою мать с какой-то отстраненностью и даже отчужденностью! На его лице написано такое выражение, будто он видит мать с другого берега широкой реки и она представляется ему каким-то одиночным предметом, привлекающим и в то же время раздражающим его внимание. Мать, целуя и лаская его, вскоре прогонит эту тень с его лица. Но ей при всем желании не остановить неудержимого потока независимости и негативизма, который и порождает это объективно-критическое восприятие.

Более того, по временам она и сама впадает в своего рода полутранс, и ребенок на ее руках кажется ей каким-то странным и отделенным от нее предметом. Она не воспринимает его ни аналитически, ни критически. Она его вообще *никак* не воспринимает, *не чувствует и не ощущает*. Как будто в забытьи, она видит: вот он лежит перед ней, непостижимо и загадочно реальный, вне ее существа, и никогда ей его не понять и не включить в пределы своего «я». Она застигнута врасплох этим неожиданно конечным и объективным впечатлением. Именно ощущение *конечности и объективности* — вот результат этого недолгого переживания. Произошло нечто *окончательное*. У нее возникает странное чувство определенности, когда ничего уже нельзя

изменить,— чувство одновременно глубокого удовлетворения и какого-то отчуждения. Она нечто *приобрела*, некий запас изначального, досознательного понимания. Ребенок может становиться каким угодно, но ее понимание этого существа является ее собственностью, отныне и навсегда. Оно дает ей ощущение богатства и силы. Но в то же время оно дает ей ощущение бесповоротности. Это ощущение возникает непосредственно из самой этой удовлетворенности объективностью и окончательностью понимания. Это понимание иного существа, и в нем содержится окончательная уверенность в вечности и непреодолимости той пропасти, что разверзлась между двумя существами, и пропасть эта — одиночество каждого «я», ее и его.

Таким образом, первый уровень *верхнего* сознания — это полностью направленное на другого, абсолютное и несказанно радостное чувство единства, дополняемое объективным *осознанием* любимого, осознанием всего, что в нем есть отдельного и отличного. Это осознание — самое ценное в объективном сознании, это обогащение собственного «я» другим «я» посредством работы сознания. Благодаря этому динамичному и объективному осознанию, которое в наши дни мы все чаще именуем *воображением*, человек со временем, последовательно развивая в себе изначальное чувство универсального, сумеет вобрать в свое «я» всю целостность Вселенной. Мистики это называют постижением бесконечности — чем лишний раз подтверждается чисто мужская сущность современного мистицизма. Древний, женский мистицизм подразумевал под бесконечностью нечто совершенно иное.

Так или иначе, обретение бесконечности, по поводу которой мистиками было сказано столько напыщенных слов, есть на самом деле конкретный процесс развития бессознательного, но лишь его объективно-сознающих центров, то есть процесс, который в естественных условиях, сам по себе, отдельно, не имеет места.

Точно так же душа не может обрести самое себя, стать самой собой посредством одной только любви и одного только единения. Сосредоточиваясь лишь на одном виде деятельности — симпатическом — и превышая хотя бы немного его меру, она разрушает собственную целостность, и это разрушение охватывает весь живой организм. На обоих уровнях любви, верхнем и нижнем, оба вида деятельности — «притягивающая» и «отталкивающая» — должны взаимно дополнять друг друга. Именно полная неспособность достижения такой гармонии расколола надвое современный мир: одна его половина непримиримо сражается за волевой, рациональный, разделяющий контроль над чувством, другая — за безраздельную, ничем не контролируемую его чистоту. Так разделенная душа индивида разделила также весь мир, и это бедствие будет разрастаться все больше и больше — до тех пор, пока не назреет необходимость примирения половин и восстановления целостности.

Цель жизни — совершенствование каждого отдельно взятого индивида. А это невозможно без мощного взаимообмена любовью между всеми четырьмя большими полюсами первого, базового поля деятельности сознания. Необходима двусторонняя эманация симпатической любви: как субъек-

тивной — направленной на себя, так и объективной — самоотверженной. И точно так же необходима двусторонняя эманация процесса осознания, играющего разделяющую роль,— как иижнего, витального самоосознания, так и верхнего, интенсивного осознания, осознания всего того, что находится извне, осознания, включающего в себя признание индивидом бесконечной непохожести на других. Сосредоточиться лишь на одном виде деятельности или взаимообмена — значит препятствовать им всем и в конце концов вызвать разрушение всего организма. Душа человека должна обрести необходимые ей силу и достоинство, чтобы понять и принять целостную четырехстороннюю природу своей собственной творческой активности.

VI

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Цель этой небольшой книги — наметить хотя бы какую-то точку опоры в той зыбкой области, что ныне известна под именем бессознательного. В конце концов, после всех вышеприведенных рассуждений и наблюдений, мы приходим к выводу о том, что бессознательное действительно существует. Оно представляет собой ту деятельную спонтанность, которая пробуждается в каждом индивидуальном организме в момент слияния родительских клеток и которая, будучи связана с внешним миром, как с противоположным полюсом, постепенно развивает и вырабатывает свои собственные, индивидуальные душу и тело. Таким образом, может оказаться, что *бессознательное* — всего лишь еще одно слово для обозначения жизни. Но жизнь — вселенская, универсальная сила, в то время как бессознательное по самой своей сути единственно и неповторимо в каждом индивидуальном организме: оно — то же самое, что деятельная, саморазвивающаяся душа, порождающая как свою собственную телесную оболочку, так и способы своей самореализации. В этом телесном воплощении и в этой самореализации скорее всего и состоит вся цель существования *бессознательной* души — и вся цель жизни. И, таким образом, бессознательное порождает не одно лишь сознание, но также живые ткани и органы, причем в каждый момент своей деятельности каждый жизненный орган зависит от первич-

ного спонтанно-сознательного центра, от которого он произведен,— от этого, если угодно, душевного центра. Сознание же возникает и действует, как паутина, сотканная разумом из разнообразных шелковых нитей, исходящих от первичного центра бессознательного.

Однако бессознательное — это не только не абстракция, но и нечто *принципиально неабстрагируемое*. Оно всегда конкретно. В самом начале — это вспышка новой индивидуальности в оплодотворенной яйцеклетке. Далее — это цепочка или созвездие клеток, берущих свое начало от этой вспышки. А затем — это большие нервные центры в человеческом теле, в которых непосредственным образом выявляется все то, что проделано теми же первичными, или изначальными, клетками. Эти клетки — центры спонтанного сознания. Скорее всего, их прозрачные гранулы и есть зачатки сознания, вновь и вновь возрождаемого. Если все это звучит загадочно, то моей вины в этом нет. И никакой мистики в этом тоже нет. Это очевидный, наглядно доказуемый научный факт, в котором можно убедиться, заглянув хоть раз или в микроскоп, или в свою собственную душу, то есть убедиться как объективно, так и субъективно. Впрочем, люди привыкли отмахиваться от субъективных доказательств. Узколобые идеалисты не выносят никаких апелляций к недрам своего собственного человеческого восприятия.

Между тем соприкоснуться с человеческим бессознательным можно вполне осязаемо. Мы можем проследить его истоки и центры в больших ганглиях и узлах нервной системы. Мы можем установить природу спонтанного сознания

в каждом из этих центров; определить полюса и направление движения тока между полюсами. Благодаря этому мы можем понять действие и индивидуальные проявления психики как таковой, можем уяснить характерные особенности и ритм работы основных органов тела. Ибо природа психики человека и характер функций его организма во многом подобны, с чем мы сталкиваемся на каждом шагу. Стоит лишь на миг затаить дыхание, чтобы понять *двойственный характер* их природы и *двойственный характер* обоих полюсов. Но здесь не место вдаваться в подробную характеристику двойственности и полярности жизнесозидательной деятельности и механико-материальной деятельности. Эти два вида деятельности представляют собой как бы два в одном, но одновременно это и полюса, диаметрально различные между собой.

Занимаясь первым полем деятельности человеческого сознания — первым уровнем бессознательного,— мы определили местоположение четырех больших спонтанных центров: два из них ниже, а два выше диафрагмы. Эти четыре центра контролируют четыре важнейших органа. И они же дают жизнь всему фундаменту человеческого сознания. Они одновременно и функциональны и нематериальны: в этом состоит первая полярная противоположность между ними.

Но эта полярность развивается и дальше. Горизонтальное сечение по диафрагме навсегда разделило человека между его индивидуальными полюсами — разделило на «верхнего» и «нижнего» человека, то есть на два больших вмести-

лица — верхнего сознания и нижнего сознания, верхних функций и нижних функций. Это *горизонтальная разграничительная* линия.

Вертикальное сечение между волевыми и симпатическими системами, линия, отделяющая спинные ганглии и большие сплетения в передней части человеческого тела, представляет собой вторую линию двойственной природы человека. Существует огромное различие между мягкой, восприимчивой передней частью тела и твердой, словно стена, задней частью, то есть спиной. Передняя часть тела — это живой полюс магнита. Задняя часть тела, спина — это закрытость и противостояние. И здесь опять-таки мы имеем два параллельных потока функций и проявлений сознания, разделенных в этом случае по вертикальной линии. Это *вертикальная разграничительная* линия.

Две эти линии, горизонтальная и вертикальная, образуют *крест* всего человеческого бытия и вообще всего сущего. И даже в этом нет никакой мистики — или, во всяком случае, здесь ее не больше, чем в древних символах, используемых в ботанике или биологии.

На первом уровне деятельности человеческого сознания, который является основой всей жизни и всего сознания, находятся четыре полюса спонтанного движения. Они создают ту четырехкратную полярность внутри каждого индивида, которую схематически можно представить опять-таки в виде креста. Но индивид ни в коем случае не является вещью в себе. Он способен существовать лишь благодаря поляризованным взаимоотношениям с внешним миром, взаимоотношениям как функциональным, так и психически-динамичес-

ким. Развитие личности возможно лишь при циркуляции динамического бессознательного между внутренними и внешними полюсами. Должен существовать некий дополнительный полюс, внешний по отношению к индивиду, и между ним и индивидом должна устанавливаться такая циркуляция.

Таким дополнительным полюсом может быть только *другой индивид*. Должна существовать поляризованная взаимосвязь с другим индивидом — или даже другими индивидами. На первом поле деятельности человеческого сознания у каждого индивида есть четыре внутренних полюса. Соответственно первое, основное поле сверхиндивидуального сознания содержит восемь полюсов: устанавливается восьмикратная полярность и четырехкратная циркуляция. Но возможно, что между двумя индивидами, даже между матерью и ребенком, будет установлена только четырехкратная полярность, дуальная циркуляция. Также возможно, что один из видов циркуляции спонтанного сознания между индивидами так никогда и не установится. Для ребенка это означало бы определенную недостаточность развития, психическую неадекватность.

Таким образом, мы снова сталкиваемся лицом к лицу с проблемой человеческого поведения. Ни одно человеческое существо не может развиваться иным образом, чем посредством поляризованного взаимодействия с другими существами. Эта взаимообразная циркуляция предшествует любому разуму и любому знанию. Она существует ранее человеческой воли, а с ее появлением господствует над ней. И все же и разум и воля способны вмешиваться в ход циркуляции: даже одна-

единственная мысль способна нарушить его и, подобно камешку, попавшему внутрь сложного механизма, заблокировать психическое взаимодействие и спонтанный рост.

Почему? Да потому что не одним хлебом живет человек[25]. Пора бы уж нам поскорее разделаться с хлебным вопросом, который, в конце концов, есть лишь азбука общественной жизни, и все свое внимание переключить на гораздо более глубокий и жизненно важный вопрос: каким образом может быть достигнута и стабилизирована нормальная циркуляция витальной полярности, от которой и зависит прежде всего состояние человеческой психики — точно так же, как состояние человеческого тела зависит от циркуляции пищеварения и дыхания. Мы достигли той стадии общественного развития, на которой проблемы пищеварения и дыхания решаются почти что походя. И все же мы снедаемы скорбью, мы несказанно мучаемся от своей собственной неспособности установить и поддерживать жизненно важный психический взаимообмен с другим существом, другими существами и всем внешним миром.

Муки психического голода, на которые обрекли себя цивилизованные люди, едва справившись с проблемой более или менее сносного и постоянного наполнения своих желудков,— эти муки непереносимы, и их нельзя устранить простым усилием человеческой мысли. Прекрасные творческие побуждения, рассылающие свои тонкие и нежные сигналы в поисках того истинного полюса магнитного притяжения, который они должны обрести в другом человеческом существе или в других человеческих существах,— сколько помех встречают они на своем пути! Сколь-

ко препон в виде идей, идеалов, условностей они должны преодолеть, пока, не выдержав всего этого, не иссякнут или полностью не умрут!

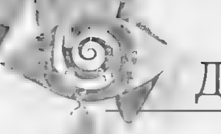
Каким же образом нам *избежать* неврозов? Психоанализ нам этого не подскажет. Но даже малейший проблеск понимания истинной природы бессознательного уже дает нам некоторое облегчение и некоторую надежду.

Наша эпоха до смешного недооценивает восхитительно сложный и жизненно важный мир человеческих взаимоотношений. Вся эта бессмыслица о бескорыстной любви по сути своей грубей и отвратительней дикарского фетишизма[26]. Любви следует *учиться*[27], обретать ее веками терпеливых усилий. Это сложный и многосторонний процесс поддержания индивидуальной целостности посредством бесчисленно-

25 *«...не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек»* — эту истину из Ветхого Завета (Второзаконие, гл. 8, ст. 3) Иисус Христос произносит во время искушения Его сатаною (Евангелие от Матфея, гл. 4, ст. 4 и от Луки, гл. 4, ст. 4) — ср. дальше в этой главе рассуждения Лоуренса о том, было ли «в начале Слово».

26 *Фетишизм* (*фр.* fetiche — амулет, волшебство) — культ неодушевленных предметов-фетишей, наделенных, по представлениям верующих, сверхъестественными свойствами. Распространен у «диких» народов, стоящих на первобытной стадии развития, однако пережитки его сплошь и рядом встречаются в «цивилизованном» обществе (в чистом виде это вера в обереги и талисманы), часто неотделимые от фетишизма в сексопатологическом значении этого слова — «интимных отношений с неживым предметом».

27 *«Любви следует учиться»* — одна из любимых мыслей позднего Лоуренса, ставшая лейтмотивом его последнего романа «Любовник леди Чаттерлей», где ее на все лады повторяют персонажи.



го множества взаимодействий, взаимообменов витальной полярности между людьми. Уже на первом большом уровне сознания в каждом индивиде действуют четыре основных полюса и возможны четыре вида взаимообмена между двумя индивидами. Течение каждого из них необходимо довести до совершенства и в то же время привести в полную гармонию со всеми остальными. Кто это умеет? Да никто. Но всем нам придется этому научиться, а иначе мы обречем себя на муки нравственного голода и душевных лишений или же на извращения, изнуренность и постепенное сползание к гибели в катастрофе морального разложения. Вся наша жизнь — одна долгая и непрестанная попытка вслепую наладить эту циркуляцию токов между собою и внешним миром, человеческим и неодушевленным; между тем вся наша современная жизнь — вопиющая неудача в этой попытке. И в этом никто не виноват, кроме нас самих.

Ведь на самом деле развитие каждой индивидуальной души представляет собой результат взаимодействия между индивидом и внешним миром. А это означает, что точно так же, как внутриутробное развитие поддерживается движением материнской крови, за счет которой удовлетворяются все жизненные потребности плода,— так и каждый рожденный человек, мужчина или женщина, растет и развивается за счет циркуляции жизненных токов между его или ее спонтанным «я» и каким-то другим или какими-то другими «я». Именно за счет этой циркуляции жизненных токов между индивидом и другим существом или другими существами происходит развитие и совершенствование каждой индивидуальной души и психики. Это закон жизни и творения, закон, над кото-

рым мы не властны. Аскеты и сластолюбцы пытаются, каждый со своей стороны, увернуться от его действия, и это им удается на какое-то время — время жизни одного поколения. Но уже в следующем поколении — обвал, катастрофа. Ибо не одним хлебом живет человек. Его существование даже более, чем хлебом, поддерживается животворным творческим потоком между ним самим и другим человеком или другими людьми.

Такая сверхиндивидуальная циркуляция действительно существует и устанавливается между полюсами бессознательного двух или более индивидов. И соответствующая ей, взаимно зависящая от нее — внутренняя, чисто индивидуальная — циркуляция также существует и устанавливается между полюсами бессознательного внутри самого человека, между его верхним и нижним сознанием и между его волевыми и симпатическими полюсами. Здесь происходит четырехкратное взаимодействие внутри одного «я». И именно от этого четырехкратного взаимодействия внутри «я» начинается тот процесс, конечный результат которого известен нам как *разум*, рассудочное сознание.

Мозг — это, если угодно, преобразователь динамического сознания. Он преобразует этот творческий поток в некий фиксированный код. И потом выдает нам расшифровку и «распечатку» в виде неких графических символов, которые мы именуем представлениями, понятиями и мыслями. Он продуцирует новую — идеальную — действительность. Мысль — это иная, статическая целостность, иная единица механически-динамической и материально-статической Все-

ленной. Жизнь сбрасывает с себя мысли, как дерево сбрасывает пожелтевшие листья или как птица на лету теряет перья. Мысли — это иссохшее, омертвевшее, ненужное нам оперение; они мешают нам непосредственно соприкоснуться с окружающей нас Вселенной и представляют собой одновременно и изолятор и инструмент для подчинения себе окружающего мира. Разум — инструмент, необходимый для работы других инструментов; он не имеет отношения к творческой деятельности.

Пробуждаясь к жизни в качестве конечного результата и последней инстанции, разум чувствует себя весьма самоуверенно. «Слово стало плотью и сразу же стало в позу»,— как съязвил по этому поводу Норман Дуглас[28]. Именно так и происходит. Ум, будучи по самой своей сути автоматически действующим механизмом, присваивает себе прерогативы жизни. Он даже пытается влиять на самое жизнь, полагая, что может ее «собрать» или «разобрать». «В начале было Слово...»[29] Это самообольщение разума. Слово не может быть началом жизни. Оно *конец* жизни, опавший лист. Разум — тупик жизни. Но он обладает всей механической силой неживой природы. Он мощный двигатель механической суперсилы. Взяв себе в сообщники *волю*, он даже пытается навязать жизненному сообществу свою механическую правильность и свой автоматизм, каждое дерево обкорнать до формы геометрической фигуры, а каждого человека — до состояния хорошо смазанного механизма. И вот мы уже видим, как мозг, подобно мощной динамо-машине или аккумулятору энергии, аккумулирует *механическую* силу и при помощи этой механической силы пытается контролировать жи-

вое бессознательное, подчиняя все спонтанное определенным автоматическим принципам, называемым идеями или мыслями.

А человеческая воля помогает разуму в осуществлении этого усмирения и этой стерилизации. Мы ведь толком так и не знаем, что такое человеческая воля. Мы только знаем, что это некая функция, свойственная всякому живому организму, функция самоопределения. Это довольно странная функция души, способная задавать самой себе нужную на-

[28] *Норман Дуглас* (1868—1952) — английский писатель, отпрыск известнейших британских и германских аристократических фамилий, автор романов и эссе. Большую часть жизни Дуглас прожил в Италии, о ней же в основном и писал в своих книгах. Известность ему принес сатирический роман «Южный ветер» (1917), в котором он с невиданной по тем временам откровенностью затронул вопросы нравственности и секса. В своих произведениях Дуглас предстает перед читателем снобом-аристократом, с насмешкой глядящим практически на все аспекты современной жизни (нечто вроде писательской позиции Клиффорда Чаттерлея — героя романа Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей»). В данном случае предмет иронии Дугласа — 14-й стих первой главы Евангелия от Иоанна, начинающийся так: «И Слово стало плотию...»

[29] Там же, 1-й стих первой главы. Сопоставление этих двух стихов ясно показывает, что евангелист под Словом (греч. «Логос» — «слово» в смысле «закон, первосущность») имеет в виду Иисуса Христа, но это общеизвестное богословское положение для Лоуренса и его современников как бы не существовало (в силу их неприятия основ христианства), и онн трактовали Слово, о котором говорит евангелист, просто как «слово» — лексическую единицу языка или символ языка и разума вообще (ср. вышеприведенную фразу Дугласа и стихотворение Н. С. Гумилева «Слово», где так прямо и написано:

И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это Бог).

правленность. Воля — это действительно та функция, которой каждый индивид наделен с самого момента зачатия для осуществления определенного контроля как над органическими, так и над любыми другими, в том числе происходящими автоматически, процессами своего собственного развития.

Изначально эта функция никак не зависит от разума. По своему происхождению она представляет собой чисто спонтанный фактор самоконтроля живого бессознательного. Можно предположить, что изначально, до возникновения разума, воля и сознание — одно и то же. Можно даже предположить, что воля нам дана как ва́жный гармонизирующий фактор, фактор, *предотвращающий* автоматизацию развивающейся души.

Спонтанная воля мгновенно реагирует на чрезмерную циркуляцию каждого отдельно взятого жизненного потока — любого потока, и этот факт известен психоанализу. Что же до вырождения спонтанно-жизненной действительности в механически-материальную, то против этого автоматизма всегда должна бороться живая человеческая душа. Воля — это сила, которой обладает каждое индивидуальное «я», сила, достаточная для того, чтобы выйти из-под власти автоматизма.

Но когда свободная душа действительно переживает кризис, воля *отождествляет* самое себя с одним из механически циркулирующих потоков. Тогда развивается комплекс, паранойя. И вот уже перед нами начальная стадия безумия. Если отождествление продолжается, болезнь принимает серьезную форму. Возможны неожиданные расстрой-

ства основных психических функций, подобные приступам эпилепсии. Или может возникнуть любое другое из известных психических заболеваний.

Вторая опасность заключается в том, что воля может отождествить себя с разумом и стать инструментом разума. В этом случае вступит в силу тот же самый процесс нарастающего автоматизма, с той только разницей, что протекать он будет медленнее. Разум будет пытаться заполучить контроль над каждой органически-психической циркуляцией. Спонтанное течение будет нарушено и заменено автоматическим.

После этого автоматизированная душа, как мотор какой-то сложной машины, должна будет работать по схеме, основанной на неких заранее известных принципах. И вот тут-то вступают в силу идеи и мысли. Они-то и являются схемой механизма и механическими принципами автоматизированной души.

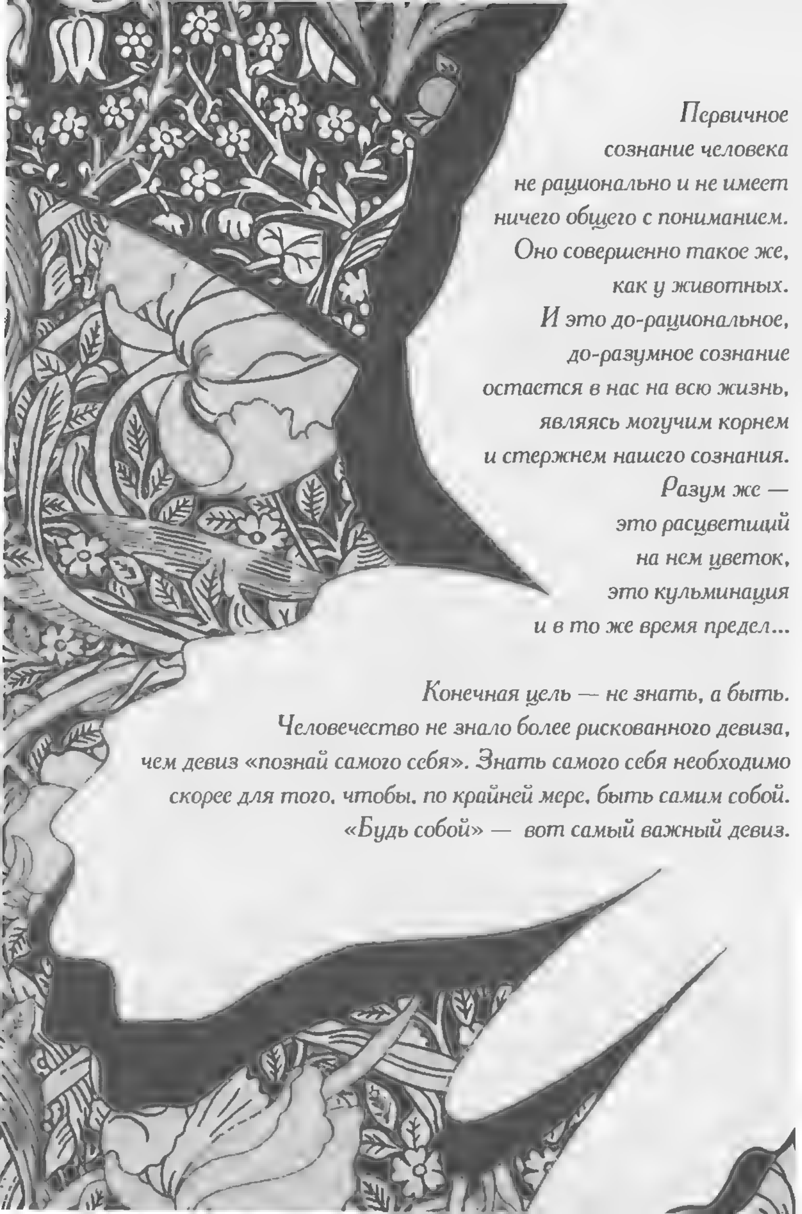
Вот таким образом человечество продолжает сводить себя с ума или самоавтоматизироваться на основании рационального сознания. И то и другое — психические расстройства. Точно так же отождествление воли с любой другой основной функцией обязательно приведет к психическим отклонениям. Сумасшествие медленно, но верно прогрессирует в нашем обществе. Так что совершенно справедливо русские и французские писатели-авангардисты провозгласили безумие великой целью человечества. Это и есть истинная цель самоавтоматизации и превознесения рационального сознания.

Разумеется, все мы должны совершенствоваться в рациональном сознании. Но рациональное сознание — это ведь не цель. Это скорее тупик. Оно лишь обеспечивает нас бессчетным количеством приспособлений, которые мы можем использовать для того, чтобы попытаться решить труднейшую для нас задачу: прийти к нашей спонтанно-творческой полноте существования.

Более того, оно даже дает нам достаточные средства, чтобы мы смогли подчинить внешнюю, материально-механическую Вселенную самим себе как венцу творения. И кроме того, оно предоставляет нам ясные указания, как нам избежать сползания к автоматизму, и даже полунамекает о должном *употреблении* воли, о необходимости ослабить контроль ложных, автоматизированных схем и сохранить верность глубоким импульсам души. Вот как нам следует применять наш разум — путеводную звезду и инструмент самопознания. Но разум как творец и руководитель жизни — это проклятие.

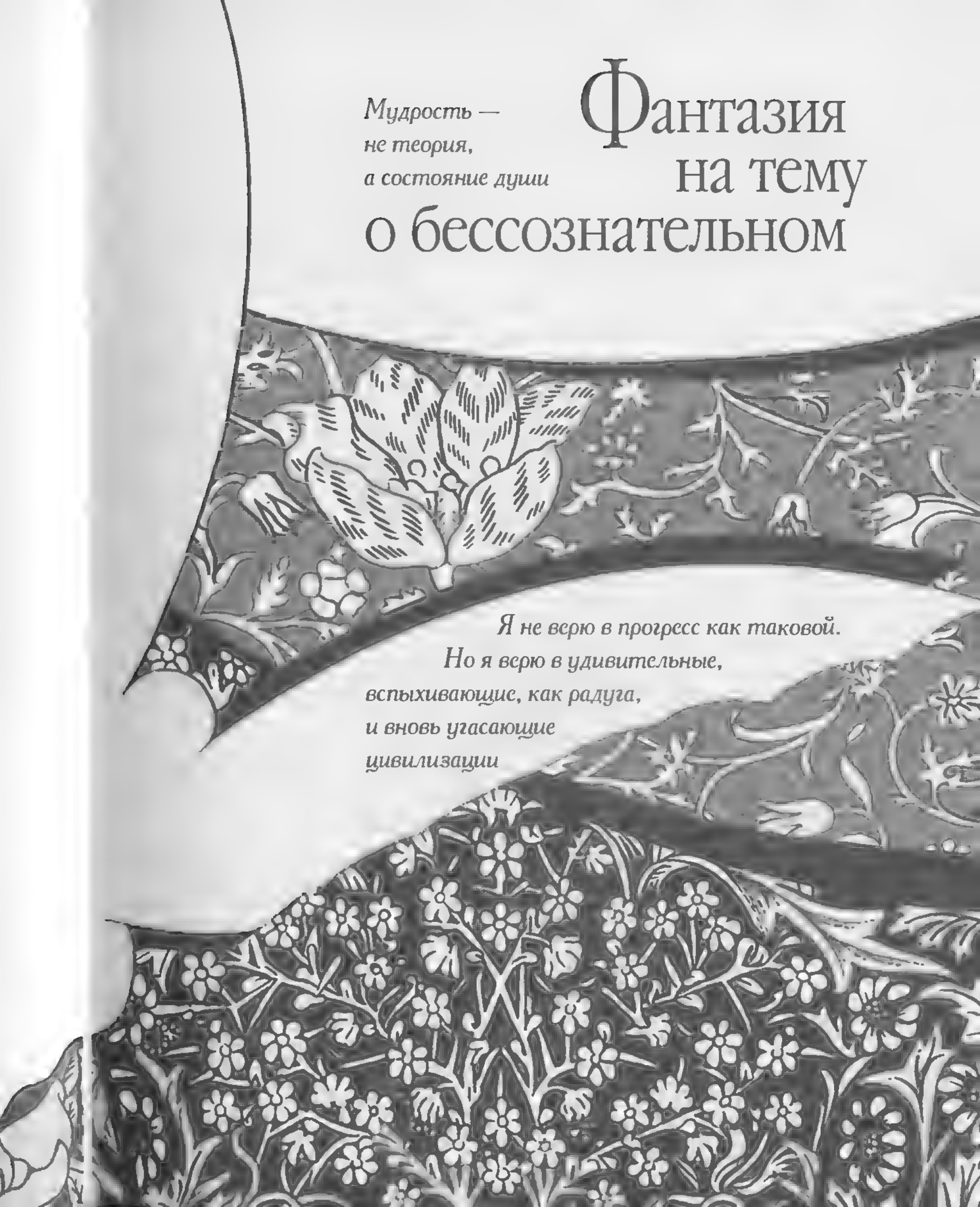
Итак, на сегодняшний день мы не можем так уж много сказать о бессознательном. Собственно, почти ничего не можем сказать. Но это только начало. Еще остаются неоткрытыми другие большие центры бессознательного. Пока что мы знаем только четыре, которые составляют две пары. И на все про все семь уровней. То есть существуют шесть дуальных центров спонтанной полярности и еще один, завершающий. И если большое верхнее и большое нижнее сознание мы только начали изучать на ощупь — то другие высоты и глубины нам не удалось пока что даже нащупать.

Нам так много предстоит еще узнать, и каждый шаг на пути познания будет представлять собой смертельную угрозу человеческому идеализму, который сегодня так отвратительно, так беспощадно терроризирует нас. Он должен умереть, и мы *непременно* вырвемся на свободу. Да и можно ли вообразить более страшную тиранию, чем тирания автоматически идеальной гуманности?!



Первичное
сознание человека
не рационально и не имеет
ничего общего с пониманием.
Оно совершенно такое же,
как у животных.
И это до-рациональное,
до-разумное сознание
остается в нас на всю жизнь,
являясь могучим корнем
и стержнем нашего сознания.
Разум же —
это расцветший
на нем цветок,
это кульминация
и в то же время предел...

Конечная цель — не знать, а быть.
Человечество не знало более рискованного девиза,
чем девиз «познай самого себя». Знать самого себя необходимо
скорее для того, чтобы, по крайней мере, быть самим собой.
«Будь собой» — вот самый важный девиз.



*Мудрость —
не теория,
а состояние души*

Фантазия на тему о бессознательном

*Я не верю в прогресс как таковой.
Но я верю в удивительные,
вспыхивающие, как радуга,
и вновь угасающие
цивилизации*

Fantasia of the Unconscious

1922

Фантазия на тему о бессознательном

Предисловие

Эта книга — продолжение книги «Психоанализ и бессознательное». Общей массе читателей я посоветовал бы не утруждать себя ее чтением. Общей массе критиков тоже. Я ее писал не для того, чтобы кого-нибудь в чем-нибудь убеждать. Это совершенно не в моем характере. Мои книги не предназначены для общей массы читателей. Я считаю ошибочным распространенное мнение о том, будто всякий человек, умеющий читать печатные буквы, способен прочесть и уяснить себе все, что напечатано этими буквами. И я полагаю настоящим несчастьем то обстоятельство, что серьезные книги выставляют у нас на продажу, как некогда работорговцы выставляли на рынках обнаженных рабов. Но тут уж ничего не поделаешь: живя в эпоху ложно понимаемой демократии, нам некуда деться от ее порядков.

Общую массу читателей я должен предупредить о том, что настоящая книга покажется им еще более невразумительным набором словесной чуши, чем предыдущая. О том же я хотел бы предупредить и общую массу критиков: с этой книгой им нечего делать, разве что бросить ее в корзину.

Что до того ограниченного числа читателей и критиков, от которых, помимо воли, ожидаешь хоть какого-то отклика, то им я также вынужден честно признаться: я бью читателя этой книги в солнечное сплетение. Надеюсь, одного этого заявления будет достаточно, чтобы и их число значительно поредело.

И наконец, оставшейся горстке моих потенциальных читателей я хотел бы заранее принести свои извинения за неожиданное обращение к космологии и космогонии, что может их удивить в этой книге, но при этом сразу же спешу оговориться о его неизбежности. Я ведь не ученый. Я дилетант из дилетантов. Как сказал один из моих критиков, вы «вольны мне верить или не верить».

Да, я не археолог, не антрополог, не этнолог. Я не принадлежу ни к одной из разновидностей «исследователей». Но я чрезвычайно благодарен исследователям за ту огромную работу, которую они проделали и результатами которой я мог воспользоваться. Я находил намеки или подсказки по интересующим меня вопросам у самых различных ученых и в самых различных учениях — и в йоге[1], и у Платона[2], и в Евангелии от Иоанна, и у Гераклита[3], и у Фрейзера в его «Золотой ветви»[4], и даже у Фрейда и Фробениуса[5] — «даже» в том смысле, что у этих двоих я нашел и запомнил од-

ни лишь намеки и отправился дальше, доверяясь собственной интуиции. Вот почему я оставляю вам полную свободу отмахнуться от того невразумительного набора словесной чуши.

[1] *Йога* (*санскр.*, букв. «соединение, сосредоточение мыслей, созерцание») — одна из философских систем индуизма, учение об управлении психикой и физиологией человека, а также практическая методика такого управления. Ставит себе целью полное соотнесение человеческого тела и «тела Вселенной».

[2] *Платон* (427—347 до н. з.) — древнегреческий философ, ученик легендарного Сократа (ок. 470—399 до н. э.), принципиально отказывавшегося записывать свои мысли. Платон изложил и развил учение Сократа в 34-х философских диалогах, «Апологии Сократа» (т. е. речи, якобы произнесенной Сократом на суде), «Определениях» и 13-ти письмах. Независимо от того, насколько велико было влияние Сократа, Платон пользовался и другими источниками. По сути, философия Платона — результат творческого синтеза главных из дошедших до нас античных учений предшественников Платона (Гераклита, Парменида, Пифагора, софистов) на основе сократического тезиса о знании-добродетели. «Наука» Платона — явление принципиально синтетическое, где философия неотделима от математики (которая используется для разделения чувственно-вещественного и умопостигаемого миров и доказывает врожденность и истинность умопостигаемых явлений), политика — от этики и т. д.

[3] *Гераклит* (ок. 550—480 до н. э.) — древнегреческий философ. Его главное сочинение «О природе» дошло до нас во фрагментах или интерпретациях других авторов. За неясное изложение его взглядов античная традиция нарекла Гераклита Темным. Началом сущего (первоэлементом) Гераклит считал огонь: все возникает из огня путем разрежения и сгущения в силу противоположности. Вселенная конечна. Космос един. Он рождается из огня и через определенные периоды времени вновь сгорает. Гераклиту принадлежит честь введения понятия Слова-Логоса: это говорящий сам с собою космос, принцип разумного единства мира, который упорядочивает мир при помощи смешения противоположных начал и становится тем всеобщим, через которое познается все.

которую я поместил в этой книге, и не тратить на нее своего драгоценного времени.

Позвольте мне лишь заметить, что, по моему разумению, существует огромная потенциальная область научной деятельности, которая пока что остается для нас совершенно закрытой. Я имею в виду науку, которая, опираясь на жизненный опыт и интуицию, должна понять тайну самой жизни. Назовите ее, если хотите, субъективной наукой. Наша объективная наука как часть современного знания сосредоточена исключительно на феноменах, да и то лишь на феноменах, рассматриваемых в системе причинно-следственных взаимосвязей. Я ничего не имею против нашей науки. Она делает все от нее зависящее. Но наивная уверенность в том, что ею исчерпывается весь запас человеческих возможностей в познании, кажется мне ребяческим легкомыслием. Наша наука — это наука о мертвом мире. Даже биология никогда не рассматривает собственно жизнь, а лишь ее механические функции и инструментарий.

[4] *Фрейзер Джеймс Джордж* (1854—1941) — английский антрополог, автор одной из самых популярных в XX веке книг по антропологии — «Золотая ветвь. Исследование магии и религии» (1890). В книге собран огромный материал по данной теме и предложена «психологическая» теория происхождения магии и религии. Большинство современных нам антропологов считают ее устаревшей. Русский перевод — 1980 г. (дополнительный том — 1998 г.).

[5] *Фробениус Лео* (1873—1938) — немецкий антрополог и этнолог. Исследуя культуры народов Африки, создал оригинальную теорию культуры, основанную не столько на ее социальных, сколько на ее биологически-регулирующих функциях и характеристиках.

Я искренне полагаю, что великий языческий мир, последними представителями которого были Древние Египет и Греция,— тот языческий мир, который предшествовал нашему миру,— располагал своей собственной широкой, а возможно, и совершенной наукой. Наукой, которая рассматривала собственно жизнь. В нашу эру от этой науки остались одни лишь обломки в виде магии и шарлатанства. Что ж, и от мудрости могут оставаться одни лишь обломки.

Думаю, что эта великая наука, предшествовавшая нынешней и совершенно отличная от нее по составу и природе, некогда была всеобщим достоянием во всех населенных землях. Я полагаю, что наука эта носила эзотерический характер и что носителем ее было весьма широкое жреческое сословие. Подобно тому как сегодня математика, механика и физика изучаются и одинаково понимаются в университетах Китая и Боливии, Лондона и Москвы,— точно так же, мне кажется, великая наука и космогония того древнего мира, который предшествовал нашему, являлись единым эзотерическим учением, распространенным во всех концах тогдашнего мира: и в Азии, и в Полинезии, и в Америке, и в Атлантиде, и в Европе. Представления о географии этого предшествовавшего нам древнего населенного мира как о некоем «поясе» кажутся мне наиболее интересными. В так называемый ледниковый период все воды земли, по-видимому, были сконцентрированы в верхних широтах нашей планеты, представлявших собой огромные пространства сплошного льда. А дно сегодняшних морей и океанов было в то время сушей. Таким образом, нынешние Азорские острова, например, являлись

тогда горами, высившимися на равнине Атлантиды, там, где сегодня плещутся воды Атлантики, а остров Пасхи или Маркизские острова величественно вздымались над огромным и прекрасным континентом, на месте которого ныне раскинулся безбрежный Тихий океан.

Люди, жившие в том мире, много учились и много знали, и жители всей земли тесно общались между собой. Между Атлантидой и Полинезийским континентом люди свободно путешествовали в обоих направлениях, точно так же, как сегодня они плавают из Европы в Америку. Между ними происходил взаимообмен не только материальными, но и духовными ценностями, и накопленные знания, а также существовавшие тогда науки были универсальным достоянием всей земли — были такими же космополитическими, какими они становятся сегодня.

Затем началось таяние льдов, и наступил Всемирный потоп. Беженцы с затопленных континентов наводнили возвышенности Америки, Европы, Азии и островов Тихого океана. Некоторые под влиянием суровых природных условий выродились в пещерных людей — человеческие существа неолита и палеолита; другие сохранили первозданную красоту, грацию и совершенство, как, например, островитяне океанов и морей Южного полушария; иные заблудились и одичали в африканских джунглях и пустынях; и, наконец, некоторые народы — друиды[6], этруски[7], халдеи[8], американские индейцы и китайцы — сумели сохранить основное из накопленных ранее знаний и продолжали учить других древней мудрости, хотя и в полузабытом, чуть ли не символическом

виде. Частично забытая в качестве позитивных знаний, наука продолжала существовать в качестве ритуалов, телодвижений и мифических преданий.

И таким образом мощный потенциал символов — отголосков древней науки — сохранился, по крайней мере, как часть человеческой памяти. Вот почему великие мифы и символы, ставшие к началу известной нам истории достоянием всего мира, в основном одинаковы в любой стране и в любом народе, будучи, так или иначе, соотносимы друг с другом. Вот почему эти мифы вновь привлекают наше внимание сегодня, когда мы практически исчерпали все возможности дальнейшего продвижения по привычному нам пути научного познания мира. И вот почему мы повсюду, у аборигенов всех континентов, находим не только похожие мифы, но одни и те же геометрические чертежи, схемы устройства Вселенной, а также мистические фигуры и знаки, подлинное ко-

6 *Друиды* — не народ, а каста жрецов у древних кельтов; друиды ведали жертвоприношениями, выполняли судебные функции, были врачами, учителями, прорицателями.

7 *Этруски* — древние племена, населявшие в I тысячелетии до н.э. северо-запад Апеннинского полуострова (территория Древней Этрурии примерно совпадает с Тосканой — одним из регионов Северной Италии). Происхождение этрусков не установлено. Этруски создали развитую цивилизацию, предшествовавшую цивилизации Древнего Рима и оказавшую на нее сильное влияние.

8 *Халдеи* — библейское название шумеров и вавилонян (всех вообще представителей этих народов древности), но также и специально — жрецов и астрологов из среды этих народов, хранителей древнейшей языческой премудрости.

смологическое или научное значение которых на сегодняшний день забыто, хотя их и продолжают использовать для колдовства или поклонения богам.

Если читатель находит все это чушью и абракадаброй, что ж, ему виднее. Но только и я со своей стороны испытываю не более почтения к его радостному кудахтанью на столь им любимом птичьем дворе. Вы можете сколько угодно идти в ногу со временем, но меня уж, ради бога, увольте. Мне нравится тот просторный мир давних времен и столетий, когда по земле бродили древние мамонты, а перед человечеством открывалась прекрасная перспектива дальнейшей истории, у которой нет ни начала, ни конца, а есть один только беспрерывный пышный расцвет средь сменяющих друг друга эпох в жизни планеты. Да, потопы и пожары, землетрясения и ледники порою вклиниваются между великолепными периодами развития человеческой цивилизации, но ничто и никогда не погасит стремления и способности человечества из вечно обновляющегося хаоса извлекать нечто великое и прекрасное.

Я не верю в прогресс как таковой. Но я верю в удивительные, вспыхивающие, как радуга, и вновь угасающие цивилизации.

То же касается и моих притязаний на какие-либо новые откровения. Боже меня упаси от таких притязаний! Я всего лишь надеюсь, что мне удастся напомнить вам кое-какие азы забытого знания. В то же время у меня нет никакого желания оживлять в вашей памяти давно забытых царей или мудрецов. Копаться в давнем прошлом, искать ключ к иерогли-

фам — это не для меня. Да я и не сумею этого сделать, даже если и захочу. Но зато я смогу сделать нечто другое. Кто-то ведь должен уловить намек, содержащийся во всех этих древностях, столь искусно извлеченных нашими учеными из забытого прошлого. Кто-то должен на основании этого намека сказать новое живое слово. Мертвая мудрость — искра, но от нее возгорается пламя — живая жизнь.

И вот вам простой пример того, как обыкновенный современный ученый, правильно восприняв такой намек, может наткнуться на истину — истину, над которой он сам же посмеялся бы, как над фантастической чушью, будь эта истина произнесена вслух кем-то другим. Возьмем, скажем, небольшую цитату из знаменитой, хотя и успевшей уже устареть «Золотой ветви»: «Видимо, по представлениям древних ариев[9], солнце должно было время от времени пополнять запасы своего огня из пламени священного дуба».

Это очень точно,— как-то осенило меня, хотя я далеко не ученый,— ведь это означает: из пламени Древа Жизни. То есть из самой жизни. Значит, эти слова следует понимать вот каким образом: «Видимо, по представлениям древних ариев, солнце должно было время от времени пополнять запасы своего огня из жизни»,— что, собственно, всегда утверждали древнегреческие философы и что до сих пор представляется мне мудрой истиной и ключом к космосу. Не жизнь берет начало от солнца, но солнце есть продукт

[9] *Арии* — древние племена Центральной Азии, предполагаемые общие предки индоиранских, а затем и всех индоевропейских народов.

эманации жизни, то есть всех питающих его растений и животных.

Разумеется, кто-нибудь из моих уважаемых критиков может сказать, что подобные представления древних ариев, этого давно позабытого племени, выглядят сегодня чем-то вроде старческого маразма или же, напротив, детского лепета. Но что до меня, я все же испытываю уважение к моим предкам и полагаю, что, кроме чуда своего рождения, я им обязан и многими другими, не меньшими чудесами.

В заключение еще пару слов. Эта моя «псевдофилософия» (или «*психа* анализ» — анализ психа,— как отозвался бы о ней один из моих уважаемых оппонентов) выросла из моих романов и стихотворных произведений, а не наоборот. Романы и стихи выходят из-под пера пишущего нечаянно, ненароком. И лишь потом абсолютная потребность в хоть сколько-нибудь удовлетворительном рациональном понимании самого себя и общего хода вещей заставляет его извлекать некие абстрактные выводы из своего писательского и просто человеческого опыта. Романы и стихи — это эмоциональный опыт в чистом виде. А вся эта «*психа* аналитика» — заключения, сделанные впоследствии, на основании такого опыта.

Но при всем при этом мне кажется, что даже искусство впрямую зависит от философии — или от метафизики, если вам больше нравится это слово. Художник чаще всего не в состоянии сформулировать эту свою метафизику или философию, она даже может таиться в нем на бессознательном уровне, и все же она управляет им, как и любым другим че-

ловеком, и точно так же, как все остальные, он живет в согласии с нею. Люди существуют и смотрят на жизнь каждый в соответствии с собственным пониманием, которое постепенно совершенствуется или же, наоборот, деградирует. Это понимание также существует в виде некой доминирующей идеи или метафизических представлений,— собственно, на первых порах оно существует именно в таком виде, а потом, как бутон, раскрывается под влиянием искусства и жизни. Но в наши дни это понимание у большинства людей, их вера, их метафизика износились до дыр, а наше искусство истрепалось, превратившись в лохмотья. У нас нет никакого будущего: ни у наших надежд, ни у наших целей, ни у нашего искусства. Все это в недалеком будущем превратится в серый ворох никому не нужного тряпья.

Так не пора ли развеять этот серый туман старых взглядов и представлений и попытаться прислушаться к тому, во что, в конце концов, верует наше сердце? Прислушаться к тому, чего оно на самом деле желает — хотя бы на ближайшее будущее. Вот то единственное, что следовало бы облечь в слова веры и знания. И после этого вновь двигаться вперед, чтобы эту веру и эти знания воплотить в жизнь и искусство.

Разорвать старую завесу взглядов и представлений и, пройдя через образовавшуюся прореху, следовать дальше,— вот что нам нужно. Так почему бы мне не попытаться сделать это прямо сейчас? Почему бы не попытаться описать на бумаге все, что я увидел за той прорехой,— в самом деле, почему бы не сделать этого? И если издатель пожела-

ет напечатать то, что мною написано,— возражать я не стану. Ну а если к тому же кто-то попытается это прочесть — ради бога, читайте. Хотя, конечно, зачем читать то, что вряд ли кому-то покажется интересным? Разве что этот кто-то — мой уважаемый критик, которому нужно настрочить энное количество слов, чтобы ему заплатили за них. Ну а что он будет писать и как,— это не имеет никакого значения.

Таормина[10], *Д. Г. Л.*

[10] *Таормина* — курортный город на побережье Сицилии, где Д. Г. Лоуренс заканчивал работу над «Фантазией на тему о бессознательном».

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

Начну с небольшого извинения перед психоанализом. Не слишком справедливо насмехаться над психоаналитическим понятием «бессознательное», а если и справедливо, то лишь в том смысле, в котором и сам психоанализ издевается над этим вместилищем всяческого зла, этим зверинцем, где содержатся удивительные и не слишком приятные существа. Но самое несправедливое — это издеваться над самим психоанализом, как если бы Фрейд во всей своей теории не изобрел и не описал ничего иного, кроме бессознательного.

Разумеется, бессознательное никак нельзя считать ключом к фрейдистской теории. Истинный ключ к фрейдизму — это, конечно, секс. Сексуальный мотив, согласно этой теории, стоит за любой человеческой деятельностью.

Но все это заходит чересчур далеко. Мы и в самом деле должны признать, что сексуальный элемент присущ любой человеческой деятельности. Но точно так же ей присущ элемент жадности и многое что другое. Мы можем согласиться также и с тем, что изрядная доля секса присутствует во всех человеческих взаимоотношениях, особенно в зрелом возрасте, и мы благодарны Фрейду за то, что он сумел отстоять этот свой постулат. Мы благодарны ему за то, что он опустил нас с высот небес на нашу грешную землю. Пусть утверждения Фрейда — всего лишь полуправда, но лучше иметь полбулки, чем остаться вовсе без булки.

Однако все дело в том, что есть еще и другая «половина булки», — и это все то, что не секс. Сексуальной мотивацией нельзя объяснить все виды человеческой деятельности. Это не нуждается в доказательствах, мы это просто знаем.

Несомненно, пол, а вместе с ним секс, имеет важнейший смысл. Этот смысл заключается в том, что жизнь человечества определяется мужским и женским началом и что оба излучают своего рода магнетический импульс, который отталкивает все мужское от женского, если это негативный, или разделяющий, магнетизм, и притягивает их друг к другу, если это магнетизм позитивный. В последнем случае происходит бесконечно разнообразное по формам сближение между мужчиной и женщиной вплоть до критического акта соития. Без акта соития, венчающего это сближение, секс в человеческих отношениях — неполноценный секс, точно так же как евнух — неполноценный мужчина. Иначе говоря, акт соития — это универсальный ключ к сексу.

Но скажите на милость, в самом ли деле вся наша жизнь сводится к этому венчающему межполовое сближение акту соития? С одной стороны, это, без всякого сомнения, так, и было бы очень полезно, если бы психоанализ нам разъяснил, до какой степени это верно. Ведь иногда действительно кажется, что вся наша жизнь направлена на этот единственный миг соития. Давайте не лукавить и честно это признаем.

Однако наша жизнь не ограничивается одной стороной и одним лишь движением к этой единственной кульминации. Неужели строительство собора стимулируется актом соития? Является ли секс побудительным мотивом и в этом богоугодном деле? Разумеется, нет. Хотя сексуальный эле-

мент до некоторой степени присутствует и здесь, играя свою определенную роль. Конечно, не доминирующую. То же самое можно сказать и о строительстве, например, Панамского канала. Сексуальный побудительный импульс, в самом широком смысле этого слова, имел какое-то значение и в этом случае. Но было там и нечто иное, гораздо более важное, что и явилось главным побудительным мотивом для строительства этого канала, как, впрочем, для строительства храма и любого другого сооружения.

Так в чем же заключается этот иной, более важный импульс? В неодолимом стремлении человека к созиданию, вот в чем. Человек не просто хочет что-то создавать или строить, он хочет строить из самого ценного материала — из своего собственного «я», из своей собственной веры, вкладывая в создаваемый им мир свои собственные силы, свои собственные понятия о красоте; он хочет строить нечто прекрасное. И это самое главное: строить не просто полезное, а непременно прекрасное. Панамский канал никогда бы не был построен просто ради того, чтобы по нему проходили суда. Его строительство было вызвано бескорыстным стремлением человека создать нечто очень красивое, нечто, родившееся в его собственной голове, нечто такое, во что он смог бы вложить свое «я», свою веру в высшие силы и в самого себя, всю радость своей души — с этого, собственно, и начинается творчество. Такова первичная мотивация. Сексуальная же мотивация по отношению к этой первичной является дополнительной, а зачастую и прямо противоположной.

Таким образом, первый мотив любой человеческой деятельности — это мотив исключительно религиозный или исключительно творческий. Сексуальный же мотив, как правило, играет второстепенную роль. Но иногда между этими двумя мотивами возникает острый «конфликт интересов».

Хотелось бы проследить истоки первичного, то есть творчески-религиозного мотива в человеческом «я», не упуская из виду и взаимосвязь первичного с вторичным, то есть сексуальным мотивом. Эти два великих человеческих импульса сосуществуют бок о бок, как муж и жена или как отец и сын. И бесполезно преувеличивать роль одного из них, пренебрегая ролью другого.

Сегодня люди склонны огульно отрицать религиозный мотив или же доказывать его абсолютную чужеродность по отношению к сексуальному. А что касается ортодоксальной религии, то она и вовсе открещивается от секса. Хорошо хоть Фрейд сумел им дать отповедь и показал, насколько они ошибаются. Но ведь и ортодоксальный научный мир точно так же открещивается от религиозного импульса. Ученым обязательно нужно отыскивать причину для всего сущего. Но в том-то и дело, что религиозный импульс, как правило, беспричинен. Что касается Фрейда, тот всегда выступает с позиций ученого. А вот Юнг поверх своей университетской мантии пытается надеть на себя церковный стихарь, так что, слушая его, не понимаешь, кто, собственно, перед тобой — проповедник или ученый. Мы все-таки отдаем предпочтение сексуальным теориям Фрейда перед всеми этими *libido* Юнга[11] или *elan vital* Бергсона[12]. Секс, по крайней мере, означает нечто определенное, хотя, с другой стороны

ны, когда Фрейд делает секс ответственным за все, что делается на Земле, то он с таким же успехом мог бы сделать его не ответственным ни за что.

Мы отказываемся от поисков причины всего сущего на Земле, будь та причина сексом или *libido*, *elan vital* или эфиром, элементарными частицами или механической силой, *perpetuum mobile*[13] или чем бы там ни было. Но в то же время мы чувствуем, что не способны, подобно Моисею, взойти на нашу нынешнюю идеальную вершину Фасги[14] или сделать следующий шаг прямо в открытое небо. А если мы все-

[11] *Libido* (*лат.* «желание, стремление») — одно из ключевых понятий психоанализа. Исходно (в ранних работах Фрейда) обозначало некую психическую энергию, лежащую в основе всех сексуальных проявлений индивида, т.е. фактически использовалось как синоним сексуального влечения. В 1912 г. вышла в свет работа швейцарского психолога и философа Карла Густава Юнга (1875—1961) «Метаморфозы и символы либидо», ознаменовавшая разрыв автора с его учителем Фрейдом. В концепции Юнга либидо — это лишенные сексуальной основы иррациональные влечения человека, определяющие его поведение. Не без влияния Юнга сам Фрейд в своих поздних работах использовал понятие либидо как синоним влечения к жизни.

[12] *Elan vital* (*фр.* букв. «жизненный порыв»).— Французский философ-интуитивист Анри Бергсон (1859—1941) объяснял все процессы жизнедеятельности действием особого нематериального и рационально непознаваемого фактора, заключенного в живых организмах («порыва к жизни», иначе называемого «порывом к форме»).

[13] *Perpetuum mobile* (*лат.* «вечный двигатель») — воображаемая машина (обычно механическая или тепловая), непрерывно действующая без притока энергии. Хотя создание такой машины противоречит законам физики (закону сохранения и превращения энергии и второму началу термодинамики), тем не менее идеи «неисчерпаемого» источника энергии время от времени вновь обретают популярность.

таки достигнем вершины Фасги наших идеалов и, крича «Выше! Выше!», попытаемся подняться за облака, то, значит, мы идеалисты и нами движет чисто религиозный импульс. Если же мы ученые, то предпочтем оказаться там,

[14] *Фасга* — гора, с вершины которой Моисею (как о том рассказано во «Второзаконии», библейской Пятой Книге Моисеевой) позволено было перед смертью взглянуть на Землю Обетованную, где он так никогда и не побывал.

[15] *Евгеника* (от *греч.* «эугенес» — «породистый») — учение о наследственном здоровье человека и путях его улучшения. Принципы евгеники были впервые сформулированы в 1869 г. английским психологом и антропологом Фрэнсисом Гальтоном (1822—1911), предложившим изучать влияния, которые могут улучшить наследственные качества. Второе дыхание евгеника как теория обрела с успехами генетики XX в., хотя сегодня ученые предпочитают забыть это слово, с которым связаны идеи расизма и фашизма, опыты на людях в гитлеровских концлагерях и т.п., и говорить просто о медицинской генетике.

[16] *Всеобщее разоружение* — утопическая политическая идея, особенно популярная между двумя мировыми войнами (ср. ниже примечание о Лиге Наций).

[17] *Лига Наций* — международная организация, созданная после окончания Первой мировой войны (в 1919 г.) по инициативе европейских государств-победителей (США в Лигу Наций не входили), прежде всего Великобритании и Франции, для установления «нового мирового порядка» под лозунгами «мира на все времена», а фактически — для передела планеты в свою пользу. Получая так называемый «мандат Лиги Наций» на управление территориями, эти страны фактически превращали их в свои новые колонии. Что же касается основной декларированной цели — всеобщего мира, то, хотя в организацию вошли все основные участники будущей, Второй мировой, войны, это нисколько не помогло предотвратить начало военных действий (Германия и Япония, развязав локальные войны, демонстративно вышли из Лиги Наций). Интересно, что Лоуренс, как, впрочем, и многие другие деятели европейской культуры, предвидел крах этой организации уже в самом ее истоке.

за облаками, с помощью аэроплана, или евгеники[15], или всеобщего разоружения[16], или чего-нибудь еще, в той же мере абсурдного.

Если обетованная земля где-то и есть, то только у нас под ногами. Не к чему нам стремиться за облака, незачем летать в поднебесье. Хватит с нас этих кличей «Выше! Выше!» и бесплодных призывов к всеобщему братству, вселенской любви и всемирной Лиге Наций[17]. Идеализм и материализм, взявшись за руки, умудрились вместе вскарабкаться на вершину Фасги, так что там уже и не протолкнешься. И вот все мы стоим там, сбившись тесной кучкой, взобравшись на плечи друг друга и попирая друг друга ногами, да знай себе покрикиваем: «Выше! Выше!»

К твоим шатрам, о Израиль! Братья, сойдемте вниз. Спустимся на равнины. Ведь именно там пролегает дорога к манящему нас Ханаану[18]. Подъем завершен. Теперь туда, вниз, в ту землю, где реки текут медом и молоком. Правда, вскоре потекут они кровью, но тут уж ничего не поделаешь. Что тут попишешь, если у хананеян вместо меда и молока течет в жилах кровь.

Если весь вопрос сводится к истокам, то надо сказать, что истоки у всего всегда одни и те же, что бы мы о них ни говорили. И с причинами дело обстоит точно так же. Пусть эта мысль послужит нам утешением. Если нам хочется потолковать о Боге, ну что ж, мы можем доставить себе такое удовольствие. О Боге говорено достаточно много, но Он, кажется, ничего не имеет против. Проблема тут не в Боговом, а в нашем личном ко всему отношении. Если нам так хочется

за чашкой чаю потолковать об атомах, то почему бы и не потолковать. Мы можем говорить о чем угодно: об электронах, об эфире, о *libido*, об *elan vital* — да и вообще о любых других причинах, объясняющих все на свете. Вот только не нужно подавать к чаю секс. Всем нам и под столом его хватает, и, по правде сказать, я, со своей стороны, предпочел бы там его и оставить, что бы ни говорили обо мне фрейдисты.

До чего же надоели все эти чаепития с истоками, с причинами и даже с Господом Богом! Давайте уж лучше добудем нечто таинственное прямо из глубин желудка, и вытолкнем это таинственное наружу, и произнесем нечто вроде «Ом!»[19].

Нет ни тени сомнения в том, что Первопричина нам просто неведома — и хорошо, что неведома. Может быть, это Бог. Или атом. А я скажу коротко: «Ом!»

Первое и главное дело каждой веры — заявить о своем незнании. Я не знаю, откуда пришел — и куда вошел. Не знаю ни происхождения жизни, ни смысла смерти; не знаю, каким образом две родительские клетки, которые и есть мой биологический исток, стали мною, таким, каким я есть. В сущности, я не имею ни малейшего понятия даже о том, чем были эти две родительские клетки. Химический анализ — просто фарс, а отец и мать — просто средства транспортировки. Но должен признаться: кое-что об этих двух клетках я все же узнал. И рад, что узнал.

Моисеи от науки и Аароны[20] от идеализма ведут нас всех в одной связке на вершину Фасги. Это крутой подъем. и очень скоро мы, как снопы, повалимся друг на друга и все

вместе скатимся вниз, если кто-нибудь вовремя не догадается, что настала пора спускаться. Но перед тем как оставить наши высоты, давайте все же окинем взором окрестности и сориентируемся на местности.

[18] *Ханаан, или Ханаанская земля.*— библейское название обетованной земли, т.е. земли, которую Бог обещал народу Израиля и в которую вел свой народ Моисей. Интересно, что, по мнению некоторых исследователей Ветхого Завета, слово Ханаан действительно означает «низменность» (см.: *Нюстрем Э.* Библейский словарь. СПб., 1998, с. 472). Вначале так называлась низменная полоса вдоль юго-восточного побережья Средиземного моря, где жили хананеяне. Затем это название было перенесено на всю землю филистимлян — Палестину.

[19] Слово «ом», обозначающее «неизвестную первопричину» и «добытое» Лоуренсом «прямо из глубины желудка», напоминает и современные ему эксперименты дадаистов, и теории одного из объектов его критики — Юнга. Дадаизм, существовавший как художественное течение в 1916—1922 гг., продуцировал поэзию на «детском доязыке» (*фр.* «dada» — «детский лепет»), «общечеловеческом праязыке» и т.п. Юнг подобные «бредовые» идеи (если бы было доказано, что они «бредовые» в клиническом смысле) намеревался увязать с архетипами — первичными врожденными структурами коллективного бессознательного. Интересно, что существование «добытого» Лоуренсом «прямо из глубины желудка» слова «ом» в качестве названия «первопричины» подтверждается... на мифологическом материале народов Сибири, вряд ли известном автору «Фантазии на тему о бессознательном». Оми — это (в мифах эвенков, нанайцев, негидальцев, орочей, ульчей) душа человеческого зародыша, ребенка до года или животного. Так у нанайцев считается, что «оми» до рождения ребенка обитают в виде птиц на ветвях Мирового Древа. Попадая в женщину, «оми» дает начало новой жизни (см.: «Мифологический словарь». М., 1991. С. 415).

[20] *Аарон* — старший брат Моисея, первый ветхозаветный первосвященник, на 83-м году жизни призванный Богом брату в помощь как его «уста» и его «пророк».

Нас убеждают, что путь наш к Новому Иерусалиму всеобщей любви лежит через райские долины благостного прагматизма[21], откуда рукой подать до счастливой земли всегда оживленных и жизнерадостных виталистов[22]; а вон там — глядите-ка! — мы видим средь тенистых рощ уютный дом преуспевающего аналитика по имени Психо[23]; ну а несколько дальше, за теми голубыми горами, красуются «сверхчеловеки»[24], хотя вам их еще не видно... А вот и Безантхейм[25], вот Эддихоу[26], а вон на живописном горном плато вольно раскинулась Вильсония[27], ну а по прямой от нее — Рабиндранатополис[28]... Но Боже, что это? Я ничего не вижу! Небо, помоги мне! Дайте мне телескоп, ибо в глазах у меня туман.

Нет, не хочу я больше даже пытаться что-то увидеть. Тут же я сажусь на мягкое место и... опля, поехали! На полной скорости, с риском порвать штаны, качусь я вниз с высокой вершины Фасги.

В начале... впрочем, не было никакого начала, но на минуту допустим... Допустим, что все-таки было начало. Надо же с чего-то начать. Так вот, в начале всего сущего, в начале времени и пространства, космоса и бытия — словом, в самом начале было маленькое живое существо. Но я ничего не

[21] *Прагматизм* (от греч. корня, означающего «дело, действие») — философское учение, разработанное американскими философами и психологами конца XIX века Чарльзом Пирсом, Уильямом Джеймсом, Джоном Дьюи и др. и отождествляющее действительность с «опытом», трактуемым как «поток сознания». С точки зрения прагматизма, объекты познания не существуют сами по себе, а формируются познавательными усилиями в ходе решения практических задач; истина — не отражение объективной реальности, а практическая польза, удовлетворяющая субъективные интересы индивида.

знаю о нем, даже не знаю, было ли оно на самом деле таким уж маленьким. Знаю только, что в начале было живое существо, трепетала его протоплазма, а в ней бился пульс его жизни. И это маленькое существо умерло, как всегда происходит с маленькими существами. Но незадолго до своей

[22] *Виталисты* — представители витализма (от *лат.* «vitalis» — «жизненный»), идеалистического учения в биологии, объясняющего все процессы жизнедеятельности действием особых нематериальных факторов, («энтелехии», «созидающей силы», «порывов к жизни», «порывов к форме» и т. п.), которые заключены в живых организмах.

[23] Ироническая разбивка слова «психоаналитик» на два с перестановкой составляющих его частей: аналитик Психо.

[24] Очевидный намек на миф о сверхчеловеке, созданный немецким философом Фридрихом Ницше (1844—1900); в этом мифе индивидуалистический культ сильной личности («Так говорил Заратустра», «Воля к власти») сочетался у Ницше с романтическим идеалом «человека будущего»

[25] *Безантхейм* — название вымышленного Лоуренсом города, произведенное от фамилии Анни Безант (1847—1933) — англичанки, участвовавшей в освободительной войне индусов против Великобритании и в годы Первой мировой войны возглавлявшей в Индии так называемую «Лигу гомруля» (от англ. «home rule» — «самоуправление»), боровшуюся за автономию Индии в рамках Британской империи.

[26] *Эддихоу* — также название вымышленного города от фамилии Мэри Бейкер Эдди (1821—1910), американской целительницы, широко известной в начале XX в., основоположницы так называемой «христианской науки» (Cristian Science) — учения об исцелении некоторых болезней нервного происхождения внушением, причем со ссылками на Библию, откуда Мэри Бейкер Эдди якобы и черпала свое учение. На самом деле оно было развито из практики некоего доктора Квимби, который в свое время вылечил саму Бейкер Эдди от нервного заболевания.

смерти оно породило другое юное существо. И когда первое маленькое существо умерло, оно распалось на мельчайшие кусочки. И это положило начало космосу. Маленькое тельце рассыпалось на пылинки, и за одну из них зацепилось новое существо, ибо все живые существа должны за что-то цепляться. В окружающем пространстве распространилось его тихое дыхание, распространилось его тепло, распространился его свет. Его тело излучало энергию, и воздух прогревался с правой его стороны, в то время как с левой холодные и влажные энергетические выделения его тела распространяли холод и тьму. Итак, первый маленький господь умер и распался, а в том месте, где было его живое маленькое тело, в самом центре, одна из пылинок стала Землею, и справа от нее образовалось сияние, ставшее Солнцем, впитавшим в себя всю ту энергию, что оставил после себя умерший ма-

[27] *Вильсония* — образованное таким же образом название вымышленного города «в честь» Томаса Вудро Вильсона (1856—1924) — 28-го президента США (1913—1921), инициатора вступления США в Первую мировую войну, автора программы заключения мирного договора (так называемые «14 пунктов Вильсона») — «всеобщего и справедливого» мира, обеспечивающего «самоопределение наций», «свободу морей», «свободу торговли» и т. п. Либеральная идеология 1920-х годов канонизировала Вильсона, после его смерти в Европе, особенно в странах, которые в результате Первой мировой войны получили независимость. Его память всячески увековечивалась (так, центральный железнодорожный вокзал в Праге до сих пор называется вокзалом Вильсона).

[28] *Рабиндранатополис* — название вымышленного города «в честь» Рабиндраната Тагора (Тхакура) (1861—1941) — индийского писателя-гуманиста и общественного деятеля, лауреата Нобелевской премии (1913), сочетавшего борьбу за национальное освобождение с утверждением общечеловеческих ценностей.

ленький бог, а слева от нее возникла тьма, в которой зародилась и взошла на небо Луна. Вот каким образом Господь сотворил мир. Разве что о Господе с большой буквы я ничего не знаю, так что, собственно, и упоминать мне Его не следовало бы.

Но вот о чем я, напротив, должен был, хотя почему-то забыл, упомянуть,— так это о душе маленького господа. Она, видимо, воспарила, а затем вновь вернулась, но уже к юному существу. Вот в таком виде мой рассказ звучит вроде бы правдоподобнее.

Таково мое представление о Творении мира. Что я хотел вам этим сказать? Только то, что Жизнь никогда не была и никогда не будет ничем иным, как просто живыми существами. И с какой бы буквы вы ни писали слово «жизнь» — с маленькой или с большой,— оно всегда означало и всегда будет означать: живые существа, и только живые. Именно из живых существ был сотворен материальный космос — и из смерти живых существ, когда их маленькие живые тела падали замертво и рассыпались, преобразуясь во всевозможные виды материи и энергии, в солнца и луны, в звезды и мироздания. В этом вам вся Вселенная. Только не спрашивайте меня, откуда взялось то первое живое существо, от которого все и произошло. Оно просто было. Но это уже была маленькая личность, со своей собственной, отдельной душой. Она еще не была Жизнью с большой буквы.

Если вы мне не верите, то ради бога, я на вас не обижусь. Я даже приготовил вам песенку, чтобы вы все время ее напевали:

Все то, во что не верю я,—
То для меня галиматья.

Вот теперь, когда вы весело напеваете эту песенку, вы мне больше по нраву: эдакий ко всему безразличный, беззаботный певун. И я пропою вам в ответ:

Все то, во что не веришь ты,—
То взлеты мысли и мечты.[29]

Живое живет, а затем умирает. Переходит, как мы знаем, в земную пыль, кислород, азот и так далее. Но вот чего мы не знаем, хотя должны были бы знать,— каким образом неживая материя снова превращается в жизнь, в живую материю. Мне трудно представить, как много мертвых душ, словно ласточки, кружат над нашим хаосом и свивают себе гнезда под кровлей мира и чердаком живого. Какое обилие мертвых душ, словно ласточки, щебечут и выводят своих птенцов — мысли и инстинкты — под соломенной кровлей моих волос и под чердаком моего чела. Этого я и сам не знаю. Но думаю, что немало. И надеюсь, им там неплохо. И также надеюсь, что это все-таки ласточки, а не летучие мыши.

Мне неловко признаваться в своей вере в существование душ покойников, в способность мертвых душ тем или иным образом возвращаться в наш мир и заполнять собою души живых. Но удел всех живущих — неизбежная смерть, и с этим трудно смириться. Не спорю, моя вера в переселе-

[29] Оба двустишия приводятся в переводе *В. Чухно*.

ние душ в чем-то сродни мистицизму. А жаль — ведь я не люблю мистицизм. Мистицизм — это нечто непристойное, нечто без верхней одежды и даже без места для верхней одежды, как, впрочем, и для всего остального. Согласитесь, не особенно приятно ступать на ощупь в сплошной темноте, когда и нащупать-то нечего.

Все то время, пока я пишу эти строки, длинная тонкая коричневая гусеница, сидящая на маленьком сучке у моих ног, усиленно изображает из себя сухую веточку бука. Она застыла, выгнувшись аркой, и в этот момент какая-то мушка принимается заползать на эту лжеарку, не подозревая, что это вовсе не арка, а живая гусеница. Но стоило той слегка шевельнуться, как мушку будто ветром сдуло: она словно увидела привидение. И снова живая веточка и мертвый сучок остаются одинаково неподвижными, каждый получая большущее удовольствие от этой маленькой разницы между собой. А теперь, при помощи карандаша, которым пишутся эти строки, я лишаю гусеницу головы, но она все так же остается стоять на хвостовой части своего тела, и лишь тот конец арки, что держался на голове, беспомощно покачивается в воздухе, подобно крошечному маятнику. Покачавшись так долгих полторы минуты, гусеница наконец завалилась набок. Вот теперь она и в самом деле точно сухая тонкая веточка — с той только разницей, что настоящая сухая веточка не может изображать из себя живую гусеницу. И все-таки — как же они похожи! Не так ли и мы — на какой-то случайной станции заходим в жизнь, на какой-то выходим из жизни и, пока живы, исполняем великое множество ролей. Гораздо

больше, чем мы, несчастные, можем себе представить. Ну, и какая же из всего этого мораль?.. Даже не знаю, что сказать. Я в полной растерянности.

Ну, хорошо, вот мы родились (надеюсь, хоть это утверждение не вызовет критических замечаний) и до какого-то момента не обладаем сознанием. Но вот в нас возникло сознание. И наше маленькое младенческое тело становится функционирующим организмом, крошечным самосовершенствующимся механизмом, или устройством, если хотите, или инструментом, и в нашем маленьком младенческом мозгу начинают пробуждаться все эти чудесные начала нашей психики. Каждый из нас — это уже «я», но только в стадии почки или бутона.

И все же это не совсем так. Подобный взгляд уж слишком напоминает вид с вершины Фасги. Слишком много при таком верхоглядстве упускается из виду. *Descendrez, cher Moise. Vous voyez trop loin*[30]. Слишком многое охватывает твой взгляд, дорогой Моисей. Всю обетованную землю,

30 *«Descendrez, cher Moise. Vous voyez trop loin»* (*фр.*) — «Сойди вниз, о Моисей. Ты смотришь слишком уж далеко». Лоуренс не совсем точно (видимо, по памяти) цитирует строки из поэмы «Моисей» (1822) французского писателя-романтика Альфреда де Виньи (1797—1863).

31 *Иерихон* — один из древнейших городов мира, находившийся в Палестине, прямо под вершиной Фасги, и один из первых городов Ханаана, завоеванных древними иудеями.

32 *«...все мы Аароны, и у каждого из нас свой жезл».*— Жезл Аарона — библейский символ священства, неоднократно претерпевавший чудесные превращения (см.: Исход, 7, 10—12; Числа, 17, 3—10).

до края моря. Сойди вниз и прогуляйся по ней, старина. Ты не увидишь там никакого молока и меда, никаких виноградин размером с утиное яйцо. Одно только маленькое, трогательное, подающее большие надежды дитя с его хрупким непорочным разумом, запеленутое в облако славы. И ничего более, мой дорогой друг. Никакой обетованной земли.

Сойди с Фасги, войди в Иерихон[31]. Это ничего, что дорога к нему пока еще никем не проложена: все мы Аароны, и у каждого из нас свой жезл[32].

Глава II

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

Все мы признательны мистеру Эйнштейну[33] за то, что он сумел вышибить из Вселенной ту ось, которой у нее никогда не было. Вселенная — это не прялка. Она, скорее, туча летящих, роящихся пчел. Хвала провидению, ибо от сравнения ее с прялкой нас давно уже тошнит.

Таким образом, Вселенная наконец-то слетела с булавки, которая была продета сквозь нее и которой она, как муха, была приколота к какой-то непонятной поверхности, хотя и пыталась высвободиться. Нынче наша многосоставная Вселенная совершенно свободно следует траектории сложного полета, больше не попадая ни в какую наезженную колею, из которой, как оказалось, не так уж и просто ее извлечь.

Точно так же не должны быть приколоты булавкой к чему бы то ни было и мы сами. У нас больше нет всеобщего закона, который бы правил нами. На мой взгляд, есть лишь один закон: я — это я. И это даже не закон, а так, общее наблюдение. Каждый человек — это индивидуальная личность, но никто из нас не может считать себя полностью одиноким. Есть и другие звезды, кружащие по траектории собственного одиночества. И между ними нет прямого сообщения. Да, дорогой читатель, между мною и вами нет прямого сообщения, так что не обессудьте, если мои слова летят вам в глаза, как песок, и скрипят на зубах, вместо того чтобы музыкой ласкать ваши уши. Я — это я, ну а вы — это вы, и мы

стоим перед лицом печальной необходимости создания своей собственной, *человеческой*, теории относительности. Мы нуждаемся в ней даже больше, чем Вселенная. Звезды уж как-то умудряются скользить бок о бок друг с другом, не очень мешая друг другу и не причиняя друг другу большого вреда. Но вы и я, дорогой мой читатель, пребывая в святом убеждении, что вы — это я, а я — это вы, продиктованном ничем иным, как благородным стремлением к общечеловеческому братству,— так вот, мы с вами в этом своем святом убеждении готовы втаптывать друг друга в грязь и таскать друг друга за волосы.

Вы — не я, дорогой мой читатель, даже и не надейтесь на это. А посему не слишком расстраивайтесь, если я что-то не так говорю. В конце концов, не ваш же священный рот произносит эти слова. А что до ваших оскорбленных священных ушей, давайте-ка лучше договоримся насчет нашей с вами маленькой теории относительности, договоримся вот в каком смысле: то, что я говорю,— это не совсем то, что вы слышите. То, что я говорю, представляет собой некий звук, вышедший из глубин моего одиночества, а затем по длинной

[33] *Эйнштейн Альберт* (1879—1955) — великий немецкий физик, автор частной (1905) и общей (1907—1916) теории относительности. Вклад Эйнштейна в создание современной картины мира широко обсуждался как раз в период работы Лоуренса над его «психоаналитическими» эссе в связи с присуждением этому физику Нобелевской премии за 1921 год. Теория Эйнштейна выявила ограниченность представления классической физики об «абсолютных» пространстве и времени и неправомерность их обособления от движущихся объектов.

кривой обогнувший оболочку окружающего вас одиночества и явившийся к вам до неузнаваемости истрепанным и измененным.

«Кыш! Кыш!» — кричу я гусям, но что именно слышат гуси — одному только небу известно. И будьте уверены, что красная тряпка для быка есть нечто более сложное и таинственное, чем красный галстук для социалиста.

Теперь, как мне кажется, я поставил все на свои места, дорогие читатели. Так что можете себе сидеть, как *Надежда* Уатта[34], на вашем собственном земном шаре, а я буду сидеть на своем, и постараемся, по мере возможности, не допускать столкновения наших планет. Можете себе бренчать на вашей ветхой лире надежды. Возможно, вам это кажется музыкой, и я не стану вас осуждать. Мне же ваша «музыка» терзает уши, но, быть может, во всем виновата та оболочка, что меня окружает,— ведь она не такая, как ваша, и звуки вашей музыки, пробиваясь сквозь разделяющее нас пространство, до неузнаваемости искажаются. Стоит мне услышать очередную песню про *Возрождение Мира* или про *Вновь Воскресающую Надежду*, как мои челюсти начинает сводить от оскомины и зубы начинают странно поскрипывать, подражая звукам бренчащих струн.

А теперь я изреку пару оригинальных мыслей, так что напрягите ваш притупившийся слух.

Как я уже говорил в своей маленькой, но, разумеется, бессмертной книжке «Психоанализ и бессознательное», все в этой жизни далеко не так просто, как представляется на первый взгляд. Вы, дорогие мои читатели, тоже не так просты, какими кажетесь на первый взгляд. Вы мне не верите?

Думаете, вы так же понятны и очевидны, как крутое яйцо без скорлупы? Или так же просты, как какой-нибудь бедолага сумасшедший? О нет, дорогие читатели, даже не мечтайте о такой простоте. У вас, слава богу, еще работает солнечное сплетение и где-то в районе печени, видимо, вполне нормально функционирует спинной ганглий. Я сейчас вам все объясню. Расскажу вам всю правду. Одна только правда может заставить человека вновь стать самим собой. А я уж постараюсь сделать так, чтобы вы снова стали самими собой, вы слышите? Довольно уже вы бродили в опасной близости от моих частных владений, от моей собственной оболочки, пытаясь отождествить себя со мной, а меня с кем угодно. Хороши были бы порядки на звездном небе, если бы, например, Альдебаран[35], поймав за хвост Сириус[36], заявил ему:

— Эй ты, задавака несчастный! Нельзя ли светить не так ярко? Ты же нарушаешь звездные правила!

[34] *Уатт Джордж Фредерик* (1817—1904) — английский художник и скульптор, автор популярных в свое время картин-аллегорий на «вечные» темы. «*Надежда*» (1886) — одна из самых известных его работ. Сюжет ее таков: девушка присела отдохнуть на земной шар (размером с большой валун), подложив одну ногу под другую, и уснула, причем голова ее покоится в детской колыбели, которую она автоматически качает левой рукой, правую умильно подложив под щеку. Лоуренс в письме к своей знакомой Бланш Дженнингс от 20 января 1909 г. отзывался о картинах Уатта как о «полууспехах-полупровалах»: «Трудно сказать, что значит или чему учит то, что в них успех,— зато поучителен провал».

[35] *Альдебаран* — звезда 1-й звездной величины, красный гигант светимостью в 150 раз больше, чем наше Солнце.

[36] *Сириус* — самая яркая звезда на небе 1,5-й звездной величины.

Мне вспомнилось арабское предание о том, что будто бы падающие звезды-метеориты — это камни, которые ангелы швыряют в бесов, когда видят, что те слишком приблизились к палисаду небес. Должен сказать, мне нравятся арабские ангелы. Озаритесь, мои небеса, звездным фейерверком, рассыпающим раскаленные добела звездные камни!

Но лучше бы мне не поддаваться на все эти арабские провокации. Да и вам, дорогой читатель, лучше бы не доводить меня до греха. Ибо когда я разговариваю с вами, мне кажется, будто я говорю с глухим, который подносит свое искусственное ухо, свой слуховой аппарат, к самым моим губам — и все равно ничего не слышит. И меня подмывает прокричать в это телефонное ухо все известные мне нецензурные слова, чтобы увидеть хоть какое-то движение мысли с того конца аппарата — на вашем глупом и симпатичном лице. Но от движения внутри механического прибора слова становятся совершенно иными. Что с ними только творится! Да и сам я, признаться, стал глуховат, и все это закончится тем, что я тоже буду совать свой слуховой аппарат прямо в открытые губы моих собеседников. Может быть, моя собственная глухота и заставляет меня так невежливо беседовать с вами? Право, не знаю: я вам говорю то, что чувствую. Уж не взыщите.

Прошу вас, помогите мне сохранять серьезность, дорогой мой читатель.

В упомянутой книжке «Психоанализ и бессознательное» я, не боясь показаться занудой, пытался вас убедить, дорогой мой читатель, в том, что у вас имеется солнечное сплетение, спинной ганглий и еще кое-что. Сам не знаю, зачем мне это

понадобилось. Если кто-то не верит, что он обладатель носа, то лучший способ убедить его в обратном — потереть ему ноздри щепоткой перца. Вместо этого я до красноты тер свой собственный нос, заунывно уговаривая вас принять мои доказательства и поверить мне. Теперь я этого делать не буду.

Прежде всего, дорогой мой читатель, хочу вам сказать — а вы можете мне верить или не верить,— что у вас всегда было и, конечно, есть до сих пор солнечное сплетение. Солнечное сплетение — это большой нервный центр, который находится у вас за желудком. Вам не уличить меня в неточности или лжи, ибо о том же самом вы можете прочесть в любой научной или медицинской книге о нервной системе человека. Так что не отмахивайтесь от того факта, что у вас есть тело, и не пытайтесь казаться более духовным, чем вы есть на самом деле. Хотите вы или нет, но у вас, дорогой читатель, кроме всего прочего, имеется и солнечное сплетение. Так-то вот. Моя книга, уверяю вас, строго научна, и крыть вам здесь нечем.

Итак, любезнейший мой читатель, поговорим о солнечном сплетении. Это первейший, величайший и глубочайший центр сознания человека. И если вы хотите знать, когда и каким образом проявляется с его помощью ваше сознание, я вынужден отослать вас к помянутой книжке «Психоанализ и бессознательное».

В вашем солнечном сплетении — а оно, напоминаю, располагается у вас за желудком — вы сознательны изначально. Именно там обретается ваша глубокая изначальная уверенность в том, что вы — это вы. Только не говорите мне,

что у вас нет подобной уверенности. Я ведь знаю, что она у вас есть. С равным успехом вы можете отрицать наличие того же носа у вас на лице. Ваше солнечное сплетение — средоточие вашей первейшей и глубочайшей уверенности в самом себе. Здесь вы торжествуете в этой своей уверенности, уверенности в своем индивидуальном существовании во Вселенной. Здесь и только здесь расположена главная и неприступная крепость вашего торжествующего сознательного «я». Здесь вы существуете, и сами в этом уверены. Так что можете, самодовольно похлопывая себя по животу, произнести на всех языках:

— Me voila!

— Here I am!

— Ecco mi!

— Da bin Ich! [37]

Да, здесь, именно в этом месте вы существуете, дорогой мой читатель.

Но здесь обитает не только трогательная уверенность в том, что вы существуете. Здесь есть еще и ликующая уверенность в том, что за пределами неприступной крепости вашего пупка лежит целый мир, в жизнь которого вы должны внести и свой вклад. Но с самого момента вашего рождения центральные ворота этой крепости наглухо закрыты. Слишком опасно оставлять их открытыми. Слишком близко к жизненному центру. Есть, правда, и другие ворота. Есть

[37] Эти примерно эквивалентные по значению выражения на французском, английском, итальянском и немецком языках означают нечто вроде «Вот он я!»

глаза, есть губы, есть уши, есть ноздри, а также закрытые, но не наглухо запечатанные ворота груди. Словом, много ворот. А кроме ворот есть еще и «беспроволочные» коммуникации между большими нервными центрами и окружающим, или сопредельным, миром.

От научных авторитетов вы можете узнать, что это большое сплетение, этот всемогущий нервный центр, отвечающий за сознание и жизненную активность человека, является симпатическим центром. Из солнечного сплетения, как из неприступной крепости, вы оглядываете свои владения — возделанные земли, колосящиеся поля, плодоносные сады, тучные стада. Вы хозяйским оком окидываете хижины своих подданных и дворцы своих возлюбленных. Ваше солнечное сплетение наполняет вас уверенностью, что весь мир ваш и что он к вам добр.

Это тот великий центр, в котором, когда вы были еще в утробе матери, ваша жизнь впервые вспыхнула искрой индивидуальности. Это тот центр, который, в период вашего девятимесячного пребывания в потаенном убежище, ради вашего роста и развития притягивал к вам живительный поток материнской крови. Это тот центр, где происходит отрезание пуповины и откуда берет начало та незримая нить динамического сознания, что, как невидимый поток электричества, связывает вас со всей прочей жизнью,— и эта связь не прервется, пока вы будете жить, пока вы будете оставаться в пределах своей совокупной живой индивидуальности.

Между прочим, я слышал, что нынче врачи проделывают над новорожденными маленькую операцию, добиваясь того,

чтобы пупок не торчал над поверхностью живота. А это значит, дорогой мой читатель, что они срезают этот нежный бутон! Вам еще повезло, что вы относитесь к тому поколению, о внешнем виде которого врачи не проявляли столь трогательной заботы. Однако же, *caro mio*[38], выступает у вас пупок над животом или нет, но это то самое место, через которое вы некогда имели непосредственный доступ к потоку материнской крови. Благодаря тому что мужская клетка, происходящая от вашего отца, по-прежнему процветает внутри вашего солнечного сплетения, этот великий центр все еще хранит в себе непосредственное знание о вашем отце, хрупкую, но, как и прежде, живую связь. Мы зовем это кровными узами. Пусть будет так. Это и на самом деле кровные узы. Но только в гораздо более широком смысле, чем мы это обычно себе представляем. Ибо истина заключается в том, что та единственная мужская клетка, которая привела к вашему рождению, питалась кровью вашего отца. И точно так же истинно то, что эта же самая мужская клетка, неутоленная и неутолимая, живет в самом центре вашего естества, в пресловутом солнечном сплетении. Более того, истина заключается также и в том, что эта неутоленная мужская клетка внутри вас непрерывно рассылает во все стороны вибрации и смутные потоки витальности — и это прямая связь с вашим отцом. И пока вы живы, вам от нее никуда не уйти.

Возможно, связь с матерью представляется вам намного более очевидной. Разве не очевидно место вашего с ней раз-

[38] *Caro mio* (*итал.*) — дорогой мой, душа моя.

рыва? Ведь это и есть ваш пупок. Можно ли, однако, отношения матери и ребенка считать более глубокими, более жизненно важными, более существенными, нежели отношения отца и ребенка,— на том лишь основании, что отношения матери и ребенка более явные и более напряженные? Нет, конечно, нельзя! Если большая материнская клетка попрежнему полнокровно и ярко живет и действует в вашем солнечном сплетении, выросшем непосредственно из оплодотворенной яйцеклетки, означает ли это, что меньшая мужская искорка-клеточка, происходящая от вашего отца, является хоть на йоту менее яркой? Ни в коей мере! Она просто другая, менее очевидная. Меньшая по размеру, она, может быть, даже ярче в своих проявлениях и существеннее в своем воздействии. Так что остерегайтесь отвергать в себе отцовское, дабы не отвергнуть в себе самое жизненное и существенное.

Из этого также следует, что, поскольку родные братья и сестры имеют одних и тех же отца и мать, между ними существует прямая связь, невозможная между чужими людьми. Родительские клетки в новых клетках не умирают. Они остаются в них как динамические жизненные центры, огоденные и искрящиеся, как узлы и источники самой жизни. Таким образом, родительские клетки, живущие в каждом индивиде, обеспечивают ту прямую связь, которую мы называем кровной,— связь со всеми остальными членами семьи. Это и в самом деле кровная связь. Ибо детородные клетки — квинтэссенция крови. И на протяжении всей жизни родительские клетки не теряют центрального положения

и динамического значения внутри солнечного сплетения человека. Так что в каждом индивиде в полном смысле слова живут и его отец, и его мать.

Но все это скорее предпосылка к истине, нежели ее суть. Суть же каждого индивида состоит в новой целостности единственной и неповторимой личности, зарождающейся в оплодотворенной яйцеклетке. Эта целостность и есть тот непостижимый Святой Дух, который живет в каждом из нас — у каждого свой. Когда в момент зачатия две родительские клетки сливаются, формируя новую целостность жизни, совершается великое таинство творения. На свет является новая личность, но не просто как результат одного лишь слияния клеток. Новый индивид — нечто большее. Индивидуальность как качество приходит к нему как бы ниоткуда. Появившийся на свет индивид, в единстве и единственности своего бытия, есть совершенно новая целостность. Он не просто перестановка и новая комбинация старых элементов, привнесенных родителями. Нет, это нечто, явившееся ниоткуда, нечто беспрецедентное, единственное и неповторимое — новая душа.

Это качество чистой индивидуальности — высшее качество. Но, вбирая в себя все прочие качества, высшее качество не поглощает их. Все они также присутствуют в нем. И лишь на своем пределе индивид действительно превосходит сумму составляющих его элементов и в чистом виде становится самим собой. Но большинство людей так никогда и не достигают своего предела. В своей собственной чистой индивидуальности индивид превосходит своих отца и мать и представляется им совершенным незнакомцем. «*Что Мне*

и Тебе, женщина?»[39] Однако это вовсе не означает, что в нем не продолжают жить отцовское и материнское начала. Невзирая на свое превосходство над ними, он их скорее вбирает в себя, чем поглощает, и они остаются с ним. Точно так же сказанное не означает, что в наши дни так уж много людей превосходят своих отца и мать, что они приобретают некую индивидуальность, превосходящую индивидуальность родителей. Многие люди рождаются полурабами: та маленькая душа, с которой они являются на свет, постепенно атрофируется у них, и это свое новое «я», свою новую душу они являют одним лишь своим «физическим» присутствием — они словно новые наросты на теле человечества, этакие отпочковавшиеся картофелины-переростки.

Но если даже взять человека в его самом совершенном виде, то и он с самого начала сталкивается с огромной проблемой. Ему предстоит принять на себя бремя тройственного бытия — бытия в себе матери, бытия в себе отца и бытия Святого Духа, то есть своего собственного «я». Каждое бытие он должен вобрать в себя, переработать, переплавить воедино, но, увы, в большинстве случаев этого не происходит.

И вот вам поразительный физиологический факт. В момент нашего зачатия отцовская клетка сливается с материнской и совершается чудо: является новое «я», новая душа, новая индивидуальная клетка. Но внутри этой новой клетки отцовская клетка и материнская клетка не теряют своей соб-

[39] *«Что Мне и Тебе, женщина?»* — так Иисус Христос обратился к своей матери (Евангелие от Иоанна, 2, 4).

ственной индивидуальности. Они навсегда остаются в ней самими собой — вобранными ею, но не погасшими. Таким образом, кровные связи людей прочны и непреходящи, а кровяной поток человечества всегда останется единым потоком. Но если таинство рождения новой, чистой индивидуальности перестанет свершаться, этот кровяной поток иссякнет и прекратится. А это означает, что человечество перестанет существовать.

Но вернемся к солнечному сплетению. К тому месту, где искрятся и сверкают вобранные нами материнская и отцовская клетки, посредством которых мы обретаем прямые кровные узы, семейные связи. Эта связь такая же прямая и такая же невидимая, как между станциями Маркони[40] — двумя мощными беспроволочными станциями. Семья — это, если угодно, группа радиопередатчиков, настроенных на одну и ту же волну. Они постоянно передают друг другу некие колебания, и между членами одной семьи, находящимися в своего рода жизненном унисоне, происходит непрерывный взаимообмен потоками витальной информации. Пульс жизни в нескольких отдельных индивидах бьется как в одном. Но в то же время происходят постоянные встряски, взрывы индивидуализма, попытки некоторых индивидов утвердить свое собственное «я» превыше всех связей и родственных притязаний. Высшая цель каждого человека — чис-

[40] *Станции Маркони* — радиопередатчики Гульельмо Маркони (1874—1937), итальянского инженера, в 1897 г. изобретшего радиоприемник (независимо от изобретения русского инженера А. С. Попова в 1895 г.).

то индивидуальное бытие. Но это та цель, которой вы не сумеете достичь ценою разрыва всех связей. Чтобы родить дитя, недостаточно просто извлечь его из утробы. Дитя должно родиться естественным путем, и если при этом и происходит какой-то разрыв, то он минимален. Но и после рождения связи не рвутся окончательно. Они лишь становятся более тонкими.

Из солнечного сплетения, в первую очередь, исходит та огромная витальная сила, что связывает дитя и родителей, прелюдия изначального, дорационального знания, прелюдия изначальной любви. Эта великая и нежная прелюдия созидает дитя — его тело и душу. Побуждаемое изначальным центром сознания в брюшной полости, дитя ищет мать, ищет ее грудь, жадными губами слепо нащупывает сосок. Еще не проснувшийся разум ребенка не имеет определенного направления — и в то же время имеет. Направленность эта берет начало из темного дорационального центра солнечного сплетения. Из этого центра направляется поиск ребенка, из него же черпает свое знание и мать. Отсюда происходит «безрассудочность» неиспорченной, здоровой матери. Ей не нужно рассуждать, ей не нужно знать разумом. Ибо она получает из своего великого жизненного центра, расположенного в брюшной полости, глубокое, действенное знание.

Но если ребенок так тянется к матери, означает ли это, что он знает одну только мать? Да, безусловно, мать для младенца — это целая Вселенная. И все же ему нужно знать и многое другое. Прежде всего, ему нужно присутствие мужчины, вибрация, исходящая от находящегося рядом

мужского тела. Речь не обязательно идет о непосредственном, ощутимом соприкосновении. Но из большого волевого центра мужчины исходят некие новые, еще незнакомые младенцу сигналы, полезная для него «питательная» эманация мужской крови. Мы не видим этих сигналов, мы не видим этих лучей и на этом основании ничего не хотим о них знать. Тем не менее они существуют. эти лучи, исходящие из большого темного жизненного центра в брюшной полости отца, и играют эти лучи чрезвычайно важную стимулирующую роль. Они воздействуют на такой же центр у ребенка. Эти лучи, эти вибрации не похожи на материнские. Они совершенно иные. Им не нужен прямой контакт, прикосновения и ласки. Напротив, мужской инстинкт заставляет мужчину избегать прямых контактов с младенцем. Здесь даже не обязательно физическое присутствие отца. Но между отцом, присутствующим или отсутствующим, и его ребенком возникает странная, непостижимая связь, какое-то необъяснимое притяжение — подобное тому, посредством которого полюс притягивает к себе стрелку компаса. Возникает своего рода виталистический магнетизм, выстраивающий всю жизненную протоплазму младенца по линии витальной стимуляции, витальной энергии, витального знания. И любая нехватка этой жизненно важной циркуляции, жизненно важного взаимообмена между отцом и младенцем, между мужчиной и его дочерью или сыном неизбежно приводит к замедлению развития ребенка.

Младенец существует в поле взаимодействия двух великих жизненных излучений — женского и мужского. На пер-

вый взгляд, мать для ребенка является всем. И действительно, активная роль отца очень невелика. Даже если он редко видит своего младенца — небольшая беда. И все-таки он должен его видеть, хотя бы изредка должен прикасаться к нему и таким образом поддерживать с ним необходимую для обоих связь. Он должен обеспечивать жизненно важную циркуляцию между ними, не давать ей иссякнуть, ибо если она иссякнет, то это истощит жизненный потенциал ребенка.

Но прошу вас, дорогой читатель, не забывать, что вы совершенно не обязаны мне верить и даже читать все это. Верить мне или не верить, читать мои книги или не читать — это ваше личное дело, и прошу меня в него не впутывать.

Глава III

СПЛЕТЕНИЯ, УРОВНИ И ТОМУ ПОДОБНОЕ

Первичное сознание человека не рационально и не имеет ничего общего с пониманием. Оно совершенно такое же, как у животных. И это дорациональное, доразумное сознание остается в нас на всю жизнь, являясь могучим корнем и стержнем нашего сознания. Разум же — это расцветший на нем цветок, это кульминация и в то же время предел.

Исходное местонахождение нашего первичного сознания — солнечное сплетение, большой нервный центр, расположенный за желудком. В этом месте мы изначально сознательны — динамически сознательны. Ибо первичное сознание всегда динамично и никогда не статично, в отличие от статичного рационального сознания. С другой стороны, первичное сознание — всего лишь инструмент в «руках» нашей души, хотя, конечно, инструмент совершенный и очень полезный в наших жизненных делах. Мысль же, или проявление разума,— это разовая операция по действию и выживанию, тогда как на самом деле жизнедеятельность человека берет свое начало в больших центрах динамического сознания.

Солнечное сплетение, крупнейший и важнейший центр нашего динамического сознания,— центр по своей функции симпатический. Посредством этого центра нашего перворазума мы узнаем самое важное, чего обычным, «рациональным» разумом никогда бы узнать не смогли. Изначально все мы — каждый человек и каждое живое творение — знаем

достоверно, положительно и без всяких сомнений, что я — *это я*. Это корень всякого бытия и знания (динамического, дорационального знания, которое невозможно перевести в мысль), и находится он в солнечном сплетении. Так что не просите меня перевести в мысль мое динамическое, дорациональное знание. Сделать это никому не под силу. Знание о том, что я — это я, разумом понять невозможно: это можно только лишь знать.

Это знание возникает в нас и физически и психически в тот самый момент, когда две родительские клетки сливаются в одну, то есть в момент зачатия, и остается в цельном и целостном виде в каждой нашей клеточке тела, развившейся из этой первоначальной клетки. И все же первоначальная клетка, образовавшаяся при нашем зачатии на основе двух родительских клеток, навсегда останется первичной и главной, останется первоисточником первого и высшего знания о том, что я — *это я*. Помещается эта первоначальная клетка в солнечном сплетении.

Но первоначальная клетка делится. Первое деление по самой сути своей есть деление отдаления. Две родительские клетки, слившиеся в оплодотворенной яйцеклетке, проявляют тенденцию к отдалению, новому самоутверждению. То, что стало единым, вновь теперь разделяется, и в результате из одной клетки получаются две.

Эта новая клетка, клетка, рожденная делением, является истоком той огромной совокупности клеток нервной системы, на основе которой утверждается индивидуальность человеческой личности. Эта клетка сохраняет свое централь-

ное место во взрослом человеческом организме точно так же, как это было и в организме зародыша. Во взрослом организме эта первая клетка независимости, стоящая у истока всей нашей клеточной системы, всегда помещается в поясничном ганглии. Здесь находится центр нашей независимости в пределах Вселенной.

Солнечное сплетение является вместилищем динамического знания (я — *это я*) и центром всей нашей симпатической системы. Великое первоначальное знание по самой своей природе является симпатическим. *Я — это я* — в центре жизни. *Я — это я* — в жизненном центре всего. *Я — это* я — ключ ко всему. Все едино во мне и вокруг меня. Все составляет единое целое.

Но в поясничном ганглии, представляющем собой отдельный и не менее влиятельный нервный центр, сосредоточено знание совершенно иного рода. С помощью поясничного ганглия я знаю, что я — *это я*, но не в единстве с окружающим миром, а, напротив, в противоположность Вселенной, которая не является мною. Это первый грандиозный всплеск сознания своего одиночества и своей отдельности. *Я — это действительно я*, но не потому, что я одно целое со Вселенной, а потому что я не такой, как Вселенная. Именно эта моя непохожесть на все и делает меня мною. Именно благодаря ей я могу утверждать, что я — *это я*. Это знание о нашей отдельности прочно укоренено в нашем поясничном ганглии. Это второе основание нашего динамического психического существования.

Благодаря большому симпатическому центру в солнечном сплетении младенец наслаждается общением с матерью

и своим единством с пока еще неведомой ему Вселенной. Присмотритесь к изображениям Мадонны с Младенцем — и, может быть, вы увидите этот центр. Именно через него младенец впитывает в себя весь окружающий его мир, впитывает любовь для созидания своей души и молоко для созидания своего тела. Один и тот же центр ответствен за всасывание любви и молока, за психическое и физическое питание.

Именно своим большим волевым центром в поясничном ганглии ребенок утверждает свое отличие от матери, свое единственное и неповторимое существование и свою власть над всем окружающим. Из этого центра исходит проявление маленькой отчаянной гордыни и сила маленьких, весело упирающихся ног. Эта сила заявляет о себе торжествующим, самоутверждающим криком младенца и требовательным, неистовым поиском материнской груди, причем ни одна мать никогда не усомнится в абсолютном праве младенца на подобные действия. Эти притязания на свои неотъемлемые права, это ликование юного существа по поводу его собственного, отдельного существования, эта неподражаемая игривость, шаловливое злоупотребление материнской любовью, а также взрывы гнева и темперамента — все это неотъемлемые составляющие младенчества. Проявления духа радостной горделивости, духа независимого существования вспыхивают у младенца спонтанно — да и должны вспыхивать спонтанно,— исходя из первого большого центра независимости, мощного поясничного ганглия, являющегося динамическим центром волевой системы. По сигналу этого центра происходит и другой процесс — усвоение молока

в пищеварительной системе младенца и вывод переработанных остатков наружу. Это тоже жизненное движение, но в данном случае приложенное к материальному объекту, а не к сфере отношений ребенка с окружающим миром. От поясничного ганглия изначально исходят те динамические сигналы, которые заставляют вибрировать кишки и желудок и способствуют осуществлению функции пищеварения и вывода его продуктов наружу.

Таким образом, первое деление яйцеклетки устанавливает первый уровень психической и физической жизни индивида, остающийся одним и тем же на протяжении всего существования этого индивида. Две изначальные клетки, полученные путем деления первоначальной оплодотворенной яйцеклетки, остаются теми же самыми клетками и в теле взрослого индивида. Их психофизическая динамика одинакова и в солнечном сплетении, и в поясничном ганглии, и в двух изначальных клетках, полученных путем деления первоначальной оплодотворенной яйцеклетки. Принцип разделения остается одним и тем же как для оплодотворенной яйцеклетки, так и для всей психофизической структуры организма. Это великий и неизменный принцип разделения в области знания и в области функций. Результатом такого разделения является полярный дуализм человека — психический и физический. Таким образом, речь идет о великом вертикальном разделении и каждой оплодотворенной яйцеклетки, и природы человека в целом.

Сразу же после первого разделения клетки и установления между двумя новыми клетками новых отношений взаи-

модействия и противодействия происходит как бы второе зарождение жизни. Теперь обе клетки разделены по горизонтали. Горизонтальная линия проходит по всему двухклеточному эмбриону, и в нем мы уже видим четыре клетки — две вверху, две внизу. Но те, что внизу, сохранили свою изначальную природу, тогда как те, что вверху, обрели новую. Нужно отметить при этом, что две верхние клетки соответствуют не только друг другу, но и двум нижним клеткам.

По мере дальнейшего развития ребенка это большое горизонтальное разделение эмбриона, результатом которого стали четыре клетки, остается неизменным. Горизонтальной разграничительной линией (стеной) является диафрагма. Две верхние клетки — это два больших нервных центра: грудное симпатическое сплетение нервных узлов и спинной ганглий. Таким образом, вновь перед нами симпатический центр, первичный в деятельности и знании, и соответствующий ему волевой центр. Симпатический центр внутри грудной клетки действует в качестве стимулятора новой динамической деятельности, нового динамического сознания. Спинной же ганглий, расположенный ближе к спине, под стенкой плечевого пояса, действует в качестве мощного волевого центра независимости и силы. Он помещается на той же вертикальной линии, что и поясничный ганглий, но в иной, горизонтальной плоскости.

Теперь мы должны на время забыть об «исконном» понимании, исходящем из нижней части нашего тела, и перенестись на более высокий уровень, условия существования и функции которого совершенно иные.

В симпатическом сплетении в самом центре груди начинает восходить новое великое солнце знания и бытия. Там уже нет темного, ликующего знания о том, что *я — это я*. Все изменилось. Там я ничего не знаю о самом себе. Там меня нет. Все, что я там сознаю, сводится к новому, радостному открытию: *ты — это ты*. Чудо уже не принадлежит одному только мне, моему темному, центростремительному, ликующему «я». Чудо существует без меня. Оно вне меня. И я больше не могу ликовать, считая самого себя центром мира, темным солнцем Вселенной. С удивлением, нежностью и радостным предвкушением я устремляю взгляд на то, что находится вне меня, что превыше меня, что не является мной. Все, что раньше казалось мне отвратительным, теперь представляется привлекательным. Наступило иное, новое бытие — великая, позитивная реальность, сам же я стал почти ничем. Положительное и отрицательное поменялись местами.

Если вы хотите наглядно представить себе этот взгляд, сосредоточенный на том, что вне меня, что превыше меня, что *не я*, то в этом случае вам нужно обратить свое лицо на Север. Присмотритесь к прелестным, светловолосым, голубоглазым маленьким Иисусам работы северных мастеров. Они такие хрупкие, такие трогательные, такие невинные. Кажется, что всем своим существом они устремлены куда-то в иное место, к какой-то никому не ведомой тайне. Они не похожи на младенцев южных мастеров, хотя и не слишком разнятся от них. Просто их жизненная тайна иного рода. Вместо того чтобы вбирать в себя все сущее, как это делают маленькие смуглые южные Иисусы, северные младенцы

благоговейно тянутся своими мягкими, прекрасными, невинными ручками к нежным, как цветы, матерям. Сравните Мадонну Боттичелли со всей ее исстрадавшейся, подавленной чувственностью, и Мадонну Ханса Мемлинга[41], чья душа исполнена чистого, возвышенного благоговения. «Тайна и слава не для меня,— словно говорит северная мать,— не обращайте внимания на мое «я», дайте мне лишь приобщиться чуда и чистоты». А южная мать говорит: «Это все принадлежит мне: и мое дитя, и мое чудо, и мой господин, и мой Господь, и моя кара, и мое бремя; все это — моя собственность».

Из грудного сплетения младенца исторгаются ликующие звуки. Он стремится открыть незнаемое. Он чудесным образом ищет и находит свою мать. Раскрывая свои маленькие объятия, он тянется к ней пальцами, желая прикоснуться к ней. И — о какое блаженство! — где-то в космосе он натыкается на чудо: откуда-то из пространства на него изливается чистая любовь, любовь материнского лица. В самозабвенном счастье он сгибает и разгибает пальцы и смеется чудесным смехом чистого младенческого блаженства, в восторге от обретения своего сокровища: он на ощупь отыскивал его в темноте и наконец нашел. И он раскрывает свои огромные глаза, какие бывают лишь у младенцев, чтобы смотреть, видеть и зреть. Но он еще ничего не видит. И он оза-

[41] *Мемлинг Ханс* (ок. 1440—1494) — нидерландский живописец, тонкий колорист, склонный к умиротворенной, лирической и до некоторой степени бытовой трактовке религиозиых сцеи. Самая известная работа этого художника — триптих «Поклонение пастухов» (1479).

даченно хмурит лоб. Но вот мать приближает к нему свое лицо, она воркует с ним и смеется, и он весь дрожит от восторга любви. К нему пришло чудо, волшебство, сокровище; оно там, вне его личности, превыше него. И все эти чувства исторгаются из первого грудного центра, из груди, наполненной солнцем, из грудного ганглия.

И этот же самый центр отвечает за великую сердечно-дыхательную функцию организма. Дыхание — оно как надежда, как извечная тяга к постоянству и благополучию: именно с этими чувствами мы делаем каждый наш вдох. То, как мы дышим, как мы вдыхаем, непохоже на то, как мы едим, как поглощаем пищу. Вдыхая, мы устремляемся к небесам, к свету и воздуху. Когда наше сердце расширяется, чтобы впустить в себя поток горячей крови, оно словно раскрывает объятия навстречу возлюбленной. Оно расширяется с благоговейной радостью, какую чувствует гостеприимный хозяин, распахивая двери своего дома перед желанным гостем; оно раскрывает двери навстречу чуду, явившемуся извне, чуду, без которого оно не может жить.

Вот так расширяется наше сердце, расширяются наши легкие. Они подчиняются великому и таинственному импульсу, исходящему из грудного сплетения, велящего им искать тайну и смысл всего сущего где-то вовне. И они раскрываются, давая доступ к себе, раскрываются и для горнего, и для дольнего — и для воздуха небес, и для горячей крови, идущей из темного низового мира. Благодаря этому мы и живем.

А затем они расслабляются и сжимаются, подчиняясь противоположному импульсу, исходящему из мощного волевого центра спинного ганглия. То, что впускалось и было желанным, теперь отвергается и отрицается. Именно так — не просто вежливо отклоняется, но решительно отвергается и отрицается.

Существует взаимодополняющая двойственность в деятельности волевого и симпатического центров на одном и том же уровне. Но и во взаимодействии двух уровней, верхнего и нижнего, также есть двойственность, едва ли не более удивительная. Между темным, горячим первичным знанием в солнечном сплетении (*я — это я*, все едино, и все сосредоточено на одном лишь мне) и первым волевым знанием (*я — это я*, но есть и другие, не такие, как я) пролегает различие шириной во Вселенную. Но когда Вселенная изменяется и на верхнем уровне мы осознаем чудо всего того прочего, чем не являюсь я, это различие вдребезги разбивается. Спинной ганглий — ганглий силы. Когда младенец ищет мать и, отыскав ее, радостно воссоединяется с ней, он тем самым повинуется великому верхнему симпатическому импульсу. Но затем он отвергает ее. Он перестает быть всецело уверенным в ней. И если она, играя с ним, вновь пытается вызвать его любовь, он отталкивает ее и пытается вырваться. Или же тихо лежит и глядит на нее каким-то отстраненным и оценивающим взглядом, будто шпионит за ней. Многие матери не могут вынести этого взгляда. Он вызывает в них нечто вроде невольной неприязни к ребенку — этот

отдельный от них, любопытный, оценивающий взгляд, как если бы дитя изучало мать, взвешивая ее на каких-то своих, неведомых ей весах. Однако такой взгляд бывает временами у каждого ребенка. Это реакция на импульс большого волевого нервного центра, находящегося между плечами. Повинуясь этому импульсу, младенец вдруг решительно отодвигает, отстраняет от себя мать, и она превращается в посторонний объект его любопытства — холодного, подчас сонного, подчас озадаченного, подчас насмешливого.

Но вот мать решает его игнорировать — и он снова кричит, отчаянно плачет, требуя ее любви и внимания. Его жалобный плач — один из видов принуждения, исходящего из волевого верхнего центра. Эти требования жалости и любви к себе совершенно не похожи на те гневные вопли, к которым принуждал его нижний центр, тот, что ниже диафрагмы. Некоторые дети, выплакав все свои слезы с трогательно протянутыми из колыбели руками, внезапно успокаиваются и как ни в чем не бывало лежат, направив на мать любопытствующий взор торжествующего всеотрицания. Это снова действует импульс из верхнего центра — импульс игнорирования всего, что не «я». В этом случае младенец выглядит совершенно иначе, чем тогда, когда он в своем всеотрицании радостно «сучил ножками». Желание «сучить ножками» исходит от нижнего центра.

Мы легко можем распознать ту волю, которая исходит из нижнего центра. Воля эта больше похожа на «вредность» и желание контролировать родителей. А вот воля, исходящая из верхнего центра,— это нечто вроде нервной, крити-

ческой объективности, сознательное стремление привлечь к себе симпатию, игра на жалости и нежности, выражение жалобы на недостаток любви к себе или же великодушное дарование своей любви. В некотором смысле все эти экстравагантные проявления воли одинаковы. Но в своем истинно гармоническом проявлении спинной ганглий выступает как центр более «конструктивной» деятельности: подлинного, здорового любопытства, радостного желания все разобрать на части, а потом вновь собрать вместе, желания проникнуть во все, «дойти до сути», а также желания изобрести нечто новое. Все это исходит из верхнего уровня, из волевого центра спинного ганглия.

Глава IV

ДЕРЕВЬЯ И МЛАДЕНЦЫ, А ТАКЖЕ ПАПЫ И МАМЫ

Ладно, оставим его в покое, этого несчастного младенца, вместе с его сложным бессознательным и всеми этими импульсами, напоминающими пинг-понг. Уверен, дорогой мой читатель, что вы готовы предпочесть любые вопли из его колыбельки моей экскурсии по его ганглиям. «Да забудьте вы про этих младенцев...» — призываете вы меня. Я бы с радостью про них забыл, если бы мне было чем их заменить. К сожалению, младенец — мой единственный анатомический экспонат и подопытный кролик в одном лице.

Но он и мне уже действует на нервы. И я в полном одиночестве ухожу в лес, взяв с собой лишь карандаш и тетрадь, и, тяжело опустившись у подножия раскидистой ели, терпеливо жду прихода в голову мыслей, дабы расщелкать все заковыристые вопросы, как белка щелкает орехи. Да орешки-то, оказывается, пустые.

Мне начинает казаться, что в лесу слишком много деревьев. Став тесным кругом, они как будто разглядывают меня. Мне кажется, когда я на них не смотрю, что они легонько подталкивают друг друга, указывая на меня ветками. Я просто кожей ощущаю, как они стоят, уставившись на меня. Похоже на то, что они сегодня не дадут мне поразмышлять о младенцах. Не дадут из одного лишь упрямства.

А может быть, все дело в том, что с утра моросит дождик и лес стоит сырой и неподвижный, такой загадочный

в туманном утреннем воздухе. Утро, это дождливое небо, этот лес, обступивший меня со всех сторон в деликатном молчании, и я сам, ощущающий себя не такой уж и шишкой среди всех этих шишек, валяющихся у подножия моей ели. Молча подступают ко мне деревья, и все они настолько больше меня, настолько сильней в этой жизни. Я чувствую, как они крадучись подбираются ко мне, как бродят в них мысли, как они о чем-то совещаются между собой, и знаю, что их силы намного превосходят мои. Делать нечего: придется им уступить.

Я на самом краю Черного леса[42]... Вдали нет-нет да и блеснет Рейн из своей Рейнской долины, как кусок металлической ленты... Но сегодня я туда не смотрю. Сегодня для меня существуют только деревья, и листья, и мир растений. Огромные стройные пихты и ели, ветвистые буки, пустившие подземные реки корней. И беспрерывное «ку-ку», «куку», словно капельками слетающее с высоких древесных крон. А среди всего этого — я, сидящий на обочине лесной

[42] *Черный лес* (*нем.* Schwarzwald) — горный лесной массив в земле Баден-Вюртемберг, на юго-западе Германии, где в мае-июне 1921 г. были написаны первые главы «Фантазии на тему о бессознательном». Лоуренсы поселились в деревне Эберштайнбург, «на крестьянском постоялом дворе, в окружении гусей, коз и свиней, с густым шварцвальдским лесом, начинающимся прямо у двери, и широкой Рейнской долиной внизу», как сообщал Лоуренс в письме С. С. Котелянскому от 27 мая 1921 г. «Есть что-то замечательное в этом Schwarzwald,— писал он дальше,— огромные, стройные, могучие деревья во всей своей силе, с их ко всему безразличной, гордой молодой листвой. Здесь забываешь людей. Германия кажется такой пустой. И кажется, всем здесь безразлично, что будет дальше в политике».

тропинки с карандашом и тетрадью в руках и с надеждой продолжить свои досужие размышления все о том же младенце.

Ну да бог с ним. Я снова прислушиваюсь к лесным шорохам, вдыхаю пряный запах сырого мха, вглядываюсь в стройные силуэты деревьев. Я завороженно внимаю тишину леса. Больших, высоких деревьев. Есть в них какая-то привлекательная бесцеремонность. Или варварство? Даже не знаю, что заставило меня сказать «бесцеремонность». До чего же великолепны их огромные, округлые стволы-тела! Я почти слышу, как по ним поднимаются могучие жизненные соки. Великие, полнокровные деревья, по которым так бесшумно течет их странная древесная кровь.

Деревья — у них нет ни рук, ни лица, ни глаз, но по этим громадным колоннам поднимается сок, древесная кровь. Могучая жизнь древесного индивида, его мрачная воля — воля дерева, чем-то пугающая.

Вам, наверно, хотелось бы заглянуть в лицо дереву? Невозможно. Оно не имеет лица. Любуйтесь его могучим стволом; закинув голову, смотрите на спутанные волосы его веток и сучьев; глядите на его мягкую зеленую макушку. Но нет у него глаз, чтобы в них заглянуть, невозможно встретиться взглядом с деревом. Рассматривать его можно лишь по частям.

Но если вы хотите по-настоящему узнать дерево, нет нужды его долго рассматривать. Единственное, что вам нужно, так это удобно устроиться среди его корней, прислониться к его могучему стволу и забыть обо всех своих непри-

ятностях. Именно так я и писал про все эти уровни сознания и нервные сплетения — сидя между пальцами ног дерева, прислонившись к огромной лодыжке ствола, позабыв обо всем другом. Согласно тому же неписаному закону, по которому безличная магия дерева заставляет белку неистово вгрызаться в свою шишку, я тоже поддавался его колдовским чарам, так же неистово и самозабвенно вгрызаясь в свою книжку. В свою поистине «древесную» книжку.

Теперь я прекрасно понимаю, отчего возник культ деревьев. Все древние арии поклонялись деревьям. Мои предки поклонялись Древу Жизни. Древу познания. Время от времени отростки этого культа вновь пробиваются сквозь толщу времен — отростки древнего арийского культа. До чего же хорошо я чувствую культ деревьев, вплоть до самого глубинного его мотива — страха!

Культ этот не мог не возникнуть. Дерево, это великолепное, огромное и... безликое творение природы. Без рта, без глаз, без сердца. Безликое, как огромная башня. Вот сижу я здесь, между пальцами его ног, оно безмолвно нависает надо мной, и я чувствую, как пульсирует его кровь. Слепое, безглазое, оно заглядывает далеко вглубь своими корнями, до самого центра земли, сырой земли, скрывающей мертвецов,— и в то же время смотрит далеко ввысь, в глубину небес. У нас же, зрячих, есть глаза только с одной стороны головы, и их достает лишь на то, чтобы близоруко таращиться перед собой.

Оно стоит, зарывшись жадно ищущими корнями в черный гумус, куда мы попадаем лишь затем, чтобы сгнить.

А его верхушка — высоко в небесах, куда мы можем лишь беспомощно пялиться, нелепо запрокинув голову. Широко, могуче, ликующе раскинулось оно во все стороны: влево и вправо, вверх и вниз. И никаких признаков мысли, никакого лица — только гигантская, дикая, немая душа. Где оно прячет свою душу? И где прячут свои души все другие существа, живущие на Земле?

Огромная, раскидистая, гигантская душа. Как бы мне хотелось хоть ненадолго стать деревом! Великая похоть корней. Корень похоти. И ни малейших признаков разума. Оно высится надо мной, а я сижу под ним и чувствую себя в полной безопасности. Мне нравится соседство этих живых башен. А ведь раньше я их боялся. Я боялся их похоти, их неистовой черной похоти. Но теперь она меня восхищает, я поклоняюсь ей. Раньше они казались мне врагами, огромными первобытными врагами. Теперь же в них одних мое прибежище и моя сила. Я затерялся среди деревьев. Мне радостно быть в их среде, среди их тихой, сдержанной страсти, в окружении их великой похоти. Они питают мне душу. И я могу понять, почему Иисус был распят на древе[43].

То, что непорочный Иисус был распят на древе и, таким образом, Сам подвергся проклятию, уничтожило проклятие рода человеческого, явившееся следствием того, что человек вкусил от Древа познания добра и зла (Бытие, 3:17).

Я так же хорошо могу понять древних римлян, их ужас перед ощетинившимся им навстречу Герцинским лесом[44]. Однако достаточно взглянуть с высоты на волны леса, ровно накатывающиеся друг на друга,— волны Черного леса,— чтобы убедиться, что он так же мирен, как привычное

для римлян море, вкрадчиво шелестевшее своими волнами у их берегов. Лишь изнутри лес представляется страшным гигантским войском, выставившим навстречу входящему свои штыки. Вот это, наверно, и пугало римлян.

Древние римляне... Мне кажется, они где-то здесь, совсем близко. Ближе, чем Гинденбург[45], Фош или даже Наполеон[46]. Когда я оглядываю Рейнскую долину, душа моя за-

[43] *«Иисус был распят на древе»* — т.е. на деревянном кресте, что действительно является важным постулатом христианского вероучения. По закону Ветхого Завета, «проклят пред Богом всякий повешенный на дереве» (Второзаконие, 21:23) — но, по словам апостола Павла в Новом Завете, «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою,— ибо написано: "Проклят всяк висящий на древе"» (Послание к галата, 3,13).

[44] *Герцинский лес* (*лат.* Hercynia Silva, Saltus Hercynius) — римское название Средней Европы, которая во времена Римской империи была густо поросшей древними лесами. Подробные, хотя и не совсем точные сведения о Герцинском лесе содержатся в «Записках» Гая Юлия Цезаря, называвшего так весь непрерывный лесной массив между Рейном и Карпатами. Таким образом, прирейнский Шварцвальд (Черный лес), где написана данная глава (см. выше), был для римлян как бы воротами Герцинского леса.

[45] *Гинденбург* — имеется в виду немецкий фельдмаршал Пауль фон Гинденбург (1847—1934), который во время Первой мировой войны (с августа 1916 г.) был начальником генштаба и фактическим главнокомандующим германской армии. Интересно, что, проиграв войну, Гинденбург тем не менее продолжал оставаться национальным героем, и Лоуренс, часто бывавший в Германии (и до, и после войны), не мог этого не заметить — хотя, конечно, в период написания «Фантазии на тему о бессознательном» он не мог знать, что вскоре (в 1925 г.) Гинденбург станет президентом Германии и что на высшем государственном посту его сменит только Адольф Гитлер, которому 30 января 1933 г. он поручит формирование правительства.

мечает только римлян, только легионы, форсирующие Рейн. Должно быть, чудесно было попасть с побережья Южной Италии к берегам этого, лесного, моря — в этот темный, сырой лес, где с невероятной силой и мощью проявляет себя жизнь деревьев. Я на себе испытал это ощущение, прибыв сюда на днях с каменистой земли Сицилии, иссушенной беспощадным солнцем и жаждой.

Римляне и греки умели очеловечить все, что их окружало. Всему вокруг они придавали лицо и человеческий голос. Человек говорил, а в ответ ему мелодично журчал ручей.

Но когда римские легионы перешли Рейн, они обнаружили обширную непроницаемую жизнь, у которой не было голоса. Они столкнулись с безликой тишиной Черного Леса. Этот громадный, безбрежный лес не отзывался на имя. Тишина его была глухой и суровой, она подавляла. И солдаты дрогнули — дрогнули перед деревьями, безликими и безголосыми. Отважные воины отступили под натиском огромного неодушевленного войска, темного и загадочного, с не-

[46] *Фош* — французский маршал Фердинанд Фош (1851—1929) в последний период Первой мировой войны (с апреля 1918 г.) являлся верховным главнокомандующим войск Антанты, т.е. военного союза более 20 государств против германской коалиции. Таким образом, Фош в некотором смысле — «победитель Гинденбурга». Ирония же Лоуренса (римляне ему «ближе» Наполеона, а Наполеон «ближе» Фоша и Гинденбурга) связана с его пацифизмом — неприятием войн вообще, но особенно современных. Отсюда и ироническое сопоставление двух французских верховных главнокомандующих: Наполеон, бывший «на месте» Фоша за сто лет до него, проиграл войну, но вошел в историю как великая историческая личность, в то время как историческая роль Фоша, «выигравшего» войну, в сущности, ничтожна.

укротимой враждебностью наставившего на них свои гигантские пики. Коллективная мощь черных деревьев превзошла коллективную мощь самого Рима.

Нет ничего удивительного, что римские воины были так напуганы. Неудивительно, что они задрожали от страха, когда, зайдя в глубину леса, обнаружили висящие на деревьях кости, черепа, щиты и шлемы своих погибших товарищей. Деревья тихо сжевали и проглотили их, даже не поперхнувшись, и аккуратно выплюнули белые кости наружу. Белые кости разумных римлян — и неразумные, дикие, неукротимые деревья. В венах истинного германца до сих пор течет хоть капля древесного сока: под всем наслоением интеллектуализма в нем таится некая исконная дикость, как дикость дерева, беспомощная и в то же время непреодолимо могучая. В нем душа дерева, и боги его не походят на людей. Инстинктивно его по-прежнему тянет, когда он в чащобе леса, прибивать к святому дереву черепа и щиты. Древо жизни и смерти. Древо добра и зла. Древо рассудочных абстракций и необъятной, безрассудочной жизни. Древо чего угодно, кроме духа, духовности.

Но после пропекающей до костей Сицилии и после шумной толпы людей, козыряющих своими яркими личностями, так хорошо оказаться среди глубочайшего безразличия безликих деревьев. Их древней органике непонятно и неинтересно, зачем мы стремимся к тому, что по сути своей является суетой сует. У них нет лица, нет разума и желудка — у них есть одни лишь похотливые корни, глубоко уходящие в землю, и раскидистые, гибкие кроны, живущие в небесах,

да еще первозданная индивидуальность. Еще не поздно всю нашу так называемую духовность возложить на их жертвенный алтарь. Пригвоздить к их ветвям наши черепа. У них же нет ни черепов, ни мозгов, ни лиц, и они не могут закатывать глаза, изображая, как они нас любят. Без всего этого вполне обходится их долгая жизнь. И нас они тоже переживут.

В среднем такое огромное дерево живет не менее ста лет. Так сказал мне местный барон.

Это место — одно из тех немногих мест, по которым душа моя будет тосковать, когда я умру. Ей будет ужасно недоставать этой тропы между деревьями близ Эберштайнбурга, где в полном одиночестве я писал эту книгу. До чего же мне трудно покинуть эти деревья. В них остается частица моей души.

* * *

Простите мне это отступление, мой благородный читатель. Обещаю вам, что этого больше не повторится. Просто я подумал, что негоже было бы за деревьями не увидеть леса — или наоборот. Хотя, с другой стороны, не так уж и важно, что мы видим, а чего не видим. Но как приятно иногда оглядеться по сторонам, где бы ты ни находился.

Итак, мы имеем два уровня бытия и сознания, а наряду с ними — две соответствующие модели взаимоотношений и функционирования. Нижний уровень мы назовем чувственным, верхний — душевным. Термины, быть может, не слишком удачные, но иные нам просто не приходят на ум.

Прошу вас, дорогой читатель, еще раз перечесть предыдущий абзац. Вы должны удостовериться, что вас не подвело ваше зрение: учтите, вы ведь только что вышли из тьмы лесов, и ваши глаза еще не успели привыкнуть к яркому свету.

Вполне понятно, что с момента рождения или даже с момента зачатия ребенок состоит в непрерывных взаимоотношениях с окружающим миром, но отношения эти не одного, а нескольких типов. Есть два типа любви и два типа независимой деятельности. И в то же самое время среди физических функций есть функция еды и питья и есть функция вывода выделений (на нижнем уровне); кроме того, есть функция дыхания и сердцебиения (на верхнем).

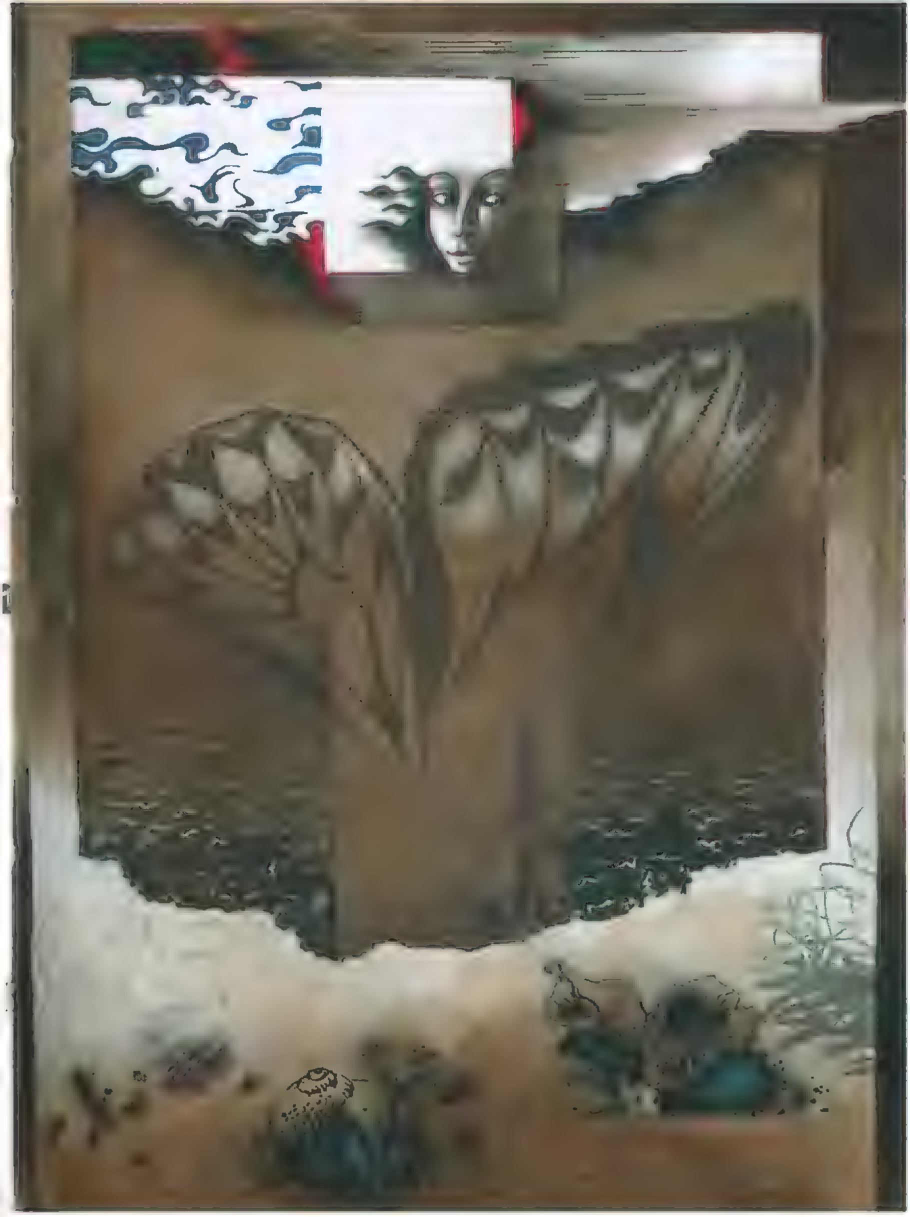
Таким образом, существует четырехкратное равновесие. Ибо между тем, что мы едим, и тем, что мы выводим из организма, должно быть полное равновесие, точно так же, как оно должно быть между сердечной систолой и диастолой[47], вдохом и выдохом. Хотя, надо сказать, равновесие никогда не бывает совершенным. Большинство людей или слишком тучны, или слишком худы, слишком темпераментны или слишком флегматичны, слишком энергичны или слишком вялы. Никакой нормы на самом деле не существует — во всяком случае живой нормы. Норма — не реальность, а всего лишь абстракция.

47 *Систола и диастола* (*физиол.*) — ритмически повторяющееся сокращение мышцы сердца (систола) и наступающее вслед за ним ее расслабление (диастола).

То же самое и на психологическом уровне. Мы или слишком любим, или слишком ненавидим, слишком чувствительны или слишком черствы. Никакой нормы человеческого поведения нет и не может быть. Все зависит, во-первых, от неведомых индивиду внутренних потребностей внутри его клеточных центров, а во-вторых, от его окружения. Некоторым людям надлежит быть слишком чувствительными, другим же — чересчур черствыми. Одни должны быть слишком покорными, другие должны быть слишком гордыми. Мы никому не хотим предписывать, какими им следует быть. Мы всего лишь хотим сказать, что существует много различных типов бытия, зато не существует такого явления, как человеческое совершенство. Никто не может быть совершеннее, чем он есть на самом деле, и ничто не может быть совершеннее, чем искренние, живые отношения человека со всеми, кто его окружает, и со всем, что его окружает. Но того человека, каким я есть на самом деле, разумеется, предадут анафеме те, кто ненавидит индивидуальность и обожает толпу. От того, что я осмеливаюсь быть самим собой, волосы встанут дыбом у человека, который, тоже будучи сам собой, отличается от меня, как небо от земли. Что ж, пусть себе злится. Но если я и разозлюсь в ответ, то лучше оставьте нас в покое и дайте нам, если мы захотим, наброситься друг на друга и выяснить между собой отношения.

Нам следует научиться жить, отвечая за свои поступки, и мы не должны мешать другим людям научиться жить точно так же.

Однако вернемся к нашему младенцу и его развитию на двух уровнях пробудившегося у него сознания. В течение



всего периода его развития, начиная с момента рождения, существует прямая динамическая связь между ним и матерью, с одной стороны, и между ним и отцом, с другой. Это связь на двух уровнях, верхнем и нижнем. Из нижнего симпатического центра исходит импульс приятия любви. Из верхнего же симпатического центра исходит эманация преданности и импульс отдаваемой любви, импульс уделяемого кому-то внимания. Оба эти симпатических центра обязательно уравновешиваются, или должны уравновешиваться, соответствующими им волевыми центрами. Из большого волевого ганглия нижнего уровня исходит стремление младенца быть своевольным, независимым и господствующим над кем-то другим.

В момент активности этого центра ребенок всячески уклоняется от ласк и поцелуев, с отчаянной яростью маленького зверька отстаивая свою независимость. Посредством этого центра он любит командовать и доминировать над другими. Этот же центр побуждает его к капризам и упрямству, упорному стремлению во что бы то ни стало все делать посвоему. Волевой центр, каким является ганглий нижнего уровня, управляет также ногами младенца и помогает ему научиться пользоваться ими.

Верхним же волевым центром дитя ведет постоянное и бдительное наблюдение за тем, чтобы мать уделяла ему все свое внимание: он должен быть у нее на виду, она должна его ласкать — словом, он должен все время купаться в материнском внимании и материнской заботе. Но этим же центром он холодно отказывается ее замечать, когда она сама требу-

ет от него больше внимания. Этот холодный отказ принципиально отличается от активного отталкивания по указке нижнего центра. Теперь он пассивен, но в то же время холоден и негативен. Из верхнего — спинного или плечевого — ганглия исходит также импульс дыхания и сердцебиения. Этот же центр управляет руками младенца и учит его пользоваться ими. В проявлении симпатии, диктуемом центром верхнего уровня, он нежно обнимает мать своими маленькими руками. Движимый любопытством или интересом, стимулируемым спинным ганглием, он вытягивает пальцы, все трогает, осязает, исследует. Движением отторжения, с другой стороны, он сознательно отталкивает нежеланный предмет.

Затем, когда четыре центра того, что мы называем первым полем сознания, становятся полностью задействованными, глаза привыкают сосредоточиваться на нужном предмете, губы — произносить нужные слова, а уши — улавливать и распознавать нужные звуки; и все это — результат огромной четырехсторонней работы первого поля динамического сознания. В результате этой работы разум пробуждается к осознанию впечатлений и начинает осуществлять общий контроль. Ибо поначалу этот контроль не рациональный и даже не церебральный. Мозг выполняет поначалу лишь функцию своеобразного коммутатора.

Отец на протяжении всей этой первоначальной стадии развития играет роль как бы высшего авторитета — он стоит в стороне, наблюдает и вносит необходимые коррективы. Если на ребенка изливается слишком много любви, то ослабляются большие волевые центры спины и он может вырасти

слишком изнеженным. В этом случае отец инстинктивно компенсирует недостаток жесткости и строгости, что, в свою очередь, возбуждает у ребенка центры сопротивления и независимости и стимулирует их правильное развитие с первых дней жизни. Часто одно лишь присутствие жесткого и сурового отца, сами модуляции его голоса запускают механизм сопротивления и независимости большого волевого ганглия и дают первый импульс независимости — качества, столь необходимого в жизни.

Но, с другой стороны, отец, в силу своего положения, поддерживает, защищает, окружает заботой ребенка, у которого нет другой нормальной возможности отдохнуть от материнской любви, кроме как возможность любви отцовской. Ибо доминирующие центры у мужчины — это как раз волевые центры ответственности, власти и заботы.

Итак, отцовская обязанность — поддерживать правильный баланс между двумя типами любви у ребенка. Ибо мать вполне может вырастить младенца исключительно в том духе, который мы называем духом чистой, сентиментальной любви, в духе имеющихся и у нее, и у него верхних центров любви, центров грудного сплетения. В таком случае ребенок будет сама нежность, он будет излучать сплошную мягкость и ласковость, но не будет готов к проявлениям грубости и жестокости, не будет готов к боли. И вот тут-то отцовский инстинкт, бросая вызов соответствующему глубокому инстинкту у ребенка и приводя в движение его соответствующие нервные центры, определит необходимую меру жесткости и строгости, здоровой отцовской грубости.

— Куда это ты, интересно, тянешь руку? Тебе понадобились мои часы? Нет, милый мой, я тебе их не дам, потому что они мои.

И не надо вдаваться в дальнейшие разъяснения: «Понимаешь, дорогой мой мальчик, они папе сейчас очень нужны, а вот немного попозже...» Не нужно всего этого — это лишнее.

Или если ребенок начинает без особой нужды капризничать, донимая мать бесконечным нытьем, именно отец должен проявить строгость:

— Ну-ка, братец, кончай шуметь! В чем дело, плакса?

Слишком чувствительному, ласковому ребенку вовсе не повредит, если отец — хотя бы изредка — вышвырнет кошку за дверь, или пнет собаку ногой, или просто накричит на свое капризное чадо. Бури и грозы необходимы. Подрастающего ребенка иногда просто необходимо звонко шлепнуть по попке — и если мать отказывается исполнять эту важнейшую обязанность, то опять-таки ее берет на себя отец. Ибо для того у ребенка и попка, чтобы его по ней время от времени шлепали. Вибрации от шлепков прямо воздействуют на спинной нервный узел, вызывая непосредственную ответную реакцию. Шлепающий сообщает свой гнев непосредственно главным волевым центрам ребенка, и эти волевые центры активно реагируют в ответ, то есть просыпаются к жизни, проходят свою первую школу.

Но если, с другой стороны, мать оказывается или слишком бесчувственной, или слишком равнодушной к ребенку, тогда на отца возлагается обязанность нежной любви и воспитания у ребенка «благородных» чувств. Ему в этом случае

необходимо проявлять чувствительность верхнего уровня. Печальное явление наших дней состоит в том, что слишком мало матерей сохранили в себе способность утробной или даже грудной любви. Все, что у них осталось,— это добрая воля верхнего «я». Но воля — это не любовь. Материнское терпение, великодушие и благожелательность, если они без любви, оказываются ненужными ребенку, они его только раздражают. В этом случае отец должен деликатно внести свою поправку. Необходимо, чтобы его эмоциональное «я» оказалось богаче материнского, оказалось способным на какую-то долю теплой, настоящей любви.

Очень важен вопрос о телесных наказаниях. Грубо шлепнуть впечатлительного, чувствительного ребенка — в этом нет никакой пользы. Но взбадривающий и не слишком грубый шлепок по мягкому месту принесет ему только пользу. Шлепок не злой, но хорошо взвешенный, в меру увесистый, с долей здорового гнева. С полным сознанием необходимости наказания, с полной ответственностью, полушутя, без извинений или объяснений. И конечно же, не с целью самоутверждения со стороны родителя. «Заслуженное», здоровое телесное наказание нужным образом апеллирует к чувствам ребенка. Изощренные душевные наказания, как правило, гораздо более опасны и унизительны в сравнении с хорошим шлепком. Раздраженные, но беспомощные упреки матери обычно действуют гораздо хуже, чем гневный окрик отца. Ну, а что касается всех этих «немедленно отправляйся спать», «всю неделю будешь без сладкого» и т.д. и т. п., то они травмируют психику ребенка гораздо больше, чем

подзатыльник. Когда отец шлепает сынишку по мягкому месту, между ними происходит взаимообмен живого чувства. В случае же изощренных наказаний родители, сами не испытывая никаких чувств, умерщвляют чувства ребенка. Раздражение, вызванное у него изощренным и хладнокровным проявлением родительской воли, иссушает его душу. А родители, говоря себе, будто они управляют его душой по всем правилам добродетели и с самыми благими намерениями, на самом деле просто берегут свои нервы.

В этом вся суть. Если ваш ребенок довел вас до такой степени раздражения, что вам хочется его стукнуть, что ж, стукните сорванца, и дело с концом. Но только ни на миг не переставайте отдавать себе отчет в том, что вы делаете, и не забывайте о своей ответственности за степень своего гнева. Не нужно его стыдиться, вашего гнева, но и не нужно его искусственно раздувать. Искра гнева, вспыхнувшая между вами и вашим ребенком,— часть ваших взаимоотношений, необходимый компонент в развитии маленького существа. Опять-таки, если ребенок вас оскорбил, оскорбил до такой степени, что у вас пропадает желание с ним общаться, то до тех пор, пока не затянется ваша рана, вы вправе отключить с ним связь, обрезать провода, прервать взаимообмен жизненными токами, полностью отказаться от общения с ним. Но ни в коем случае не оставайтесь в таком состоянии и после того, как заживет ваша рана. Существует мудрое правило: делай то, что тебе на самом деле хочется делать. При этом всегда отдавайте себе отчет в своих действиях и в степени их искренности. А главное, имейте мужество проявлять свои сильные чувства. Они только обогащают душу ребенка.

Первоначальное воспитание и развитие ребенка почти всецело зависит от его взаимоотношений с родителями, а также с братьями и сестрами. Непреложный закон взаимоотношений родителей и ребенка гласит: мать или отец сами по себе, а ребенок сам по себе. Но в то же время между ними существуют такие динамические витальные отношения, основная ответственность за которые лежит на взрослых, как существах более сознательных. Поэтому родителям следует, насколько это возможно, не отступаться от самих себя, ибо они имеют дело с досознательными динамическими взаимоотношениями. Им следует действовать в абсолютном соответствии с их собственными, истинно спонтанными ощущениями. Но в еще большей степени им следует действовать, исходя из жизненной мудрости, их собственной мудрости, которой с лихвой должно хватить и на них самих, и на их ребенка. Во всех родительских действиях должна присутствовать глубочайшая мудрость и ответственность. Ответственность за спонтанные, импульсивные побуждения своей души. Любовь... что такое любовь? Не пора ли ее осмыслить по-новому? Ведь любовь — это, в конце концов, просто искреннее проявление чувств, даже если оно приводит к доброму шлепку по мягкому месту. А вот мудрость — это нечто иное. Это глубокая избирательность души, глубокая ответственность перед целостностью собственного бытия, которая делает человека ответственным и за ребенка, за определенные обязанности в отношениях с ним, за поддержание динамического потока между обоими на возможно более глубоком уровне искреннос-

ти — иначе говоря, без примесей привнесенных «идеалов» или собственной воли.

Но самое роковое, самое опасное — это раздражение. Что такое раздражение? Это, прежде всего, желание навязать свою волю кому-то другому. Разумеется, физическое раздражение выявить довольно легко. Более опасно «психическое» раздражение. В людях нас раздражает, как правило, то, чем они на нас не похожи, но что им самим идеально подходит. Нам хочется навязать свои идеалы другим. И тогда возникает взаимное «психическое» раздражение. Мать утверждает, что жизнь обязана сплошь состоять из любви, нежности и терпения. И она балует свое дитя, по натуре вспыльчивое и страстное. Это настолько сбивает его с естественного для него пути, что оно вырастает или слабоумным, или бандитом. У меня может быть сколько угодно идеалов, идеалов любви, нежности и терпения. Но я не имею никакого права требовать от другого, чтобы он имел те же самые идеалы. А уж навязывать какие бы то ни было идеалы ребенку, растущему существу — это почти преступление. Это приводит к оскудению его души, к ее истощению и, как следствие, к ущербности. В наши дни основная опасность исходит именно от идеалов любви и милосердия. Следствием попыток их навязывания является, в первую очередь, неврастения, которая в определенной степени представляет собой срыв деятельности больших волевых центров, атрофию воли. Но это и подавление больших нижних центров, что приводит почти к полной зависимости всех жизненных функций от верхних центров. Отсюда истощение верхних центров и склонность современного человека к неврозам сердца и ту-

беркулезу. Большой симпатический центр в грудной клетке быстро изнашивается; перенасыщенность лишь одним жизненным ощущением сжигает легкие; сердце, принуждаемое к непомерному расширению, в конце концов не выдерживает. Мощные нижние центры так и не достигают полноты своей активности; особенно страдает от бесконечного подавления большой поясничный ганглий, отчего может даже наступить его атрофия, а ведь он отвечает за чувство гордости и независимости. Это, между прочим, тот самый нервный узел, который заставляет нас выпрямлять нашу спину, держаться прямо и гордо. Вот таким образом, сутулые и слабогрудые, мы безжалостно уничтожаем самих себя. Таков результат пресловутого идеала милосердия и всеобщей любви, который к настоящему времени уже перестал существовать на уровне симпатической деятельности, но все еще действует нам на нервы, тормозя уровень нашей волевой деятельности.

Будем же остерегаться каких-либо идеалов даже для своего собственного употребления. Но особенно будем их остерегаться в отношении своих детей. Ибо, внушая эти идеалы своим детям, мы тем самым обрекаем их на страдания. Мудрость — вот все, чем мы можем и должны обладать. А мудрость — это не теория, а состояние души. Это то состояние, пребывая в котором мы можем отдавать себе полный отчет в своей собственной целостности и неповторимости, сознавать многогранную природу нашего бытия. Это то состояние, в котором мы можем сознавать всю значимость взаимоотношений, существующих между нами и нашими близкими. Это то состояние, пребывая в котором мы прини-

маем на себя всю полноту ответственности за свою собственную душу и за живые, динамические отношения с другими людьми, из чего, собственно, и состоит наше бытие. Не нужно требовать от других, чтобы они осознали это. Каждый должен это требовать прежде всего от себя. Но вместо того чтобы стремиться к этому осознанию, люди сегодня предпочитают пустые и не очень честные отговорки, они говорят: никто в этом мире ничего не знает, разве что дети и идиоты. Это не просто софистика, это преступное малодушие, попытка уклониться от жизненной ответственности, и это чрезвычайно опасно для нас.

Единственный и естественный выход — быть всегда и во всем честным и искренним. Если ребенку нужно принять касторку, вы ему просто скажите:

— Послушай, ты должен проглотить это лекарство. Это необходимо для твоего желудка. Можешь поверить мне, потому что это действительно так. Ну-ка, открывай рот пошире.

К чему тут уговоры, убеждения и уловки? Дети в этом смысле мудрее нас. Они очень быстро распознают несоответствие между нашими благими намерениями и нашими истинными желаниями. Они готовы подыгрывать нам в нашей маленькой лжи, а на самом деле будут навязывать нам свою игру, пока не доведут нас до белого каления.

— Ты же любишь мамочку, не правда ли, дорогой? — слащавым голосом говорит сыну мать.

Совершенно недопустимый прием! Такие великие чувства, как любовь, проявляются без всяких слов. Разговоры

о любви — это просто признак раздражения «неподобающим» поведением сына.

— Бедная киска! Ты должен любить свою бедную киску! — поучаем мы ребенка.

Какое ханжество! Какое неприкрытое ханжество! Призывать к любви на основании притворной жалости! Мы ведь тем самым прививаем мальчику лицемерие.

Если ребенок плохо обращается с кошкой, просто скажите ему:

— Перестань мучить кошку. У тебя своя жизнь, у нее своя, и не мешай ей жить своей жизнью.

А если это не поможет, действуйте по принципу «зуб за зуб»:

— Что, опять дернул кошку за хвост? А вот сейчас я дерну тебя за нос — посмотрим, как тебе это понравится!

И дергайте, да почувствительнее.

Разумеется, детям можно иногда позволять дергать кота за хвост. Им можно порой разрешить стянуть из буфета сахар. Им должно быть позволено иногда портить вещи, которые портить нельзя. И им можно иногда разрешать «рассказывать вам сказки» или, попросту говоря, лгать. Жизнь вынуждает нас время от времени лгать — это все равно что надевать брюки, чтобы скрыть свою наготу. Мораль — деликатная штука, и здесь главное, чтобы душа была в ладу сама с собой, а не с какими-то правилами и предписаниями. Да, ребенок не должен тянуть кота за хвост, воровать сахар, портить мебель и лгать, но он может иногда делать это, если не превышает определенных пределов. Боюсь только, что

никто из нас не сможет сказать, где именно эти пределы. Поэтому мы и вынуждены иногда делать вид, что ничего не замечаем, когда ребенок делает это. А если в один прекрасный момент он все же выведет нас из терпения и мы шлепнем его за то, что он мучает кошку,— что ж, такова жизнь.

— Вот тебе за все те разы, когда ты мучил кошку и дергал ее за хвост,— добавляем при этом мы.

И он, конечно, разозлится на нас, как мы на него. Но какое это имеет значение? Дети чувствительны к переливам эмоциональных страстей и прощают даже явную несправедливость, если она спонтанна, а не преднамеренна. Они понимают, что мы несовершенны. Чего они не прощают, так это наших претензий на совершенство и нашего раздражения по поводу их несовершенства.

Глава V

ПЯТЬ ОРГАНОВ ЧУВСТВ

Наука проявляет свою примитивность, относясь к человеческому телу как к разновидности сложного механизма, составленного из множества механических узлов, каждый из которых работает автоматически и в слаженности со всеми другими. Дескать, организм человека — это большая машина, а его разнообразные органы — это машины поменьше, и вся эта колымага, получив с рождения старт, катится както по жизни сама собой. А единственный «бог из машины», то бишь человеческие воля и разум, дескать, живет у нее в приживалах.

Таков ортодоксальный взгляд. Что касается души, то если мы и допускаем ее существование, то воспринимаем ее, как некую пустоту внутри машины, вечно ускользающую от точного определения. Ну, а если с машиной что-то не так, мы про душу вообще забываем. Мы тогда вызываем главного механика по машинам, то бишь врача. И этот мошенник с самым серьезным видом копается в нашей машине, то есть внутри нас. Нет, как механик человеческого устройства он вполне хорош. Беда только в том, что, пока он со знанием дела разбирает и паяет наш двигатель, жизнь наша по капельке угасает. Но, в самом деле, не винить же в этом врачей!

Очевидно, что, даже если смотреть на человеческое тело как на сложную, совершенную и прекрасно отлаженную машину, мы все же не сможем и на минуту заставить ее работать, если все ее функции и механизмы не будут самым тща-

тельным образом контролироваться из какого-то центра. Еще сложнее вообразить себе самоэволюцию подобной машины. Мыслимое ли дело, чтобы машина, пусть даже простая прялка, автоматически сама себя совершенствовала? Видимо, все же «бог из машины» существовал еще до того, как стала существовать сама машина.

Вот так обстоят дела с человеческим телом. Некий центральный «бог из машины» должен постоянно присутствовать в каждом живом организме. Даже у маленького жучка должна быть своя крошечная душа, заставляющая его ползти вперед. Ну а душа homo sapiens, человека разумного, позволяет ему твердо стоять на своих двоих. Только не требуйте у меня определения понятия «душа». С таким же успехом вы можете требовать у велосипеда, чтобы он дал определение тому, что такое его наездница, с грациозностью юной богини направляющая его механическое тело неведомо куда и зачем. На самом деле юная леди мчится навстречу юному джентльмену — но откуда, скажите на милость, знать об этом велосипеду? Да и, говоря по правде, до этого юного джентльмена велосипеду и дела-то нет. Тем не менее сам велосипед не смог бы проделать долгий двадцатикилометровый путь из одного пункта в другой, не управляй им юная леди, спешащая на свидание со своим юным джентльменом.

Видимо, подобным же образом и наши с вами тела-машины оседланы каждое своим собственным божком-наездником. Вот его-то нам и придется назвать нашей индивидуальной душой и с тем оставить пребывать там, где он пребывает. Далеко ли уедет велосипед, если будет пытаться «дать

определение» сидящей на нем юной леди? И все же будьте уверены, что он не станет отрицать тот факт, что эта юная леди уверенно сидит в его седле. Даже Солнце не стало бы описывать круги по небу, не будь и у него своего седока. Но поскольку Солнце — далеко не единственное светило на звездном небосклоне, мы не будем от него требовать, чтобы оно «дало определение» своему седоку исключительно с позиций нашей солнечной системы. И, тем не менее, какой-то седок должен быть — седок нашей многоколесной Вселенной.

Но оставим в покое Вселенную. Эта игрушка чересчур велика для меня. Давайте лучше поговорим обо мне. В самом начале моей жизни, раньше всего другого, возникло мое «я». Возникло (или было уже до того) таинственное маленькое целое, божок, построивший машину и затем отправившийся на ней в долгое путешествие лет этак на семьдесят. Но давайте пока поговорим о самой машине, а не о «боге из машины». Представьте себе на минуту, что вы — велосипед, а не наделенный разумом велосипедист. Так вот, согласитесь — единственное, что вы можете сделать, давая определение «велосипедисту» нашего тела, так это попытаться дать ему такое определение с позиций нашего же собственного тела. Иначе говоря, «велосипед» сказал бы примерно следующее:

— Вот тут, на моем кожаном седле, помещается какая-то странная одушевленная сила, которую я называю Силой Гравитации, и эта величайшая сила управляет всей моей Вселенной... Впрочем, нет, если хорошенько подумать, то я бы скорее сказал, что эта величайшая сила не всегда находится

в моем седле. Иногда ее просто нет — и тогда я стою, прислонившись к стене, беспомощный и неподвижный. Некоторые даже видели, как я лежу вверх тормашками, а вернее, колесами, оставленный в таком положении моей таинственной юной леди. Это наводит меня на мысль о теории относительности. Однако на протяжении большей части того времени, когда я жив и бодрствую, она, или, может быть, «оно»,— эта таинственная сила или это таинственное явление — не покидает моего седла. И все то время, когда «оно» в седле, две подчиненные ему силы крутят мои педали то туда, то сюда с непостижимой и неизмеримой силой. Эта таинственная сила уверенной и твердой рукой направляет мой руль, направляет его совершенно непостижимым для меня образом, управляя всем моим движением. Это не грубо толкающая, а искусно направляющая сила, под чьим воздействием мое сияющее стальное тело легко и стремительно мчится по шоссе. Но иногда раздается внезапный щелчок, и мои мчащиеся колеса вдруг резко останавливаются. Ах, до чего же это болезненно и неприятно! Я себе весело мчусь вперед, полностью вверяя себя стремительному *elan vital*[48], как вдруг страшная судорога схватывает мое заднее колесо, или переднее колесо, или оба колеса сразу. Наступает ужасающее в своей непостижимости внезапное прекращение движения. Возникает впечатление, будто душа моя вырывается вперед, опережая тело, а сам я чувствую себя резко от-

[48] *Elan vital* (*фр.*) — жизненный порыв; см. также примечание 12 на с. 189.

брошенным назад. Все фибры моего тела издают болезненный стон. Но затем напряжение понемногу спадает...

Вот таким образом, безостановочно и увлеченно, «велосипед» готов разглагольствовать о себе хоть целую вечность. А в итоге его болтовни следует чуть ли не философский вывод:

— Ах, если бы эта великая божественная сила никогда не покидала моего седла! Если бы рука этой таинственной воли, направляющая мой путь, вечно покоилась на моем руле! Тогда мои педали могли бы вращаться сами собой, и мое движение никогда бы не прекращалось, и никакие внезапные остановки не могли бы прервать моего вечного и бесконечного движения. Тогда — подумать только! — я стал бы бессмертен. Вечно мчался бы я по Вселенной, мчался в безграничную бесконечность, сливаясь с вечным движением великих звезд, великих небесных светил!..

Бедный старый «велосипед». Одна только мысль об этой несчастной машине заставляет меня подумывать об основании филантропического общества для предотвращения грубого обращения с велосипедами.

Итак, мы видим, что наше бренное тело можно уподобить велосипеду, а наше индивидуальное, непостижимое «я» — его седоку. Понимая, что Вселенная — тоже, по сути, несущийся на полной скорости велосипед, мы подумываем и о том, что у нее, должно быть, тоже есть свой седок. Хотя в то же время мы понимаем, что гадать, кто он такой, тщетно и бесполезно. Когда я вижу, как таракан уносит от меня ноги и прячется в щель, я оторопело стою и думаю:

«Чудной у тебя, должно быть, седок! Ты вообще не имеешь права на седока, слышишь ты?..» А когда в июньском лесу я слышу монотонное и унылое «ку-ку», я думаю: «Кому понадобилось создавать такие часы?» Когда я вижу популярного политика на трибуне, бойко тарабанящего свою речь под одобрительные возгласы толпы, я думаю: «А ведь и у него есть свой седок. Господи, таким ли Ты представлял Себе венец Твоего творения?» Вот почему — уж увольте меня — я не стану в очередной раз пускаться во все эти бесполезные догадки о творце Вселенной.

Начнем уж лучше с себя: ведь мудрость, как и милосердие, начинается с нашего дома. В седле у каждого из нас есть свой седок — наша собственная душа. Но вся беда в том, что у большинства из нас этот седок не умеет толком ни рулить, ни крутить педали, так что человечество в целом подобно огромной команде безумных велосипедистов, и, чтобы никто из нас не упал, мы видим лишь один выход: рулить, прижимаясь плечом к плечу, держаться сплошной, плотной массой, где каждый поддерживает каждого и все поддерживают всех. О небо, какой кошмар!

Что до меня, то я прихожу в настоящий ужас от перспективы ездить толпой. Вот почему, усердно крутя педалями, я, как говорится, уношу от них ноги.

Ну что ж, мое тело — велосипед, а мое «я» — седло, в котором помещается мой седок. Грудная клетка — переднее колесо, солнечное сплетение — заднее. Тормозами мне служат волевые ганглии. Моя голова — это руль. Динамика правой и левой сторон моего тела, каким-то образом связан-

ная с работой симпатического и волевого отделов,— это, соответственно, правая и левая педаль.

Представляя себя таким образом, я начинаю более или менее понимать, как именно мой седок приводит меня в движение и при помощи каких центров он контролирует это движение. То есть начинаю понимать, где располагаются точки жизнетворного контакта между моим седоком и моей машиной — моим видимым и моим невидимым «я». Я не пытаюсь угадывать, кто он, мой постоянный седок. Угадать это невозможно. С таким же успехом велосипед, отчаянно мотая рулем и звоня в свой звонок, мог бы пытаться угадать, кто она, его юная леди.

Однако возвратимся к нашему младенцу. Определившись с четырьмя первоначальными движениями, мы можем проследить и за дальнейшим его развитием. У младенца солнечное и грудное сплетения с соответствующими ганглиями уже пробуждены и деятельны. На основе этих центров развиваются и основные функции тела.

Как мы видели, солнечное сплетение и поясничный ганглий контролируют большую динамическую систему, функционирование печени и почек. Любой излишек симпатического динамизма приводит к усилению работы печени, к нервному возбуждению и запорам. А срыв симпатического динамизма вызывает анемию. Резкое стимулирование волевого центра может привести к поносу. И так далее. Но все это целиком зависит от интенсивности поляризованного потока между индивидом и тем, с кем он связан, то есть между ребенком и матерью, ребенком и отцом, ребенком и его

сестрами или братьями, ребенком и его учителем или же ребенком и окружающей природой. А это не поддается никаким общим законам, если только не предоставить человека полностью самому себе. Тем не менее общий контроль над основными органами нижнего тела осуществляют два нижних центра, и эти органы работают или хорошо, или плохо в зависимости от того, насколько проявляет себя истинная динамическая психическая деятельность двух изначальных центров сознания. Под истинной динамической психической деятельностью мы подразумеваем деятельность, соответствующую самому индивиду, особенностям и наклонностям его души. А динамическая психическая деятельность как таковая означает динамическую полярность между самим индивидом и другими жизненно значимыми для него индивидами, то есть между ним и его ближайшим окружением — человеческим, физическим и географическим.

На верхнем уровне грудное сплетение и спинной ганглий контролируют легкие и сердце. Любая неумеренность симпатической деятельности верхних центров постепенно сжигает легкие кислородом, ослабляет их стрессами и вызывает чахотку. Так что воспитывать ребенка чересчур любящим — это просто-таки преступление. Никогда не вынуждайте ребенка слишком много любить. Это приводит к болезням и в конце концов к преждевременной смерти.

Однако кроме основных физиологических функций (а изучением взаимосвязи между функционированием основных органов и динамической психической деятельностью четырех центров первичного сознания предоставим зани-

маться врачам), существует также деятельность полупсихическая и полуфункциональная.

Четыре из пяти наших органов чувств сосредоточены в районе головы. Пятое — осязание — распределено по всему телу. Однако все они коренятся в четырех больших первичных центрах сознания. Из скопления наших нервных узлов, из магнитных полей наших нервных полюсов нервы разбегаются по всем направлениям, оканчиваясь на поверхности тела. Внутри же организма они образуют сложнейшую систему разветвлений и связей.

Организм наш функционирует на разных уровнях, и разные уровни контролируются разными центрами. Острота осязания уменьшается на спине, где ему оказывают сопротивление волевые центры. Но в передней части тела грудь является первой из двух сплошных поверхностей симпатического осязания, а живот — второй. Однако стимулы прикосновения у каждой из этих двух поверхностей осязания существенно отличаются друг от друга, обладая различным психическим качеством и психическим результатом. Прикосновение к груди вызывает мелкую дрожь любопытства, прикосновение к животу — активный всплеск предвкушающей радости. Соответственно руки — инструменты нежного, прекрасного любопытства и в то же время сознательного мучительства. Через локти и запястья протекает динамический психический поток, так что нарушения в течении этого потока при общении двух индивидов вызывают в локтях и запястьях неприятные ощущения. На нижнем уровне ног — инструменты удовлетворения и отвержения. Бедра, колени, ступни так и дышат любовным желанием, в темной, велико-

лепной истоме они слепо тянутся к любовному прикосновению. Но они же могут быть и главными центрами сопротивления, отвержения, отбрасывания. Внезапная вспышка неодолимого, томного симпатического желания во всем теле заставляет почувствовать слабость в коленях. А ненависть железом схватывает колени, превращает ступни в когтистые лапы. Таким образом, имеется четыре осязательных поля: два симпатических в передней части тела, от шеи до ступней, и два отталкивающих — в задней, от шеи до пят.

Однако есть еще две области осязания — лицо и ягодицы, которые трудно охарактеризовать каким-то одним типом осязательной реакции.

Лицо — это, конечно, главное окно для нашего «я»: через него мы видим весь мир, а весь мир видит нас. Впрочем, нижнее тело тоже имеет свое окно, а точнее, свои ворота. И все же основная часть нашего общения с внешним миром совершается через лицо.

Каждое отдельное «подокошко» на лице и каждая отдельная калитка на нем имеет прямую связь с каждым из четырех больших центров первичного сознания. Возьмем, например, рот, которому мы обязаны своими вкусовыми ощущениями. Рот — это прежде всего вход для двух основных чувствительных центров. Мы имеем в виду врата живота и врата чресл. Ртом мы едим и пьем. Ртом мы чувствуем вкус, губами целуем. А ведь поцелуй — это первая и, пожалуй, основная по значению чувственная связь.

Кроме того, во рту у нас имеются зубы, являющиеся инструментом нашей чувственной воли. Рост зубов всецело контролируется двумя большими центрами чувств ниже ди-

афрагмы; их жизнь и состояние на протяжении отпущенных нам лет почти полностью зависят от поясничного ганглия. На то время когда у младенца режутся зубы, симпатический центр блокируется. Для младенца это время боли, поноса, страданий.

У нас, современных людей, с зубами сплошные проблемы. Все дело в том, что наши рты слишком малы. Веками мы подавляли в себе жадную, темную чувственную волю. Мы стремились превратить себя в каких-то идеальных существ, чье сознание сплошь духовно, в существ, динамически активных лишь на одном, верхнем, душевном уровне. В результате рот у нас сжался, а зубы стали хрупкими и безжизненными. Куда делись наши острые, живые волчьи зубы, способные нас защищать и разрывать на клочки пищу? Было бы у нас зубов побольше, мы были бы посчастливей. Где же наши белые негроидные зубы? Куда они подевались? Им попросту не хватило бы места в нашем маленьком сжатом рту. Мы насквозь пропитаны симпатическим, духовным, идеальным. За это мы поплатились своей горячей, чувственной силой. И вставными зубами во рту. Таким же точно образом, под давлением верхней воли и «идеальных» импульсов, губы — этот канал наших чувственных желаний — стали тонкими и невыразительными. Так сломаем же наш сознательный, слишком «умственный» идеал любви, и от этого мы станем только сильнее, у нас снова прорежутся зубы, да и прорезывание первых зубов нашей младенческой воли перестанет быть для нас тем адом, каким оно нынче является.

Время, когда у младенца режутся зубы,— это именно тот период, когда волевой центр нижнего уровня впервые приходит в состояние полной активности и одерживает временную победу.

Итак, рот — это главный чувственный вход для нижнего тела. Однако нельзя забывать, что это одновременно и дыхательное отверстие, и отверстие, через которое мы пользуемся невидимым, но действенным инструментом слова, и порог, на котором наш поцелуй встречается с другим поцелуем, нежным, любящим или страстным. Таким образом, этот главный чувственный вход для нижнего тела имеет также и прямое отношение к верхнему телу.

Вкус, вкусовые ощущения — это инструмент прямого общения между нами и объектами из внешнего мира. Вкусовые ощущения содержат в себе элемент осязания и в этом смысле относятся к грудному сплетению. Но вкус, чистый вкус, всецело относится к солнечному сплетению.

Теперь обоняние. Ноздри — это врата небес для легких, через которые в нас поступает вся полнота небесной атмосферы. Когда нам недостает воздуха, мы хватаем его даже ртом. Но тонкие носовые отверстия всегда открыты для воздуха, ощутимо связывающего нас с неощутимым, бесконечным космосом. И потому свою первую, основную функцию нос обретает в грудном сплетении, и это функция вдоха. А функция нежного, неспешного и гордого выдоха, функция отторжения, обретается в спинном ганглии. Но у ноздрей есть и другая функция — функция обоняния. Тонкие нервные окончания, обеспечивающие обоняние, исходят прямо из

нижних центров — из солнечного сплетения и поясничного ганглия. И даже глубже. Когда запах приятен, происходит утонченный чувственный вдох. Когда же запах неприятен, происходит чувственное отторжение. И подобно тому как полнота губ и форма рта зависят от степени развитости нижних или верхних центров, чувственного или духовного, так и форма носа зависит от действенности контроля глубочайших центров сознания. Совершенный нос — это, видимо, результат гармонии между четырьмя типами нервной реакции. Но кто, скажите мне, видел совершенный нос и знает, что это вообще такое? Мы лишь знаем, что маленький, курносый нос обычно свойствен сугубо симпатическим натурам, натурам не слишком гордым, зато длинный нос как-то связан с верхним волевым центром, спинным ганглием, нашим главным центром любопытства и благожелательного или объективного контроля. Короткий, толстый нос — сенсуально-симпатический, а высокий, крючковатый нос — сенсуально-волевой, как если бы в его форме застыл изгиб отвращения, какое мы испытываем, когда отворачиваемся от дурного запаха, изгиб гордого высокомерия и субъективной власти. Нос — одна из важнейших примет характера. Иначе говоря, его форма почти во всех случаях отображает доминирующий тип динамического сознания данного индивида и точно указывает на доминирующий первичный центр, которым в основном и определяется его жизнь. Дикари заменяют поцелуй трением носами, и это — гораздо более острое, глубоко чувствуемое и чувственное ощущение, нежели наше соприкосновение губами.

Глаза — третьи большие двери души. Именно через них душа выглядывает из тела, входит в него и выходит оттуда, подобно птице, которая то вылетает из гнезда, то вновь в него возвращается. Но корни «сознательного» зрения почти полностью пребывают в груди. Когда сквозь широко распахнутые окна глаз я радостно взираю на мир вне меня, то одновременно мир получает возможность взирать на мое внутреннее «я», живое и искрящееся. Чудо зрения, чудо смотрящих глаз дает моей душе эту удивительную возможность переселяться в любимое существо, в окружающий меня мир, и она, моя душа, устремляется к ним прямо из центра груди — устремляется через глаза. А любимое существо устремляется мне навстречу, глубоко заглядывая через глаза в мягкую тьму моего существа, наполненную до краев непостижимым моим присутствием. Но если я недоволен, мое «я» твердо и холодно восстает из глубин моих глаз, отвергая любое общение, любую симпатию; оно лишь пристально и недоверчиво всматривается в окружающий мир. Это импульс холодной объективности, исходящий из спинного ганглия. Повинуясь импульсу из того же самого волевого центра, мои глаза могут смотреть с холодным, но внимательным любопытством, как кошка на птицу. В мое любопытство вкрапливается по временам элемент теплого восхищения чудом, которое я вижу вне моего существа. А иногда мое любопытство полностью лишено тепла, превращаясь в объективный, чисто рассудочный интерес. Это бездушное любопытство верхней воли, исходящее из плечевого ганглия, острое, всевидящее, препарирующее любопытство ученого, проводящего эксперимент.

В то же время и у глаз есть свой чувственный корень. Однако его трудно описать словами нашего убогого, скудного языка, ибо все наше зрение, наше современное, северное зрение, ограничивается верхним уровнем зрения в узком смысле этого слова.

Существует такой вид обладания, как обладание с помощью одних только чувств. Таков темный, жаждущий взгляд дикаря, воспринимающий в мире лишь то, что имеет непосредственное отношение к нему самому и что возбуждает какое-либо определенное, темное желание в недрах его нижнего «я». Когда он видит такой объект, глаза его становятся бездонно-черными. А иногда его глаза сверкают огнем, и остающаяся в них темнота лишена глубины. Это быстрый, внимательный взгляд, наблюдающий и обладающий, но никогда по-настоящему не поддающийся обаянию внешнего объекта: так кошка наблюдает за потенциальной жертвой. Быстрый и темный взгляд, который знает, что предмет созерцания чужд, опасен и должен быть побежден. Это не тот широко открытый взгляд, который хочет знать и познавать, а мощный, гордый и осторожный взгляд, оценивающий степень опасности, исходящей от осматриваемого объекта, и в то же время степень его желательности. Дикарь весь в себе. Он едва замечает все остальное, считая его чем-то лишним, ненужным и странным, чем-то несуществующим. То, что мы называем зрением, у него попросту отсутствует.

Посмотрите, как смотрит конь и как смотрит корова. Коровий взгляд мягкий, бархатистый и впитывающий. Она стоит и глядит на нас со странно фиксированным вниманием.

Она вся открыта навстречу чуду. Корень ее зрения — в желании ее груди. То же слышится и в ее мычании. Массивная тяжесть страсти таится и в груди быка — страсти, рвущейся наружу из глубин души через мычание и глаза. Сила быка — в груди. Оружие — на голове. Чудо — всегда вне коровы или быка.

А вот взгляд коня ярок и быстр. Взгляд осторожного любопытства, исполненный страха, одновременно агрессивный и перепуганный. Корень его зрения — в его животе, в солнечном сплетении. И оружие его не внешнее, как рога у быка, а скорее чувственное, телесное — копыта и зубы.

Однако у обоих этих животных доминирует симпатический тип нервной деятельности. А вот те животные, чья жизнедеятельность определяется в основном большими волевыми центрами,— кошки, волки, ястребы, тигры — почти лишены зрения в нашем понимании этого слова. Их взгляд широко раскрывается или хищно сужается лишь при виде цели, то есть намеченной жертвы. Он избирателен. Ничего, кроме этого, они не видят. И в то же время у них такое отличное, такое непостижимо острое зрение!

Большинство животных все, что видят, одновременно и обоняют: у них не слишком хорошо развито зрение. Они больше узнают благодаря обонянию, контакту с запахом, и этот контакт является более непосредственным по сравнению со зрением.

Что касается нас, людей, наше зрение все больше и больше подводит нас, ибо мы ограничили себя лишь одним типом нервной деятельности. Темный, избирательный взгляд на-

пряженного, как струна, дикаря, суженное зрение кошки или сосредоточенный на одной точке взгляд ястреба — все это давно уже нам несвойственно. Мы в своей жизни слишком зависим от симпатических центров, не имея противовеса в центрах воли. Точно так же непропорционально активно действуют в нас верхние симпатический и волевой центры, так что мы постоянно пребываем в состоянии некоего отстраненного любопытства. Взгляд наш обладает минимальной чувственностью, во всех смыслах этого слова. Мы постоянно смотрим и смотрим, все пропуская сквозь наши глаза, настроенные на вечное отстраненное любопытство, но внутри у нас пустота, из которой мы смотрим на внешний мир. Вот почему глаза нас подводят, вот почему они нам изменяют. Мы все больше становимся близорукими, и это нечто вроде нашей самозащиты.

Слух — последний и, видимо, важнейший из наших органов чувств. Здесь у нас просто нет никакого выбора, тогда как во всех других областях мы обладаем властью отвержения. Так, в области зрения у нас есть выбор точки зрения. Можем, если хотим, настроить себя на радостное восприятие внешнего мира, мира света, в который мы устремляемся в поисках чуда, чтобы слиться с ним в нечто единое, влить свою душу в его душу. Или можем настроить себя таким образом, чтобы видеть глазами древних египтян, то есть все пропуская сквозь собственную темную душу; видеть странность созданий внешнего мира, пропасть между ними и своею собственною душой, живущей, в конце концов, по своим собственным законам. Древние египтяне видели все в пол-

ном соответствии со своей субъективной психологией, видели необъективно, не устремляясь прочь от самих себя в поисках внешнего чуда.

Таковы два основных способа симпатического зрения. Наш способ следует считать объективным, египетский — субъективным. Однако сами термины «объективный» и «субъективный» также всецело зависят от точки зрения, точки отсчета. Поэтому применимы более точные термины: «душевный» и «чувственный».

Но существуют, разумеется, и два способа волевого зрения. Мы можем все на свете рассматривать современным критическим, аналитическим или преувеличенно пессимистическим взглядом. Или же мы можем смотреть на все так, как смотрит ястреб, то есть сосредоточивать свой взгляд на той одной-единственной точке, где бьется сердце намеченной нами жертвы.

Так или иначе, мы можем,— конечно, до определенной степени,— выбирать тот или иной тип из четырех типов зрения. И мы можем, когда это от нас зависит, не прибегать к органам вкуса, обоняния или осязания.

Что до слуха, то здесь наш выбор сведен до минимума. Звуки обладают способностью прямого воздействия на большие аффективные центры. По собственной воле мы можем лишь внимательно прислушиваться или, наоборот, затыкать уши. Но в том, что именно мы слышим, у нас действительно нет выбора. Тут наша воля ограниченна. Звуки действуют на аффективные центры прямо, почти автоматически. А наша душа не может ни устремляться им навстре-

чу, ни решительно вставать на пороге, как в случае зрения. В случае слуха мы полностью лишены выбора.

Тем не менее воздействие звука на нас достаточно многообразно и соответствует четырем главным полюсам сознания. Пение птиц почти целиком и полностью воздействует на область груди. Птицы, чей полет возможен благодаря совместным усилиям груди и плеч, становятся для нас символом духа, верхнего типа сознания. Ноги же их превратились в тонкие, почти незаметные прутики. Ну а хвостом они вертят непосредственно по сигналу из центра чувственной воли.

А вот их пение действует непосредственно на наш верхний, или душевный, уровень. Точно так же действует на него наша музыка — по своей тенденции христианская. Правда, современная музыка носит скорее аналитический, критический характер, она открыла всесилие уродливого в нашем мире. Подобно военной музыке, она также воспринимается верхним уровнем. Это военные песни, бравурные марши и духовые оркестры. Все это действует непосредственно на спинной ганглий. Было, однако, время, когда музыка действовала прямо на чувственные центры. Музыка дикарей, бой барабанов, а также рычание львов и вопли котов — вот немногие примеры этого рода, какие мы еще можем услышать. Даже в некоторых человеческих голосах иногда еще можно распознать глубокий отзвук чувственного поля сознания. Но общая тенденция состоит в том, что все в нашем восприятии продолжает подтягиваться к верхнему уровню, тогда как нижний уровень продолжает автоматически действовать по указке верхнего.

Глава VI

ПЕРВЫЕ ПРОБЛЕСКИ РАЗУМА

Теперь мы знаем, в чем состоит истинная цель воспитания ребенка — в полном и гармоничном развитии четырех первичных модусов сознания, при неизменном внимании к индивидуальным особенностям ребенка.

Цель — это еще не идеал. Поставленная задача — не из области чисто ментальных конструкций. Мы стремимся к действенному человеческому существованию, а вовсе не к сознательному. Конечная цель — не знать, а быть. Человечество не знало более рискованного девиза, чем девиз «познай самого себя»[49]. Да, знать самого себя необходимо, насколько это, конечно, возможно. Но не для того, чтобы просто знать. Знать самого себя необходимо скорее для того, чтобы по крайней мере быть самим собой. «Будь собой» — вот самый важный девиз.

Вся область динамического действенного сознания в целом всегда доментальна и даже нементальна. Даже познавший себя человек никогда не сможет сказать, как он будет себя чувствовать на будущей неделе и не возникнет ли в нем какого-нибудь нового и разрушительного импульса, который вдребезги разобьет все его столь досконально познанное «я». А ведь мы живем, следуя импульсу, а вовсе не мыслям и идеалам. Но прежде чем мы сумеем сломать автоматизм идеалов и условностей, мы и в самом деле должны познать самих себя. Дикарь в своем естественном состоянии — это одно из тех существ, которые более всех других скованы ус-

ловностями. Точно так же и ребенок. Лишь благодаря хорошему знанию самих себя мы можем познать и высвободить свои импульсы. А пока что вся наша цель должна состоять в том, чтобы призвать каждого индивида к максимуму разумного контроля и разумной сознательности. Наши нежные маленькие ростки — наших детей — мы высаживаем в ужасные парники и теплицы, называемые школами, где якобы должна прорастать юная мысль. И она, несчастная, прорастает, как картошка в теплом погребе: бледные, болезненные, одинаковые, как на подбор, ростки-идейки и ростки-мыслишки. Ни корней, ни жизни. Хилыми и не жизнестойкими прорастают мысли у нашего печального потомства, но прорастают они ценою самой жизни. Никогда еще человечество не совершало столь массовой ошибки. Ведь рациональное, «разумное» сознание — дело сугубо личное. Да, некоторые люди рождаются для того, чтобы быть высоко и утонченно сознательными. Но для огромного большинства людей излишек рационального сознания — настоящая пагуба, катастрофа. Это просто останавливает их жизнь.

Вот почему наша забота сегодня — любой ценой уберечь юную мысль от преждевременного прорастания. Идеальный разум, мозг, стал вампиром современности, сосущим из нас

49 *«Познай самого себя, и ты познаешь богов и Вселенную»* — надпись на фронтоне храма в Дельфах, одного из главных святилищ Древней Греции. В классический период древнегреческой философии этот тезис считался одним из основополагающих. В диалогах Платона эти слова приписывались Сократу, который по принципиальным соображениям свои мысли не записывал.

кровь и саму жизнь. Мы едва ли уже способны на оригинальную мысль или оригинальное высказывание. Все у нас — лишь болезненное повторение избитых идей и мыслей.

Так давайте же закроем все школы. Оставим лишь несколько технических училищ, не более. Дадим человечеству хотя бы пару поколений, чтобы оно пришло в себя, побыло, как земля, под паром. Не учите ребенка читать, разве что он научится сам, по собственному почину, по собственному настойчивому желанию.

Это я говорю совершенно серьезно, дорогой мой читатель. Но я не настолько наивен, чтобы вообразить себе, будто вы всерьез воспримете мои слова. А жаль, ибо в ином случае у меня была бы хоть какая-то надежда. Однако могу вас уверить, что, если вы не обратите внимания на мои слова, ваши школы все равно закроются, но уже не по вашей доброй воле, а по воле самого провидения.

Процесс перехода от первичного сознания к сознающему самое себя рациональному сознанию таинствен, как и всякий такой переход. Однако он следует своим собственным законам. И тут мы приближаемся к пределам ортодоксальной психологии, переступать через которые у нас нет никакого желания. Одно мы можем сказать с уверенностью: степень перехода от первичного сознания к рациональному различна у разных индивидов, однако у большинства из них — крайне низкая.

Процесс перехода от первичного сознания к рациональному называется сублимацией и представляет собой подмену потенциального целого знания ограниченной реальной идеей.

К этому процессу, по сути, сводится все наше воспитание. Это видно даже из латинского происхождения английского слова *education*[50] («воспитание, образование»). Понятие это, в своем первоначальном смысле, должно означать процесс «доведения» или «дотягивания» природы каждого из нас до ее полного развития. В действительности же (по крайней мере для нас, современных глупцов) оно стало означать доведение сознания — потенциального или динамического — до рационального, сознания конечного и статичного. И вот теперь, прежде чем продолжать дружно, всем обществом, вести наших детей от динамического к статическому типу сознания, давайте хоть на минуту задумаемся о том, зачем мы все-таки это делаем.

У зародыша в утробе нет никакой идеи о матери. Надеюсь, хотя бы в этом отношении с нами согласится даже ортодоксальная психология. И все же дитя в утробе каким-то непостижимым образом динамически сознает свою мать. Иначе как оно могло бы строить с ней вполне определенные и планомерно развивающиеся взаимоотношения?

Однако это сознание не идеально и не ментально, это чисто динамическое сознание, продукт динамически поляризованного взаимообмена витальными вибрациями, подобного обмену телеграммами по беспроволочному телеграфу. Но эти телеграммы, в отличие от настоящих, принципиально не могут быть переведены с языка биения пульса на язык

[50] Английское слово «education» происходит от латинского глагола «educo» («воспитывать, кормить», но также «выводить, доводить, вытягивать, дотягивать, извлекать»).

слов. Да это и не нужно: ведь происходит прямой, динамически поляризованный взаимообмен между большими первичными клетками плода и соответствующими им клетками динамической души матери.

Эта форма сознания устанавливается в момент зачатия и существует еще долго после рождения. Более того — на протяжении всей жизни. Что же касается взаимообмена динамическим сознанием между матерью и ребенком, то, конечно, и он не прерывается после рождения. Он остается почти неизменным, таким же, как до рождения. Ведь и после рождения дитя никак не «представляет себе» свою мать. Младенец ее не видит, ибо его глаза еще не могут сфокусироваться на объекте. Он, правда, может ее слышать, ибо «слышание» само по себе не требует рационального осмысления. Но, слушая мать, младенец еще не отдает себе отчета в значении звуков ее голоса. И все-таки он ее уже знает. И это знание он получает в виде витального динамического взаимообмена. Мысль здесь совершенно ни при чем.

Однако постепенно в еще бесформенном уме ребенка начинают проноситься темные тени объектов реального мира. Постепенно на церебральной протоплазме, как на фотопленке, начинает проступать реальный образ матери. Сначала это всего лишь бледная тень, но постепенно, с годами, она все больше наполняется красками жизни. Хотя до конца так никогда и не складывается.

Как же этот силуэт или образ матери превращается в разуме ребенка в реальное о ней представление? Так вот, происходит это в результате позитивных и негативных реакций,

исходящих от первичных центров сознания. Первый большой симпатический центр побуждает ребенка к единению с матерью на основе любви, тогда как первый большой волевой центр побуждает его к независимому самоутверждению. Вследствие этого возникает отстраненный взгляд на мать как нечто внешнее, нечто объективное. Результатом этого двустороннего видения является и двустороннее развитие ребенка. Во-первых, динамически утверждается индивидуальное сознание ребенка; во-вторых, в младенческом уме возникает первый отблеск чисто рационального представления о матери. Развитие собственного разума каждого ребенка, каждого человека всецело зависит от дуального воплощения динамического сознания.

Но интересно вот что. Результатом всякого четырехстороннего обмена между двумя динамически поляризованными индивидами является развитие индивидуальности и сублимация, причем одновременно в обоих индивидах, и это дуальное развитие служит в то же время причиной уменьшения динамического напряжения между ними. То есть по мере того, как происходит становление индивидуальности ребенка и его рационального представления о своей матери, динамические взаимоотношения между ребенком и матерью соответственно идут на убыль. Таково естественное развитие всякой любви. Как мы уже говорили, становление индивидуальности никогда до конца не исчерпывает динамический поток между родителями и ребенком. И в этом смысле ребенок никогда не будет иметь полностью завершенного представления ни об одном из своих родителей. С гораздо большим успехом он мо-

жет себе составить окончательное, завершенное представление о своих тетушках или своих друзьях. Что же касается портрета матери или отца, то он никогда не будет окончен в разуме сына или дочери. Пройдут многие годы, а завершение портрета все будет откладываться на потом.

И все же в протоплазме мозга ребенка останется отпечаток самых существенных черт родителей, достаточно полное представление о каждом из них. И чем больше это представление будет приближаться к своей завершенности, тем скорее наступит тот момент, когда динамические взаимоотношения, из которых выросло это понятие, полностью прекратятся. Знать — значит потерять. Если у меня сложился до конца завершенный образ друга или любимой, значит, любви или дружбе конец. Мои отношения с ними сведутся до уровня простого знакомства. Да и вообще, если у меня сложился до конца завершенный образ, окончательная идея кого-то или чего-то, значит, прекратилась жизнь этого кого-то или чего-то, наступила смерть. А если у меня сложился до конца завершенный образ самого себя, значит, я перестал существовать, динамически я уже мертв. Знать — значит умереть.

Знание и смерть — этапы нашего естественного развития. Хотя, с другой стороны, большинство предметов и явлений не могут быть познаны нами во всей полноте. А это означает, что мы никогда до конца не умрем, так же как и наши родители. Так что слова Иисуса, обращенные к Своей матери («Что Мне и Тебе, же́но?»), выражая истину в главном (да, она женщина), все же звучат слегка преувеличенно,

поскольку отвергают истину в деталях (а истина в том, что она не просто женщина, а Его мать).

Это развитие, начиная с динамических взаимоотношений и заканчивая завершенной индивидуальностью и завершенным рациональным представлением обо всем, регулируется четырьмя большими первичными центрами при посредстве всех чувств и ощущений. Первоначально дитя знает мать лишь благодаря осязанию — совершенному и прямому контакту. Однако с самого момента зачатия оплодотворенная яйцеклетка противится полному слиянию и даже общению с материнской утробой и утверждает свою индивидуальную целостность. Дитя в утробе, сколь совершенной ни была бы его связь с матерью, в то же самое время постоянно находится в состоянии динамического напряжения, отторжения этой связи. Уже с самого первого момента этот осязательный контакт обладает двойственной полярностью и, вне всякого сомнения, двойственной направленностью. Происходит четырехсторонний взаимообмен сознанием, с того самого момента, как оплодотворенная яйцеклетка осуществила два спонтанных разделения.

Как только ребенок рождается, совершается разрыв прежних связей. Непрерывный осязательный контакт прерывается и отныне происходит лишь от случая к случаю. Однако в момент разрыва непосредственной физической связи динамический поток между матерью и ребенком не прерывается. Мать и ребенок могут и не соприкасаться телами, но это не останавливает динамический поток. Мать знает свое дитя, чувствует тяготение к нему в своем животе,

в своей груди, и оно не становится меньше, даже если увезти от нее ребенка на расстояние сотен километров. Но если физический разрыв происходит достаточно долго, то динамический поток, стоит ему начать иссякать, идет на убыль довольно быстро — причем как в матери, так и в ребенке — и никогда уже не может быть полностью восстановлен. Динамические взаимоотношения между родителем и ребенком переходят в этом случае на положение статических.

Для полноты динамических взаимоотношений необходим реальный контакт. Нервные клетки, беря свое начало и свой заряд от четырех первичных динамо-машин, разбегаются в виде нервных окончаний по всей поверхности тела. И необходимо привести живые нервные окончания ребенка в состояние контакта с соответствующими нервными клетками матери, чтобы между ними могла установиться чистая, ничем не прерываемая циркуляция. Там, где она установлена, начинается быстрое пробуждение ребенка к индивидуальному становлению, всегда сопровождаемое ощущением; ощущение же есть первая стадия рассудочного понимания.

Таким образом, в области рук и груди устанавливается верхняя циркуляция, а в области ног и живота — нижняя циркуляция.

С момента рождения ребенка начинается жизнь его лица. А лицо прямо сообщается с обоими уровнями первичного сознания. Ребенок начинает тянуться к материнской груди. И когда он ее находит, устанавливается новая мощная циркуляция. Когда ребенок сосет грудь, все четыре полюса работают одновременно. Пробуждаются и глубинные желания

в нижнем симпатическом центре, и всепоглощающая алчность в волевом, и безудержное влечение к соску, и любопытство нежных губ и десен. Сосок материнской груди — один из величайших входов как внутрь тела, так и внутрь живой души. В соске располагаются нервные окончания, которые через рот ребенка распространяют мощные вибрации, достигая всех его четырех полюсов бытия и сознания. Даже соски мужчины представляют собой входы в мощный динамический поток, которые до сих пор в состоянии открываться.

С самого рождения ребенок активно пользуется осязанием, вкусом и обонянием. Это его первые ступени к рациональному знанию. На этих трех церебральных реакциях строится фундамент будущего разума.

С того момента как устанавливается совершенная циркуляция между четырьмя первичными полюсами динамического сознания, включается и разум, то есть рациональное сознание как конечный пункт этой циркуляции. На первых порах сознание почти полностью сводится к ощущениям: ощущения и память ощущений — это ведь первоэлемент всякого знания и всякого понимания.

Циркуляция осязания, вкуса и обоняния устанавливается еще до того, как по-настоящему начинают видеть глаза. Все рациональное знание построено на ощущении и памяти. Именно постоянно повторяющееся ощущение материнского прикосновения формирует основу первого представления о матери, которое затем дополняется все более различаемым вкусом и запахом матери. И это продолжается до тех пор,

пока зрение и слух не разовьются настолько, что смогут потеснить первые три чувства с их функциями посредников в общении и познании.

Пока в мозгу ребенка, никак не проявляя себя, таится чувственное знание, его живая индивидуальность развивается каким-то таинственным образом на основании его первых четырех клеток, на основании четырех больших нервных центров первичной сферы сознания и бытия.

Со временем ребенок научается видеть свою мать. Сначала ее лицо кажется ему расплывчатым пятном, хотя он хорошо знает, что это она, знает благодаря исходящему от нее излучению, как если бы ее лицо было теплой, уютной лампой жизни, льющей на него свой мягкий, греющий свет. Но постепенно, по мере того как в полном объеме устанавливается циркуляция осязания, вкуса и обоняния; по мере того как в ребенке развивается индивидуальность, которая начинает отдалять его от матери и пробуждать в нем стремление к одиночеству; по мере того как ребенок становится все более свободным, более независимым от матери,— расширяется сфера его общения с внешним миром, и его глаза начинают обозревать окружающее пространство, а уши — различать звуки. Способность осмысленно различать звуки возникает самой последней.

И вот образ матери начинает переноситься в разум ребенка, и он издает первые звуки своей детской речи. Как только ребенок обретает способность зрительно, объективно отличать мать от няни, он научается выбирать и становится лично свободным. Но это вовсе не означает, что заканчива-

ется динамическое общение. Оно лишь изменяет направление и характер своей циркуляции.

С того момента как мозг начинает фиксировать ощущения, четыре динамических центра вступают в более совершенные взаимоотношения. И именно с этого момента, как мы только что имели возможность убедиться, мозг ребенка начинает фиксировать и запоминать ощущения, он начинает «сознательно познавать». Но динамическое сознание занимает в общем объеме деятельности сознания все еще значительное место. Когда ребенок учится ходить, он делает это почти исключительно при помощи солнечного сплетения и поясничного ганглия, в то время как грудное сплетение и спинной ганглий обеспечивают равновесие верхней части тела.

Совершенная циркуляция существует не только между полюсами, но и между парами полюсов. В этом случае два нижних центра выступают как положительный полюс, а два верхних — как отрицательный. И вот уже ребенок стал ногами на землю, затем он поднимает ногу, снова опускает ее и отталкивается от земли, и все это время верхние центры поддерживают равновесие верхнего тела. Это не что иное, как цепь спонтанной деятельности четырех первичных центров, между которыми устанавливается циркуляция во всем теле. Положительными полюсами выступают при этом нижние центры. А что касается мозга, то ему, видимо, пока что делать здесь нечего. Даже желание ходить рождается не в мозгу, а в первичных клетках.

То же и с употреблением рук. Научиться пользоваться руками — значит установить совершенную циркуляцию

между четырьмя центрами, причем на сей раз два верхних центра выступают как положительный полюс, а два нижних — как отрицательный, ну а руки играют роль живых окончаний установившейся цепи. Мозг снова-таки оказывается ни при чем. Очевидно, даже в первых сознательных попытках ребенка хватать руками предметы мозг все еще остается никак не задействованным. Во всяком случае, он будет задействован не ранее, чем появятся первые элементы узнавания предмета и сенсорной памяти.

Вся наша первичная деятельность берет начало в четырех больших нервных центрах. Все, что в нас есть жизненного и динамического — наши активные желания, наши реальные побуждения, наша любовь, наши надежды и устремления,— все это берет свое таинственное начало в этих четырех больших центрах, или истоках нашего существования. Разум может лишь фиксировать то, что происходит в результате эманации динамического импульса и столкновения или сообщения этого импульса с его объектом.

Итак, мы теперь убедились, что никогда не сможем познать самих себя. Знание для психики — то же, что стрелка дорожного указателя для путешественника: просто извещение о пути, который некогда был проделан кем-то другим. Знание даже не пропорционально бытию. Человек может обладать солидными познаниями в области химии и при этом не слишком преуспевать в бытии, то есть в обыкновенной жизни. Даже те, кто познал, подобно Соломону, всю премудрость этого мира, в жизни часто оказываются не первыми, а последними. На самом деле жизнь динамических достижений — это жизнь Давида. А на долю Соломона досталось все это подытожить, завершить, а затем медленно умирать.[51]

И все-таки мы должны познавать — хотя бы для того, чтобы накопленные знания были направлены на то, чтобы научиться не знать. Высшее достижение человеческого сознания как раз и состоит в том, что с его помощью мы начинаем понимать, что нам нужно научиться не знать. То есть, иначе говоря, не изменяя окружающего мира, в то же время жить динамически, черпая из великого Истока, а не статически, как машина, управляемая головными идеями и принципами, и не автоматически, исходя из одного лишь фиксированного в нас желания. Знание должно быть наконец поставлено на надлежащее ему место в системе человеческой жизнедеятельности. Мы должны иметь глубокие знания хотя бы для того, чтобы знать, как поставить знание на свое место.

[51] *Давид* (время царствования кон. XI в.— ок. 950 до н. э.) и *Соломон* (965—928 до н.э.) — отец и сын, цари Израильско-Иудейского государства, о которых подробно рассказано в библейских книгах Ветхого Завета (1—4 Книгах Царств, 1—2 Книгах Паралипоменон) и которым приписываются некоторые из ветхозаветных книг (Давиду — Книга Псалмов, Соломону — Книга Притчей, Екклесиаст и Песнь Песней). Давид пришел к царствованию долгим путем испытаний и опасностей. Став царем, он победил всех врагов Израиля и расширил его пределы от Красного моря до Евфрата. Огромное количество военной добычи обогатило народ и дало достаточно материалов для постройки великолепного храма. Однако это деяние Бог не позволил совершить Давиду, поручив его Соломону. Тот заслужил Божье расположение тем, что, получив разрешение просить всего, чего его душа желает, попросил мудрости. Он действительно завершил дело своего отца постройкой Первого храма в Иерусалиме. Однако богатство, слава, множество жен и наложниц развратили сердце Соломона и увели его от Бога. О его разочарованиях и «медленном умирании» повествует Книга Екклесиаста.

Из всего сказанного явствует новое понимание значения воспитания.

Воспитание означает приведение индивидуальной природы каждого мужчины и каждой женщины в состояние истинной полноты развития. Это невозможно сделать путем стимулирования ума. Накачивать ум образованием — роковая ошибка. Ценность имеет лишь то знание, которое сублимируется из динамического сознания непосредственно в рациональное сознание. В большинстве индивидов этого знания не хватает. Вот почему по-настоящему мудрое правительство должно было бы решительно защищать всех граждан своей страны от любых попыток привить им идеи, чуждые их природе. Каждая такая идея, не имеющая врожденного корня в динамическом сознании, не менее опасна для жизни, чем гвоздь, вбиваемый в юное неокрепшее деревце. Для большинства людей знание должно быть символическим, мифическим, динамическим. Это означает, что главную роль в любом обществе должен играть высший, ответственный, сознательный класс, а роль других, нижних, классов должна зависеть от степени их сознательности. Символы жизни общества должны быть одинаковыми и для верхов, и для самых низов, но от толкования этих символов нижние классы должны быть по возможности отстранены, с тем чтобы эта задача оставалась уделом лишь высшего, ответственного, сознательного класса. Для тех, кто не способен самостоятельно освободиться от приобретенного ими рационального сознания и усвоенных ими идей, вся эта рациональность и все эти идеи означают смерть. Это гвозди, вбитые в их руки и ноги.

Глава VII

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ВОСПИТАНИИ

Совершенно очевидно, что первоначальный процесс воспитания — ни в коем случае не рациональный, не «умственный». Когда мать обращается к младенцу, она не заставляет его напрягать свой маленький ум. Ласково уговаривая его сделать первые шаги, она не читает ему лекцию о теоретических основах науки хождения. Она просто приседает перед ним, широко расставляет руки и говорит:

— Ну-ка, маленький, иди к маме! Иди ко мне, малыш! Вот так! Иди к маме! Так! Теперь еще один шаг. Вот так, молодец! Смотрите, мой малыш топает! Так... Так... Не бойся, мой зайчик. Нет, нет, не туда — иди к маме...

Она легко придерживает его за край одежды — и малыш устремляется к ней.

— Так! Так! Какой молодец! Да ты просто чудо! Смотрите, сам пришел к маме!

Ну, разве есть в ее словах хоть какой-то рациональный, «умственный» смысл? Да ни капли! Зато присутствует ритм, и это в данном случае гораздо важнее. Мелодичная, побуждающая интонация материнского голоса непосредственно воздействует на аффективные центры ребенка, дает им одновременно превосходный стимул и превосходный урок. Сами по себе слова едва ли много значат. Хотя, конечно, это постоянное повторение одних и тех же слов формирует в конце концов смысловые ассоциации. В данный же момент эти ассоциации не имеют для ребенка никакого зна-

чения. Это повторение слов странной, пульсирующей музыкой охватывает его трепещущую душу и побуждает к действию.

Вот это и есть единственно верный способ воспитания детей — инстинктивный материнский способ воспитания. Не нужно стараться научить их думать, проникаться мыслями. Детей нужно лишь стимулировать и побуждать к динамической активности. Нужен голос, полный динамики, а не слова, полные смысла. Никакой смысл здесь не нужен. Нужны жесты, прикосновения, выражение лица, а не теории. Отбросьте любые другие идеи о воспитании детей — и уж тем более не забивайте их головы мыслями.

Если и нужно чему-то учить детей, то прежде всего тому, как двигаться. И не по каким-то там теоретическим правилам, не под диктовку ума. Это было бы просто ужасно! Нет, учить их нужно, играя с ними и поддразнивая их, злясь на них и отдыхая с ними. Ребенок должен научиться двигаться жизнерадостно, вольно и гордо. Он должен научиться полноте спонтанного движения. А научиться этому он может лишь благодаря продолжительной реакции всех центров, посредством включения всех эмоций. В то же время ребенок должен научиться держать себя в руках. Научиться сидеть тихо, когда это необходимо. Частью первой фазы воспитания является наука стоять по стойке смирно и быть физически собранным. Затем ребенок должен научиться оставаться наедине с самим собой, самостоятельно играть и развлекаться. Все эти капризные цепляния за мамину юбку должны достаточно жестко пресекаться. С самого перво-

го дня по возможности учите ребенка пользоваться собственными силами и возможностями. Не бойтесь иногда его отталкивать. Но без пренебрежения, без негативного отношения. Играйте с ним, дразните его, катайтесь с ним по зёмле, как собака со своими щенками, подтрунивайте над ним, если он трусит, разыгрывайте его, ругайте, если он действительно того заслуживает или если он вас раздражает, — ибо ребенок должен научиться не раздражать других людей. А когда он по-настоящему вас разозлит, можете шлепнуть его как следует. Но всегда помните, что ваш ребенок — это отдельная маленькая душа, существующая сама по себе, и что ответственность за мудрые, теплые отношения с ним лежит на вас, взрослом.

Никогда не забывайте следить за его осанкой. Больше всего на свете требуйте от него прямой спины, гордой осанки, вольно расправленных плеч. Презирайте в нем небрежность во внешности и в движениях, унылый и неопрятный вид. Высмеивайте в нем обидчивость и слишком сильную робость.

Пожалуй, одна из величайших глупостей — заботиться о том, чтобы ребенок ваш рос «любящим». Раз и навсегда забудьте о «взаимности чувств». Но никогда не забывайте о своей собственной чести во взаимоотношениях между вами — взрослым мужчиной и маленьким существом. Но речь в этом случае идет скорее о чувстве собственного достоинства, чем о чувстве любви.

Дерево растет стройным, когда у него глубокие корни и когда его росту ничто не мешает. Любовь спонтанна, она

исходит из деятельной спонтанной души. Но любовь как осознанный принцип — абсолютное зло. Точно таким же злом является и нравственность, если она основана на одних лишь идеях или на идеалах. Ребенок, если он гордое и свободное существо, что проявляется даже в его движениях и осанке, всегда будет ровно настолько нравственен, насколько это необходимо. Честь — это инстинкт, благородный инстинкт, который необходимо бережно поддерживать и сохранять. Безнравственность, пороки, преступления — все это имеет своим началом сбой в каком-то из больших первичных центров. Если хотя бы в одном из этих центров не поддерживается напряжение, необходимое и достаточное для создания полюса витального магнетизма, то физическое или психическое расстройство, или оба сразу, попросту неизбежны. То же самое относится к порокам и преступным наклонностям — результату расстройства первичной системы. Чистая совесть — это всего лишь инстинктивное приспособление души к тем или иным жизненным обстоятельствам, приспособление живое, чувствительное и деликатное. Правил здесь быть не может. А если и есть, то одно: при любых обстоятельствах и любой ценой хранить четыре первичных центра живыми, чуткими, активными и быстро реагирующими. И тогда бояться нечего. Однако мы изо всех сил стараемся, насколько это возможно, подавить оба уровня наших первичных чувств и подчинить их чему-то внешнему по отношению к ним. Мы так решительно на этом настаиваем, так отчаянно стремимся усилить верхний — душевный, или «самоотверженный»,— тип поведения (жизнь в другом и ради

другого), что уже вызвали повсеместный и опасный перекос в естественном развитии души.

Чувствуя этот перекос и пытаясь его исправить, мы лишь усугубляем его, все более и более подчиняя свою жизнь старым идеям любви и добра. Мы полагаем, что любовь и благие намерения все исцелят. А на самом деле любовь и благие намерения — яд, отрава для того, кто их проповедует, но еще более для того, на кого они изливаются. И все это лишь потому, что в мире уже практически не осталось спонтанной любви. Повсюду вместо любви — одна лишь воля, роковая любовь в виде воли и ненасытное, нездоровое любопытство. Чистый симпатический тип поведения в любви на самом деле уже не существует, он давно разрушен. Осталось лишь мертвое, вымученное волеизъявление.

И это еще одна из причин, по которым всеобщее обучение должно быть немедленно прекращено. Мы впали в состояние застывшей, мертвой воли. И все, что мы делаем и говорим детям в школе, направлено лишь на то, чтобы в них под видом чистой любви заморозить мертвую волю. Наш идеализм — первопричина нашей мертвой воли. Любовь, красота, благо ближнего, прогресс — вот слова, которые мы используем. Но при этом единственный востребованный нами принцип — это освященный нашим временем принцип бесплодного и бесцельного принуждения всего живого. Мы были бы рады, если бы и сама жизнь протекала по принуждению. Вот почему нужно решительно и не мешкая спасать детей от всеобщего среднего образования.

Ни одного ребенка не следует отправлять в какое-либо учебное заведение, пока ему не исполнится десять лет. Если бы мне дали такую возможность, то вот какое сообщение я отправил бы во все концы Земли:

«Родители, извещаем вас, что Государство слагает с себя всякую ответственность за умственное развитие и характер ваших детей. С первого дня наступающего года все школы закрываются на неопределенный период. Отцы, наблюдайте за тем, чтобы ваши сыновья учились быть мужчинами. Матери, наблюдайте за тем, чтобы ваши дочери учились быть женщинами.

Все школы в скором времени будут превращены в цеха или спортзалы. Ни один ребенок не будет принят на работу в цех, пока ему не исполнится десять лет. Активное обучение гимнастике и элементарным приемам спортивной борьбы будет обязательным для всех мальчиков старше десяти лет.

Все девочки старше десяти лет должны посещать один из цехов или мастерских, где они будут проходить обучение домашнему труду. Кроме того, все девочки старше десяти лет должны посещать один из цехов, где проводится обучение квалифицированному труду, работе в промышленности или искусствам. В эти цеха они принимаются после трехмесячного испытательного срока.

Все мальчики старше десяти лет должны посещать один из цехов или мастерских, где они будут проходить обучение разнообразной работе по дому. Кроме того, все мальчики старше десяти лет должны посещать один из цехов, где проводится обучение квалифицированному труду, работе в про-

мышленности или искусствам. Мальчик при участии родителей может выбрать учебный цех себе по вкусу, но начальникам цехов предоставляется право в случае необходимости после трехмесячного испытательного срока переводить ребенка в тот цех, который они посчитают более пригодным для данного мальчика.

Учитывая существующую на сегодняшний день угрозу превращения населения страны в скопище беспомощных и бездеятельных тунеядцев, способных лишь на бездумное чтение газет, Государство заявляет о своем намерении преобразовать оное в новое, деятельное и энергичное население.

Все начальное образование полностью передается в руки родителей. Право давать таковое образование иным порядком оставлено лишь за теми государственными учреждениями, где это будет признано необходимым.

Школы материальной и духовной культуры не обязательны, но, в случае их учреждения, должны быть бесплатными для всех подростков старше четырнадцати лет.

Университеты должны быть бесплатными и доступными для всех, кто получил свидетельство об окончании школы материальной и духовной культуры».

Дело заключается в том, что наше всеобщее образование поставлено сегодня настолько неумело и проводится с таким психологическим варварством, что именно оно, это образование, составляет самую страшную угрозу для существования нашей цивилизации. Мы помещаем наших детей в какие-то клетки и вбиваем в их головы ненужный запас «умственного» хлама, пользуясь методикой, пригодной лишь для

дрессировки попугаев. Путем неестественного, нездорового принуждения мы умудряемся вызывать в них некое подобие церебральной активности. А потом, через несколько лет, со всем этим набором «ветряных мельниц» в их головах, вышвыриваем их вон, чтобы, в роли неких третьесортных донкихотов[52], они тянули унылую лямку жизни. Все то, чем загромоздили их головы, не имеет ни малейшего отношения к их динамическим душам. Ветряные мельницы все вертятся и вертятся на бесконечном словесном ветру, дульсинеи тобосские за каждым углом все манят и манят пальчиком юных недорослей, и наша нация третьесортных донкихотов, оседлав трамваи и поезда, велосипеды, автобусы и автомобили, мчится в единой безумной погоне за божественной Дульсинеей, которая со скучающим видом лениво жует шоколад. Бесполезно советовать этим несчастным «рыцарям» сделать остановку и образумиться. Они читают в газетах о новых дульсинеях, о новых рыцарских подвигах, якобы ожидаю-

[52] *Донкихоты.*— Лоуренс имеет в виду массовую распространенность среди выпускников школ случая уродливого несовпадения знания и жизни, ставшего темой романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» великого испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведры (1547—1616). Лоуренс здесь и далее проводит параллель между тем, что говорят о жизни современные ему школы и газеты, и тем, что во времена Сервантеса говорили рыцарские романы, которые и стали причиной безумия героя Сервантеса. Безумие Дон Кихота заключалось в том, что реалии жизни он принимал за «реалии» рыцарских романов. Он вступил в «рыцарский поединок» с ветряными мельницами, которые принял за злобных великанов, полюбил платонической рыцарской любовью простую крестьянскую девушку (Дульсинею Тобосскую) и т. п.

щих их самих, о новых псевдоврагах, якобы порочащих честное имя этих скучающих дам. Так и бегают они по кругу в погоне за собственным хвостом,— конечно, за исключением тех случаев, когда им приходится зарабатывать себе на хлеб. Работа — вот то единственное, что еще не дает нашим массам свихнуться окончательно и бесповоротно.

По правде сказать, идеи — самый опасный вирус, которым когда-либо заражалось человечество. Этот вирус при помощи инъекций — школ и газет — вводится прямо в мозг, и мы уже безнадежно заражены этим вирусом.

Идея, вводимая в мозг, неустанно кружащая и жужжащая там, как надоедливое насекомое,— причина всех наших сегодняшних бед. Вместо того чтобы черпать жизненные представления прямо из спонтанных центров, мы черпаем их из головы. Мы все жуем и жуем какие-то теории и идеи, а потом беспрестанно прокручиваем их в нашем сознании до полной утраты самих себя. Наши первичные аффективные центры, наши центры спонтанного бытия, оказываются до такой степени формализованными и механизированными, что скрипят на каждом повороте от дисгармонии и надвигающегося коллапса. Мы (и не только мы) превратились в нацию идиотов, олигофренов и эпилептиков, и при этом даже не отдаем себе отчета в том, что постоянно бредим.

И все это единственно по вине того проклятого вируса, который мы называем Идеалом. Идеал — всегда зло, независимо от его содержания. Ни одна идея не имеет права взойти на трон и править нами.

Из этого вовсе не следует, что человек должен немедленно отрубить себе голову или вырастить пару глаз у себя на груди. Из этого лишь следует, что идея — это не более чем последний уровень или зафиксированный результат живого динамического взаимообмена, живых реакций. Ни одна идея не может быть выражена в совершенстве, пока этот динамический взаимообмен не окончен. Поэтому пытаться поместить внутрь этого живого процесса некую завершенную идею означает свести на нет всю живую деятельность, подчинить ее механическому влиянию и как результат получить весь букет надлежащих ужасов: скуку, остервенение, неврастению и покалеченную психику.

Дерево наших представлений о жизни и живом высохло, погибло целиком и полностью. Но разве это достаточный повод для того, чтобы нам повеситься на этом дереве и повесить на нем своих детей?

Мысль — не мертвая идея, а свежая, осязаемая мысль — должна распуститься, как листья на дереве, напитаться от живительного сока, от непостижимого потока, истекающего из больших динамических центров жизни. Древо жизни — радостное дерево, вечно распускающее свои листья, всегда свежие, всегда разные. Вчера это мог быть дуб, завтра это может быть тополь. Вы никогда не знаете, чего ждать от этого дерева — Древа жизни.

Ну а теперь мы снова возвратимся к нашему дорогому младенцу, на которого потратили уже столько чернил. По какому праву, хотелось бы знать, мы собираемся привить ему наш болезнетворный вирус идей и безусловных, безот-

носительных «рациональных» мотивов? Не иначе, как по «праву» больных, которые хотели бы заразить всех без исключения окружающих.

Лишь у немногих, очень немногих людей живые импульсы и реакции развиваются и сублимируются в умственное сознание. Много разных деревьев в лесу, но лишь немногие способны приносить вкусные яблоки знания. Однако современный мир убежден в том, что каждый человек способен приносить плоды знания. И поэтому мы прочесываем лес и прививаем все без исключения деревья, пытаясь превратить каждое из них в яблоню. Хорошенький лес получается!

Природа большинства людей заключается не в том, чтобы много знать, понимать и рассуждать. Почему же в таком случае они на это претендуют? Лишь немногим свойственно логически рассуждать, вот и пусть себе рассуждают. Те, кому по самой их природе свойственно быть рациональными, сами, по собственному инстинктивному побуждению, будут спрашивать: «зачем то?» и «почему это?», а затем по собственному почину будут до конца дней своих ломать голову над ответом. Но хоть убейте меня, я не знаю, ради чего каждый Том, Дик и Гарри должен морочить себе голову всеми этими «зачем» и «почему», обращенными к Вселенной, которую пытаются против его воли впихнуть ему в голову? Почему он должен верить в то, что он есть некая идеальная личность, ответственная за всю Вселенную? Ведь ему попросту морочат голову, ибо ни одно из этих «зачем» и «почему» не родилось в его собственной голове, и он со всеми этими вы-

сокими словами о Вселенной в своих мозгах — не более чем попугай.

К чему захламлять мозг ребенка фактами, не имеющими никакого отношения к его личному опыту и к его индивидуальной динамической деятельности? Не пора ли осознать, что каждая чужеродная идея, внедренная в разум человека, является помехой этой деятельности? Каждая идея, навязанная разуму человека извне и не соответствующая его природе, стопорит внутренне присущую ему индивидуальную динамическую деятельность и составляет угрозу его психической сущности.

Скажем, я пытаюсь внедрить в чье-либо сознание идею о равенстве всех людей. Ныне эта идея выводится чисто логическим дедуктивным путем из определенных этических или философских принципов, хотя не имеет подтверждения в реальном опыте. Но современный мир болен идеализмом, мы все рождаемся с этой болезнью, и особенно те из нас, которые становятся учителями. Поэтому они хватаются за идею равенства и усиленно вбивают ее в головы своих учеников. И каков же результат? Я внедряю в сознание человека идею о равенстве всех людей, и он перестает жить своей собственной жизнью, которая черпается из истоков его спонтанных центров. Он заболевает манией равенства и становится идейно невменяемым человеком, пытающимся испортить жизнь и себе, и всем остальным вокруг.

Воплотить чистую идею в живую жизнь — значит убить саму жизнь. Жизнь должна проистекать из глубоких спонтанных центров человека, которые отвечают сами за себя,

и состоять в живой, не идеальной циркуляции динамических взаимоотношений между людьми. Страсти или желания, рожденные из чистых мыслей и идей, мертвы. Любая страсть и любое желание, санкционированные идеалом и получающие «дарованное» им исключительное право на существование, сразу же становятся смертоносными.

Если это верно для мужчин, то тем более для женщин. Научите женщину жить и действовать на идейном основании, и вы навек убьете ее женственность. Заставьте ее осознать себя, и душа ее станет унылой, как беспросветный осенний дождь. За что мы были изгнаны из рая? Почему мы стали подвержены этой изнурительной болезни неизбывной неудовлетворенности? Вовсе не потому, что согрешили,— ведь все животные в раю наслаждались чувственной страстью соития,— а потому что взяли секс себе в голову.

Съев пресловутый плод, Ева осознала умом свою женственность. И с помощью того же ума начала с нею экспериментировать. И продолжает заниматься этим по сей день. Мужчина тоже экспериментирует. Радости от этого нет ни тому, ни другому.

Эти сексуальные эксперименты — истинное проклятие. Но коль скоро женщина начала сексуально сознавать себя, что же ей еще остается делать? Так и повелось, что она уже рождается с болезнью самосознания, с той же самой, с какой родилась ее мать. Она обречена на эксперименты и пробует одну идею за другой в этой изнурительной гонке, в конце которой обретает лишь сознание собственного ничтожества. Она обречена брести от одного фиксированного идеала

к другому, третьему и так далее — идеалу самой себя, идеалу самой себя как женщины. То она благородная супруга не слишком благородного человека. То *Mater Dolorosa*[53]. То ангел-хранитель. То общественный деятель и член парламента. То опытный врач. То пламенный оратор. Но у каждого из этих образов есть своя тень — Изольда для своего Тристана, Гвиневера для своего Ланселота[54] или *Fata Morgana*[55] для всех мужчин,— тень, существующая в собственном ее представлении. И она уже не может не иметь о себе какого-нибудь идеального представления. Не может выбросить это представление из головы. Такой она, в сущности, всегда и остается, из этого проистекают все ее жизненные функции, из этого исходит ее собственная, автоматическая воля. Именно это превращает в сущий ад всю эту игру в женщин и мужчин.

Но нам этого мало, и мы стараемся еще больше развить самосознание у наших детей, научить каждую маленькую Мэри быть необыкновенно прекрасной маленькой Мэри, но чисто в ее собственном представлении, и научить каждого маленького Джозефа также видеть себя на должной высоте, пусть даже и чисто теоретической.

В этом суть всей проблемы, и этому нужно когда-нибудь положить предел. В историческом прошлом любая раса и любой народ, становясь слишком самосознательными и живя одними идеями, в скором времени приходили в упадок и исчезали с лица земли. Приходили другие расы, другие народы, и все начиналось заново. При этом научиться чему-нибудь путному человечество так и не сумело. Совре-

менное человечество намного глупее и менее приспособлено к жизни, чем ушедшие в небытие древние греки или напрочь забытые этруски. Дни наши сочтены, и конец наш близок. Мы уйдем, а после нас придут другие расы.

И все же есть выход из этого положения. Ведь мы пока еще не совсем утратили способность отличать навязанный нам идеализм, тренированную в нас гипертрофированную волю от настоящей реальности, от нашего собственного, подлинного, спонтанного «я». Да, мы, конечно, настолько перегружены и измучены одолевающими нас мыслями, что чувствуем себя неуютно, обращаясь к своему подлинному «я». Но пока мы ощущаем его в себе, мы еще можем противостоять болезни. Болезни любви, болезни «душевности», болезненному стремлению к доброму и прекрасному, к соб-

[53] *Mater Dolorosa* (*лат.*) — Мать Скорбящая, один из иконописных канонов изображения Марии, матери Иисуса Христа.

[54] «...*Изольда для своего Тристана. Гвиневера для своего Ланселота*...» — Речь идет о популярных героинях и героях рыцарских романов и легенд на темы кельтской мифологии, в частности легенд о короле Артуре.

[55] *Fata Morgana* (*итал.*) — фея Моргана, персонаж кельтской мифологии, популярность которого связана с рыцарскими романами. Фея Моргана — сводная сестра короля Артура, питавшая извечную ненависть к своему сводному брату, и она же — отвергнутая возлюбленная Ланселота, жившая на дне моря в хрустальном дворце и обманывавшая мореплавателей призрачными видениями. В устной форме легенды о Моргане бытовали в Бретани (где «морганами» назывались чудесные морские девы), откуда они распространились вплоть до Сицилии, где с XIX в. миражи Мессинского пролива и получили название «фата-морган».

ственному благу и благу ближнего в нашем превратном восприятии этих понятий. Нам следует удалиться в пределы нашего гордого, одинокого «я», полностью изолировать себя, пока не наступит исцеление от этой мертвенно-бледной проказы «сверхсознательного» идеализма.

Мы пока еще в состоянии сделать кое-что и для наших детей. Мы могли бы отказаться от традиции помещать их в эти жалкие парники, в эти рассадники душевной проказы — наши школы. Мы могли бы ограничить их доступ к источнику проказы — газетам и книгам. На какое-то время нам следовало бы вообще отказаться от обязательного обучения чтению и письму. Для большинства людей было бы настоящим благом, если бы они не умели ни читать, ни писать.

Вместо этого разъедающего, болезненно рационального самосознания и этой ужасной, нездоровой потребности во внешнем стимуле для нашей деятельности мы должны были бы найти себе настоящее, достойное нас занятие.

Основная масса людей никогда не поймет «на сознательном уровне» необходимость этого, но, хотелось бы надеяться, чисто инстинктивно изменит свое отношение к жизни.

Предложим массам вместо умственной деятельности настоящее действие, любые виды активного действия. Даже двенадцатичасовой рабочий день лучше, чем непременная газета в четыре дня и скука на весь вечер. Но особенно важно позаботиться о детях. Любой ценой следует не допускать того, чтобы девочка концентрировала свое внимание исключительно на самой себе. Пусть она живет активной жизнью, работает, играет, пусть уже в детстве усвоит свою истинную

роль. Пусть в совершенстве овладеет искусством домоводства. Научим ее, на худой конец, ткать и прясть, даже если сегодня это никому не нужно. Все, что угодно, лишь бы она была занята активным делом, лишь бы не читала без меры и не становилась излишне сознающей себя. Как можно скорее нам следует увидеть в истинном свете пугающую сущность всего того машинного и сделанного машинами мира, который нас окружает. Мир этот холодный и неживой. Вернем святость дому, домашнему очагу, каждой вещи в доме. Далее, нельзя допускать никакой фамильярности, никакой так называемой «дружбы» между девочками и мальчиками. Вся эта чистая, духовная близость между полами, столь восхищающая и умиляющая нас,— на самом деле не что иное, как стерилизация их отношений. Она творит бесполые существа, для которых впоследствии невозможна насыщенная, полноценная половая жизнь.

Что касается мальчиков, то первым делом установите для них правила — гордые, суровые мужские правила. Пусть знают, что в каждый момент своей жизни они находятся в поле зрения гордой и сильной взрослой власти. Пусть чувствуют себя солдатами, но при этом личностями, а не роботами. В будущем их ожидают войны, великие войны, исход которых в конечном счете будут решать не машины, а свободный, неукротимый жизненный дух. Не будет больше войн под знаменами идеалов, войн-жертвоприношений, останутся только войны, утверждающие силу участвующих в них мужчин. Вот почему нужно учить их драться — хотя бы для того, чтобы они могли постоять за себя,— и готовить

их к совершенно новому образу жизни, к новому обществу. Пусть будут и деньги, и наука, и промышленность — но все это пусть занимает надлежащее ему место. Вожди должны стоять на страже жизни страны и не спрашивать у масс, куда их вести. Приняв на себя всю ответственность, вожди раз и навсегда избавят массы от бремени поиска правильного пути. И население, освобожденное от тяжелого груза ответственности за общественные дела, вновь сможет зажить свободной, счастливой, спонтанной жизнью, а высокие материи оставит вождям. Тогда ненужными станут газеты и не для чего будет массам учиться читать. Все станут жить, повинуясь лишь великому спонтанному зову самой жизни.

Мы больше не можем позволить себе оставаться такими, какими мы есть. Несчастными созданиями с истрепанными нервами, мучающимися всю жизнь и все равно боящимися смерти, ибо никто из нас так и не пожил толком. Выход прост: отдать в руки небольшой группы святых ту муку ответственности, на которую обрекли себя массы. Пусть немногие вожди безраздельно отвечают за все и вся. А массам дайте свободу, ибо, избрав себе вождей, они и станут наконец свободными.

Вожди — вот что нужно человечеству.

Но, прежде чем избрать себе вождей, мы должны научиться послушанию — послушанию и душой и телом. И мы не должны забывать: избирать себе вождей мы будем лишь ради жизни, ради того, чтобы начать жить самим.

Так начнем же — еще не поздно начать.

Глава VIII

ВОСПИТАНИЕ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ И РЕБЕНКА

Но даже в том случае, если мы решим оставить весь старый процесс воспитания без изменений, то и тогда мы должны отказаться хотя бы от одной его стороны — от развития у ребенка так называемой «способности самовыражения». Поостережемся искусственно стимулировать его самосознание и воображение. Ибо тем самым мы искусственно принуждаем его рисоваться перед нами просто потому, что нам это нравится. В тот самый момент, когда в ребенке обнаруживается хоть какой-то признак самосознания, он становится обреченным на сплошную фальшь и искусственность.

Лучше ограничиться азбукой, арифметикой и т.д. Спору нет, современные методы обучения делают детей умными и раскованными, но от этого берет свое начало и большое зло. А конец этого зла — непрекращающиеся «волнения» нервного, истеричного пролетариата. Начните учить «пониманию» пятилетнего ребенка. Научите его понимать солнце и луну, тайну маргаритки и тайну продолжения рода — да чего уж там, понимать все сущее на Земле. И тогда годам к двенадцати к этому ребенку придет истеричное понимание обиды и тоски, которые он сам же и выдумает, высосав буквально из пальца, и тогда ему конец как личности. Понимание — это несомненное зло.

Ребенок не должен понимать мир — он должен им обладать. Его видение мира не похоже на наше. Когда восьми-

летний мальчик смотрит на лошадь, в его глазах она предстает вовсе не тем биологическим объектом, видение которого нам хотелось бы ему навязать. Он просто ощущает присутствие чего-то живого, большого, бесформенного — свисающую с шеи длинную гриву и четыре ноги. Если ему кажется, что в профиль видны оба глаза, то он абсолютно прав. Потому что его видение — не оптическое и не фотографическое. Образ на его сетчатке — не образ, рожденный его сознанием. Образ на его сетчатке попросту не проникает в его сознание. Его бессознательное просто наполняется сильным, темным, непонятным ощущением мощного присутствия, двуглазого, четвероногого, длинногривого, грозно нависшего над ним присутствия.

И заставлять ребенка видеть правильный конский профиль с одним глазом — все равно что подменять живую лошадь учебным плакатом. Это просто убивает его внутреннее зрение. Ну, скажите, почему нам так важно, чтобы ребенок видел «правильную» лошадь? Ребенок ведь — не фотоаппарат. Он маленький живой организм, у которого установлена прямая динамическая связь с объектами внешнего мира. Посредством груди и брюшной полости, с «впитывающим» в себя окружающий мир реализмом, он воспринимает элементарные свойства творения. Это тот самый реализм, благодаря которому дерево *гофер*[56], из коего Ной некогда сделал свой ковчег, до сих пор более реально, чем дерево Коро[57] или дерево Констебля[58]; а жирная корова, некогда ступившая в Ноев ковчег, обладает более глубокой жизненной реальностью, чем даже корова Куипа[59].

Нет такой вещи на свете, как единственно правильное восприятие. А для ребенка, как, впрочем, и для восприимчивого взрослого, оптический образ — не более чем дрожащее пятно. И в этом дрожащем пятне душа видит истинное отражение чего-то заключенного в ней самой. В корове она видит рога, прямоугольное туловище и длинный хвост. В лоша-

[56] *Гофер* — высокое дерево, похожее на сосну, из которого Ной, следуя Божьему велению, сделал себе ковчег (Бытие, 6,14).

[57] *Коро Камиль* (1796—1875) — французский художник-пейзажист. Коро различными живописными средствами добивался поразительного «жизнеподобия» в изображении всех деталей пейзажа. Наряду с «историческими» пейзажами, отличающимися традиционной строгостью композиции, писал одухотворенно-лирические пейзажи, отмеченные богатством оттенков, тонкостью серебристо-серой гаммы, мягкостью воздушной дымки, окутывающей, но не скрывающей предметы. Коро считается одним из прямых предшественников импрессионизма.

[58] *Констебль Джон* (1776—1837) — английский художник-пейзажист. Один из первых живописцев, писавших на пленэре. Добивался «правдоподобия» пейзажа не только в смысле «похожести» изображенных объектов, но и в смысле воссоздания свето-воздушной среды во всей ее изменчивой трепетности. Культивировал «заурядный» английский пейзаж, в котором умел отыскивать мягкий лиризм, свежесть и радость «естественного» существования. На полотнах Констебля деревья предстают «как живые» за счет естественности композиции и цвета, богатства оттенков.

[59] *Куип Элберт Якобз* (1620—1691) — голландский художник-пейзажист и анималист. Лоуренс, видимо, имеет в виду его картину «Пастухи с коровами у реки», находящуюся в Лондонской национальной галерее. Куип известен исключительно тонкой и для своего времени необычной передачей психологических состояний и настроений природы: воздуха и света, растений и животных. Его коровы обладают удивительной индивидуальностью и естественностью.

ди — длинную гриву, вытянутую морду и четыре ноги. Но в обоих случаях — темное присутствие живого. Итак, рога, прямоугольное туловище и длинный коровий хвост — прекрасные и в то же время несколько пугающие компоненты коровьей формы, воспринимаемые динамической душой в полном соответствии с реальностью. «Идеальное» же изображение коровы есть нечто неестественное и, для ребенка, фальшивое. От картинки ребенок требует элементарной узнаваемости, а вовсе не правильности или художественной выразительности, и уж менее всего — того, что мы называем пониманием. «Искажения» в детском восприятии неизбежны и динамичны. Но динамическая абстракция — нечто большее, чем умственная абстракция. Если на детском рисунке гигантский глаз расположен на середине щеки, это означает, что глубокое динамическое сознание глаза, его относительная преувеличенность и есть правда жизни, пусть и научно не подтвержденная.

С другой стороны, какой смысл, скажите на милость, сообщать ребенку, что Земля «круглая, как апельсин»? Да это попросту вредно! Уж лучше говорите ему, что Земля — яйцо, сваренное вкрутую в кипящей кастрюле. Это имело бы хоть какое-то динамическое значение. Что касается апельсина, вы добьетесь лишь того, что ребенок живо представит себе оранжевый апельсин, парящий в голубом небесном просторе, но и не подумает связать этот апельсин с землей, по которой он сам ступает. Да и для широких масс человечества было бы намного лучше, если бы они никогда не слышали, что Земля — это шар. Не следовало им знать, что Зем-

ля круглая. Это сделало для них нереальным буквально все на свете. Они разочаровались в нашей старой доброй земле, казавшейся им такой устойчивой и надежной, и теперь они никак не могут уйти от этого непонятного образа шара, живут в тумане абстракции и чувствуют себя неуютно. Но если забыть об абстракциях, то окажется, что Земля — вовсе и не шар, а огромная плоскость с горами и равнинами. К чему же без всякой нужды вдалбливать в сознание масс абстракцию и убивать реальность?

Что до детей, то неужели мы не возьмем себе в толк, что их абстракции никогда не основываются на наблюдениях, а только на преувеличениях? Если на лице есть глаз, то в глаз может превратиться и все лицо. Душа ребенка не может иначе абстрагироваться от тайны глаза. Если пейзаж включает в себя дерево, то деревом становится весь пейзаж. И всегда в фокусе восприятия — часть, а не целое. Любая попытка изменить фокус детского восприятия в сторону целого, то есть попытка научить ребенка взрослому обобщению, взрослым абстракциям, обречена на провал. И тем не менее мы требуем от ребенка сделать рельефную карту местности, где он живет (например из глины). Какая несусветная глупость! У него нет ни малейшего представления даже о том пригорке, на котором стоит его дом. Тропинка, взбегающая на пригорок, калитка, ведущая в сад перед домом, ну, может быть, еще окна — вот и все, что он знает. И то в лучшем случае.

Словом, учить ребенка чему бы то ни было, учить его школьной премудрости — это настоящее преступление. Со-

бирать детей в кучу и обучать их, обращаясь к уму и сознанию,— настоящее злодеяние. Это вызывает абсолютное голодание динамических центров, а взамен выдает стерильный суррогат «умственного», абстрактного знания. Дети средних социальных слоев настолько психически истощены, что остается лишь удивляться, почему они вообще еще живы. Несколько лучше обстоит дело с детьми низших социальных слоев, ибо многим из них удается избежать школы и остаться на улице. Но в наше время это неотвратимое зло — «всеобщее обучение» — настигает и пролетарских детей.

При этом несомненно и то — и на это указывают мои оппоненты,— что, несмотря на всю обработку школами и газетами, человек сегодня остается диким, как каннибал, но только еще опасней. Его живое динамическое «я», вместо того чтобы быть воспитано, оказалось попросту выдворено из него.

Мы говорим о воспитании, о доведении природного ума ребенка до полноты его развития. Но при этом доводим до полноты нечто прямо противоположное. Мы засоряем ему голову массой ненужных фактов и тем самым искажаем, удушаем, лишаем питания первичные центры его сознания. Очень скоро наступит тот далеко не прекрасный день, когда нас настигнет расплата за все, что мы сделали с нашими детьми.

Да, мы должны развивать ребенка и «доводить его до ума». Но это вовсе не означает, что целью развития и воспитания мы должны считать некое «умственное» знание. Тем более мы не должны делать из него некий порочный круг и водить по этому кругу несчастный ум ребенка, как корову

по ярмарке. Нам не следует путем воспитания добиваться понимания у ребенка. У большинства людей так называемое понимание — это не что иное, как ложь и порок. Я не хочу, чтобы мой ребенок обладал какими-то знаниями, а тем более пониманием. Я не хочу, чтоб мой ребенок знал. Если ему так хочется знать, сколько будет пятью пять, то пусть лучше он это не запоминает, а сосчитает на пальцах. Его маленький ум нужно оставить в покое, дабы бодрствовало его динамическое «я». Он еще много раз спросит «сколько», «как» да «почему». Однако по большей части он интересуется тем, почему солнце светит, или почему у дяди усы, или почему трава зеленая, а вовсе не чем-то рациональным. На большинство детских вопросов вы просто не сможете ответить, да, собственно, и не должны. Это даже не вопросы в полном смысле слова. Это скорее возгласы удивления или скептические замечания. Ребенок спрашивает:

— А почему трава зеленая?

На самом же деле он имеет в виду нечто другое: «Она действительно зеленая — или это мне просто кажется?» А мы, напустив на себя важный вид, начинаем нести какую-то чушь о хлорофилле и тому подобных заумных вещах. Какие же мы идиоты!

Целостное развитие ребенка исходит из больших динамических центров, оно неинтеллектуальное по определению. Искусственно стимулировать умственную деятельность — значит стопорить динамическую деятельность и сводить на нет истинное, динамическое развитие ребенка. К двадцати одному году[60] наше юношество представляет собой скопище

беспомощных, эгоистичных существ, барахтающихся в пустоте своей «умственности». У них впереди нет ничего хорошего, ибо в течение всей жизни их систематически лишали естественного корневого психического питания, а кормили, если можно так выразиться, «через мозги». Все свое возбуждение, всю свою сексуальность, как и многое другое, они получали через одни лишь мозги, а как дошло до настоящего дела — полное фиаско. В своем юном возрасте они оказались *blasé*[61]. Аффективные центры у них истощены напряженной работой мозга.

До четырнадцати лет детей нужно учить лишь двигаться, действовать, делать. Но даже этому их следует учить по возможности меньше. Взрослые попросту не знают и не могут знать, в чем состоит развитие детского ума. Взрослые всегда им мешают. Они всегда навязывают им свое взрослое, умственное развитие. Вот почему необходимо оберегать детей от того, чтобы их обучали взрослые.

Заставить ребенка поработать — это другое дело. Пусть он работает совсем немного, это неважно. Главное — показать ему, как даже эту маленькую работу можно сделать красиво и с толком. Ненавязчиво направляйте его, подсказывайте ему, как даже эту пустяковую работу выполнить с таким совершенством, какого позволяет ему достигнуть его природа. Пусть он чувствует и шлифует каждое свое движение и гордится им.

60 *Двадцать один год* — возраст совершеннолетия в Англии.

61 *Blasé* (*фр.*) — пресыщенный человек, скептик.

Всегда давайте ему понять, что он не может и не должен посягать на чужую собственность или чужое терпение. Учите его песенкам, рассказывайте сказки. Но *никогда* не втолковывайте ему школьной премудрости. И пусть он как можно больше будет предоставлен самому себе. Прогоняйте его от себя, отправляйте к другим детям. Пусть учится на собственных ошибках, как избегать ошибок, и на собственных опасностях, как избегать опасностей. Вообще старайтесь забыть о нем, насколько это возможно.

Весь этот, нелегкий, напряженный, родительский труд нельзя перекладывать на чужие плечи. Только родители сумеют умом забыть, а своим динамическим «я» никогда не покидать и не забывать своих детей.

Трудно ожидать от родителей, что они поймут, зачем нужно закрывать начальные школы и почему на них, родителей, следует возложить ответственность за воспитание своих детей на протяжении первых десяти лет их жизни. Если не все родители могут понять, скажем, теорию относительности, то уж тем более редко кто из них сумеет постичь закономерности развития динамического сознания. Да и к чему им это понимать? Понимать — дело немногих, дело же масс — верить этим немногим и ни о чем не заботиться, чтобы с честью и достоинством исполнять свой человеческий долг. Вверив вождям свое активное послушание, они могут сохранить в своих душах присущую им от природы гордость.

Некоторым родителям трудно будет понять, почему их ребенку нельзя давать «умственного» воспитания. А другим достаточно будет и намека, чтобы уразуметь, в чем именно

должно состоять развитие сознания их чада на протяжении первых четырнадцати лет жизни. Найдутся и такие, у кого хватит воображения представить себе, что может чувствовать ребенок, глядящий на лошадь, и кто знает, как отвечать на вопрос: «Почему трава зеленая?» Кстати, запомните — отвечать нужно так: «Потому что зеленая».

Взаимодействие четырех динамических центров не определяется каким-либо умопостигаемым законом. Умственная же деятельность совершается согласно закону корреляции[62]. Но внутри динамического сознания не существует никакой логической или рациональной корреляции. Оно пульсирует вне всякого согласования и не терпит никакой согласованности. Собственно, из этой несогласованности динамического сознания и происходит индивидуальность. Динамические абстракции детского восприятия не следуют никаким рациональным законам или хотя бы таким законам, которые подлежат познанию разумом. Вот почему так вредно заставлять ребенка делать глиняную карту рельефа местности, где он живет, или просить его «сделать выводы» из каких-либо наблюдений. Динамическое сознание ребенка выводов не делает. Динамически все и всегда возможно. «Сделанный вывод» — это смертный приговор индивидуальности юного развивающегося существа. Ради бога, пусть ребенок лепит

62 *Корреляция* (*от позднелат.* «correlatio» — «соотношение») — вероятностная или статистическая зависимость В отличие от функциональной зависимости, корреляция возникает тогда, когда зависимость одного из признаков от другого осложняется наличием ряда случайных факторов.

глиняные равнины и холмы или рисует их, если ему это нравится,— но исходя лишь из собственной своей фантазии, и, уж конечно, без всяких выводов. И делать это он должен с полной самоотдачей, добросовестно, с увлечением. А вы поощряйте его вопросами:

— Ну и где же здесь у тебя фабричные трубы?

Или слегка поддразнивайте его:

— И вот эту размазню ты называешь церковью?

Если он проявит живое внимание к деталям, то рисунок у него получится более или менее похожим на оригинал. То есть душа у него должна быть внимательной, ничего более.

В таком активном обучении ребенок развивается первые десять лет. Мы не должны бояться обнажать перед детьми свои истинные взрослые чувства и проявлять свои естественные взрослые реакции. Но только не нужно выжимать из ребенка сочувствие, сострадание и жалость. Не нужно навязывать ему ложных понятий добра и зла. На их месте должно быть спонтанное приятие или неприятие. И уж совсем не годятся изречения вроде такого:

— Мальчик мой, ты еще не все понимаешь. Вот когда вырастешь большой...

Ему и незачем понимать. Своей детской мудростью он далеко превосходит родителей.

Но самое последнее дело — вести с ребенком разговоры о сексе или посвящать его во взрослые взаимоотношения подобного рода. Ребенок обладает стабильным сексуальным сознанием, и на вопросах секса никогда не «зацикливается».

Он может чуть ли не инстинктивно написать на заборе «нецензурное» слово, но это не вполне осознанное действие. Он действует при этом как во сне, то есть неосознанно и естественно. Любопытное, смутное, непристойное сексуальное сознание ребенка тоже вполне естественно и никому не приносит вреда. Взрослым следует как можно меньше обращать на это внимание. А что если ребенок ненароком увидит спаривающихся петуха и курицу или совокупляющихся собак? Ничего страшного в этом нет. Он должен это видеть. Но только без ваших ханжеских комментариев. Не нужно ничего искусственно скрывать от него. Если ребенок случайно увидит голым одного из родителей в ванной, не беда. Чрезмерная скрытность гораздо хуже. Но так же плохо нескромно выставлять себя напоказ. Однако хуже всего заталкивать все эти смутные динамические впечатления в область рационального сознания.

Недопустимо обсуждать с ребенком поведение взрослых. Пусть взрослые оставят при себе свои взрослые чувства и отношения или, по крайней мере, обсуждают их с ровесниками. Однако ничего страшного, если ребенок станет случайным свидетелем ссоры между родителями. Ему необходимо иногда видеть бури. Динамическое понимание ребенка гораздо глубже и проницательнее, чем наше рациональное объяснение. Но никогда не вовлекайте ребенка в свои взрослые ссоры. И не принимайте его сочувствий по этому поводу. Всегда подчеркивайте, что это не его дело и что он не должен был ничего слышать, даже если он при этом присутствовал и не мог не слышать. И действительно, не его это

ума дело,— я подчеркиваю, ума. А динамическая душа ребенка все сама может взвесить и во всем сама разобраться, если только при этом не будет никакого вмешательства взрослых, никаких взрослых комментариев, никакого взрослого требования сочувствия. Ничего, кроме презрения, не вызовет у ребенка тот из родителей, кто ищет его сочувствия в ссоре с супругом. Тот, кто принимает сочувствие, всегда более виноват, чем его противник по ссоре.

Конечно, в наши дни многие дети чуть ли не с самого рождения настолько «интеллектуальны» и их настолько интересуют дела родителей, что тем не остается никакого другого выхода, как все им выкладывать без обиняков. А еще лучше в столь же бесцеремонной форме заявить своему слишком любопытному отпрыску:

— А ну-ка, убирайся отсюда, ты и так слишком много знаешь. Господи, как я от тебя устал!

Но вернемся к вопросам сексуальности. Ребенок рождается, относясь к мужскому или женскому полу, и вся его душа, вся его психика является, соответственно, мужской или женской. Каждая живая клеточка организма является мужской или женской и остается таковой в течение всей жизни индивида. Иначе говоря, каждая живая клеточка в мальчике — мужская, и каждая живая клеточка в девочке — женская. Говорить о существовании какого-то третьего пола или неопределенного пола — глупо и наивно.

С биологической точки зрения, можно утверждать, что в каждого индивида заложены рудиментарные формации обоих полов. Но это вовсе не означает, что каждый индивид

является в какой-то мере двуполым или что он может себя отнести к тому либо иному полу *ad libitum*[63]. Идеализм так долго господствовал над нашими умами, что мужчины стали безнадежно зависящими от своего рационального сознания. То есть наши большие аффективные центры больше не действуют спонтанно, а всегда подчиняются контролю головы. От этого и сумятица в нашей душе, от этого бедный «сознательный» индивид не может не жеманничать и не кокетничать, подобно женщине. Идеальное сознание научило мужчин быть по-женски сентиментальными, слишком чувствительными и уступчивыми, в том числе и в любви. Более того, многим юношам кажется, что в эмоциональном отношении они больше похожи на девушек, и на этом основании делают вывод о своей двуполости. Глубокое заблуждение!

На поверку оказывается, что эти «женственные» мужчины вполне «мужественны». Почему же, в таком случае, они ощущают себя женщинами и даже стараются выглядеть по-женски? Ответ в какой-то мере касается направленности поляризованного потока. Наши идеалы научили нас быть такими любящими, такими уступчивыми, такими томными и тоскующими по любви, что этот тип поведения для многих мужчин стал чуть ли не автоматическим. Но для типа поведения, который мы назвали бы «естественным», характерно то, что мужчина свой позитивный полюс обретает в волевых центрах, а женщина — в симпатических. Следование идеалам

63 *Ad libitum* (*лат.*) — по желанию, по своему усмотрению, по выбору.

христианской любви изменило и мужчин и женщин. Мужчина усвоил себе роль мягкого, любящего существа, а женщина, напротив, стала играть активную роль, стараясь прибрать всю власть к своим рукам. Мужская натура стала чувствительной и симпатической в своей основе, а женская — активной, деятельной и властной. Поэтому мужчина в человеческих взаимоотношениях все чаще выступает в качестве пассивного, воспринимающего полюса притяжения, а женщина — в качестве активного, позитивного полюса напряжения. А это является искажением их изначальной природы. Инициатива принадлежит теперь женщине, мужчина лишь на нее отвечает. Они как бы поменялись ролями. Но мужчина, даже играя роль женщины, каждой своей клеточкой остается мужчиной, а женщина, какой бы мужеподобной она ни казалась, каждой своей клеточкой остается женщиной. Пропасть между Гелиогабалом[64], самым женственным мужчиной на земле, и самой мужеподобной женщиной все равно остается прежней — все той же древней пропастью между мужским и женским полами. Мужчина всегда мужествен, а женщина всегда женственна. И поменялись ролями они на время, как это уже случалось и в прошлые времена. Динамический поток нынче поменял направление.

Присмотревшись повнимательнее, мы можем точнее разобраться в этих вопросах позитивности-негативности. Фактически позитивность-негативность и, соответственно, активность-пассивность распространяются в обоих направлениях. Если мужчина как мыслитель и «делатель» позитивен (то есть активен), то женщина негативна. С другой сто-

роны, если женщина как инициатор чувств и симпатического понимания позитивна (то есть активна), то мужчина негативен. Мужчина может быть инициатором действий, а женщина инициатором эмоций. Мужская инициативность простирается до пределов волевой деятельности, женская — до пределов симпатической. В любви женщине естественно любить, мужчине — быть любимым. В любви женщина позитивна, мужчина негативен. В любви женщина просит, мужчина отвечает на ее просьбу. В жизни же все наоборот.

64 *Гелиогабал, или Элагабал* (204—222) — римский император, правивший в 218—222 гг. Настоящее имя — Варий Авит, императорское имя — Цезарь Марк Аврелий Антонии Август. Родившись в Сирии и получив изнеженное воспитание в Риме (в доме своей бабушки Юлии Месы, сестры жены императора Септимия Севера), в 217 г. вернулся в Сирию, где стал жрецом сирийского бога солнца Элах-Габала (эллинизированное наименование — Гелиогабал, от греч. «гелиос» — солнце): отсюда имя, под которым юный император вошел в историю, и разночтения этого имени. Воспользовавшись смутой в Риме после убийства императора Каракаллы, которому Элагабал приходился родственником, Юлия Меса разыграла сложную политическую интригу, в результате которой находившиеся в Сирии римские легионы провозгласили, а римский сенат признал 14-летнего Элагабала императором. Он прибыл в Рим со священным черным камнем-аэролитом, олицетворявшим бога Элах-Габала, которому он воздвиг храм иа одном из семи холмов Рима, Палатине, намереваясь провозгласить его высшим божеством Римской империи. Фактически отдав бабушке все бразды правления государством, Элагабал открыто предался своему главному занятию — гомосексуальиым оргиям, которые он проводил открыто и чуть ли не религиозно, видимо, свою двуполость интерпретируя как божественность. Это вызвало недовольство преторианской гвардии. Правление Элагабала продолжалось около четырех лет. В результате очередной политической интриги 18-летний император был убит преторианцами.

В знании и «делании» мужчина позитивен, а женщина негативна: мужчина — инициатор, женщина живет по инерции.

Но этот естественно установившийся порядок так же естественно может быть и нарушен. Действие и высказывание, являющиеся прерогативой мужчины, полярно противопоставлены чувству, а эмоции, являющиеся прерогативой женщины, противопоставлены действию. Что тут положительно, а что отрицательно? Был ли мужчина, вечный протагонист, рожден от женщины, от ее утробы бездонного чувства? Или женщина, эта утроба бездонного чувства, была рождена из ребра деятельного мужчины, сотворенного первым? Мужчина, делатель, деятель и мыслитель, инициатор бытия,— является ли он господином жизни? Или женщина, эта великая Мать, родившая нас из утробы любви, и есть верховная Богиня?

Этот вопрос будет актуальным до скончания века. И пока существуют мужчина и женщина, ответ на него периодически будет меняться: сегодня он будет один, а завтра другой и так далее. Поскольку высказывание считается прерогативой мужчины, то он всегда заявляет, что Ева была сотворена из его лишнего ребра, то есть из области его творческого, высшего динамического сознания. Но всякий раз, когда женщине удается вставить слово, она указывает на то, что каждый мужчина, кем бы он ни был, рожден своей матерью. Извечный спор на вечную тему!

Однако некоторые мужчины всегда соглашаются с женщинами, всегда уступают им творческую позитивность. А бывают периоды, один из которых мы ныне и пережива-

ем, когда мужчины не уставая твердят о женщине как о великом источнике жизни и начале творения, женщине-матери, родоначальнице бытия.

И тогда полюса как бы вновь меняются местами, хотя мужчина по-прежнему остается и делателем и мыслителем. Но существует он единственно ради женщины, чувственной и дарующей жизнь. Отныне кульминацией его бытия является тот сладостный миг, когда он полностью отдает себя женщине, когда он дает самозабвенный ответ на ее огромную чувственную просьбу. Все его мысли и все его действия в этом мире служат лишь подготовкой к этому великому мгновению, мгновению, когда он растворяется в чувственной страсти женщины, словно заново появившись на свет. Обретя самовыражение в чувственной страсти женщины, мужчина и в самом деле становится «снова рожденным»[65], как это удачно сказал Уитмен.

И в этом главная суть мужского начала. Жизнь, мысль и деятельность — все это на самом деле устремлено к великому завершению в Женщине, жене и матери.

Мужчина ныне вступил в свою негативную стадию. Ныне он обретает самовыражение в чувстве, а не в действии. Ныне вся его деятельность — «домашнего» порядка, а все его мысли сводятся к доказательству одного: ничто не имеет значения, кроме того, чтобы это «новое рождение» повторялось бесконечное число раз и чтобы женщина покрепче угнездилась в дупле Древа жизни, как птица, несущая яйца в высоте его кроны. Мужчина готов на все ради женщины и рождается в ней снова и снова.

Подобное бытие мужчины определяет полное изменение направленности его натуры. Прежде напористый и непоколебимый, он стал нерешительным и ранимым. В нем появилось столько же чувства, как в женщине, а может быть, даже больше. Весь его героизм переместился в область стоического терпения. Он культивирует жалость, нежность и слабость — в том числе и к себе самому. Он во многом перенял на себя роль женщины. И в то же время женщина стала бесстрашной, внутренне твердой: ей не остается ничего другого, как взять на себя «позитивную» роль. Взять на себя ответственность. Рука, качающая колыбель, правит миром. Более того, женщина заставила мужчину сделать одно «открытие»: оказывается, колыбель можно и не качать, чтобы руки женщины всегда оставались свободны. Теперь она королева на всей земле, тиран и бесстрашный воин. Нежность и жа-

65 Слова из стихотворения великого американского поэта Уолта Уитмена (1819—1892) «О любовь, быстротечная, вечная» (1860):

О любовь, быстротечная, вечная! О женщина моей любви!
О невеста! Жена! Насколько беспомощней слов моих
моя беззащитная мысль о тебе!
Затем, разлученный, бесплотный или снова рожденный,
Эфемерный, о надежда моя, моя последняя
атлетическая возможность,
Я с тобой восхожу, я плыву в пространствах твоей любви, о ты,
С кем я делю мою бродячую жизнь.

(Пер. *В. Куприянова*)

Вообще, мотив любви как «второго рождения» смело можно назвать лейтмотивом поэзии Уитмена: почти буквальное повторение этой фразы можно найти и в других, более поздних его стихотворениях.

лость по-прежнему начертаны на ее знаменах — но Боже избави нас от этой жалости. Эта беспощадная жалость рвет нас на клочья.

Таким образом, мы видим, что прежние полюса полностью поменялись местами. Мужчина взял на себя эмоциональную роль, женщина — деятельную и позитивную. В мужчине стали проявляться признаки сильного и странно пассивного сексуального желания, желания быть взятым, которое до сих пор считалось чисто женской особенностью. У мужчины все больше проявляются чувства женщины — или, точнее, те чувства, которые он приписывал женщине. Он стал таким женственным, какой женщина на самом деле никогда не была, и стал поклоняться своей же собственной женственности, называя ее вечной и высшей. Одним словом, он стал обнаруживать все признаки двуполости. Он вообразил, что он полуженщина. А женщина рядом с ним, разумеется, кажется слишком мужественной. Ложь о гермафродите рождается вновь.

Впрочем, ложь — это все вместе взятое. Мужчина в личине напускной женственности все равно полностью остается мужчиной. А женщина, произнося речи в парламенте или патрулируя улицы с каской на голове, все равно полностью остается женщиной. Они лишь играют роли друг друга, и им кажется, что качается стрелка компаса между полюсами. Но это вовсе не так: просто сам компас перевернулся на сто восемьдесят градусов. От этого северный полюс не стал южным или оба — полусеверными, полуюжными.

Разумеется, женщина должна твердо придерживаться свойственной ей естественной эмоциональной позитивности. Но тогда и мужчина должен твердо придерживаться своей собственной позитивности бытия, и действия его должны быть не «домашними», а мужскими, не посвященными целиком и полностью благу женщины. Он должен сохранять свое состояние искренней, страстной позитивности бескорыстного бытия, исполнять свой высший долг — долг воплощения своих собственных глубочайших импульсов, в чем он должен давать отчет одному лишь Богу или своей собственной душе, вовсе не беря в расчет женщину. Это его первичный, изначальный долг перед своей же собственной глубинной душой. И когда он раскинет свой стан — стан своей подлинной, а не фальшивой божественности,— туда войдет женщина, поднимет дирижерскую палочку, и в исполнении бравого джаз-банда[66] дружно грянет музыка прежде расстроенных чувств.

Мужчина останется мужчиной, сколько ни напяливай он на себя нижних юбок томности и нежности, сколько ни украшай он себя жемчугами чувствительности. Ваш большеглазый, чувствительный мальчик, гораздо более нежный

[66] *Джаз-банд* — небольшой джазовый оркестр, исполнявший музыку в то время нового и модного направления — джаза (джаз возник на рубеже XIX и XX вв. в США, в Новом Орлеане, на основе синтеза европейской и африканской музыкальных культур). Джаз-банды, игравшие музыку в стиле «рэгтайм» (синкопированный танцевальный ритм), в период после Первой мировой войны стали одной из типичных примет мирной и «сладкой» жизни, современной чувственности (ср. описание танцующих под джаз в 17-й главе романа Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей»).

и любящий, нежели его черствая сестра, все равно остается мужчиной, уверяю вас. Хотя, может быть, мужчиной «испорченным», так что мать с ним хлебнет еще лиха, а жена — уж тем более.

Разумеется, самое важное — это гармония полов. Мужчина должен следовать импульсам своей души, должен всего себя отдавать делу своей жизни, порой рискуя ради него и самой жизнью, а женщина не должна претендовать на то, чтобы быть высшей целью мужчины.

Следуя религиозным импульсам своей души, мужчина в своей жизненной деятельности возносится ввысь, выше женщины. В этой своей высшей жизненной деятельности он подотчетен одному только Богу. Он не должен останавливаться, не должен думать о том, что ему есть что терять: жизнь, жену, детей. Он должен нести вперед свое знамя, не думая о том, что он может потерять весь мир и еще шесть миров, со всеми женами, матерями и детьми в придачу. Отсюда Иисусово: «*Что Мне и Тебе, женщина?*» Каждый мужчина должен иметь мужество сказать это своей жене или

[67] *Иммануил Кант* (1724—1804) — великий немецкий философ, отличавшийся поразительной работоспособностью и полным отсутствием личной жизни (по идейным соображениям).

[68] *Наполеон Бонапарт* (1769—1821) — первый консул Французской Республики (1799—1804) и император Франции (1804—1814 и 1815); в 1810 г. развелся со своей первой женой Жозефиной ради династического брака с австрийской принцессой Марией Луизой, принадлежавшей к влиятельнейшему в Европе королевскому роду Габсбургов.

матери, коль скоро его ожидает работа или миссия, исходящая из его души.

Но, опять-таки, мужчина не настолько глуп, чтобы свершать свои подвиги по двадцать четыре часа в сутки. Иисус, Наполеон или любой другой великий мужчина — все они обязаны приходить домой к вечернему чаю и, переобувшись в домашние тапочки, сидеть за столом и глядеть, как зачарованные, на собственных жен. Ибо у женщины есть свой собственный мир, своя позитивность: мир любви, нежности и других глубоких и нежных чувств.

И каждому мужчине приличествует по временам надевать домашние туфли, расслабляться и полностью отдаваться своей женщине и ее миру. Нет, не предавать ради нее своей высшей цели. Но отдавать самого себя — всего лишь на время — своей женщине, своей верной подруге.

Вот откуда то недоумение, которое вызывает у нас Кант[67], всю жизнь бесконечно разглагольствовавший и неутомимо писавший, словно машина, и мещански-расчетливый Наполеон[68], который развелся со своей Жозефиной, чтоб породниться с Габсбургами,— или даже Иисус со Своим: «Что Мне и Тебе, женщина?» Он обязан был бы добавить: «...сейчас, в это время суток». Все они — в той или иной мере — были неудачниками.

Глава IX

РОЖДЕНИЕ СЕКСА

Предыдущая глава формально была отклонением от моей главной темы. Теперь мы снова возвращаемся к ней. Надеюсь, мои рассуждения показались вам убедительными, а моя логика — неопровержимой. Хотя, конечно, все относительно.

Итак, ребенок рождается, изначально относясь к мужскому или женскому полу, и всегда остается однополым. Невозможно поменяться полами — можно только поменяться ролями. Даже в роли женщины мужчина все равно остается мужчиной.

Пол, то есть мужественность или женственность, присутствует во всех поступках ребенка — мальчика или девочки — с самого момента рождения. Но признаков пола в смысле динамических половых отношений в ребенке еще нет и до периода полового созревания быть не может. Хотя, конечно, он обладает определенной формой полового сознания и до этого. Маленькие мальчики и девочки могут допускать в общении друг с другом достаточно «неприличные» вещи. И все же в этом нет еще никакой витальности. Эта половая деятельность пока еще призрачная, нечто вроде одной из разновидностей сновидений. Глубокого следа в душе она не оставляет.

Тем не менее мальчиков и девочек нужно держать подальше друг от друга, и так долго, как только возможно, чтобы они могли почувствовать некое уважение и даже не-

кий страх перед той естественной пропастью, которая их разделяет, перед той великой непохожестью, которую в конце концов каждый из них должен будет вверить другому. Мы ошибаемся, когда говорим или думаем, что между полами нет никакого различия. Они различны буквально во всем. Каждая клеточка в мальчике — мужская, а в девочке — женская, и такими они останутся навсегда. Никогда женщины не узнают и не почувствуют того, что знают и чувствуют мужчины. Точно так же мужчины никогда не узнают и не почувствуют того, что — динамически — знают и чувствуют женщины. Мужчина, даже если он действует в пассивной, или женственной, полярности, все равно остается мужчиной и не может испытать ни одного немужского чувства. А пишущие или ораторствующие женщины не используют ни единого слова, которому не научились бы у мужчин. Мужчины учатся чувствам у женщин, женщины учатся рациональному сознанию у мужчин. И так будет всегда. Соответственно, женщины всегда будут жить чувством, а мужчины — врожденным сознанием цели. Чувство — самоцель и правда для женщины, но для мужчины оно таковым не является. Стремясь стать чувственным «эпикурейцем», мужчина на самом деле становится мучеником во имя чувства, какими были, скажем, Мопассан[69] или Оскар Уайльд[70]. Женщина никогда не поймет во всей полноте целеустремленности мужчины, его более глубокого духа. А мужчине вовек не понять святости чувства для женщины. Играя друг с другом в мужские и женские игры и принимая правила другой

стороны, мужчина и женщина тем не менее всегда будут незримо отдалены друг от друга.

И самость и стать — все различно в мужчине и женщине. Потому-то и следует держать мальчиков и девочек подальше друг от друга, что сами по себе они чисты и непорочны. Но, тесно общаясь друг с другом, привыкнув друг к дру-

[69] *Ги де Мопассан* (1850—1893) — французский писатель. Новаторски преобразовал жанр короткого рассказа, поставив в центр читательского интереса и новеллистической «неожиданности» психологические состояния персонажей. Написал 260 рассказов и 6 романов, центральная тема которых — любовь, изображенная, по меркам XIX в., до скандальности откровенно. При этом эстетическая и этическая позиция Мопассана (не только художническая, но и человеческая) состояла в том, что тема физической, страстной любви безбрежна и бесконечна и что познание ее ничем не может быть ограничено. Умер от венерического — и связанного с ним психического — заболевания.

[70] *Уайльд Оскар* (1854—1900) — английский писатель. Его эстетская, «эпикурейская» позиция (как и у Мопассана, не только художническая, но и человеческая) была откровенным вызовом ханжеству нравов поздневикторианской Британии. Новую этику и эстетику поведения Уайльд утверждал в своих пьесах, сказках, стихотворениях, а также в своем единственном романе «Портрет Дориана Грея» (1890). Уайльд вполне заслужил право называться «мучеником во имя чувства» — даже чисто в формальном смысле,— ибо в 1895 г. Он был приговорен, по иску маркиза Квинзберри о совращении его сына, лорда Альфреда Дугласа, к двум годам исправительных работ за гомосексуализм. Тюрьма подорвала его здоровье, и он скончался в возрасте 46 лет. Уайльд также первым в мировой литературе оставил и свидетельства подобного мученичества — поэму «Баллада Редингской тюрьмы» (1897) и написанное в тюрьме письмо-«исповедь», обращенное к Альфреду Дугласу и опубликованное посмертно, в 1905 г., под названием «De Profundis» («Из бездны» — латинское начало покаянной молитвы католиков). На смертном одре Уайльд принял покаяние и присоединился к лону Католической церкви.

гу и «подружившись», они теряют свою собственную, изначально мужскую или женскую, целостность. А вместе с нею теряют и свое будущее сокровище — витальную половую полярность, динамический источник жизни. Ибо динамизм покоится на различиях.

Ведь секс — это результат витальной полярности. И эта полярность, как мы знаем, вступает в действие с момента наступления половой зрелости.

А что же до этого?

Как мы знаем, жизнь ребенка определяется большим полем динамического сознания, которое создается четырьмя полюсами динамической души: двумя симпатическими и двумя волевыми. Солнечное сплетение и поясничный ганглий,— большие нервные центры ниже диафрагмы, являющиеся динамическим истоком человеческого сознания,— сразу же после своего возникновения вступают во взаимодействие, основанное на витальной полярности, с двумя другими нервными центрами — грудным сплетением и спинным ганглием, расположенным выше диафрагмы. Эти четыре полюса выступают в роли центров динамического сознания индивида и его динамических творческих взаимоотношений с другими индивидами. Эти четыре полюса составляют первое поле динамического сознания ребенка в начальные 12—14 лет его жизни.

А затем происходит изменение. Происходит оно постепенно, медленно и неотвратимо, но бесконтрольно. Живая душа раскрывается и готовится к новой великой метаморфозе.

То, что происходит с «биологической» душой, являет собой пробуждение к жизни более глубоких центров и функций сознания. В глубинах нижнего тела все это время действовал, в режиме полусонного автоматизма, большой симпатический поджелудочный центр, сбалансированный соответственным ему волевым центром — крестцовым ганглием. К двенадцати годам жизни ребенка эти два центра начинают медленно пробуждаться, и это приводит в конечном счете к изменению всего характера жизни индивида.

По мере того как эти два центра — симпатический центр в глубинах брюшной полости и волевой центр крестца — постепенно пробуждаются к жизни, к сознательной деятельности, в верхнем теле просыпаются соответственные им полюса — шейное сплетение и шейный ганглий. Возникает второе поле динамического сознания, которое распространит свое влияние гораздо шире первого. И с нами начинают происходить удивительные вещи. Прежде всего, в нас обнаруживает свое странное, волнующее присутствие секс. Таким образом дает знать о своем пробуждении наше нижнее тело. В верхнем теле у женщины начинает развиваться грудь, меняется форма шеи. А у мужчины ломается голос и начинают расти борода и усы. Эти вторичные физиологические изменения являются результатом начала самостоятельной деятельности поджелудочного сплетения и крестцового ганглия в нижнем теле и шейных нервных узлов в верхнем.

Нам трудно сказать, для чего развивается волосяной покров на теле в области нижнего и верхнего симпатических центров. Возможно, для защиты. Возможно — чтобы убе-

речь эти мощные, но сверхчувствительные центры от температурных воздействий, могущих вызвать их раздражение. Возможно, в целях защитного предостережения — так действует укол бороды, если ее коснуться. А может быть, это нечто вроде «экрана», ограждающего от нежелательных динамических вибраций, но принимающего желательные. Подобную функцию, возможно, осуществляют даже волосы на голове — функцию сверхчувствительного передатчика физических и биологических токов, направленных в мозг и исходящих из мозга. Или, быть может, они играют роль некоего «глашатая», возвещающего о сигналах, поступающих из центров интенсивной витальной нагрузки, то есть играют роль «гривы жизни», утверждающей саму жизнь. Хотя, скорее всего,— одновременно и ту и другую роль.

Так или иначе, но, с момента вспышки четырех новых полюсов динамического сознания и бытия, в подростке происходят кардинальные изменения: все черты растущего организма начинают приобретать индивидуальные особенности, вытягиваются округлые детские конечности, все тело приобретает более определенную форму и как бы высвобождается. Коренным образом изменяется и само бытие. Ребенок до и ребенок после полового созревания — это как будто два разных человека. Настолько поразительно и непостижимо это второе рождение, это появление нового существа из морских вод детства, что нас охватывает трепет и страх.

Отныне в жизни подростка начинается новый мир, новое небо, новая земля. Отныне формируются новые взаимоотношения, а старые теряют свое значение. Отныне мать и отец

неизбежно отступают в тень перед учительницами и учителями, а братья и сестры — перед друзьями. Это период *schwärmerei*[71], юных восторгов и увлечений, первой настоящей дружбы. До полового созревания у ребенка есть лишь товарищи по играм. После полового созревания у него появляются друзья и враги.

Целый новый мир эмоциональных взаимоотношений! Старые же связи ослабевают, старая любовь отступает, Ослабляются связи с отцом и матерью, хотя эти связи не будут разорваны никогда. Любовь к своей семье тускнеет, хоть и она тоже не умрет никогда.

Это пора инородного и чужого. Инородное может отныне беспрепятственно входить в душу — она вся распахнута навстречу ему.

Это также и пора формирования подлинной индивидуальности, первая пора настоящей, ответственной самостоятельности. Спору нет, малое дитя тоже знает, что такое бездна покинутости. Но это трудно сравнить с той страшной тоской, которая овладевает порою подростком, когда он вырос и достиг состояния своей «отдельности», обособленности от других, подлинной индивидуальности.

Все это вновь для него. Он испытывает муку, но и блаженство тоже. Это катастрофа, но это и новый мир. Возможно, это самая серьезная пора в его жизни. Однако даже в эту пору мы все еще полностью за себя не отвечаем.

[71] *Schwärmerei* (*нем.*) — увлечение, мечтание, восторг, энтузиазм.

Отныне наступает половая зрелость подростка, и секс в его жизни играет все более заметную роль. До полового созревания секс мало проявляет себя, он находится в стадии зарождения и становления. Но после полового созревания секс превращается в важнейший жизненный фактор.

И все-таки, что такое секс? На этот вопрос мы едва ли когда-нибудь сможем ответить с полной уверенностью. Однако знаем мы о нем достаточно много. Знаем, что это динамическое напряжение между человеческими существами, своего рода электрический ток, протекающий между ними. В этом отношении психоанализ прав. Невозможны никакие взаимоотношения между двумя взрослыми индивидами, которые не имели бы вида динамического поляризованного потока — потока жизненной силы, магнетизма или электричества (называйте это как вам угодно). Но обязательно ли этот динамический поток имеет отношение к половым проявлениям?

Этот вопрос является спорным даже для самих психоаналитиков. Но давайте посмотрим на секс в его «чистом» проявлении. Сексуальные отношения между мужчиной и женщиной завершаются кульминационным актом соития. Хорошо, а что же такое акт соития? Мы знаем, что его функциональная цель состоит в воспроизведении себе подобных. Однако и наш собственный опыт, и наше искусство, и наша литература, и наша поэзия говорят нам о том, что для каждого отдельно взятого мужчины и каждой отдельно взятой женщины, вступающих в сексуальные отношения, функция продолжения рода — всего лишь побочная. Для каждого инди-

вида акт соития — это огромное душевное переживание, это событие колоссального значения, это жизненно важный опыт, от которого зависит само существование индивида.

В чем же состоит этот опыт? Это трудно облечь в слова. Важнее то, что мы чувствуем, и опыт чувства — здесь самое главное. В акте соития кровь мужчины несет в себе колоссальный заряд витального электричества (не подобрав другого слова, мы вынуждены, по аналогии, говорить «электричество»), и этот заряд доходит до предельной точки, а затем происходит мощный разряд в кровь женщины. Кровяные потоки двух индивидов как единое целое формирует поле интенсивно поляризованного магнитного напряжения. В акте соития два отдельных потока крови, катя свои волны навстречу друг к другу, в лихорадочных поисках друг друга, наконец накатываются друг на друга и сливаются в единый океан. Происходит бурный всплеск взаимообмена, яркая вспышка электричества, молния между двумя тучами, накатившимися друг на друга. Вспышка молнии пронизывает кровь мужчины и женщины, раскаты грома сотрясают тела обоих, и еще долго слышны его отзвуки, постепенно затихая, пока полностью не спадет напряжение.

И вот двое снова отделены друг от друга. Но остались ли они прежними? Разве воздух после грозы тот же самый, что был до нее? Нет, он полностью обновился, он свеж и напоен новизной. Так же, как и кровь мужчины и женщины после соития. После порочного же соития — например с проституткой в публичном доме — нет этого ощущения новизны, вместо него есть ощущение разложения и распада.

В результате полового акта химический состав крови изменяется, так что человеку требуется сон, передышка, необходимые для химической и биологической перестройки всей жизнедеятельной системы организма.

Итак, кровь возлюбленных освежилась и обновилась, как атмосфера после грозы. И эта обновленная, животворная кровь волнами накатывается на большие нервно-динамические центры, и, прежде всего, на поджелудочное сплетение и крестцовый ганглий. В этих центрах возникает новое бытие, из них поднимаются новые импульсы, поднимаются, как Афродита[72] из пены нового кровяного прибоя. Жизнь индивида продолжается.

Все же, видимо, мы осмелимся сформулировать, что же такое, в душевном бытии индивида, акт соития. Итак, это сближение и слияние положительно заряженной крови мужчины и отрицательно заряженной крови женщины, приводящее к мощной вспышке взаимообмена и изменяющее состав и качество слившейся крови, а вместе с этим и само качество бытия обоих.

Все это, несомненно, является сексом. Но состоит ли в этом весь секс? Вот в чем вопрос.

Да, кровь действительно обновляется после полового акта. Да, эта кровь, сияющая свежестью и переливающаяся новой жизненной силой, вызывает активные импульсы в больших аффективных центрах нижнего тела — импульсы

[72] *Афродита* — в древнегреческой мифологии богиня любви и красоты; родилась из крови оскопленного Кроносом Урана, пролившейся в море и образовавшей пену.

новых чувств и новой энергии. Ну а дальше, что происходит дальше?

А дальше — больше. Эти новые импульсы достигают больших верхних центров динамического тела. Вся индивидуальная полярность, вся жизненная система индивида теперь изменяется. Верхние центры — грудное и шейное сплетения, грудной и шейный ганглии — приобретают положительный заряд. И этим верхним, положительно заряженным центрам теперь предстоит исполнять роль положительного полюса, в то время как солнечному и поджелудочному сплетениям, поясничному и крестцовому ганглиям — роль отрицательного.

Ну и что из этого следует? — спросите вы. Что следует из того, что верхние центры наконец активны и позитивны? О, здесь начинается совсем другая история! История о том, как глаза обретают новое зрение, уши — новый слух, горло — новый голос, а губы — новую речь. Из груди вздымается новая песнь, в мозгу шевелятся новые мысли, и в сердце рождается жажда новых свершений. Новой совместной деятельности. То есть жажда новой поляризованной связи с другими существами, другими людьми.

Эта жажда новой поляризованной связи с другими, жажда нового единства — является ли она сексуальной по своей природе, подобно изначальному вожделенному стремлению к женщине? Не вполне. Весь расклад полюсов здесь совершенно иной. Теперь положительные полюса — это полюс груди, полюс плеч, полюс горла, полюса деятельности и полного сознания. Мужчины, сами обновившись в акте соития,

жаждут обновить и весь мир. Возникает новое притяжение между мужчинами, заряженными одинаковой энергией, а сексуальное напряжение между мужчиной и женщиной спадает и отходит на второй план. Ночь сменяется днем, теперь не время думать о сексе, а время засучив рукава строить новый мир.

Эта новая полярность, новое притяжение между коллегами и сотоварищами по общему делу — является ли она сексуальной? Ведь это тоже живая циркуляция поляризованной страсти. Стало быть, это секс?

Разумеется, это не секс. Ибо каковы в данном случае полюса позитивной связи? Это верхние, деловые полюса. И каков динамический контакт? Это единство духа, взаимопонимание, единение в одном большом деле. Слияние нескольких индивидуальных страстей ради достижения одной большой цели. Да, это тоже кульминация и триумф мужской силы. Но секс ли это? Зная теперь, что такое секс, можем ли мы и это называть сексом? Ответ очевиден: не можем.

Итак, единение многих ради достижения одной большой цели не имеет отношения к сексу. Это движение в противоположном направлении. Заветное желание каждого мужчины — заниматься целенаправленной деятельностью ради достижения большой цели. Когда мужчина теряет этот глубокий смысл целенаправленной творческой деятельности, он теряет самого себя. Пытаясь компенсировать эту потерю реализацией себя в сексуальном отношении, он вступает на путь разочарований. Увы, когда мужчина превращает жен-

щину — или же ребенка и женщину — в главный смысл своей жизни, он не полностью реализует себя.

Мужчина должен иметь смелость исходить в своих действиях и поступках из своей собственной души, из своего собственного жизненного долга и быть творческим авангардом жизни. Но в то же время он должен иметь мужество всегда возвращаться домой, к своей женщине, в ответ на ее глубокий сексуальный призыв. Единственное, чего он никогда не должен делать,— это путать и смешивать эти два своих долга. Мужчина всегда был и будет первопроходцем в жизни, смелым искателем новых приключений, одиноко идущим своим собственным путем на призыв своей отчаянной, бесстрашной души. Женщина для него начинает существовать лишь в сумерках, у костра на привале, когда свет дня уже померк. Вечера и ночи принадлежат ей.

Психоаналитики, навязывая нам мысль о том, что полностью реализовать себя мы можем лишь в сексе, наносят нам непоправимый вред.

Нам нужно вырваться из их цепких лап и возвратиться в ряды единого человечества для осуществления некой великой цели. Цели, которая ничего общего не имеет с сексом. Секс всегда индивидуален. У каждого мужчины — свой собственный секс. В сексуальном плане он в одиночестве, и это не та великая цель, ради которой он с кем-то должен «сливаться», кроме партнерши. Поэтому превращение секса в общее дело — ложная и недостижимая цель. Объединить людей на основе общего интереса к сексу попросту невозможно.

Нам нужно возвратиться к великой цели человечества, к страстному единению в деятельном переустройстве мира. Только в этом случае возможно слияние многих. За такое слияние мы готовы поплатиться своей индивидуальностью. Такое слияние в сексе недостижимо: в сексе мы имеем дело с одним партнером, один на один. Это сугубо индивидуальное дело, где нет высших и низших. Но в слиянии ради одной и великой цели каждый индивид совершает обряд ритуального жертвоприношения своей индивидуальности. Ради служения собственной душе он подчиняет свою индивидуальность тому великому побуждению, которое выше его. Быть может, ему для этого придется пожертвовать именем, славой, удачей, жизнью — всем. Но если мужчина, ради целостности своей индивидуальной души, преисполняется веры в общее дело, он подчиняет свою собственную индивидуальность этой вере и становится частью общего дела в рядах единого человечества. Он идет на это сознательно и подчиняется общим интересам, не теряя достоинства, в полном согласии со страстным желанием своей души. Он подчиняется, понимая необходимость своего подчинения.

Но если кто-то сумеет его убедить, что реализоваться как личность он может в одном только сексе? Тогда служить общечеловеческой цели он станет лишь до тех пор, пока это будет приносить ему удовольствие. А потом отвернется от общего дела и предастся одному только сексу.

Секс как единственный высший мотив бытия неизбежно ввергнет наш мир в состояние отчаяния и анархии.

Великая, страстная коллективная вера, объединяющая сотоварищей и соратников, преданных своему лидеру или лидерам, в кого они верят и кому доверяют,— это не сексуальная страсть. Никоим образом и ни в малейшей степени. Секс объединяет двоих, но общество в целом раскалывает, если оно не объединено мужской страстью к осуществлению великой совместной цели.

Но когда сексуальная страсть подчинена великой совместной цели, великому общему делу — тогда обретается полнота. Хотя, с другой стороны, совместная цель может стать долговременным объединяющим фактором только в том случае, если она основана на удовлетворении каждым из составляющих общество индивидов своей личной сексуальной страсти. Никакая великая цель, никакой идеал или общественный принцип не сможет прожить и короткое время, если сексуальная страсть каждого из тех, кто составляет широкие массы, преданные этой цели, этому идеалу или принципу, не обретет своего полного воплощения.

Здесь следует соблюдать меру и в том, и в другом отношении. Признайте секс высшей, конечной целью — и получите коллапс активной жизнедеятельности мужчин, хаос и анархию. Утвердите социальную целеустремленность в качестве единственной и высшей цели — получите единообразную, унылую стерильность, каковой характеризуется наша нынешняя деловая, общественная и политическая жизнь. Ну а стерильность опять-таки неизбежно приводит к анархии. Таким образом, великая, целенаправленная жизнедеятельность общества должна строиться на фундаменте интен-

сивной сексуальной жизни всех составляющих его индивидов. Именно так тысячелетиями стоял Египет. Но не менее важно, чтобы воплощение сексуальной страсти каждого индивида было подчинено великой, целенаправленной жизнедеятельности всего общества, и равновесие между этими двумя великими побудительными силами, определяющими существование человечества, никогда не должно нарушаться.

Теперь, вновь возвращаясь к нашему младенцу, мы, быть может, чуть яснее увидим, в чем именно был не прав Фрейд, приписывая сексуальный мотив любой человеческой деятельности. Ведь в поведении младенца, как это вполне очевидно, нет еще никакой сексуальной мотивации. Его большие сексуальные центры еще не пробудились к жизни. Правда, в трехлетнем ребенке уже проявляются какие-то зачатки секса, способные отбрасывать причудливые тени на экран его поведения. Это преждевременно дают о себе знать еще не сформировавшиеся биологические центры. Большие сексуальные центры поджелудочного сплетения и крестцового ганглия готовятся к своей функции медленно и до полового созревания индивида не проявляют особой активности, подобные в этом смысле вынашиваемому матерью плоду. Но даже не родившийся ребенок бьет иногда своими маленькими ножками в стенку утробы. Вот так же и большие сексуальные центры слепо, от случая к случаю, бьются в ребенке. Это часть феномена детства. Не нужно возлагать ответственность за эти не всегда приятные проявления преждевременной сексуальности на конкретного мальчика или кон-

кретную девочку. Мы должны проявлять особую осторожность, чтобы не допустить проникновения этих вещей в рациональное сознание ребенка. Не выказывайте по поводу этих явлений ни гнева, ни страха. Не привлекайте чувственного внимания ребенка. Прогоните все это, как тень, ибо это и есть только тень. Будьте осторожны и не позволяйте этой тени омрачать детское сознание. Не допускайте, чтобы в душе ребенка были посеяны семена стыда или страха. Встречаясь с этим в ребенке, делайте вид, будто ничего особенного не случилось.

Лишь после полового созревания ребенка можно ему рассказать о сексе — разумеется, в простой и доступной форме. Как только ребенок сталкивается с каким-либо фактом, имеющим отношение к сексу, родитель может его «просветить» насчет этого факта. Но по возможности коротко, без эмоций, с максимальной сдержанностью, на какую он только способен.

— Ты уже не ребенок, мой мальчик. Скоро ты станешь мужчиной, а значит, когда-нибудь женишься и будешь иметь детей. Но пока что не думай об этом. Поверь, я знаю, что с тобой происходит, и знаю, что тебя беспокоит. Но волноваться не нужно. Все мужчины прошли через это. Послушай, не нужно касаться этой штучки, не стоит этим сейчас заниматься. Пойми, это вредно. Я знаю об этом, потому что все мы прошли через это. Знаю, что по ночам это тебя беспокоит. Не забывай, что я знаю об этом и велел тебе эту штучку не трогать. Потерпи, пока станешь взрослым и женишься. Старайся сдерживать себя. Помни, что ты мужчина, и веди себя, как мужчина. Я тоже был таким же, как ты. И тоже вел

себя глупо. Только не надо ничего скрывать от меня. Я ведь все равно знаю все о тебе — что ты делаешь, чего не делаешь. Единственное, чего я хочу от тебя,— чтобы ты вел себя, как мужчина. Ты ведь действительно скоро станешь мужчиной, поэтому веди себя мужественно и достойно.

Вот то, что отец обязан сказать своему сыну, достигшему половой зрелости. Нужно быть очень осторожным и деликатным в этих вопросах. Переводить секс в сферу рациональных понятий — значит поощрять в ребенке пороки.

Мальчиков-подростков необходимо по возможности держать подальше от матерей и сестер. Они должны быть преимущественно под мужским попечением. Их надо проводить через своего рода инициацию — посвящение в сексуальную жизнь. Подобно тому, как это делали дикари, заставлявшие мальчика символически умереть, а затем проталкивавшие его через некую узкую щель, что символизировало новое рождение. Они заставляли его пройти через страдания и разные испытания, накладывавшие сильный динамический отпечаток на его сознание и внушавшие ему динамический ужас — ужас изменения в самом его существе. Словом, нужны какие-то суровые испытания, из которых подросток выходил бы полностью вымотанным, но навсегда отрезанным от детства, и со всей серьезностью и ответственностью вступал бы в мужскую жизнь. Вступал бы, испытав потрясение всей своей динамической душой и сознавая свершившуюся в нем огромную перемену. Девочки тоже должны проходить какую-то инициацию — вступление в свою женскую жизнь.

В ребенке, вступающем в период половой зрелости, нужно вызвать интенсивную динамическую реакцию — физиче-

ское страдание и физическое осознание, глубоко западающие в душу и меняющие ее навсегда. Секс должен приходить к нам как воплощение некоего ужаса — ужаса перед грядущими страданиями. Его приход должен восприниматься нами как некая привилегия и некая тайна: с нами произошла таинственная метаморфоза, нам дана новая страшная сила, и мы облечены новой ответственностью. Нужно ли говорить о том, что такое секс, с ребенком? Не думаю — что проку от всех этих разговоров? Тайну, ужас и колоссальную силу секса все равно ведь не выразишь в словах. Основную массу человечества вообще не следует посвящать в научно-биологические факты о сексе. Тайна секса должна храниться в сокровеннейших тайниках, его темный, могучий динамизм не должен быть темой для разговоров. Реальность секса обнаруживается в великих динамических потрясениях души. И именно так он и должен восприниматься — как великое, творческое, потрясающее всю душу человека наваждение. Изучать же его в пробирках, на основе химических опытов, с помощью каких-то схем — глупо и даже вредно. Но еще вреднее разговоры такого типа:

— Видишь ли, доченька, когда-нибудь ты полюбишь мужчину, как я люблю сейчас папочку. И он станет для тебя самым дорогим человеком на свете. А потом, ласточка, ты выйдешь за него замуж и будешь счастлива — я ведь желаю тебе счастья, любовь моя. Поэтому и хочу, чтобы ты вышла замуж за того, кого сильно полюбишь [целует ребенка]. Ну а потом, дорогая, в твоей жизни наступит такое, о чем ты пока не знаешь. Ты ведь хочешь, чтобы у тебя был маленький,

славный ребеночек, не правда ли, дорогая? Твой собственный славный ребеночек. Твой и твоего мужа тоже. Потому что это будет и его ребеночек. Ты ведь об этом знаешь, не так ли, моя девочка? Он родится от вас обоих. Но ты пока что не знаешь, как он родится, ведь правда? Так вот, он выйдет прямо из тебя, дорогая. Так же, как ты сама вышла из мамочки...

И т. д. и т. п.

Казалось бы, лучших слов не придумаешь. Мать старается, как может. Но все это никуда не годится. Глупо рассказывать ребенку о сексе, прибегая ко всей этой сентиментальной чепухе, со всеми этими «любовь моя, дорогая моя, моя ласточка», как будто секс — это нечто вроде «душевной» любви. Даже не знаешь, что хуже: то ли эта сюсюкающая чепуха, то ли чепуха с пробирками и научными схемами. И то и другое в равной степени убивают великий аффективный динамизм жизни, подменяя его трухой рациональных понятий и трюков.

Научные факты о сексе точно так же можно называть сексом, как скелет — человеком. Вы ведь дважды подумаете, прежде чем укажете подростку на скелет и скажете:

— Вот видишь, мой мальчик, таким ты станешь, когда подрастешь.

А сюсюкающее «объяснение» феномена секса как «чудесного» продолжения чистой, идеальной любви? Чем это лучше? Или представление его в качестве способа обретения маленького, славного ребеночка?.. А вот вам еще один пример подобного рода:

— Бог сотворил нас такими, мы так устроены и должны это делать, чтобы появлялись на свет маленькие, славные детки...

От всего этого просто тошнит! Говоря такое, мы разрушаем глубокий смысл сексуальной жизни. Быть может, этого мы и добиваемся в конечном итоге?

Когда человечество наконец одумается и придет в чувство, оно увидит, что за содомское яблоко — это наше понимание секса[73]. И какой чудовищной трухой забиты наши мозги. Когда мы уразумеем это, мы все наши «знания» и «понимания» соберем в охапку, запрем на замок, поместив рядом с другими ядами, и так же, как их, станем выдавать только в минимальных дозах, причем на выдаче будут сидеть доверенные и компетентные люди.

Мы и так уже почти до смерти отравили массы всем этим пониманием. Не за горами исчезновение человечества с лица земли или полное его вырождение. Нам удалось культивировать в народе какое-то бесплодное уныние, какую-то одержимость нигилизмом,— видимо, за счет постоянного вдалбливания в головы людей мысли о том, что человек — это всего лишь скелет из склепа, скелет из грязных костей. Наше «понимание», наша наука и наш идеализм породили в людях отвращение к самим себе, словно каждый раз, глядя в зеркало, человек видит в нем свой собственный череп. Человек — всего лишь игрушка «в руках» научно установленных причин и следствий, вместилище биологических процессов, прикрытое лохмотьями идеала. Не удивительно, что мы видим, как сквозь нашу плоть просвечивает скелет.

Наши лидеры никогда не любили людей — они любили идеи и с готовностью жертвовали людьми, которые в порыве коллективной страсти клали свою жизнь на алтарь какого-нибудь идеала, представляющего собой все ту же труху. Учащался ли пульс у президента Вильсона[74], или у Карла Маркса[75], или у Бернарда Шоу[76] от любви к трудящемуся человеку, мало что понимающему и обманутому? Нет, никогда. Каждый из этих лидеров, скорее всего, видел в нем этакий символ, а не конкретного человека из плоти и крови. Живая личность была для них кем-то вроде Мафусаила, то есть абстракцией человека[77].

А как насчет меня самого? По крайней мере, я могу быть спокоен в одном: мои книги не повредят трудящемуся чело-

[73] *«...что за содомское яблоко — это наше понимание секса»* — авторская контаминация двух библейских образов: яблоко, плод Древа познания добра и зла (первые люди, Адам и Ева, отведали его вопреки Божьему запрету), и Содом — город мерзости и разврата, уничтоженный Богом.

[74] *Вильсон Томас Вудро* (1856—1924) — 28-й президент США (1913—1921), проведший ряд глубоких либеральных реформ в стране. См. также прим. 27 на с. 196.

[75] *Карл Маркс* (1818—1883) — немецкий экономист и философ, основоположник так называемого «научного коммунизма». Пафос научного, философского и публицистического творчества Маркса был направлен на обоснование необходимости борьбы за интересы «пролетариев всех стран».

[76] *Шоу Бернард* (1856—1950) — английский прозаик, драматург и политический деятель, один из учредителей социал-реформистского «Фабианского общества» (1884), под эгидой которого Шоу издал множество трактатов, брошюр и книг, пропагандирующих идеи социализма.

веку, ибо он никогда их не будет читать. И все же я очень хотел бы его спасти, хотел бы, чтобы он жил своим исконным, спонтанным, живым бытием. Я не могу этого не хотеть. Это говорит во мне мой глубочайший инстинкт[78].

Я охотно забрал бы у трудящегося человека ответственность за общечеловеческие проблемы — ответственность, для него невыносимую, отравляющую ему жизнь. Я охотно забрал бы у него ответственность за будущее человечества, за развитие мысли и направление развития общества. Но я охотно разделил бы с ним общую веру в будущее и надежду на лучшее. И я бы взял на себя часть его ответственности за будущее, если бы мне ее вверили.

Я бы охотно забрал у него все книги, газеты и всяческие теории. Взамен я вернул бы ему его прежнюю беззаботность, богатую, свойственную ему искони спонтанность и полноту жизни.

77 *«...кем-то вроде Мафусаила, то есть абстракцией человека»*.— В «Первой книге Моисеевой. Бытие» о деде Ноя Мафусаиле (Мафусале) сказано, что он жил 969 лет (т.е. дольше всех людей на земле), «родил сынов и дочерей» и умер своей смертью за год (!) до Всемирного Потопа. Больше о Мафусаиле Библия не говорит ничего: за всю почти тысячелетнюю жизнь — ни одного события в его жизни, достойного упоминания! Видимо, как «абстракция человека», Мафусаил мог бы вообще не умирать, ио настал момент, когда Бог обрек грешное человечество на Всемирный Потоп. Не будучи ни грешником, как все современное Потопу человечество, ни праведником, как внук его Ной, Мафусаил не подлежал наказанию Потопом, но и не мог продолжать жить дальше.

78 Сам Лоуренс был сыном «трудящегося человека» — простого, практически неграмотного шахтера.

Глава X

РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ

В сложный период своего полового созревания индивид проходит вторую стадию развития. Нормальный переход на эту стадию невозможен, пока не будет обеспечиваться в полной мере деятельность первых четырех полюсов психики. Детство — это, образно говоря, «куколка», из которой должна выбираться на свет каждая человеческая «бабочка». Этого можно достичь лишь ценою полного напряжения сил: попробуйте-ка выбраться на свет, если он всей своей тяжестью, всей своей традицией любви наваливается на вас и не дает вам выпростаться из «куколки».

В этот период нас поджидает опасность чрезмерной, всепоглощающей любви, сугубо симпатического общения и «понимания». И сосредоточена эта опасность в «высшей земной» любви — любви матери и ребенка.

А это означает, что каждый ребенок, взращенный в любви,— да, собственно, любой ребенок, который хоть как-то дорог для своих родителей,— испытывает постоянную перегрузку верхних симпатических центров, что приводит к постепенной атрофии нижних центров, особенно большого волевого центра нижнего тела. Центр чувственной, мужской независимости, центр торжествующего, дерзкого, упрямого и гордого «я» — этот центр подвергается непрестанному подавлению. Теплое, своевольное, чувственное «я» отвергается, угнетается, ослабляется — и так на протяжении всего периода детства. Под чувственным «я» мы имеем в виду более

глубокую, чем обычно, более импульсивную, более независимую натуру.

И каков результат? Верхний симпатический центр приходит в состояние неестественного, воспаленного перевозбуждения. Волевые же центры настолько ослаблены, что их функционирование сводится лишь к периодическим приступам или спазмам. Нормальная полярность симпатической волевой системы ребенка нарушена. И в результате — преувеличенная чувствительность, чередующаяся с приступами чего-то вроде бессильной ярости; перед нами изнеженный, хилый ребенок, нервный и капризный. У таких детей наблюдается холодное упрямство душевной воли — упрямство, упершееся в одну точку, в один, как правило, несущественный пункт.

В таких случаях один из родителей, обыкновенно мать, становится предметом слепого обожания, в то время как другой родитель — как правило, отец,— становится предметом неприятия. В то же время ребенка учат, что он должен любить обоих родителей; что любовь, нежность и сострадание — это «правильные» чувства, тогда как неприязнь, бессердечие и равнодушие — чувства «неправильные», от которых следует избавляться.

И каков результат? Верхние центры оказываются переразвитыми до состояния неестественной обостренности и уязвимости — или же, наоборот, до состояния полной прострации и оцепенения. И тогда между ребенком и одним из родителей устанавливаются болезненные, напряженные отношения, словно между взрослыми — такие отношения бы-

вают между охладевшими друг к другу любовниками или между подругами, каждая из которых старается контролировать все поступки другой. Вместо того чтобы оставить ребенка в покое, наедине с его глубокими и недоступными взрослому чувствами, родитель пытается добиться от него ответа на свою «самоотверженную» любовь, а значит, навязывает сознанию ребенка, на одном из двух уровней, то, чего там нет и быть не может, а на другом уровне — мешает свободному проявлению его чувств.

Тем самым фатально предопределяется судьба ребенка. Задолго до его полового созревания происходит искусственное развитие вторичных симпатических центров — в ответ на преувеличенно-интенсивную родительскую любовь. Это наносит ребенку непоправимый ущерб. Ребенок лишается возможности смотреть на вещи сквозь светозащитные очки детства, он видит их своими беззащитными, еще незрелыми глазами души. Вместо того чтобы знать полуправду, как и положено малому ребенку, он, в недопустимо раннем возрасте, начинает видеть и знать полную правду. Шейные сплетения и ганглии (центры высшей динамической деятельности любви и понимания, которым полагается лишь в подростковом возрасте постепенно пробуждаться к активной деятельности) искусственно стимулируются чрезмерной любовью взрослого и его стараниями вызвать ответную любовь — и все это у очень маленького ребенка, часто даже еще у младенца. Вот почему эта пресловутая «святая» любовь аморальна, более того — опасна.

То предпочтение, какое мы отдаем всяческому идеализму, понуждает нас к всяческому же подавлению чувственных центров. Вся наша психическая деятельность сконцентрирована в верхних центрах груди и шеи, которые мы называем центрами динамического понимания, в противоположность центрам чувственного постижения, расположенным под диафрагмой. Вот так и получается, что, когда ребенок вступает в период полового созревания, его верхнее сознание, в результате преждевременной активизации, оказывается полностью сложившимся. В наши дни почти каждый ребенок представляет собой продукт преждевременной активизации верхнего сознания, так что к моменту вступления в подростковый возраст оказывается, что он уже испытал самое широкое разнообразие симпатических реакций, которые при нормальном его развитии должны были бы оставаться для него темными и недоступными. На кого же были направлены эти разнообразные симпатические реакции? Ответ очевиден: на одного или обоих родителей.

Так человечество обходится со своими собственными детьми. Родители должны хорошенько уяснить для себя, что они могут участвовать в одних только динамических реакциях первого уровня сознания, то есть в реакциях и взаимоотношениях, определяемых первыми четырьмя полюсами динамического сознания. Когда же вступает в действие следующий, второй, уровень сознания, развиваются взаимоотношения с другими людьми. Доказательством тому может служить весь человеческий опыт, подтверждаемый учеными-этнографами. Все то в ребенке, что относится к его сексуальному инстинкту, всегда враждебно родителям.

Родители слишком торопятся с воспитанием своих детей и успевают нанести им непоправимый ущерб, прежде чем те обретают способность противостоять их влиянию. Для детей, вступивших в пору полового созревания, уже мало будет проку, даже если родители отошлют их из дома — на учебу или, скажем, погостить к родственникам. Ошибка была совершена раньше, и ее уже не исправить. В течение первых двенадцати лет жизни ребенка родители, при содействии общества в целом, форсируют развитие его верхних центров и принуждают во всем своем существовании руководствоваться только этими центрами, особенно верхними симпатическими, не сбалансированными теплым, глубоким, чувственным «я». Родители и общество в равной степени форсируют развитие у ребенка взрослых симпатических реакций. Что касается воздействия на детей начальных школ, воскресных школ, а также книг и бесед воспитателей, то такое воздействие нельзя не считать негативным. И все же самым интенсивным и самым пагубным образом влияют на них дом и родители. Ребенок, слепо доверяясь своим близким, попадает в ловушку любви, принуждения к любви и преждевременному «пониманию» секса.

Таким образом, к моменту своего полового созревания ребенок подходит уже «избавленным» от темноты и невежества детства, стреноженным и послушным. Вместо того чтобы только теперь пробудиться к совершенно новой для него сфере сознательной деятельности и, следуя новому, мощному и прекрасному динамическому импульсу, вступить в новые связи, он находит себя связанным по рукам и ногам. На-

ступает половое созревание. Дает о себе знать сексуальность. Но ведь это стреноженное, беспомощное существо — ваш ребенок. Вы уже сумели возбудить в нем динамическую реакцию на свою собственную ненасытную жажду любви. Между ним и собой вы уже умудрились установить динамические взаимоотношения следующего уровня сознания. Вы завладели им безраздельно, будто вновь соединили его плоть с вашей собственною плотью. Вы сделали то, что родителям делать недопустимо,— установили связи взрослой любви между вашим ребенком и вами, то есть любви взрослой женщины к мужчине, или взрослой женщины к женщине, или взрослого мужчины к женщине. Никакая ваша нежность и забота не могут служить вам оправданием. Все это только усугубляет вашу вину. Вы установили между собою и ребенком взаимоотношения следующего уровня сознания, следующего уровня любви. Учтите, я не говорю о сексе. Я говорю о «чистой» нежности, «святой» любви.

Родители устанавливают между собою и ребенком связь высшей любви — любви, свойственной взрослым душам. Тем самым они опять-таки фатально предопределяют судьбу своего ребенка. Их любовь к ребенку — своего рода инцест. Это динамический инцест душ, и он опаснее чувственного инцеста, поскольку менее осязаем и не вызывает такого инстинктивного отвращения. Но предоставим разоблачение того и другого психоанализу: он оказал нам огромную услугу, доказав, что такая интенсивная симпатическая реакция верхнего уровня, равно как и волевые динамические взаимоотношения верхнего уровня (требование ответной любви),

неизбежно приводят к сознательному или бессознательному инцестуозному влечению.

Ибо, хотя сознательная наша цель состоит в том, чтобы установить только чисто душевные динамические взаимоотношения верхнего уровня, мы в то же время, по причине неизбежной полярности психической системы человека, возбуждаем динамическую деятельность нижнего, более глубокого, чувственного уровня. Мы можем быть чисты, как ангелы, однако, будучи людьми, неизбежно испытываем инцестуозные побуждения. Когда мистер Рескин[79] говорил, что Джону Рескину следовало бы жениться на своей матери, он говорил всерьез. Невзирая на все наши намерения, на все наши убеждения, на всю нашу чистоту, на все наши желания и на всю нашу волю, мы, возбуждая динамические взаимоотношения верхнего, высшего уровня любви, неизбежно развиваем динамическое сознание и на нижнем, более глубоком уровне чувственной любви. И что же дальше? Об этом мы почему-то не думаем.

Разумеется, родители могут возразить, что их любовь, как бы сильна она ни была, совершенно чиста и не содержит в себе абсолютно никакого сексуального элемента. Может быть, это так, а может быть, и не так. Но допустим, что это действительно так. Ну и что из этого следует? Интенсивное

[79] *Рескин Джон* (1819—1900) — английский писатель, теоретик искусства, *идеолог художественного кружка прерафаэлитов, выступавших* за возрождение средневековой («дорафаэлевской») первозданности и тайны в искусстве, ремеслах и жизни, искренности всех человеческих связей и взаимоотношений.

возбуждение верхних симпатических центров активизирует и нижние центры, которые также побуждаются к действию. Наша психика устроена таким образом, что деятельность, возбуждаемая на одном уровне, автоматически провоцирует деятельность на соответствующем ему другом уровне. Поэтому интенсивные взаимоотношения чистой любви между родителем и ребенком неизбежно возбуждают нижние центры ребенка — центры сексуальности. Эти глубокие чувственные центры, будучи пробуждены, должны найти ответ в ком-то другом, чьи чувственные центры также возбуждены. Но такой ответ со стороны родителя невозможен. Лично я убежден, что на биологическом уровне, то есть в чувственных центрах, существует глубокое сексуальное отвращение между родителем и ребенком. Между ними невозможно установление спонтанной чувственной циркуляции.

Итак, что мы видим? Ребенок и родитель связаны сильным взрослым чувством любви и симпатии (на верхнем уровне волевого центра), и в то же время в ребенке пробуждаются более глубокие чувственные центры, не находящие соответственно поляризованной, объективной связи с другим индивидом. Тогда они и обнаруживают себя, эти мощные центры сексуальности, действующие спазматически и несбалансированно. Они должны быть поляризованными и с чем-то взаимодействовать. И они взаимодействуют — с активными высшими центрами самого ребенка, в результате чего он становится интровертом[80].

Вот таким образом и получаются интроверты. Нижние сексуальные центры возбуждены. Они нигде не находят со-

чувствия, связи, ответа извне, не находят никакого выхода. Они динамически поляризованы верхними центрами индивида. То есть сексуальный, или чувственный, поток направлен вверх внутри самого индивида — из его нижних в верхние центры. Верхние центры держат нижние в состоянии позитивной полярности. По мере движения потока вверх должна наступить какая-то реакция. Такой реакцией является интенсивное осознание верхним «я» нижнего «я». Это первое негативное явление. Затем начинается эксплуатация верхним телом нижнего тела. Руки начинают злоупотреблять нижним телом: начинается ощупывание самого себя, мастурбация. Проявляется интерес к порнографии: сперва к «порнографическому» самосозерцанию, затем к непристойным фотокарточкам, какие можно найти у большинства подростков. Начинается непреодолимая тяга к грязным историям, которая наблюдается и у многих мужчин. У некоторых даже начинаются половые извращения.

О чем все это говорит? О том, что деятельность нижней души и нижнего тела поляризована верхним телом. Глаза и уши впитывают информацию о сексуальной деятельности и знания о сексе. Разум переполняется сексом, причем в случае интроверта — своим собственным сексом. Даже если посмотреть на таких, казалось бы, экстравертов[81], какими

[80] *Интроверт* — человек, сосредоточенный на собственном внутреннем мире, с трудом устанавливающий контакты с окружающими.

[81] *Экстраверт* — человек, в своих переживаниях и интересах обращенный к объектам внешнего мира, легко устанавливающий контакты с окружающими.

являются гордящиеся своей открытостью итальянцы, мы увидим то же самое. Они так же обуреваемы своим собственным сексом.

Какой же представляется сегодня картина в целом? В каждом ребенке мы почти неизбежно находим сильную, преждевременную, тайную сексуальную озабоченность. Его верхнее «я» нещадно «эксплуатирует» нижнее «я». Ребенок оказывается наедине со своим перевозбужденным, воспаленным сексом, со своим стыдом и мастурбацией, со своей непристойной, тайной одержимостью сексом и со своим гипертрофированным сексуальным любопытством — этой трагедией наших дней. Ребенок не столько хочет действовать, сколько знать. Ему, как правило, претит сама мысль о реальной сексуальной связи. Он испытывает отвращение к нормальному акту соития. Но жажда почувствовать, увидеть, попробовать, узнать — одним лишь умом, головой — эта жажда у него ненасытна. Взрослыми было сделано все, чтобы опыт ощущений пришел к нему через верхние каналы. В этом разгадка нашей «зацикленности» на самих себе, нашей сегодняшней извращенности. Все, что угодно, лишь бы не прямое спонтанное действие, исходящее от чувственного «я». Все, что угодно, лишь бы не нормальная, здоровая страсть. Любые отклонения, любые фокусы, любые «придумки» — все допустимо в сексе, лишь бы он оставался делом верхнего сознания, делом рассудочным, делом глаз, губ и пальцев. Это наш порок, наша грязь, наша болезнь.

Что ж, взрослые со всеми их «идеями и идеалами» сами за себя отвечают и сами во всем виноваты. Но при чем же

здесь наши безвинные дети? Зачем же мы подвергаем их этой одержимости «умственным» сексом, этому одинокому и духовно жалкому существованию?

Пора уже изъять из употребления слово «любовь», давно пора забыть об идеалах любви. Человек не обретает себя в идеальной любви. И лишь наполовину обретает себя в здоровой, чувственной любви. Главным образом он обретает себя — по крайней мере, мужчина — в силе своего духа и в своей глубокой индивидуальности. Путь к совершенствованию человека лежит через исключение каких бы то ни было поисков совершенной любви.

Совершенствование и обретение самого себя достигается через обретение цели. Обрести себя человек может двумя путями. Первый — посредством «полной, страстной, глубокой» любви. Но второй и более великий путь — это обретение себя посредством осуществления своего великого предназначения, самой важной цели своей души. Мы до смерти изматываем себя на первом, ложном пути любви — любви, исходящей от верхнего «я». И не хотим даже слышать о втором пути, о деятельном единстве в достижении ясной цели, о своем призвании и своей вере: одно упоминание об этом вызывает у нас презрительную улыбку.

Путь обретения самого себя посредством любви для нас невозможен хотя бы потому, что, вступив на этот путь, мы начинаем испытывать маниакальную потребность в обретении все большей и большей любви. В пору *âge dangereuse*[82], когда девушка должна обрести себя, войдя в состояние зрелости и душевного равновесия, она лихорадочно

оглядывается по сторонам в поисках все новых и новых возлюбленных. А когда она находит (казалось бы!) полную гармонию и умиротворенный покой в брачных узах, ее вновь тянет бежать и от этой гармонии, и от покоя, и от мужа в поисках «великой» любви и такого возлюбленного, который будет ее «понимать». И очень часто в подобных случаях она обращает свой взор на собственного сына.

Да, бесспорно — женщина обретает саму себя посредством чувства. Но надежда на то, что она будет «понята» новым возлюбленным, в большинстве случаев оказывается химеричной. Возлюбленный от общения с ней скорее поймет в ней другое: женщине никогда не следует сосредоточиваться на самой себе и своем сексе. Женщина действительно обретает себя в любви, в глубокой чувственной любви, в совершенном чувственном единении. Но, достигнув этой точки самообретения, она должна на этом остановиться и не искать новых любовных приключений. Она должна бережно лелеять в себе совершенную красоту зрелости, целостность своего внутреннего мира и верность своему избраннику.

Ничего этого она, однако, делать не станет, если ее муж будет искать себя только в ней, вместо того чтобы продолжать свой путь вне зависимости от нее. Когда мужчина вступает в возраст зрелости и обретения своего индивидуального «я» (где-то около тридцати пяти лет), ему уже некогда останавливаться. Обретя себя в браке и придя в согласие с соб-

82 *Âge dangereuse* (*фр.*) — опасный возраст: клишированное обозначение девичества во французских романах XVIII—XIX вв.

ственной душой, он должен теперь совершать свой следующий шаг в будущее. Он должен посвятить всего себя некой дальнейшей задаче, некой страстной целеустремленной деятельности. Пока мужчина не примет главного решения в своей жизни, пока не сосредоточится на самой важной задаче своей зрелости и не решится на следующий целеустремленный шаг в будущее, ему не будет покоя. Это великое решение с последующим осознанием своей ответственности за достижение поставленной цели — вот что на определенной стадии необходимо каждому отцу и каждому мужу. Если он не придет ни к какому решению и не примет на себя никакой ответственности, тогда любовная жажда будет терзать его до исступления. В конечном итоге это тяжким бременем ляжет на всю семью и в особенности на женщину.

Не находя воплощения своего страстного «я», измученная попытками разобраться в себе, неудовлетворенностью сексом и любовным фиаско мужа, которому недостает мужества найти себя в своем мужском деле, а затем вновь покорить жену обаянием обретенной решимости,— несчастная женщина бьется в тщетной жажде удовлетворения, «ища, кого поглотить»[83]. И, как правило, взор ее обращается на собственного ребенка. В своем собственном и только ей одной принадлежащем сыне она, как ей кажется, обретает последний и совершенный ответ, коего жаждет ее душа. Она видит в нем средство получить именно тот ответ, на который рассчитывает, и провоцирует его на этот ответ. Она пускается в последнюю большую любовь своей жизни — любовь к сыну; полностью отдает ему ту верность, которая была бы

благом и опорой для мужа, но для мальчика может обернуться злом. Нерешительный муж, так и не принявший на себя своей высшей ответственности, смиряется и отступает. И начинается новый порочный круг комплексов и интроверсии. Если мужчина отступает перед своей собственной высшей миссией, если он не принимает своей последней ответственности перед жизнью, тогда он должен ожидать одной беды за другой. Эти беды навлечет на его голову и на головы всей семьи жена и мать — женщина, лишенная корней, контроля и самоконтроля.

«*On revient toujours a son premier amour*»[84]. Сегодня это звучит издевательски. Словно на самом деле мы хотели бы сказать: «*On ne revient jamais a son premier amour*»[85]. Вообще-то, мужчина никогда не оставляет своей первой любви, если, конечно, он действительно любит. Но он может оставить свою первую «пробу» любви. Коль скоро мужчина достигнет полной динамической гармонии в отношениях с женщиной на уровне нижних, глубоких, и на уровне верхних центров, он никогда не разорвет таких отношений. Но рассудочный, «головной» секс может разрушить все, точно так же

[83] «*...ища, кого поглотить*» — цитата из Библии: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (Первое послание Петра, гл. 5, стих 8).

[84] «*On revient toujours a son premier amour*» (*фр.*) — «Всегда возвращаясь к своей первой любви» (слова некогда популярной во Франции песни).

[85] «*On ne revient jamais a son premier amour*» (*фр.*) — «Никогда не возвращаясь к своей первой любви».

как и неполная циркуляция между центрами. Если же установлена полная циркуляция, она не будет нарушена никогда.

Увы, в наши дни мы слишком уж сознаем себя, и секс наш слишком рассудочный. Да и женщину мы находим такую же — себе под стать. Затем женимся — по той лишь причине, что «дружим» с ней. И терпим сокрушительное фиаско в сексе. Нам хочется одновременно и «дружбы», и настоящей любви. Наш секс так и остается чисто рассудочным: он у нас по-прежнему лишь в голове. Результат очевиден: это или семья, где неудовлетворенные родители «всецело посвящают себя детям» и таким образом губят психику несчастных малышей, или развод. На уровне же больших динамических центров так ничего и не происходит. Вообще ничего. За все время этого «идеального» брачного предприятия не совершается никакого витального обмена.

Установите между собой и другим индивидом динамическую связь только на двух из возможных полюсов, и вам, в глубине души, будет хотеться лишь одного — разорвать эту связь. Но вам не удастся ее разорвать. Особенно если это первая ваша связь. И уж тем более ее не разорвать, если инициатором была другая сторона.

Родители выступают инициаторами той связи, которая у ребенка должна была бы возникнуть лишь в далеком будущем. В сущности, они совершают преступление по отношению к ребенку. Но дело даже не в этом. Родители для ребенка — первые носители такой связи. Они устанавливают динамическую связь между двумя верхними — шейными — центрами, центрами высшей динамической симпатии и выс-

шего понимания. Они устанавливают циркуляцию между этими центрами. Попробуйте теперь разорвать ее! Иногда это по силам одной только смерти.

Как мы видели, появление верхней циркуляции, циркуляции рассудочной любви и взаимного понимания, пробуждает к действию нижние сексуально-чувственные центры человека, хотя у него и не было установлено каких-либо связей с другим человеком на чувственном уровне. Если вы хотите увидеть образец того, какой должна быть душа у любящей жены по отношению к мужу, взгляните на мать и ее сына этак лет восемнадцати. Присмотритесь к тому, как самоотверженно она ему служит, как побуждает его к действию, как всецело принадлежит ему ее женское «я», истинно покорное «я» жены, каким оно должно быть и каким никогда не было по отношению к собственному мужу. Это спокойная, расцветшая любовь зрелой женщины. Это женская любовь в чистом виде. Женщина ничего не требует от любимого в сексуальном отношении, ей нужно только, чтобы он был самим собой и принял от нее дар любви. Это и есть тот прекрасный цветок любви, который муж в идеальном случае вдевает под ленточку шляпы, отправляясь в свой долгий путь в будущее, к достижению высшей цели. Для мужа это самое дорогое сокровище, доставляющее ему огромную радость. Да и для сына, который в нашем примере как бы оказался на месте своего отца, принимая предназначенную для того любовь, это не меньшее чудо. А женщина эта чувствует себя так, как должна была бы чувствовать себя жена. С той только разницей, что ее чувства обращены на сына.

Поставьте в нашем примере отца и дочь на место матери и сына — и вы получите точно ту же картину.

Как же дальше сложится жизнь нашего славного юноши, столь беззаветно любимого матерью? Какое-то время он словно летает на крыльях — до тех пор, пока в нем не пробуждается потребность в реальном сексе. До этого он радостно воспринимал свою юность и окружающий мир, в котором, любимый и поддерживаемый матерью, не встречал никаких преград. Перед ним были открыты все дороги, он ощущал себя властелином Вселенной, ему, поощряемому матерью, было по силам все. Подумать только, какая огромная энергия заключена в зрелой женщине — энергия, которой она заряжает сына! Не удивительно, что, как говорит история, гении в большинстве своем имели великих матерей. К этому следует, правда, добавить, что судьба большинства гениев была печальна...

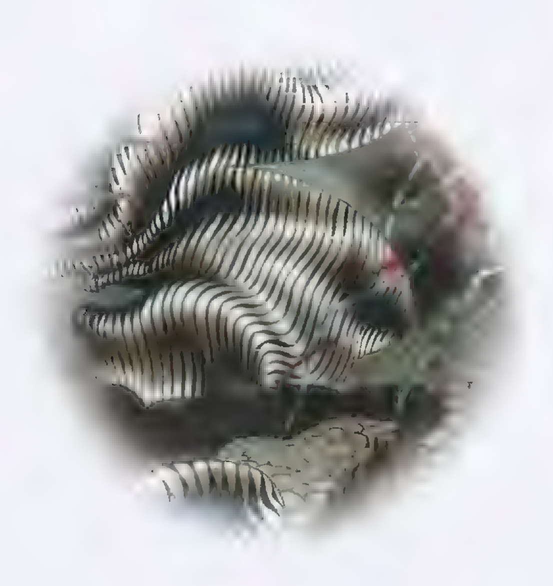
И все же, какова дальнейшая судьба нашего юноши? Что ему делать со своим чувственным, сексуальным «я»? Забыть о нем? Или все-таки попытать счастья с женщиной? Ибо он знает, в том числе и от матери, что его мужественность должна найти свое выражение, среди всего прочего, в сексе. Но он уже по рукам и ногам связан своей идеальной любовью — самой бескорыстной из всех, на какую он может когда-либо рассчитывать.

Ни один мужчина не получит от женщины того, что получает ее сын, отец или брат,— этой чарующей покорности, которая на самом деле должна была бы принадлежать ее мужу и представлять собою покорность верной жены. Но пе-

ред мужем женщина выступает королевой, богиней, госпожой, прекрасной и обожаемой, первой и главной, единственной и неповторимой. Такой она никогда не бывает в отношениях со своими ближайшими родственниками, родственниками по крови.

Итак, очаровательная девушка, обожающая отца или брата, получает предложение руки и сердца от привлекательного юноши, преданно любящего свою мать. Что же за брак ожидает этих юных существ? Страшно даже подумать. И все же первое время они будут жить как друзья. А что им еще остается?

В семейном кругу, следуя нашей ненасытной жажде любви, мы внушаем сильные взрослые чувства совсем еще маленьким детям. Итальянцы, например, почти открыто поощряют в своих детях взрослое сексуальное сознание и взрослое сексуальное влечение. У нас же все это обычно остается на уровне душевной симпатии. Детям, как только они начинают хоть что-то соображать, навязывается взрослый душевный опыт, их обременяют взрослыми симпатиями, для них преждевременными и ненужными. Между родителем и ребенком разыгрываются душераздирающие сцены сильной и страстной любви, по накалу эмоций не уступающей «взрослой» любви, хотя и без ее сексуальности. Между братом и сестрой культивируются отношения страстной преданности. И таким образом предвосхищается тот великий опыт любви, который по-настоящему должен всецело принадлежать будущему. В кругу семьи любовные отношения возникают удивительно быстро, без тех потрясений и разры-



вов, что были бы неизбежны между чужими друг другу людьми. Поэтому любовь членов семьи друг к другу кажется им самой естественной, самой сильной и самой священной. Редко какой мужчина думает, что его плотская любовь к женщине, которую он сделал своей женой, является столь же возвышенной, как любовь к матери или сестре.

Современные мальчики и девочки ощущают свежесть и новизну чувств не более чем до двенадцатилетнего возраста. После этого — одни лишь повторения, разочарования, скука и пустота.

Почему же так получается? Причина все та же: родители не умеют приходить к гармонии друг с другом, к умиротворению и покою в душе. Мужчине недостает мужества устремиться к какой-то великой цели, а женщине — смелости оставить свои безнадежные поиски «настоящей» любви. Ей не хватает мудрости отказаться от собственного самоутверждения и поверить мужчине, который поверил в себя и в то, что усилия его души не пусты и бессмысленны... Хотя, конечно, сомнительно, что в наши дни может найтись хотя бы один такой мужчина.

И каких же детей получают родители в результате своего воспитания? Сына, уже вкусившего прелесть одухотворенного общения с прекрасной женой... на примере своей матери или сестры. Дочь, обожествляющую своего брата и мечтающую выйти замуж за похожего на него сына другой женщины. «Ах, вы только посмотрите, какая прекрасная, какая великолепная пара!» Что за будущее ждет эту пару? Поначалу каждому из них брак действительно кажется ми-

лой игрой, чудесным развлечением. А потом оба начинают скучать по утраченной красоте, по несексуальным, неполноценным взаимоотношениям, которые были у них в семье. Сексуальная сторона брака оказывается для них несущественной. Стоило ли ради этого жертвовать самым дорогим и любимым существом в их жизни (матерью и сестрой или отцом и братом, соответственно)? И тут к ним приходит пронзительная тоска по родным — ведь все это для них безнадежно утеряно. Утеряно самое лучшее. Все остальное не имеет значения... Но что же делать, такова жизнь. Надо с этим смириться и принимать мир таким, каков он есть. Теперь надо думать о том, как воспитывать своих детей — бережно и заботливо, как воспитали их самих, а может быть, даже и лучше. Ни о каком будущем и речи не может быть. Все наши лучшие дни нами прожиты до того, как нам исполнилось двенадцать.

А теперь позвольте спросить: чем же при таком состоянии дел может помочь вам психоанализ? Может быть, подбросит вам еще какой-нибудь сексуальный мотив, чтобы вы поахали и посокрушались о том, насколько наш мир аморален? Но очень скоро вы успокоитесь, и все будет идти по-прежнему. Эдипов комплекс, комплекс Электры, инцестуозная мотивация — все эти слова мы забываем так же легко, как и другие слова, каких наслышались за жизнь великое множество; забываем, как только проходит то небольшое волнение, которое заставил нас испытать психоаналитик. И остаемся там же, где были, только становимся немного хуже, в мозгах у нас добавляется «рационального» секса, и мы превращаемся в еще больших интровертов, чем были до этого.

Глава XI

ПОРОЧНЫЙ КРУГ

Итак, мы попали в самый настоящий порочный круг. Как же нам вырваться из него? Прежде всего, необходимо раз и навсегда покончить с «идеальной» любовью. Динамическая любовь — это, как мы видели, не только симпатическая связь. Возьмите любовь в самом возвышенном смысле этого слова, заставьте ее принять любые формы влечения, любую форму потока из любого симпатического центра,— и все равно это будет всего лишь пол-любви. Но существует и вторая половина, которую никак нельзя не принимать во внимание,— поток из волевого центра, мощное движение к нашей независимости, к гордому одиночеству, к своему воплощению в нашем единственном и неповторимом «я».

Опасность идеализма — вот то первое, что необходимо нам осознать. Идеализм — одно из главных искушений рода человеческого. Впасть в него — значит впасть в автоматизм, в механицизм, во что угодно, кроме реальной жизни.

Мы уже знаем, что жизнь возникает и протекает спонтанно в больших нервных узлах, или нервных центрах. Поначалу их всего лишь четыре; затем, после полового созревания, их становится восемь; впоследствии возможно и дальнейшее расширение динамического сознания, дальнейшая его поляризация. Но на данный момент нам хватит и восьми.

Сначала в четырех, а затем и во всех восьми центрах динамической нервной системы жизнь обретает свое спонтанное существование. С ходом времени наша душа испускает

все новые импульсы, побуждающие нас к новым желаниям и новым целям: это действуют полюса наших нервных центров. И от этих динамических продуктивных центров исходят витальные потоки, которые вовлекают нас в связь с объектами наших желаний. На самом деле у нас нет своей воли, нет своего выбора; мы — это, собственно говоря, живущая в нас душа, день ото дня формирующая нас в соответствии с нашей собственной, неповторимой природой.

От объективных и субъективных потоков, которые устанавливаются и выявляются в первых четырех центрах сознания, мы получаем наше первое, детское бытие и наш первый, детский ум. Под объективными мы имеем в виду те потоки, которые устанавливаются между «я» и неким внешним объектом: мамой, папой, сестрой, кошкой, собакой, птицей, даже деревом или травинкой или каким-то конкретным местом, каким-то конкретным неодушевленным предметом — перочинным ножом, креслом, шапкой, куклой или деревянной лошадкой. Ибо следует подчеркнуть, что каждый предмет, который имеет значение в нашей жизни, приобретает таковое посредством прямого контакта. Если я люблю маму, то это потому, что между нами установилась непосредственная, активная циркуляция витального магнетизма — впрочем, можете называть это как угодно, лишь бы было понятно, что речь идет о прямом потоке динамического витального взаимообмена и взаимодействия. Я не называю этот витальный поток силой, поскольку он зависит от непостижимых побуждений индивидуальной души, или индивидуального «я». Сила же представляет собой нечто зависимое

от универсальной воли или закона. Но жизнь всегда индивидуальна и потому никогда не подконтрольна одному закону, одному Богу. Вселенной в действительности управляет живая материя, хотя и сама не подозревает об этом, а посему не существует никакого универсального закона, даже для физических сил. Это дает нам основания утверждать, что даже солнце в своей пульсации, в своем дыхании, в своем движении зависит от того, как пульсируют сердца людей и всего живого, зависит от динамического душевного импульса в индивидуальных созданиях. Именно совокупным сердцебиением живых существ, существующих неведомо в каком количестве и неведомо в каких мирах, держится и движется солнце.

Эти умозаключения можно, конечно, отвергнуть, как пустую метафизику, хотя они так же доказуемы и наглядны, как Ньютонов закон всемирного тяготения, который до сих пор сохраняет силу закона, пусть и не столь абсолютного, как прежде.

Но все это лирика. Доказательство же заключается в том, что между индивидом и любым внешним объектом, с которым данный индивид имеет действенную связь, существует определенный живой поток, такой же материальный и конкретный, как электрический ток, поляризованное движение которого двигает наши трамваи, зажигает наши лампы и заставляет дрожать мелкой дрожью провода Маркони. Независимо от того, является ли этот внешний объект человеком, животным, растением или даже неживым предметом, эта циркуляция все равно возникает. Моя собака, моя кана-

рейка находятся со мной в поляризованной связи. Более того, каждая живая клетка того ясеня, который я так любил в детстве, состояла в вибрирующей динамической связи с клетками моих собственных центров первичного сознания. Да что там, мои башмаки настолько пронизаны моим собственным магнетизмом, моей витальной активностью, что, если вдруг их наденет кто-то другой, я восприму это как посягательство на мою личную свободу. Это все равно, как если бы этот другой человек попытался воспользоваться моей рукой, чтобы отгонять от себя мух. Я сильно сомневаюсь, что, когда ищейка берет след, она действительно «нюхает» в нашем понимании этого слова. Видимо, бесконечно чувствительный «телеграфный» аппарат собачьих ноздрей способен воспринимать живую вибрацию, которая в неживом предмете осталась как напоминание о живом индивиде, с которым этот предмет состоял в некой связи. Хотел бы я знать, сможет ли собака взять след совершенно новых ботинок, которые просто будут тащить на длинной веревке. То есть вопрос заключается в том, следует ли она за запахом самой кожи или все-таки за следом вибрации человека, чья витальность состояла в связи с этой кожей?

Таким образом, как только человек вступает в контакт с тем или иным предметом из своего окружения, между ним и этим предметом возникают определенные вибрирующие токи. Каждое конкретное место, каждый конкретный дом, в котором когда-либо кто-либо жил, обладает своей собственной, особой вибрацией. Она может в той или иной степени соответствовать или же, напротив, не соответствовать ви-

брации, исходящей от новых жильцов. Но наверняка те люди, что живут у подножия Этны[86], всегда будут ощущать вибрирующую ноту вулкана, антагонистическую по отношению к их собственной жизненной вибрации: особенно сильная у самой Этны, эта нота, расходясь концентрическими кругами, постепенно затихает, но до определенной степени уловима даже в Палермо. Старые дома чуть ли не ощутимо наполнены человеческим присутствием. И новым жильцам, чтобы чувствовать себя там комфортно, необходимо уловить и поддерживать эту старую ноту вибрации.

Таков объективный динамический поток между психическими полюсами индивида и материальным внешним объектом, живым или неживым. Субъективный же динамический поток устанавливается между четырьмя полюсами внутри самого индивида. Каждая динамическая связь начинается на том или ином симпатическом полюсе — и она почти всегда поляризована, или должна быть поляризована, соответствующим волевым центром. Тогда на этом уровне устанавливается полная циркуляция. Но это всегда возбуждает более или менее интенсивную деятельность на другом уровне, соответствующем первому. Таким образом устанавливается

86 *Этна* — действующий вулкан на острове Сицилия в Италии, недалеко от города Палермо. Печально известное извержение Этны с многочисленными человеческими жертвами произошло в 1669 г. Самый высокий в Европе действующий вулкан (3340 м), Этна на чувствительного туриста производит сильное и зловещее впечатление. Лоуренс заканчивал работу над «Фантазией на тему о бессознательном» на Сицилии, в Таормине, так что «вибрирующая нота вулкана» записана им «со слуха».

полная сфера сознания, с позитивной полярностью на первом плане и негативной на втором. Как только это происходит, как только в индивиде начинает свою работу четырехгранная область динамического сознания, начинается процесс непосредственного накопления знаний. Разум начинает познавать и стремиться к познанию.

Для разума первое и главное дело — чистая радость узнавания, постижения и познания. Второе по важности дело — служить медиумом, переводчиком, агентом между индивидом и тем или иным объектом. Но не дело разума — быть дирижером или контролером спонтанных центров. Контролировать душу может лишь сама душа — та непознаваемая сущность, благодаря которой и ради которой мы, в конце концов, и живем. Существует извечный тройственный конфликт между душой, бесконечно вибрирующей непостижимыми импульсами, с одной стороны; психикой, от природы консервативной и вечно стремящейся остаться в кругу старых, отработанных проявлений, с другой стороны; и разумом, желающим полной «свободы», то есть спорадического контроля над душой, необходимость которого определяется возникшей в нем той или иной идеей, с третьей стороны. Ум, консервативная психика и непостижимая душа — вот та могучая троица, которая управляет каждым человеческим существом. Есть, однако, нечто такое (или, вернее, некто такой), что (или кто) лежит вне пределов досягаемости троицы. Это индивид в чистом его одиночестве, в целостности его сознания, в единственности его бытия; это Дух Святой, пребывающий с нами со дня Пятидесятницы[87],

присутствия которого в нас мы не должны и не можем отрицать. Когда я говорю себе: «Я не прав», внезапно прозрев, что я действительно не прав, то это говорит во мне мое целостное «я», Дух Святой. Это не просто очередное вмешательство (или помешательство?) моего ума. Это не просто очередная вспышка моей души. Это в один голос говорят во мне все части моего существа — и душа, и разум, и психика, объединенные в единое целое. От этого голоса я не могу отмахнуться. Когда наконец, посреди всех моих бурь и невзгод, заговорит мое целостное «я», наступает многозначи-

87 *«Дух Святой, пребывающий с нами со дня Пятидесятницы»* — Дух Святой, третий член Божественной Троицы. Иисус Христос при Своем Вознесении дал обетование Своим ученикам: «...вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый...» (Деяния святых Апостолов, гл. 1, ст. 8). Десять дней спустя отмечался традиционный иудейский Праздник седмиц (*евр.* «шавуот»), или Пятидесятница (*греч.* «пентекосте»), который праздновался через семь недель после начала жатвы или в пятидесятый день после приношения в святилище первого снопа. В этот день весь народ должен был прекращать работу и собираться на общей жертвенной трапезе пред Господом. Следуя этому обычаю, ученики Иисуса также сошлись «в верхней горнице» в ожидании обетованного Им, «и явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого...» (Деяния святых Апостолов, гл. 2, стихи 3—4). Согласно христианскому Символу Веры, это тот самый Дух, который в ветхозаветные времена говорил лишь пророкам, но отныне, благодаря спасительной жертве Иисуса Христа, с того самого дня Пятидесятницы и до скончания времен, пребывает с верующими в Него, как Дух-Утешитель. Идя на казнь, Иисус говорил ученикам: «...лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам...» (Евангелие от Иоанна, гл. 16, ст. 7). В память о дне Пятидесятницы христиане всего мира отмечают праздник Троицы, или Пятидесятницы.

тельная пауза. Душа вся собрана воедино в чистом покое и одиночестве — как после сильной боли. Ум забывает о всех своих знаниях и затаивается в ожидании. Психика пребывает в странном оцепенении. И затем, после паузы, приходит новая свежесть бытия, новая жизнеутверждающая сила. Сознание становится сознанием бытия, когда индивид сознателен *in toto*[88], когда он сознает себя во всей полноте. Это сознание включает в себя и рациональное сознание, в то же время многократно превышая его. Каждый человек, насколько это для него возможно, должен жить сознанием своего духа. Но только не в соответствии с каким-то идеалом. Подчинить свое сознание убеждениям, или идее, или традиции, или даже импульсу — это для нас разрушение и смерть.

Сделать разум абсолютным повелителем нашего «я» было бы так же «мудро», как поставить гида-переводчика из туристического агентства Кука[89] королем или богом лишь на том основании, что он говорит на нескольких языках и может заставить араба понять, что англичанин желал бы отведать на ужин рыбы. А сделать нашим правящим принципом идеалы было бы так же «разумно», как заставить туристов по-

[88] *In toto* (*лат.*) — в целом.

[89] *«...из туристического агентства Кука»* — т. е. из британского туристического агентства «Томас Кук и сын» — первого в мире туристического агентства, основанного в 1864 г. Томасом Куком (1808—1892), которому, собственно, и принадлежала идея организации коллективных и индивидуальных туров в любую страну мира в сопровождении гидов-переводчиков.

стоянно передавать из рук в руки шестипенсовые монеты с тем, чтобы они оказались в конце концов у гида-переводчика — на том «веском» основании, что у гида-переводчика главное представление о добродетели состоит в периодическом дарении ему шестипенсовиков. Точно так же в глубине души мы знаем, что нам нельзя жить одними лишь импульсами и одной лишь традицией. Мы должны руководствоваться в своей жизни всеми тремя принципами — идеалом, импульсом и традицией, но для каждого из них должно быть свое время. Главный же наш и самый надежный гид — чистое сознание, голос целостного «я», Дух Святой.

Нынче все мы впали в заблуждение идеализма. Человек всегда впадает в одно из трех заблуждений. В Китае таковым является приверженность традициям. Где-то в южных морях это излишняя импульсивность. Ну а наше заблуждение — идеализм. Все три типа поведения в совокупности — это реальная жизнь. Но каждый в отдельности. если он единственный или доминантный, ведет к разрушению. Мы должны стремиться к целостности нашего бытия, превыше всего к той целостности, которая есть Дух Святой, живущий в нас. Вместо этого, ослепленные идеалами любви и добра, мы превращаемся в автоматы, этакие паровозики любви, неутомимо работающие на топливе чужих радостей и печалей и пыхтящие дымом милосердия или, напротив, праведного гнева. Но самый наш коронный номер — это подлить в огонь побольше масла нашего возмущения чьей-нибудь подлостью или несправедливостью и, раскочегарив докрасна топку, погнать свой паровозик на полных парах

вперед, прямо на обидчика: «Бей! Круши! Так ему и надо!» Ты отказываешься нас любить? Значит, ты наш вечный враг! Будем давить тебя танками нашей любви! Давим, да еще приговариваем:

— Ну что, будешь и дальше отрицать любовь? Говори, будешь?

Бедняга с трудом отвечает, хрипя:

— Не буду! Не буду! Хочу, очень хочу любви — буду любить, и пусть любят меня...

Но мы уже так привыкли давить людей танками нашей любви, что в ярости не замечаем — цель наша достигнута, и пора бы уж отпустить несчастного.

Sois mon frère, ou je te tue.
Sois mon frère, ou je te tue[90].

Эта угроза с упорством, достойным попугая, повторялась на протяжении всех наших «любящих» веков. Она звучит, как стук колес о рельсы, по которым безостановочно катится многовековой паровоз любви. Но, увольте меня, я схожу с этих рельсов. Пар моей любви истощился, топки мои взорваны, котлы мои вышли из строя.

Мы совершили ошибку, вымостив свой путь любовью и думая, что это и есть вечный путь великого локомотива чувств. Мы все катим и катим на своих колесах по рельсам нашей любви. И нам открыты лишь два направления — вперед и назад. Но мы, мудрая англоязычная раса, знаем лишь путь вперед, хотя неразумные немцы уже дают задний ход.

Мы катим все дальше и дальше, и впереди у нас — Новый Иерусалим[91], хотя и позади у нас — тоже Новый Иерусалим. Немцы нехорошо поступили, повернув назад, от чего происходят аварии на дороге. Паровозы упрямо движутся каждый в своем направлении, сталкиваясь лбами и разбиваясь. С чего это мы, англосаксы, должны двигаться к Новому Иерусалиму назад, как это делают немцы? Ведь гораздо логичнее, если немцы будут двигаться нашим путем вперед. По всей линии мы видим паровозный лом. Но теперь у нас новый девиз: «Расчистим себе путь вперед!» Или еще лучше: «Заставим немцев расчистить нам путь вперед!» Ибо мы жаждем одного: двигаться дальше.

А пока что мы сидим себе в тени и ждем, когда же наконец объявят отправление. Что до меня, с меня довольно этих маневров, довольно этой тряской езды к стерилизованному Новому Иерусалиму, и меня не интересует, в какую сторону ехать — вперед ли, назад ли... Не дождется меня Новый Иерусалим — ни тот, ни другой! Я не еду.

Так что всего хорошего! Пусть человечество остается ждать на обломках железнодорожных крушений, пусть себе сидит под железнодорожной насыпью любви. Между про-

[90] «*Sois mon frère, ou je te tue*» (*фр.*) — «Стань мне братом, или я убью тебя» (повторяется 2 раза).

[91] *Новый Иерусалим* — так в последней книге Библии, «Откровении Иоанна Богослова», символически названо Царство Божие на земле — идеальное тысячелетнее правление Иисуса Христа после его второго пришествия на землю. Лоуренс всю жизнь размышлял над «Откровением Иоанна Богослова» и за несколько дней до смерти закончил книгу своих комментариев к нему («Апокалипсис», 1930).

чим, некоторые там неплохо устроились, поглощая заготовленные впрок припасы. Зато дальше, на некотором расстоянии от насыпи, можно видеть людей с окрашенными зеленым губами: это те, кому приходится питаться травой. Но и те и другие с тупым упрямством автоматов сидят и ждут, когда же восстановится любовное сообщение и снова пойдут поезда на Новый Иерусалим. Время от времени какой-нибудь паровоз издает гудок любви, и им кажется, что наступают наконец перемены. А у некоторых паровозов даже хватает пару, чтобы выразить свистком свое нетерпение по поводу затянувшегося ожидания. Однако на самом деле никогда уже не наберется столько любовного пара, чтобы вся эта система вновь пришла в движение. Она уже свое отработала.

Итак, до свидания! Можете протягивать свое железнодорожное полотно из конца в конец до бесконечности. Все равно самые живописные места и края останутся от него в стороне. А я удаляюсь. Прощайте! Ах, как прекрасно быть наедине с самим собою — не слышать тебя, не видеть тебя, не общаться с тобой, человечество. Оставайтесь и делайте что хотите, но без меня. До свидания!

Хорошо быть наедине со своей душой. При этом заметьте: быть в одиночестве — не значит быть без души. Быть в одиночестве — значит быть наедине со своей душой. Быть наедине со своей душой и испытывать радость от этого — вот настоящее назначение жизни. Только моя душа — и я. Не мое эго, не мое понимание самого себя. А просто моя душа. Быть единым и цельным в моем собственном «я».

И больше никого и ничего не искать. Не желать, не надеяться, не вожделеть. Сделать паузу и быть в одиночестве.

И конечно, всегда иметь рядом свою «нежную супругу», чтобы время от времени полностью в ней растворяться. Потому что быть в одиночестве и в мире с самим собой — на самом деле означает быть с близким существом вместе. Быть вдвоем с той, с которой можно вместе молчать, внутренне даже не замечая друг друга. Я — в своей обители покоя, она — в своей, и между нами — гармония, баланс, чистая циркуляция. Конечно, покой нужно иногда нарушать, делать в нем перерывы, когда он грозит перейти в нечто перманентное и самодовлеющее.

Говорят, что само путешествие лучше его окончания и прибытия в пункт назначения. Только не для меня. Путешествие любви было для меня слишком уж изнуряющим. Так что если и стоило в него пускаться, то лишь ради того, чтобы прибыть на место и оказаться в приятной обстановке, среди больших деревьев, со своей «обожаемой супругой», которая наконец-то научилась придерживать язык за зубами и не вдаваться в долгие рассуждения о справедливости и несправедливости мира, в том числе относительно своей конкретной особы... Ради того, чтобы разбить лагерь, изжарить кролика и с аппетитом съесть его, чтобы хранить в своей душе молчание и знать, что весь этот шум и гам хоть на какое-то время остались где-то далеко позади. Вот лучшее, что я знаю.

Я думаю — как это ужасно быть молодым. Экстазы и агонии любви, экстазы и агонии страха, колебания и со-

мнения, с трудом дающаяся самореализация, мучительное обретение себя — вот что такое молодость. Это также чудовищно сложный процесс установления человеческих взаимоотношений, в особенности же взаимоотношений в любви и браке. Все мы начинаем свой жизненный путь с незавидным багажом — с нашими идеями о чистой любви, с нашими идеями о несексуальном, «головном» сексе, с нашим гипертрофированным самосознанием. Со всем этим «богатством» мы вступаем в реальную жизнь и барахтаемся в ней, набивая себе шишки и синяки. К этому добавляется горечь вечного конфликта с «обожаемой супругой», у которой тоже полная неразбериха в голове, от чего она ершиста и колюча, так что и в руки ее не возьмешь. Да, ужасно быть молодым, но жизнь все ставит на место, каленым железом выжигая наше искаженное самосознание, наши выдуманные представления о сексе, наши понятия об идеальной любви, и после каждого такого выжигания душа становится все менее чувствительной, а внутреннее «я» — все более целостным, пока не достигает полной свободы.

Лучшее, что приходилось на мою долю,— это покой совершенного брака, когда душа пребывала в полном умиротворении, когда я наслаждался общением с любимой женой, когда чувствовал, что живу полнокровной жизнью, когда забывал о душевных разладах с самим собой.

Но — снова к твоим шатрам, о Израиль! Снова к полюбившемуся нам младенцу, которого мы оставили мирно дремать. Продолжая нашу тему, хочу сказать следующее: на каждой жизненной фазе нам необходимо установить

и развить мощный поток циркуляции человеческих взаимоотношений. В детстве это циркуляция семейной любви, установившаяся в первых четырех центрах сознания; постепенно развиваясь, она достигает своей полноты. Эта циркуляция семейной любви должна быть закончена, динамически завершена в подростковом возрасте. Затем она приходит в состояние покоя. После полового созревания семейная любовь спокойно дремлет в сознании подростка. Так или иначе, но любовь не прерывается никогда. Она продолжает существовать статично, уходит в основание эмоциональной психики, в основание «я». Точно так же, как Луна — вечный спутник Земли — неизменно следует вокруг нее по своей орбите, и это воспринимается нами, как нечто само собой разумеющееся. Правда, Луна по временам слегка хмурит брови, когда Земля слишком уж отклоняется от своей орбиты...

Так и родительская любовь: исполнив свою задачу, она не иссякает, а продолжает течь тихо и ровно, и это воспринимается нами, как нечто само собой разумеющееся. И тогда ребенок получает свободу устанавливать новые связи, которые по своему значению будут для него важнее связей с родителями. Повторяем: родители никогда не должны устанавливать между собой и детьми взрослых взаимоотношений — симпатий, интересов и т. п. Любая попытка в этом направлении приведет лишь к серьезным нарушениям глубинной первичной циркуляции, являющейся динамическим основанием жизни. Цена этого преждевременного карабканья вверх — травмирование от падения. Родители навсегда должны оставаться родителями, а дети детьми, и ту огром-

ную пропасть, что их разделяет, никогда не следует переступать. «Почитай отца твоего и мать твою» — такова главная из библейских заповедей. Но следовать ей возможно только тогда, когда отец и мать соблюдают надлежащую родительскую дистанцию, а вместе с нею и достоинство, осторожность и чувство меры. Но как только отец и мать начинают навязываться своим детям в друзья-приятели, они надрубают едва окрепший корень жизни, прерывают живую динамическую циркуляцию и ставят под угрозу весь жизненный поток — свой собственный и своих детей.

Повторяем снова и снова: нельзя путать и смешивать различные типы динамической любви. Попробуйте, и вы сами не будете рады. Нельзя пересадить сердце под диафрагму или вставить глаз посреди лба. Точно так же нельзя превратить родительскую любовь в дружеские отношения или во взрослую любовь. Родительская любовь устанавливается в больших первичных центрах, в восприятии которых мужчина — это отец или сын, брат или товарищ по детским играм, но уж никак не «сердечный друг» или возлюбленный. Друг и возлюбленный — это уже сфера динамической деятельности следующих центров, вторых четырех центров. И эти вторые четыре центра у родителя должны быть в активном состоянии, их интенсивная циркуляция установилась задолго до рождения ребенка, а быть может, и достигла полноты. Циркуляция личной дружбы и сексуальной любви должна быть установлена в вашей душе еще до того, как вы начнете воспитывать ребенка, или по крайней мере до того, как он вступит в подростковый возраст. Эти циркуляции

следующего уровня полностью устанавливаются у родителя даже прежде, чем у ребенка начинают формироваться соответствующие центры. Когда же четыре больших центра следующего уровня вступают у ребенка в действие (это происходит в подростковом возрасте), им приходится находить себе другой, посторонний объект приложения.

Но дело не только в этом. Динамический импульс новой жизни, возникающий в возрасте полового созревания, враждебен изначальному динамическому потоку. Он распространяет вокруг себя иные волны, иную вибрацию, которая обязательно должна быть чем-то сбалансирована и гармонизирована. Но соприкосновение нового импульса с изначальным даст в результате не гармонию, а перевозбуждение и смятение. В этом инстинктивном распознавании различных динамических вибраций из различных центров, различной природы и различной позитивно-негативной направленности преуспели даже дикари, у которых смешение этих различий является строгим табу. После полового созревания члены семьи, собственно, и должны как бы попадать друг по отношению к другу в область табу. Должны существовать четкие и определенные рамки, за которые им нельзя выходить в контактах друг с другом. Такие же рамки должны существовать для тещи и зятя, свекра и невестки. Мы должны заново изучить великие законы первого динамического жизненного потока. Сегодня эти законы нами полностью нарушаются, а вследствие этого разрушается наша душа, наша психика, наши разум и здоровье.

Основная тема этой книги — сознание ребенка. Мы не намерены вторгаться в сферу изменения сознания после полового созревания. И все же динамические отношения ребенка с родителями настолько взаимосвязаны на психофизическом уровне, что для понимания детского динамического сознания мы должны кое-что понять и о соответствующем родительском сознании.

Мы утверждаем, что природа любви между детьми и родителями исключает возможность той любви, которая существует между мужчиной и женщиной. Мы утверждаем, что полярность первых четырех полюсов несовместима с полярностью вторых четырех полюсов. Более того, между двумя большими полями существует определенное динамическое противостояние, взаимный антагонизм, даже антипатия. Поэтому при естественном развитии отношений перепутать родительскую любовь со взрослой попросту невозможно.

Но мы существа «интеллектуальные», и нами усвоен механический и взрывоопасный набор идей, с помощью которых мы можем извратить всю психику. Идеи по отношению к психике обладают не позитивными или конструктивными возможностями, а одними лишь деструктивными.

Однако вернемся назад. При нормальном ходе развития ребенка за время с момента его рождения до времени полового созревания динамическая душа матери успевает сложиться во всей ее целостности как во взаимоотношениях с ребенком, так и (на следующем, более высоком уровне) во взаимоотношениях с мужем и ее близкими друзьями. Отсюда следует, что, достигнув подросткового возраста, ребе-

нок неизбежно отторгается от семейных связей и ищет связей вне своей семьи.

А теперь давайте вспомним реальное положение вещей в наши дни. Ведь сегодня полюса полностью поменяли свою половую принадлежность. Женщина сегодня — законодатель в семье. Она сознательно ведет и направляет мужчину буквально во всем. Она крепко удерживает его душу в своих руках. Секс для нее — всего лишь функция и инструмент власти. Мужчина же все больше становится источником и рабом чувств — как чувств любви, так и чувств, им противоположных.

Само по себе это не тревожит мужчину, даже доставляет ему удовольствие. Но это удовольствие, как и в любой другой подобной игре, приедается очень быстро. Со временем он начинает испытывать от всего этого усталость и раздражение. С другой стороны, замужняя женщина, перейдя рубеж своего тридцатилетия, почти неизбежно начинает чувствовать к мужу неприязнь и презрение или жалость, граничащую с презрением. Особенно если он образцовый, по современным понятиям, муж. А муж, пребывающий в смятении чувств, сознает лишь одно: он не любим так, как должен быть любим.

И тогда начинается новая игра. Женщина, даже самая добродетельная, начинает оглядываться по сторонам в поисках новой симпатии. У нее обязательно появляется новый друг, а часто и нечто большее. Но самое большое, что у нее есть,— это ее ребенок.

Взаимоотношения между матерью и ребенком в наши дни практически никогда не бывают нормальными взаимоотношениями родителя и ребенка. Они носят слишком личный характер, то есть изначально имеют тенденцию становиться взрослыми взаимоотношениями.

Мать в ее новой роли устроителя жизни никогда не дает своему ребенку спонтанного ответа из глубин ее динамических центров. Нет, она думает лишь о том, что для него «полезно». Молоко ему она дает по часам, спать ему разрешает лишь тогда, когда молоко переварено им, самым рациональным образом сочетает ванны с массажами и прогулки с занятиями. Маленький организм вырастает, словно искусственно взращенный гриб-шампиньон. Но и после того как малыш становится на ноги, мать продолжает его образцово, а значит, искусственно взращивать, проводя его через все стадии идеального воспитания. Она любит его, как химик любит пробирки, в которых проводит свои опыты. Она воспринимает своего ребенка, как некий маленький, одушевленный предмет исследования. Она конструирует каждый день его счастливого детства.

Бедный малыш не знал в своей жизни ни одного мгновения, которое не было бы ему заранее предписано его красивой, доброжелательной, идеальной, боттичеллиевски чистой и все же до непристойности деспотичной матерью. Никогда, ни единого раза не отведал он и глоточка простой человеческой доброты — он знал одно лишь стерилизованное молоко материнской любви. Сегодня не осталось ни капли настоя-

щего материнского молока, разве что в вымени тигрицы или самки кита. А наши человеческие дети пьют из груди своих мамаш один лишь лечебный отвар идеальной любви.

Никогда, ни единого раза не чувствовал бедный малыш, как из нутра его матери устремляется в его нутро глубокий теплый поток настоящей, природной любви. Никогда, ни единого раза не испытал он в себе сил отторжения, отделения своей души ради глубокой, чудесной независимости. А мать никогда не была подвержена той непосредственной импульсивности, с какой кошка опрометью убегает от своих котят, совершенно забывая об их существовании, пока вдруг, так же внезапно, не восстанавливается в ней динамическая циркуляция, и тогда она вдруг вспоминает о них и с отчаянными воплями мечется по всему дому, разыскивая их и тоскуя по ним.

Наши несчастные младенцы никогда не узнают этих внезапных угрызений совести матери, этой искренней материнской радости — всего того, что таит в себе истинно материнское тепло. Наши прекрасные матери ни на миг не выпускают нас за пределы своего разумения нашего блага. Ни на секунду не позволяют ускользнуть от их идеальной и навязчивой заботливости. Ни единого свободного вздоха не может сделать наш младенец — свободного от бремени чистой, самоотверженной, боттичеллиевски святой и деспотичной любви его матери. Ох уж эта материнская любовь, диктуемая идеальной волей, направляемой идеальным разумом. Всегда этот камень, этот скорпион[92] материнского воспитания. Всегда эта инфернальная Мадонна, иссушающая наши

жизненные соки, доводящая нас до умоисступления, до смерти своей любовью.

Мы добились того, что идея заменила нам и спонтанный импульс, и традицию. В нас нет и намека на цельность. Всей нашей жизнью движет зловещая любовь-воля. Увы, великая спонтанность, ты нами сведена к нулю. Нет больше великой спонтанной эманации витальной любви, нет больше прекрасного импульса гордого отталкивания ради одиночества и высокой независимости. Нет возврата к великим традициям родительского воспитания. Зато есть суррогаты на все случаи жизни — суррогаты самой жизни. У нас уже есть искусственные заменители масла и мяса, сахара и соли, кожи и шелка — так почему бы нам не иметь и заменителей самой жизни? Таких, как пагубная доброта, лицемерное благоволение, злонамеренное милосердие и вредоносные идеалы.

Бедное существо, вытолканное в жизнь чудовищным усилием воли и становящееся мужчиной при помощи всяческих искусственных приспособлений, главное из которых — неугомонная материнская воля! Какое грустное зрелище. Существо это вырастет и нарожает подобных себе существ, чтобы они изобрели новые аэропланы и клиники, новые за-

92 *«Всегда этот камень, этот скорпион...»* — аллюзия на слова Иисуса Христа, которые приводит евангелист Лука: «Какой из вас отец, когда сын попросит у него хлеба, подаст ему камень? ...Или, если попросит яйца, подаст ему скорпиона? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него» (Евангелие от Луки, гл. 11, ст. 11—13).

менители еды и противозачаточные средства, новые виды оружия и отравляющие газы. И в самом деле, нам ничего не остается другого, как изобрести сильнодействующий отравляющий газ летального действия, который позволил бы человечеству радикальным и быстрым способом вырваться из порочного круга.

На самом же деле выхода из порочного круга нет и быть не может. И порочнейшим из всех порочных кругов на сегодняшний день являются взаимоотношения матери и ребенка. Так что же нам делать? Да ничего, просто терпеливо ждать, пока какой-нибудь изобретатель и в самом деле не придумает по-настоящему отравляющий газ.

Ах, идеальное человечество, до чего же ты уродливо и отвратительно! Ты и в самом деле заслуживаешь смертоносного отравляющего газа! Каковым могут стать миазмы от твоего собственного гниения.

Нет никакого смысла и дальше наблюдать развитие современного ребенка, этого продукта рассудочно-сознательной материнской любви. Наблюдать это порождение идеала, наделенного своей собственной дьявольской волей, но исполненного самых благих намерений, подобных тому ангельскому самосознанию сатаны, которым просвечен весь облик боттичеллиевского творенья.

Когда осознаешь весь этот феномен современной жизни и современной родительской любви-воли, то так и подмывает отбросить ручку, плюнуть на все и прокричать троекратное «ура» будущему изобретателю радикального отравляю-

щего газа. Говорят, какой-то американец изобрел средство, с помощью которого Лондон за пять минут может превратиться в Помпеи[93]. Или он только бахвалился? Откуда он мог знать действие своего средства и на ком мог экспериментировать? Так или иначе, но я прочел об этом в газете.

Представить себе — за какие-то пять минут огромный Лондон превращается в Помпеи! Вот был бы фокус! Все боги остались бы в дураках!

[93] *Помпеи* — большой античный город на побережье Неаполитанского залива (Италия), жители которого погибли в 79 г. н. э. при извержении вулкана Везувий, у подножия которого он начал строиться, виднмо, еще в XVIII в. до н. э. Однако сам город, залитый лавой и засыпанный пеплом, прекрасно сохранился под вековыми напластованиями земли и был случайно обнаружен в XVII в. при строительстве водопровода. С 1748 г. в Помпеях велись раскопки. В начале XX в. Лоуренс и его современники уже имели возможность прогуливаться по улицам города, наполовину отрытого из-под земли.

Глава XII

МОЛЬБЫ И УВЕЩАНИЯ

Я подумал, а не лучше ли перевернуть страничку и приняться за новую главу? Предыдущую я начал с намерения отыскать выход из порочного круга, а закончил отравляющим газом.

Да, дорогие читатели, именно так я ее и закончил. И все же вы не закрыли мою книгу. Несмотря ни на что вы продолжаете читать дальше.

Мы действительно попали в скверную переделку. Мы и в самом деле оказались в порочном кругу. Что ж, давайте вернемся к проблеме отравляющих газов. Секрет греческого огня[94] давно уж утрачен, а мир остается все таким же прекраснодушным и идеальным. Так что в области отравляющих газов нам придется предпринять еще немало усилий. Лондон за пять минут превращается в Помпеи! Подумать только! «Как переплюнуть Везувий?» — вот превосходное название для книжки какого-нибудь американского автора.

Ну а пока не решена проблема с отравляющими газами, остается только одно (хотя это будет и потруднее): перестать наконец любить. Перестать быть доброжелательными, покончить с благими намерениями. Отказаться от этого раз и навсегда. А вы, родители, продолжая следить за тем, чтобы у ваших детей всегда были обеды и чистые простыни, не любите их. Не любите сами и не давайте любить никому другому. Давайте им крышу над головой и пропитание, но оставьте их, ради бога, в покое. Вы уже и так залюбили

их до невозможности. Пусть они растут независимыми и сами решают свои проблемы.

Жены, больше не любите своих мужей — даже если они умоляют об этом. Ни в коем случае не любите их, этих переросших младенцев! Не уставайте повторять им: «С меня уж и так довольно, я уж и так налюбилась!» Не любите их и не заботьтесь о них. Но это вовсе не означает, что их следует ненавидеть и презирать. Просто не имейте с ними ничего общего. Продолжайте варить им яйца вкрутую, наполняйте им солью солонки, будьте с ними вежливы и приветливы, но в душе оставайтесь одинокими и спокойными. Сохраняйте независимость и безмятежность, соблюдайте общепринятые приличия, но отвергайте неприличие претензий на вашу любовь, пресекайте проявления привязанности и преданности — все эти дьявольские отравляющие газы, порождения ада.

Так вот, милые жены, не любите ни ваших мужей, ни ваших детей, вообще никого. Держитесь независимо и спокой-

94 *Греческий огонь* — т. е. то оружие, благодаря которому в Средние века флот Византии господствовал на Средиземном и Черном морях. Это же оружие византийцы применяли и при осаде крепостей. Им удавалось держать в секрете способ производства своего устрашающего оружия не только благодаря чрезвычайным средствам безопасности, но и, главным образом, благодаря общему техническому превосходству над другими средневековыми народами Европы и Ближнего Востока. Но Лоуренс ошибается, полагая, что секрет «греческого огня» утрачен. Это громоздкое оружие представляло собой зажигательную смесь из смолы, нефти, серы, селитры и т. д., которая из аппарата, где она приготавливалась, по специальным медным трубам доставлялась в метательные машины и оттуда с огромной силой летела в сторону корабля или крепости противника, причем «греческий огонь» нельзя было погасить водой.

но, да и мужа с детьми усмиряйте. Вытирая пыль в гостиной, говорите себе: «До чего же сладостно одиночество». А если ваш муж придет к вам и пожалуется, что простыл и что у него, наверно, будет воспаление легких, спокойно скажите ему:

— Не бойся, не будет.

И если он пожелает выпить хинину, дайте ему хинин, раз он сам не может найти.

Если ваш маленький сын упадет с лестницы и разобьет себе губы в кровь, вытрите ему рот и утешьте его, но оставайтесь внешне спокойной, даже если внутри вы вся дрожите от потрясения, и не забывайте повторять про себя, обращаясь к своему «я»: «Одиночество. Главное — одиночество. Будь одинока, моя душа».

Если служанка разбила вашу красивую люстру, ограничьтесь словами:

— А нельзя ли поосторожней?

Но самой себе скажите: «Какая это, в сущности, ерунда. Стоит ли огорчаться из-за каких-то стекляшек?»

Мужья, больше не любите своих жен. Даже если они флиртуют с другими мужчинами, не позволяйте себе огорчаться. Можете уйти — уходите. А если не можете или не хотите, просто скажите жене:

— Я предпочел бы, чтобы ты не флиртовала в моем присутствии, Элеонора.

Не укоряйте ее и ни о чем не расспрашивайте, даже если она покраснеет или попытается все отрицать. Если же она пустится в слезы, не утешайте ее, а спокойно скажите себе: «Моя душа принадлежит лишь мне одному». Не произнеся

больше ни слова, выйдите из комнаты, забудьте о жене и наслаждайтесь своим одиночеством.

В том же случае, если она впадет в истерику и начнет говорить, что лучше уж умереть, чем быть нелюбимой, спокойно скажите:

— Но ведь ты, как мне показалось, любима, хотя и не мной.

Ее рыданья, угрозы, мольбы и упреки, ее попытки подластиться к вам или даже завлечь вас в постель полностью игнорируйте. Вместо этого говорите себе: «К чему участвовать в этом дешевом спектакле любви? Ради чего подвергаться облучению этим гибельным, искусственным светом?» Пусть вы содрогаетесь всеми фибрами своей души, пусть вас тошнит, буквально тошнит от этой сцены, но держите себя в руках и говорите себе: «Моя душа принадлежит одному только мне, и я никому не позволю над ней измываться». Извлеките из этого тот урок, который в конечном счете только и стоит извлечь: нет ничего важнее, чем обрести свою душу. Рыдает ли ваша жена, снимая перед сном свои янтарные бусы, отрывают ли вашу пуговицу в трамвае, бранится ли ваш начальник, наглеет ли ваш подчиненный, читаете ли вы в газете, что Ллойд Джордж[95] учинил новое беззаконие или что немцы плетут новый заговор,— при любых обстоятельствах говорите себе: «Моя душа принадлежит лишь мне одному. Моя душа со мной, и вся эта суета сует ее не каса-

[95] *Ллойд Джордж Дэвид* (1863—1945) — премьер-министр Великобритании в 1916—1922 гг., т.е. на момент написания данной книги.

ется». А когда обретете свою собственную душу, спокойно ждите встречи с другим человеком, который так же, как и вы, сделал свой выбор и остается верен ему. Вы его сразу узнаете по особому выражению лица: оно и настороженно-недоверчивое (взгляд Каина), и прекрасное (спокойная, собранная красота). И тогда вы двое станете ячейкой нового общества. Наконец-то!

Но если вы так никогда и не встретите второго такого, как вы; если ваша жена ежедневно будет мучить вас своей деспотичной любовью; если она даже доведет себя до чахотки из-за своей упрямой и своевольной любви (которая совершенно не то же самое, что любовь бескорыстная); если вы увидите, как мир под действием отравляющего газа скатывается в свою отравленную могилу, вы все равно не сдавайтесь. Оставайтесь одиноким, совершенно одиноким наедине со своею душой, в безмятежном покое и в сладостном обретении своей души. Никогда не гневайтесь. Никогда не печальтесь. К чему вам это? Вас ничего не должно касаться.

Но если ваша жена сама придет к такому же покою через сладостное обретение своей души, тогда вам следует нежно и бережно помочь ей утвердиться в этом новом для нее качестве, на этом новом уровне ваших взаимоотношений, в которых будет уже нечто от спонтанного рая, от вкуса яблока познания, наконец-то вами надкушенного. Но пока вы сумеете его надкусить, вам предстоит еще ох как настрадаться. Надкусить это яблоко труднее, чем просто сорвать его.

Глава XIII

КОСМОЛОГИЧЕСКАЯ

Как видите, дорогие читатели, глава XII была короткой, а потому, надеюсь, понравилась вам.

Однако не забывайте, что это книга о детском сознании, а не трактат о спасении души. Не моя вина, что время от времени мне приходится прибегать к увещаниям.

По крайней мере, одно уже кажется очевидным — нам с вами необходима пауза. Необходимо посидеть спокойно и попытаться не только собраться с мыслями, но и разобраться со своим «я». Скажите себе: «Погоди, а к чему мне все это?» А поняв, что поддались суете, задайте себе вопрос: «Из-за чего я, собственно, суечусь?» И вы увидите, что суетиться вам нет никакого резона. Иногда, конечно, можно и посуетиться, иначе недолго и мхом порасти, но, дорогой мой читатель, насколько приятней не суетиться! Насколько приятней не испытывать всех этих волнений, подобных штормам в Бискайском заливе[96]. Прикажите бурным водам своей души утихнуть, и они, может быть, вас послушают.

Только тогда и начинаешь понимать, что все эти бурные штормы души, все эти отчаянные вспышки эмоций не стоили и выеденного яйца. Нельзя ведь жить чьей-то жизнью или умирать чьей-то смертью, кроме своей собственной. Нельзя все время спасать чьи-то души, кого-то наставлять на путь истинный (или не слишком истинный, что в наше время получается даже лучше). Наше дело пребывать в безмятежном покое, не обращая внимания на охваченный безу-

мием мир. Просто взять и отвернуться, и каждому успокоиться, пребывая один на один со своей душой в обители Святого Духа, который и есть истинная душа человека.

Это и есть выход из порочного круга. Не метаться по окружности, подобно кролику на цирковой арене, а стать в самый центр круга и там наполниться новой дивной уверенностью, получая свой заряд от непостижимого центра центров. В своем безумии мы пытаемся изобрести всяческие аппараты и механизмы, на которых можно было бы улететь как можно дальше от грешной земли. Мы почему-то не понимаем той простой истины, что себя можно найти, не отлетая в неведомые дали, а сумев безошибочно угодить в сферу совершенной циркуляции земного магнетизма. Разве можно улететь от собственной сущности? Разве может дерево мечтать о том, чтобы летать, как птица, а птица — расти из земли, как дерево? Хотя, с другой стороны, птица — это тот же листок, но растущий выше других листьев этого дерева: трепеща в высоком, бездонном небе, птица так же крепко привязана к дереву, как и любой другой лист, и всегда возвращается на его могучие ветви. В этом же смысле теория относительности Эйнштейна вовсе не отменяет Ньютонова закона тяжести и всемирного тяготения. Она лишь дополняет и развивает его. «Так знайте же,— заявляет эта теория,— что закон тяжести — это вовсе не абсолютное утверждение, каким вы

96 *«...подобных штормам в Бискайском заливе».*— Бискайский залив Атлантического океана, у берегов Франции и Испании, славится частыми и сильными штормами.

пытаетесь его представить. За ним скрывается невероятная сложность вещей. Тяготение — это не просто одна элементарная, грубая сила. Это удивительная, бесконечная сложность, это хрупкое равновесие сил». И все же, как ни рассуждай об относительности явлений и с какой силой ни размахивайся, бросая камень вверх, он все равно упадет на землю под действием Ньютоновой силы тяжести.

Напрасно мы радуемся и восклицаем, что теория относительности избавила нас от прежнего упрощенного представления о том, что Земля — центр Вселенной. Ничего подобного! Она просто сделала это прежнее представление более зыбким, хрупким, сложным и живым. Единственное, от чего она нас избавила,— так это от прежней наивной, идеальной простоты. Ведь идеальная простота и идеальная логика давно уже костью стали нам поперек горла.

В который уже раз мы бросаем Вселенную в котел нашего разума и нудно, монотонно варим ее там. Можно варить ее сколько угодно, сопровождая это священнодействие всем известным нам ученым жаргоном и всей зазубренной нами научной абракадаброй,— и в результате мы не получим ничего иного, кроме очередных заумных формул и очередной лжи. Атом? Ну что ж, в тот самый момент, как мы расщепим атом, он взорвется у нас под носом. И в тот самый момент, как мы откроем точный состав эфира, он испарится у нас из-под носа. Да и вообще, в тот самый момент, как мы проникнем в самый корень какого-то сложного явления, оно распадется у нас на тысячи еще более сложных явлений. Чем

больше проблем мы решим, тем больше новых проблем получим, и все они оставят нас с носом.

Существует лишь один ключ к Вселенной — индивидуальная душа индивидуального живого существа. Вся эта внешняя Вселенная, состоящая из мириад солнц, лун и атомов,— нечто иное, как мертвый остаток живых организмов. Великая полярность заключена в самой жизни. Жизнь сама по себе дуальна, то есть состоит из собственно жизни и смерти. А смерть — это не просто тень или тайна. Это негативное проявление жизни. Это то, что мы зовем материей и энергией.

Жизнь была, есть и будет индивидуальной. Она состоит из живых индивидов, и так было испокон веку — даже в начале всего сущего. Не было еще никакой Вселенной, никакого космоса, но уже были живые, нераздельные индивиды — первое, что появилось в космосе раньше самого космоса. Я этим не хочу сказать, что это были точно такие же индивиды, как вы и я. Но они и не слишком отличались от нас: индивид ведь и есть индивид.

Так что идеалистам и ученым (а между ними нет ни малейшей разницы) пора бы уже перестать на своем птичьем языке щебетать об атоме и происхождении жизни, пора бы прекратить поиски механического ключа к Вселенной. Его попросту не существует в природе. С таким же успехом я мог бы утверждать, например, такое: «А потом они взяли телегу и густо смазали ее со всех сторон топленым салом. Затем они опрыскали ее белым вином и придали правому колесу постоянную скорость пятьсот оборотов в минуту, а левое стали

вращать в противоположном направлении со скоростью семьсот семьдесят семь оборотов в минуту. Затем к каждой оси прикрепили по горящему факелу. И вдруг передняя часть телеги раздалась, телега застонала, заржала — и, о чудо! — перед нами появилась лошадь, которая, тяжело дыша, улеглась между оглоблями». Так называемая «научная теория происхождения Вселенной» ничем не лучше этой глупой байки о том, как телега зачала и родила лошадь.

Я ни на йоту не верю тому, что наука рассказывает мне о Солнце. Я никогда не поверю, что Луна — это мертвый мир, отделившийся от Земного шара. Не могу я поверить и в то, что звезды отделяются от других звезд, словно капельки воды, слетающие с мокрого носового платка, когда им тряхнешь как следует. Двадцать лет я во все это верил, ибо все это казалось мне убедительным и логичным. Теперь же никакой убедительности я в этом не вижу. Смотрю на Луну и на звезды и не верю ничему, что о них говорят ученые. Разве что имена, которые они им дали, мне нравятся: Альдебаран, Кассиопея и так далее.

Я честно и добросовестно пытался поверить в существование ключа к Вселенной, и одно время у меня это даже получалось. Но теперь мне претит от всех этих научных жаргонных словечек, и я скорее поверю чернокожей колдунье-целительнице, чем науке. В мире нет ничего неоспоримо истинного, за исключением того, что проверяется эмпирически, что можно увидеть глазами или пощупать руками. Я знаю, что Солнце горячее, ибо чувствую это кожей. Но не надо мне рассказывать, что Солнце — это шар кипящего га-

за, который вертится вокруг своей оси и, шипя, испускает тепло. Нет уж, увольте.

С моей точки зрения — и в этом я убежден,— жизнь, и одна только жизнь является ключом к Вселенной. А живой индивид является ключом к жизни. Так было всегда, и так всегда будет.

Когда индивид умирает, начинается царство смерти. Начинаются все эти вещи — материя, элементы, атомы, силы, Солнце, Луна, Земля, звезды и т. д. и т. п. Словом, начинается внешняя Вселенная, космос. Космос — это, по сути, не что иное, как скопище мертвых тел и высвобожденной энергии уснувших вечным сном индивидов. Мертвые тела, как известно, разлагаются на элементы, составляющие землю, воздух, воду, тепло, излучение, свободное электричество и многое другое, о чем нам так толково рассказывает наука. Мертвые души тоже разлагаются, хотя далеко не все. Если разлагаются, то не на элементы материи или физической энергии, а на некие метафизические элементы, переходящие в психическую реальность и потенциальную волю, которые вновь возвращаются в живую психику живых индивидов. Живая душа впитывает в себя мертвые души точно так же, как грудь впитывает в себя воздух и как кровь впитывает в себя солнце. Душа и индивидуальность человека не могут после его физической смерти распасться на материальные составляющие. Мертвая душа остается все той же душой, сохраняя все свои индивидуальные качества. И она не разлагается, а вступает в живую душу и в ней продолжает жить, являясь одновременно и свидетелем смерти, и агентом

жизни. Как правило, однако, она не получает права на отдельное существование, она лишь инкорпорирована в живую, индивидуальную душу. Но в некоторых экстраординарных случаях мертвая душа может существовать и действовать независимо от живой души.

Как все это происходит и каковы законы взаимоотношений между жизнью и смертью — этого я не знаю. Но то, что такие взаимоотношения существуют, и именно в том виде, в каком описаны мною,— в этом я твердо уверен. И я так же твердо уверен в том, что если мы сосредоточим на этом свое живое внимание, вместо того чтобы исследовать какие-то абсурдные атомы, то перед нами откроется целая Вселенная знаний. Вселенная жизни и смерти, о которой мы, непосредственно участвующие в этой жизни и смерти, до сих пор ничего не знаем. В то же время относительно мертвой Вселенной, Вселенной материи и энергии, мы накопили целую кучу заумных теорий, попутно сделав массу сомнительных и даже опасных изобретений и открытий, таких, как машины и пресловутые отравляющие газы, без которых человечеству жилось бы намного лучше.

Раз уж нам привелось родиться, мы должны жить, а не играться в машины или идеалы. А жизнь — это, в сущности, спонтанная живая душа, из которой, как из главного центра, и возникает реальность жизни. Спонтанная, живая, индивидуальная душа — вот ключ ко всему сущему, единственный ключ. Все остальное — производное от нее.

Каким образом индивидуальная душа оказалась в центре всего, потеснив даже само Солнце,— этого я не знаю.

Но это так. Свое, особенное динамическое напряжение живой души в каждом сорняке, в каждом зверьке и в каждой букашке, отдельно и индивидуально поляризованное по отношению к огромному полюсу Солнца,— вот на чем держится жизнь самого Солнца. Ибо Солнце мы можем принять за большой симпатический центр окружающего нас неживого мира. И можем считать, что дыхание Солнцу дает эманация всего того, что живет и умирает. В космосе пульсируют бесчисленные вибрации живого, которые и есть основа всей материи. Эти вибрации, эти элементы выдыхаются умирающими и мертвыми, выходят во внешний мир и снова вдыхаются живыми существами. Душа Солнца незрима. Само Солнце есть душа неживого мира, совокупный ключ к смерти материальной субстанции, если можно так выразиться. Солнце — это большой активный полюс симпатической деятельности смерти. К нему устремляются вибрации молекул большого симпатического потока смерти, в нем они обновляются и возвращаются назад как огромное достояние, которым активный полюс симпатической деятельности смерти одаривает жизнь и все живое. Но не на мертвой субстанции в действительности держится жизнь самого Солнца. Она держится на динамических взаимоотношениях между солнечными сплетениями индивидов и его собственным, солнечным ядром — держится за счет этой совершенной циркуляции. Материально Солнце состоит из всей отлетающей к нему эманации мертвого. Но живое ядро Солнца поляризовано всем живым и живущим, поляризовано динамическими взаимоотношениями с ядром жизни всего живого, в осо-

бенности с солнечными сплетениями людей. Между моим солнечным сплетением и Солнцем существует непосредственная динамическая связь.

Точно так же, как Солнце является великим огненным, животворящим полюсом неживой Вселенной, Луна является другим ее великим полюсом — холодным, не испускающим тепло, но также животворящим, связанным каким-то образом с волевым полюсом всего живого. Мы живем в поляризованных потоках Солнца и Луны. А сама Луна поляризована поясничными ганглиями, прежде всего человеческими. Солнце и Луна динамически поляризованы по отношению к нашей живой материи, на которую они непрерывно оказывают свое влияние.

Луна по самой своей сути является полюсом нашего особенного, земного волеизъявления во Вселенной. Землю на ее космической орбите поддерживает, во-первых, великое динамическое тяготение к Солнцу, а во-вторых, противоположное отталкивание в независимое, отдельное существование, и это отталкивание поляризовано Луной. Луна есть ключ к нашей земной индивидуальной идентичности в необозримых просторах Вселенной.

Луна — мощный центр магнетизма. Совершенно несправедливо считают ее мертвым и мерзлым миром с безжизненными кратерами и тому подобным. На самом деле она состоит из живых, излучающих энергию элементов, таких как фосфор или радий, обладающих мощной химической, кинетической и магнетической активностью, воздействующей на нас из космоса.

То, что мы видим на небе,— это не Солнце. Это входящая и исходящая вибрация — и та, которую смерть извлекает из тела жизни, и та, что возвращается в тело жизни. Не исключено даже, что мертвые души успевают совершить путешествие к Солнцу и обратно, прежде чем мы вдохнем их в свои живые души. Та эманация живого, что мы выдыхаем, также отправляется к Солнцу и возвращается назад, чтобы мы снова ее вдохнули. Точно так же поднимаются прямо к Солнцу и возвращаются назад водные испарения. То, что мы видим, когда смотрим на Солнце,— это огромный, золотой, идущий от земли поток, дыхание смерти, заслоняющее от нас невидимое живое ядро, подобно тому, как туча пчел, повисшая над ульем, закрывает от нас свою королеву. Вот что мы видим, когда смотрим на Солнце. Центр же его мы никогда не сможем увидеть.

То же самое и с Луной. Она навек обращена к нам спиной. Вовсе не лицом, как нам нравится думать, а спиной. Луна точно так же, как Солнце, притягивает воду. Но только не путем испарения, а при помощи той магнитной силы, которую мы называем гравитацией. И вовсе не той, как в случае Ньютонова яблока: пытаясь уподобить эти два явления, мы на самом деле оказываемся дальше от понимания движения океанских вод, чем были до того, как пресловутый плод упал на голову сэра Исаака. Тут мы конечно же имеем не такой простой случай, когда «большой предмет» притягивает к себе «маленький предмет». В лунной гравитации есть нечто особенное и таинственное. Сила этой гравитации оказывает воздействие и на водные субстанции, и на фосфор, и на соль,

и на известняк. Динамическая энергия соленой воды коренным образом отличается от динамической энергии чистой воды. Именно динамическую энергию соленой воды отдает море, именно она связывает его с Луной. А Луна — это некий странный сгусток таких веществ, как соль, фосфор, сода. И уж конечно, она не мертвый мерзлый мир и не тот мир, куда, по представлениям многих, уходит холод нашего земного мира. Все это полный нонсенс. Лунный шар состоит из таких динамических субстанций, как радий или фосфор, коагулированных в некий живой полюс энергии, и этот полюс энергии непосредственно поляризован по отношению к нашей Земле, в оппозиции к Солнцу.

Луна рождается из смерти индивидов. Все, что индивидуально, все, что единственно, все, что находится в общности с чистой, универсальной единственностью, испаряется и как бы в едином выдохе летит к Солнцу. Даже древние, осыпающиеся скалы в дневное время суток делают выдох своей каменной смерти, направленный к Солнцу небес.

Ночью же камни выдыхают иначе, направляя свой выдох к Луне. Свет и тьма, если хорошенько подумать, всецело зависят от третьего, «вторгшегося» тела,— от индивида. Как всем нам известно, вне существования молекул индивидуальной материи не существует ни света, ни тьмы. Если попытаться представить себе Вселенную лишенной всякой материи, то свет и тьма в такой Вселенной будут неразличимы. Мы ведь даже не знаем, что представляет собой «чистое» от материи пространство между Солнцем и Луной, голубой космос,— мы не знаем, какой он сам по себе, *светлый* или

темный. Мы можем сказать светлый, но точно так же можем сказать и темный. Свет и тьма — это лишь слова, которые имеют смысл только для нас самих, то есть для третьего, промежуточного, субстанциального, индивидуального «вторгшегося» тела.

Если снова-таки хорошенько подумать, то свет и тьма означают одно — находимся ли мы лицом или спиною к Солнцу. Если лицом — мы устанавливаем циркуляцию космической, или универсальной, или материальной, или бесконечной любви. Эти четыре эпитета — «космическая», «универсальная», «материальная», «бесконечная» — почти взаимозаменяемы и относятся, как мы видим, к той области неиндивидуального существования, которую мы называем областью смерти материальной субстанции. Это Вселенная, возникшая из смерти индивидов. Именно такая Вселенная, и только она одна, обладает свойством бесконечности — это Вселенная смерти. Живые индивиды не обладают иной бесконечностью, кроме той, которую они обретают в отношении к этой всеобщей субстанции смерти и всеобщему бытию смерти — суммирующему космосу.

Великое чудо Света и Тьмы существует лишь относительно нас самих. Это два гигантских полюса космической энергии и материального существования представляют собой огненный полюс космической любви, который мы называем Солнцем, и другой, белый полюс космического волеизъявления, который мы называем Луной. Солнце наделено великой силой изливаемого им тепла и энергии, Луна — великой силой излучаемого ею магнетизма и электричества, а также ра-

диоактивности и многого другого. Солнце нельзя считать материальным телом. Это интенсивный, могучий полюс космической энергии. а то, что мы видим,— всего лишь частички наших бренных, земных останков, летящих к нему и отлетающих от него. Подобным же образом железная стружка притягивается мощным магнитом, или воздух в комнате струится к теплому очагу, образуя воздушную тягу, или мошкара неодолимой силой увлекается к зажженной свече. И воздух к очагу, и мошкара к свече притягиваются непреодолимыми чарами материальной полярности огня. Воздух входит в очаг и выходит оттуда, но уже горячим, совершенно иным. Точно так же воздействует на нас Солнце.

Огонь, утверждают ученые,— это горение. Просто поразительно, как наука спешит увенчать себя лаврами колдовства и алхимии, прибегая в своих объяснениях к абракадабре, не имеющей ни малейшего смысла. Ну, хорошо, а что такое горение? Попытайтесь ответить на этот вопрос научно, и, можете мне поверить, у вас ничего не получится. Вы можете, например, сказать такое: горение — это то, что происходит, когда материя достигает определенной температуры, и т. д. и т. п. С таким же успехом можно утверждать, что слово — это то, что случается, когда я открываю рот и напрягаю голосовые связки, а также лицевые и шейные мышцы. Оба объяснения абсолютно бессмысленны, ибо описывают средства осуществления, а не само явление.

Огонь может сопровождаться горением, но горение не обязательно сопровождается огнем. Если какие-то величины

«А» равны величинам «Б», это вовсе не означает, что все величины «Б» равны величинам «А». И что бы вы ни говорили, как бы ни возмущались, огонь не всегда означает горение. Огонь — это абсолют. Вы можете мне возразить, что огонь есть сумма различных феноменов. А я вам говорю, что это не так. С таким же успехом вы можете мне сказать, что муха представляет собою сумму двух крылышек, шести ножек и двух глаз навыкат. Нет, это мухе принадлежат крылышки и ножки, а вовсе не крылышкам или ножкам принадлежит муха. Муха — это не просто сумма составляющих ее элементов. Муха все равно есть муха, даже если ей оторвать все крылышки или ножки.

Так и с огнем. Огонь сам по себе является абсолютным единством. Он представляет собой динамический полярный принцип. Установите противоположную полярность между «лунным» принципом и «солнечным» принципом, между позитивным и негативным, между симпатическим и волевым динамизмом в любой разновидности материи — и вы получите огонь, вы получите феномен Солнца. Это внезапный выброс одного потока — солнечного, материального симпатического потока. Соответственно установите противоположную полярность между «солнечным» принципом и «водным» принципом, и вы получите водный распад, растворение в воде.

В нашей Вселенной существует два ярко выраженных динамических принципа, которые можно назвать «лунным» принципом и «солнечным» принципом. И эти принципы нам хорошо известны из непосредственного контакта с водой

и огнем. Солнце — не огонь. Но принцип огня — это «солнечный» принцип. То есть огонь — это спонтанное устремление к Солнцу материи, внезапно поляризованной Солнцем. Огонь — это спонтанное солнцеутверждение, порыв лишь к одному полюсу. Это внезапное откровение космической единой полярности — единой личности.

Но существует и другой полюс — Луна. Здесь действует другой абсолютный принцип, принцип воды. Луна — не вода. Но она душа воды, ключ ко всем водам.

Таким образом, мы приходим к осознанию нашей видимой Вселенной как широкой дуальной полярности между Солнцем и Луной. Это два гигантских полюса в космосе, сами по себе незримые, но видимые благодаря той циркуляции, что происходит между ними, вокруг них, циркуляции Вселенной, сосредоточенной вокруг космических полюсов Солнца и Луны. Это и есть бесконечность — позитивная бесконечность полюса Солнца и негативная бесконечность полюса Луны. Между этими двумя бесконечностями и помещается все существующее во Вселенной.

Однако остановимся на минутку. Ведь существование Вселенной на самом деле есть результат взаимной противоположности этих двух бесконечностей. Оно нуждается в третьем присутствии, ибо взаимодействие «солнечного» принципа и «лунного» принципа само по себе не могло бы сдвинуть с места ни одной молекулы материи. Чтобы возникла крупинка града, нужна частичка пыли, которая могла бы стать ядром града. Точно так же между двумя космическими бесконечностями должна лежать третья, еще более

безграничная бесконечность. Это и есть жизнь Святого Духа, индивидуальная жизнь.

Достаточно легко было бы представить себе, как две бесконечности, отталкиваясь друг от друга и отдаляясь в разные стороны, оставляют между собою пространство для жизни и тем самым ее «создают». Но нам хватит одной-единственной минуты полной тишины и сосредоточенности, в течение которой мы могли бы собраться не только с мыслями, но и со своим собственным «я», чтобы понять — это, конечно, не так. Не две бесконечности, а одна живая индивидуальная душа, умирая, расправляет в космосе два крыла бесконечности, создавая два полюса Солнца и Луны. Солнце и Луна — два вечных продукта смерти, смерти индивидов. Материя — все ее виды — порождается Жизнью. То, что мы называем вульгарной материей,— это продукт смерти индивидов, мертвые тела индивидов, распадающиеся и трансформирующиеся под совместным и противоборствующим воздействием молота и наковальни, огня и песка, воплощенных в Солнце и Луне. В начале времен умер первый индивид, его душа на крыльях Солнца и Луны отлетела в космос, а его мертвое тело, в чудовищном хаосе борьбы полюсов, было разорвано на части, трансформировано и брошено к подножию жизни. Наш мир был создан как подножие жизни, подножием жизни он навсегда и останется.

Вот мы и получаем ключ к гравитации. Все мы, люди, составляющие человечество,— одна семья. В нас пламенеет позитивное ядро всего сущего на Земле. Но под нашими ногами, в почве нашей родной планеты, залегает мощный

центр индивидуальной смерти каждого из нас, наша братская могила. Земля имеет один центр, по отношению к которому все мы поляризованы. Циркуляция жизни балансирует между нашей живой душой, являющейся позитивным центром, и темным центром Земли, являющимся великим негативным центром — расположенным глубоко под нами центром нашей материальной смерти. Такова циркуляция временного индивидуального существования каждого из нас. Мы стоим над своею собственной могилой, и по правую руку от нас — зажженный нами смертный огонь, Солнце, а по левую руку от нас — продукт нашей смертной эманации, Луна.

Центр Земли — это великий полюс индивидов, ушедших из жизни. Но это и центр смерти первого умершего индивида. Это первая зародышевая клетка смерти, породившая простым делением Солнце и Луну. По отношению к этому центру все мы, люди и деревья, да и все сущее на Земле, находимся в состоянии вечной поляризации. Рано или поздно каждый из нас падает на землю, притягиваемый ее центром, и умирает. Ключом гравитации, имеющимся в каждом из нас, ключом нашей смерти, нашего веса мы тянемся к центру Земли, но Земля отбрасывает нас, заставляя расправить крылья и устремиться к Солнцу и Луне. Подобно зародышу смерти, мы тоже делимся на две клетки. Когда мы умираем, наше излучение отлетает от Земли к Солнцу, а болотные огни нашей эманации летят к Луне.

Мы падаем на землю, и наша телесная оболочка остается в земле. Но восстаем мы не из земли. Восстаем мы из внеземного живого ядра, неувядаемой жизни. И Земля, и Солнце, и Луна — все они порождения нашей смерти. Лишь благодаря поляризованной динамической связи с нами, живущими существами, они удерживаются на своих местах и продолжают быть Солнцем и Луной. Неживая Вселенная держится на одной лишь жизненной циркуляции живых существ, найдя себе место под аркой, соединяющей два полюса бытия всего живого.

Глава XIV

СОН И СНОВИДЕНИЯ

Вы скажете — слишком уж далеко уклонился он от темы книги, посвященной детскому сознанию. Но вам это только кажется. Ведь на самом деле я не переставал писать о детском сознании. Просто мне необходимо было отвалить каменную глыбу научной космологии от входа в могилу, в которой насильно держат это сознание.

Итак, дорогие читатели, к какому выводу мы пришли? Прежде всего, мы установили, что мы сами являемся ключом к нашему собственному космосу. Живые индивиды всегда, от начала времен, были ключом к своему собственному космосу и останутся таковыми до скончания времен.

Что касается жизни, то она зарождалась не из энергии и материи и развивалась не путем эволюции. Никакой эволюции не было, да и быть не могло. Есть только развитие конкретного индивида. Человек был человеком с самой первой частички протоплазмы, являвшейся и до сих пор являющейся истоком его собственной индивидуальности. Что до истока, то о нем я знаю не слишком много. Знаю только, что исток лишь один и представляет он собой индивидуальную душу. И эта индивидуальная душа, этот исток всего сущего, сама, как это ни парадоксально, истока не имеет. Так что время — дело опыта, а точнее, личного ощущения каждого из живущих, и ничего более этого, а вечность — просто выверт ума. Но несомненно то, что каждая живая частичка —

даже амеба или тритон — обладает своей собственной, индивидуальной душой.

У каждого из нас есть своя собственная планета. Наше собственное индивидуальное бытие — это наша собственная единственная реальность. Но единственная реальность индивидуального бытия динамически и непосредственно поляризована по отношению к центру Земли, являющемуся негативным центром, общим для всех земных существ. Это тот центр, который при жизни мы попираем ногами и который притягивает нас после смерти. Ибо поскольку наше индивидуальное бытие позитивно, нам необходим негативный полюс, от которого мы могли бы отталкиваться. А когда наше позитивное индивидуальное бытие прерывается, когда мы умираем, наш индивидуальный центр гравитации притягивается к центру гравитации Земли.

Вот на каком мы находимся свете, мы, индивиды, рожденные жизнью, но уравновешенные и поляризованные совокупным центром материальной Земли, земным ядром, нашим мощным, нашим общим центром-ключом.

Возможно существование и других живых индивидов, принадлежащих к другим мирам; индивидов, поляризованных по отношению к центрам своих собственных планет. Но самое святое в моей собственной индивидуальности не позволяет мне поставить ту чистую индивидуальность, которая всецело принадлежит каждому из них, выше моей собственной индивидуальности.

Если же, однако, и на самом деле существуют другие люди, с их собственным миром, с их собственной землей под

ногами, тогда я считаю себя вправе сказать, что все мы, включая этих инопланетных людей, обретаем нашу бесконечную идентичность в Солнце. Ибо в круговороте смерти мы все проходим один и тот же огненный путь через одно и то же светило. А могут ли споры душ проникать через Солнце в иные миры? Могут ли другие космические миры рассеивать свое семя посредством вихрей Солнца, не поддающихся никаким законам? Нет ли в моих венах марсианского семени? И разве астрология — не полный бред?

Но если Солнце — центр нашего бесконечного единения в смерти со всеми другими отлетевшими от умерших тел душами космоса; если на огромной узловой станции Солнца мы встречаемся с ними, и перемешиваемся, и совершаем пересадки с одного межзвездного поезда на другой,— то не должны ли мы, в таком случае, заключить, что подобным же местом встречи мертвых душ является и Луна? Наверняка она представляет собой место встречи холодных, омертвелых, ненавидящих душ. Но только с одной планеты — нашей Земли.

Луна — это космический центр нашей земной индивидуальности. Декларация нашего независимого существования. Если бы не отрезвляющий, холодный свет Луны, Земля давно бы уже слилась с Солнцем. Луна, одна лишь Луна удерживает Землю от утраты своего собственного, земного «я», от утраты возможности пребывания в качестве отдельного космического тела. Луна — центр отталкивания, центр решительного сохранения своей отдельности. Она упрямо стоит к нам спиной, отказываясь «встречаться» с нами

и «перемешиваться». Она все льет и льет свой белый холодный свет — свет отдельного, независимого существования. Она все пылает и пылает своим белым, холодным и гордым пламенем — пламенем грозного, пугающего отторжения. И это отторгнутое пламя состоит преимущественно из материи воды, которая отчаянно сопротивляется соединению и сгоранию в солнечном хаосе. К чистому полюсу Луны влекутся океанские воды нашей Вселенной. И эти воды, излучающие мощную невидимую энергию, определяют полярность Луны и являются лунным ключом.

Жизнью Вселенной руководят три великие силы, строго индивидуальные и в то же время поглощающие все физические, равно как и витальные, силы. Кроме того, ее основу составляют два великих, разно заряженных полюса — Солнце и Луна. Энергию Солнца составляют тепло, сила расширения и любые другие силы этой же категории. Энергию Луны составляют гравитация, электричество, магнетизм, радиоактивность и другие силы, природа которых так или иначе связана с водой.

Луна является полюсом всей нашей ночной деятельности — точно так же, как Солнце является полюсом всей нашей дневной деятельности. Не следует забывать, что Солнце и Луна — не что иное, как частички индивидуальной жизни. Когда индивид умирает, он, ввиду своей дуальной полярности, устремляет часть своей души, одно из своих крыльев,— направо, к Солнцу, а другую часть, другое свое крыло,— налево, к Луне. Тем же, что остается, своей телесной оболочкой, он припадает к земле. Душа умершего человека

разделяется в смерти, тогда как в жизни, в своей первой зародышевой клетке, она *соединялась* из двух клеток в одну. Она разделяется на два темных зародыша смерти, отлетающих в космос,— солнечный и лунный. А материальное тело уходит в землю. Таким образом и получается та космическая Вселенная, которую мы с вами знаем.

Каковы взаимоотношения душ в царстве смерти — этого мы никогда не узнаем. И все же, по крайней мере частично, эти взаимоотношения существуют между нами еще при жизни. Существует чистая полярность между жизнью и смертью, между живым и мертвым, между каждым живым индивидом и внешним космосом. Между центром Земли и живыми индивидами происходит ни на миг не прекращающаяся циркуляция магнетизма. Эта циркуляция, этот магнитный поток поднимается в каждом из нас вверх направо, а затем по левой стороне тела опускается вниз, стремясь к центру Земли. Циркуляция эта не прекращается ни на миг. Но когда мы бодрствуем, она подчинена и подконтрольна нашему тотальному сознанию, то есть индивидуальному сознанию, или душе, или внутреннему «я». А когда мы спим, наше индивидуальное сознание временно «отключается», и мы оказываемся в полной власти циркуляции земного магнетизма, или гравитации, или того и другого — циркуляции от центра Земли. Эта циркуляция производит во всех наших тканях эффект пробуждения, или, точнее говоря, восстановления нашего духа из прошлого. Ибо всякий раз, как мы ложимся спать, в нас пробуждается этот дух, пребывающий в днях нашего прошлого. Когда мы спим, наша телесная обо-

лочка как бы временно отмирает, и в нас бродят потоки земной циркуляции, мощной активной циркуляции временной смерти.

Когда мы спим, эти потоки растекаются и вспыхивают в нас независимо от нашей воли, подобно тому как независимо от нашей воли растекаются, горят и вспыхивают огнями улицы города, спящего вокруг нас. Потоки земной циркуляции растекаются по нашим нервам и нашей крови, и начинает возрождаться и «оживать» пепел некогда сгоревших дней. Эти потоки, столь активно воздействующие на нас, являются, по сути своей, работой смерти для продолжающейся жизни. Нам не следует заострять на них наше внимание. Протекая в нас, они стимулирует вибрацию первичных центров сознания, и это приводит к вспышкам, высвечивающим те или иные образы в разуме. Обычно, в глубокой стадии сна, разум их не фиксирует, но ближе к пробуждению, едва забрезжит рассвет, у нас начинают появляться какие-то смутные ощущения, какие-то неясные воспоминания об образах глубокого сна. Обычно эти образы, как бы случайно занесенные в наш разум во время сна, бессвязны и лишены особого смысла, напоминая кусочки бумаги, выметаемые дворником на рассвете с городских тротуаров. Не станем же мы собирать по клочкам эти сны и склеивать из них книгу, хотя, может быть, и занятную книгу, особенно если мы станем воспринимать эти причудливо искаженные отголоски прошлого как пророчество о нашем будущем. Нет, мы не станем этого делать, но в то же время мы понимаем, что эти клочки сновидений имеют какое-то отношение к событиям прошлого

и о чем-то свидетельствуют. Однако значение этим свидетельствам мы придаем не очень большое, потому что считаем их случайными и бессмысленными. Между ними не может быть жизненно важной связи, а лишь случайная связь. Да, каждый из этих обрывков имеет отношение к какому-то действительному событию: автобусный билет, надорванный конверт, ресторанный счет, свежий номер газеты... Но между ними нет причинно-следственной согласованности, они механически перемешаны и лишены витальных связей с нашим существованием. Большинство сновидений — это вот такие «бумажные» клочки и обрывки образов, случайно занесенные в наше «я» ночным потоком сознания, и было бы ниже нашего достоинства придавать им какое-либо значение. И уж во всяком случае, было бы ниже нашего достоинства ставить под сомнение целостность индивидуальной души, если бы мы пытались навязать ей всю эту пеструю смесь обрывков и свидетельств внешних событий и случайных внутренних совпадений. Лишь те события имеют смысл и значение, которые исходят от полной целостности души или же непосредственно к ней обращены. Копаться в случайных, преходящих фактах, как это делают карточные гадалки, «предсказатели судеб» и фаталисты,— значит извращать самую суть гордой внутренней независимости души и придавать слишком большое значение фетишам.

Большинство сновидений не имеют ни малейшего смысла, и лишь наивные, мещанские натуры придают значение всем своим снам. Лишь очень редко сновидения имеют какой-то смысл. И случается это тогда, когда внешний, меха-

нический или случайный мир смерти таит для нас какую-либо угрозу. Когда из мира смерти исходит какая-либо угроза, сновидение может оказаться настолько живым, что оно действительно оставляет сильное впечатление в нашей душе, и только в этих случаях мы должны обращать на него сколько-нибудь серьезное внимание.

Но кошмары могут нас мучить целую ночь и по той тривиальной причине, что за ужином мы объелись блинами. Правда, в этом тоже есть угроза механической остановки всех потоков нашей системы. Помехи иногда приобретают столь серьезный характер, что это влияет на работу сердца и легких, и эти жизненно важные органы в свою очередь воздействуют на первичные центры сознания.

Таким образом, мы видим, что работа спящего сознания прямо противоположна работе подлинного, живого сознания. В живом сознании первичные аффективные центры контролируют жизненно важные органы. Когда же мы находимся под властью сна, имеет место нечто обратное. Жизненно важные органы, испытывая помехи в своей спонтанно-автоматической деятельности, в конце концов начинают гневно «расталкивать» аффективные центры сознания, стараясь пробудить их от сна. И этот протест в виде некоего образа достигает нашего разума.

Образы, вызванные ночными кошмарами, нередко имеют механический характер: то мы падаем в ужасную пропасть, то оказываемся запертыми в каком-то подвале. Эти образы — чисто механическая «интерпретация» реальных физиологических ощущений. Образы падения, или полета,

или попыток убежать от кого-то с ощущением невозможности оторвать от земли ноги, или стараний проникнуть в какие-то немыслимо узкие отверстия — все это является непосредственной интерпретацией нашим спящим сознанием физиологических феноменов кровообращения и пищеварения. Это отражение в «видящем» сны сознании «образа» сердца, деятельность которого затруднена, например накопленными в организме газами от несварения желудка,— сердца, выбитого из колеи привычной циркуляции земной полярности и как будто летящего над бездной или падающего в бездну, рывок за рывком, скорее всего в соответствии с ритмом сердцебиения. Точно так же и сон о том, что нужно бежать, а ты не можешь, потому что тебя будто парализовало и ты не в состоянии поднять ногу, вызывается все тем же затрудненным сердцебиением, ритм которого нарушен какой-то физической помехой. Эта помеха приводит к механическому давлению на сердце желудочных газов или крови, от чего оно смещается влево и вы начинаете задыхаться, а от этого, в свою очередь, у вас создается ощущение, что ноги у вас стали ватными и не слушаются вас. Или же, напротив, сердце смещается вправо, и у вас появляется ощущение падения или полета. Сердце телеграфирует о своем беспокойстве сознанию и пробуждает его от сна. Душа, пробудившись, немедленно начинает действовать и «разбираться» с помехой, оказавшейся непреодолимой для обычной ночной работы организма в автоматическом режиме. Примерно таким же образом возникают и сны о заточении в подвале или о попытках протиснуться сквозь узкую дыру. Они являются прямой

интерпретацией в мозгу проблем с кровью, проталкивающейся сквозь суженные артерии сердечных клапанов.

Большинство сновидений вызываются сигналами крови, поступающими в нервы и нервные центры. А сердце выступает в роли узловой станции крови. Кровь обладает своей собственной индивидуальностью и своим собственным сознанием — глубоким элементарным сознанием механического или материального мира. В крови содержится система нашего наиболее элементарного, близкого к материальному сознания. Во время сна это материальное сознание воздействует на нервы и мозг. В результате мы чувствуем, пробуждаясь, боль или дискомфорт. Если же мы продолжаем спать, то сигнал о дискомфорте преобразуется в сновидения, являющиеся чуть ли не чисто материальным феноменом, наподобие миража.

Ночные кошмары, содержащие в себе образы чисто механического происхождения, могут нас пугать или шокировать, но этот шок не проникает в нашу душу. Утром мы с радостью обнаруживаем, что душивший нас ночью кошмар, воспринимавшийся нами во сне как пугающая реальность, оказался не более чем сновидением. Чисто механические, временные помехи физиологической работе организма, случающиеся во время сна и приводящие к дурным сновидениям,— пустяки для живой, целостной души. Такие сновидения естественны, особенно если мы съедим много блинов на ужин. Но на этом все и кончается.

Есть, однако, сновидения иного рода — навязчивые сны, систематически и регулярно преследующие нашу душу. Это

сновидения, не имеющие отношения к физиологии, а к одному лишь нашему внутреннему «я». Как мы знаем, жизнь состоит из реакций и взаимодействий, инициируемых большими центрами первичного сознания. Если начать цепную реакцию от одного центра, то она неизбежно будет стимулировать деятельность другого центра, находящегося в этой единой цепочке. Например, в подростковом возрасте у меня может развиться глубокая любовь к моей матери. Это будет стимулировать «взрослую» любовь, определяемую нижними центрами. Пусть сознательно я допускаю только верхнюю, душевную любовь, динамически поляризованную в верхних центрах, однако, после того как в верхних центрах установится циркуляция взрослой любви, начнется, помимо моей воли, и соответствующая ей деятельность нижних, чувственных, центров взрослой любви.

В дневное время деятельность нижних центров сознательно отвергается. Происходит их подавление. Но заканчивается день, и движение ночного потока в этих центрах взрывает все преграды и высвобождает подавленную психическую деятельность. И образ матери фигурирует в страстных, беспокойных, смущающих душу снах.

Фрейдисты усматривают в этом доказательство подавляемого желания инцеста. Но не слишком ли это просто? Ведь значение сна никогда не равно его содержанию. Сон — это состояние, когда мы отданы на произвол автоматических процессов неживого мира, и давайте об этом не забывать. Сны по своей природе — явление автоматическое. Психика хранит в себе лишь несколько важных динамических обра-

зов. В вышеприведенном примере с подростком, которому снится его мать, мы имеем дело с возбужденным, но не привязанным к определенному объекту сексуальным влечением, которое вызывает определенные осложнения в нормальной работе организма. Мы также имеем дело с образом матери — динамическим, чувственным образом. А автоматический характер процесса сна, беспрепятственно совмещающего сексуальное ощущение с одним из важных динамических образов из арсеналов психики, приводит к инцестуозному сновидению. Но является ли это доказательством подавленного инцестуозного желания? Совсем наоборот.

Человек в момент просыпания ощущает, как правило, ненависть к своему сновидению и большое желание поскорее отделаться от него, избавиться от преследующего его в снах образа матери или сестры, от этого навязчивого ощущения своей вины, отравляющего его сны. Освободиться он, однако, не может. Всю жизнь этого человека преследуют сны о страстях или конфликтах, в которых фигурирует его мать или сестра, даже если при этом он отлично сознает, что причина беспокоящих его сновидений заключена в его взаимоотношениях с женой. Но, несмотря на то что истинный объект и виновник этих сновидений — его жена, ее образ в этих терзающих его душу снах будет и в дальнейшем подменяться образом матери или сестры, что может привести к развитию у него серьезных неврозов.

Почему же процесс сна происходит таким странным, неуправляемым образом? Причин можно назвать две. Первая состоит в простой, автоматической инерции. Ведь образ ма-

тери — это первый важный чувственный образ, входящий в нашу психику. И процесс сна механически извлекает этот образ из арсеналов психики в момент интенсивного чувственно-симпатического возбуждения. Хотя образ матери относится только к верхнему центру, логика процесса сна такова, что он может вызывать серьезные динамические потрясения в нижнем центре. Это яркий образчик автоматической логики. Но живая душа — не автомат, и автоматическая логика не имеет к ней отношения.

Вторая причина заключается в следующем. Мать, становясь для своего сына постоянным источником сильных эмоций, одновременно становится и постоянным источником его мук, его страданий, задержек в его развитии. Она отвлекает его от поиска нормальной самореализации в чувственном плане и почти всегда является причиной торможения и подавления, запечатлеваемой в психике. Человеку очень редко снится другой человек, с которым он в каждодневной жизни состоит в живой, витальной связи. Другой человек снится ему только тогда, когда каким-то образом противостоит его душевной свободе, затрудняет циркуляцию его жизненного потока и таким образом запечатлевается на клеточном уровне как объект противостояния. Если подобным образом динамическая свобода человека ограничена, например его матерью, то ее образ будет преследовать его в сновидениях до тех пор, пока его динамические взаимоотношения с нею не будут окончательно разорваны. А до тех пор, при малейшем беспокойстве на нижнем уровне, этот образ будет автоматически всплывать в сновидениях на поверхность.

Ибо — и это очень важно — процессу сновидений присущ свой собственный автоматизм, и они стремятся подчинить автоматической логике причин и следствий всю бесконтрольную психику спящего человека. Но живая, бодрствующая психика, будучи чуткой и гибкой, решительно отвергает всяческий автоматизм. Пока душа жива и контролируется сознанием, самое глубокое отвращение она испытывает именно к автоматизму. Ибо автоматизм в жизни — предвестник смерти.

Каждой живой душе присущ свой великий страх. Живая душа страшится инцеста как автоматического логического следствия. Но процесс сна неизбежно подводит нас к этому следствию. Злорадно ухмыляясь, он празднует свою победу над нами — победу автоматизма. Это «логическое следствие» беспокоящего нас сна почти во всех случаях является полной противоположностью по отношению к истинному желанию нашей души. В популярных сонниках значение сна обычно толкуется обратно его содержанию. Снится свадьба — жди похорон. Снятся похороны друга — значит, вы искренне желаете ему добра и боитесь его смерти. Именно страх становится доминантой в психическом процессе, отсюда и соответствующий образ. Иначе говоря, сон автоматически выдает негативный образ страха за позитивный образ желания. Если вы втайне желаете смерти своему врагу и боитесь его процветания, сон вознаградит вас его свадьбой.

Конечно, это правило инверсии срабатывает не во всех случаях. Однако это одно из самых общих правил, которому

чаще всего подчиняются сновидения психического происхождения, в особенности сны «страхов и желаний».

Таким образом, инцестуозное сновидение не является доказательством инцестуозного желания. Скорее напротив, оно является доказательством живого страха перед этим автоматическим «следствием», доказательством того отвращения, которое душа испытывает по отношению к автоматизму. И хотя все это может звучать в ушах некоторых, как казуистика, я абсолютно убежден, что именно в этом кроется объяснение тех трюков, которые сновидения проделывают с нашей психикой. То, что свойственно автоматическому процессу, ненавистно спонтанной душе. Бодрствующая, живая душа смертельно боится автоматизма, боится превратиться в «живой», а по сути своей, мертвый автомат.

Эти два принципа — принцип автоматизма и принцип инверсии — я бы назвал двумя первыми и наиболее важными принципами сновидения. Они не объяснят всех затронутых нами проблем, но окажут существенную помощь в их решении. С огромной осторожностью следует допускать сновидения в светлое поле сознания. Настоящим преступлением против самих себя было бы менять живую спонтанность души на тиранию сновидений. Это же относится и к другим процессам, принадлежащим к сфере автоматизма, таким, как ловля счастливого шанса, или надежда на улыбку фортуны, или ставка на везение в деньгах, или любая другая авантюра подобного рода.

Прежде чем рассматривать другие виды динамических сновидений, давайте разберемся, что такое вообще «образы

сна». Любой значимый образ сна — обычно образ или символ, вызываемый «заклиниванием» живой спонтанной психики. Но если считать такой образ символом, то единственно возможный способ объяснения этого символа будет состоять в том, чтобы исходить из характера чувства, связанного с этим символом.

Например, человека навязчиво преследует кошмарный сон о лошадях. Он вдруг оказывается в самой гуще табуна огромных, взбесившихся лошадей. Они ржут над самым ухом, сгрудились вокруг него и вот-вот растопчут его. В любую секунду...

Психоаналитик, не задумываясь, скажет, что это сновидение связано с комплексом отца. Большинство символов для психоаналитиков столь очевидны, что они готовы составить из них каталог. Но их толкования символов и сновидений слишком уж произвольны.

Исследуя связь символа с эмоциями в данном случае, мы обнаружим, что это глубоко чувственные эмоции, результат глубоко врезавшегося в сознание человека впечатления от мощных, прекрасных лошадиных тел, от их близости, округлости бедер, лошадиного ржания. Разве динамическая энергия, заключенная в лошади, несет в себе какую-либо угрозу? Нет, это глубокая чувственная реакция крестцового ганглия, реакция интенсивного, чувственного, доминирующего желания, владеющего этим человеком. Образ ржущей, бьющей копытом, скачущей лошади берет свое начало в интенсивном напряжении крестцового ганглия. И такое интенсивное напряжение крестцового ганглия характерно именно для муж-

чин. Таким образом, можно предположить, что «лошадиный» сон этого человека связан с какой-то задержкой в его чувственной деятельности. Лошадь предстает в его снах как источник страха, и это означает лишь то, что для «автоматизированной» спящей души этого человека глубокая чувственная мужская деятельность как раз и представляет величайшую угрозу. Автоматическая, ложная душа, «вселяющаяся» в этого человека по ночам и подавляющая его чувственную природу, хотела бы подавлять ее и дальше. В то же время величайшее желание его настоящей, чувственной, спонтанной души состоит в том, чтобы его мужская, чувственная натура, трансформирующаяся в сновидениях в угрозу, нашла бы в жизни свое реальное воплощение. Его спонтанное «я» тайно призывает к освобождению его глубоко чувственной природы.

Безусловно, здесь нельзя полностью исключать и комплекс отца. Ведь образ коня может быть связан с мощным чувственным бытием отца этого человека. Сновидение может означать его любовь к чувственному мужчине, который приходится ему отцом. Но эта любовь не имеет ничего общего с инцестом. Здесь любовь — просто сыновняя любовь к отцу.

Снящиеся быки — любопытная антитеза сновидениям с лошадьми. Центры тяжести у быка приходятся на грудь и плечи. А рога на голове — символы мощной силы верхнего «я». Страх, который вызывает у женщины бык, — это отражение того ужаса, который она испытывает перед динамическим верхним центром мужчины. Бычьи рога — вовсе

не фаллический символ, а символ подавляющей мощи верхнего центра.

Однако ту женщину, позитивный динамизм у которой заключен в груди и плечах, бык зачаровывает. Снящийся ей бык с наставленными на нее, готовыми вонзиться в нее рогами может быть истолкован в смысле значимости и желательности для нее связи, исходящей не от центров нижнего, чувственного «я», а от физических центров верхнего тела. Это отражение ее дневного страха перед широкой грудью и широкими плечами мужчины, перед его мощью и яростью, грозящими пронзить ее беззащитное нижнее «я». Страх и желание очень близки — они идут рука об руку с восхищением стройными, абстрактными чреслами быка.

Другие, вызывающие страх сновидения или просто навязчивые сны могут быть лишены каких-либо конкретных образов. Например, человек во сне может испытывать огромный ужас перед правильной геометрической фигурой или сложной математической формулой. А бывают такие навязчивые сновидения, которые связаны лишь с ощущением запаха, цвета или звука.

Часто снящиеся кошмары означают «выпадение» души из человеческой целостности в чисто механический осадок. Если мы слишком идеализируем себя, спонтанные центры в конце концов полностью оказываются вытесненными в этот механический осадок. Они оказываются лишенными динамических взаимосвязей с остальным существом. Активность динамических взаимоотношений полностью угасает. Спонтанные центры теперь реагируют лишь на механиче-

ский мир, на воздействие силы и материи, на проявление физических законов. В этом случае абстрактные законы или математические расчеты выступают в сновидениях в качестве доминирующего, а часто и единственного образа. Во сне это может вызывать у человека ощущение радости или даже восторга. Но после его пробуждения радостное ощущение сменяется страхом, граничащим с ужасом. Ибо больше всего на свете душа страшится выпасть из индивидуальной целостности живого индивида и попасть в орбиту чисто механической деятельности внешнего мира — автоматического мира смерти.

И эта опасность угрожает сегодня нам всем. Наш сознательный идеализм, сознательное предпочтение материальных целей и ценностей разрушают изначально спонтанную природу души, подчиняя ее вторичной природе, автоматической природе механической Вселенной. Потому мы и не можем уснуть до поздней ночи, потому и спим потом допоздна.

Бессонница — что может быть хуже?! Как бы мы ни были заражены идеализмом, с заходом солнца все направление нашей жизни естественным образом изменяется. Изменяется и естественный характер умственной деятельности. По мере того как душа постепенно становится все пассивнее, разум вступает во вторую фазу активности. Он перебирает все события прожитого дня, отдается неге неторопливого, неспешного обдумывания, пробует на вкус собранный за день и сладкий и горький мед впечатлений. Это фаза осознания прожитого. Вечером самое время читать книги по истории, романы, трагедии, содержащие в себе некую атмосферу

прошедшего, оконченного, завершенного,— неважно, с хорошим ли концом или плохим. Вот для чего предназначены вечера.

Предназначены они также для пирушек, попоек, разгула страстей. Алкоголь, попадая в кровь, оказывает на нас то же воздействие, что и солнечные лучи. Он вспышкой пламени растекается по жилам, высвобождая энергию и сознание. Но на самом деле это процесс сгорания. Не использованные нами дневные жизненные силы мы сжигаем с помощью алкоголя в раскрепощенных чувствах, освобожденном сознании, удвоенной энергии, разгулявшихся страстях и таким образом изживаем их. Это освобождение от законов идеализма, от предписаний контроля и страха. Однако действие сознания, высвобожденного естественным образом, было бы иным: обострился бы ум, повысился бы накал «душевных» эмоций, углубилась бы чувственность. Но такое естественное высвобождение сознания в наши дни встречается все реже.

Активизация рационального сознания по ночам является формой ретроспекции, или, иначе говоря, формой импульсивного сигнала, идущего непосредственно из крови и ничем не сбалансированного. Активизация же физического сознания в ночное время — это высвобождение «кровяного» сознания, наиболее элементарной формы сознания. Если зрение, которым мы ночью не можем пользоваться, представляет собой высшую форму нашего динамического верхнего сознания, то нашим глубочайшим нижним сознанием является «кровяное» сознание.

Кровь управляет динамическими нижними центрами. Когда кровь достигает интенсивности своего ночного движения, она прежде всего возбуждает нижние динамические центры, передает свой огонь большому поджелудочному сплетению, которое вместе с крестцовым ганглием управляет циркуляцией мочи в организме и служит проводником глубоких сигналов крови, определяющих уровень сексуальной страсти. Секс — глубочайшая форма проявления нашего сознания. Крайне не идеальная, не ментальная. Это чисто «кровяное» сознание — то, что в нас ближе всего к материальному сознанию. Это сознание ночи, когда душа почти спит.

«Кровяное» сознание — первое и последнее сознание живой души. Это лишь частичное проявление души, ее первый глухой полушепот из глубин сознания. И это «кровяное» сознание не может полностью проявлять свою активность до тех пор, пока душа не отбросит все свои искусственные ограничения и формы верхнего сознания, пока «я» человека вновь не станет недвижимым, не выскользнет из мозга, из больших нервных центров — в кровь, где наконец уснет. Но, высвобождаясь и попадая в кровь, живое «я» в этот свой темный час посылает призыв об общении. Ибо даже кровь страдает от одиночества и жаждет ответа на свой призыв. Кровь разделена, как воды Красного моря[97], в дуальной полярности между полюсами. Вот наступает ночь, и сознание опускается все глубже и ниже, и внезапно слышится глухой призыв крови. Глубокие центры сексуального сознания пробуждаются к спонтанной деятельности. Между мужчиной и женщиной устанавливается глубокая циркуляция.

Бушующее кровяное море, в котором растворено «я» мужчины, устремляется к кровяному морю, в котором растворено «я» женщины. Наступает момент кульминации, когда море накатывает на море, момент непосредственного контакта крови. И затем кровь отливает назад, на свои привычные пути, но уже преобразованная, измененная. Это и есть глубокая основа обновления, глубокого «кровяного» обновления и очищения психики человека.

Но все это никак не зависит от внешних данных женщины — хорошенького личика, белой кожи, восхитительно розовых сосков — или любых других ловушек сексуальной любви. Все эти ловушки действуют только при свете дня. Точно так же ни цвет глаз, ни форма рук, ни очертания губ никак не влияют на завершающую мощную и темную кульминацию в крови, кульминацию секса, когда через кровь мужчины и женщины проходит яркая вспышка электрических зарядов.

Но даже в своих глубочайших и элементарнейших движениях душа сохраняет свою целостность и индивидуальность. Можно было бы подумать, что великий кровяной поток у всех людей единообразен и однороден. Он и на самом

97 *«...разделена, как воды Красного моря...»* — Имеется в виду тот эпизод в Ветхом Завете, когда колесницы и всадники фараона настигли народ Израилев, и тогда «... простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь... и расступились воды» (Вторая Книга Моисеева. Исход, гл. 14, ст. 21). И когда израильтяне шли по дну моря, вода справа и слева от них стояла стеной. Египтяне гнались за ними по дну моря, и Бог потопил их в тот самый момент, как все израильтяне уже вышли на берег.

деле более единообразен и однороден, чем все остальное внутри нас, и во многих отношениях гомогенен. Но не вполне гомогенен. Во-первых, он дуален в своей темной динамической полярности — сексуальной полярности. Кровь женщины поляризована в динамическом отношении противоположно или, во всяком случае, иначе, чем кровь мужчины. Кульминация их сексуального контакта приходится на момент образования новой вспышки циркуляции по всему кровяному морю: темные, горящие красные воды в нас катятся в новом динамическом ритме. Во-вторых, кровь каждого индивида — его собственная кровь. То есть кровь индивидуальна. И хотя потенциально мы, мужчины, способны вступить в динамическую, активную сексуальную связь почти с каждой женщиной, но наша индивидуальность, проявляющая себя даже в нашей крови, заставляет нас испытывать потребность в женщине, обладающей соответствующей нам индивидуальностью. Только такую женщину мы готовы обнять. Чем индивидуальнее по своему психическому складу мужчина или женщина, тем более неудовлетворительна для них случайная связь. Чем больше в нас индивидуальности, тем больше наша кровь жаждет особенного, только нам одним предназначенного ответа, тем больше она тоскует об индивидуальной женщине, чья кровь поляризована с нашей.

И тут нас вновь подстерегает ошибка идеализма. Мы считаем, что только та женщина, которая говорит и думает, как мы, может дать нам этот ответ крови. И мы стремимся к тому, чтобы так оно и было. До чего же мы заблуждаемся! Женщина, которая говорит и думает, как мы, почти

наверняка не обладает соответственной нам динамической поляризацией крови. Динамическая поляризация крови сделала бы ее не такой, как я, в том числе и в способе ее мышления. Любовное влечение на уровне крови во много раз глубже того, которое вызывается сходством мышления и которое может находить свое естественное выражение совсем иным образом — например в словах.

Наша ошибка состоит в том, что мы все ставим с ног на голову: дневное «я» мы прячем в темноту ночи, а ночное «я» вытаскиваем на свет дня. Мы превращаем наш секс в предмет тщательного изучения, научного анализа и других манипуляций дневного сознания. Мы считаем нормой, когда мужчины и женщины соединяются на почве искусственной схожести и общности интересов — на почве рационального, верхнего симпатического сознания. Тем самым мы заглушаем в себе голос крови, приговариваем ее к распаду.

У нас слишком много света по ночам и слишком много сна по утрам. Такое продление, далеко за полночь, активности нашего умственного, зрительного, идеального сознания есть огромное зло: в это время сознанию надлежит меркнуть и уступать право действовать одной лишь крови. Провоцируя реакцию великого сотрясения крови — сексуальную реакцию — в верхнем сознании или же во внешнем, рациональном, сознании, похотливо рассматривая вызывающий сексуальное возбуждение объект, мы разрушаем сам состав нашей крови. Мы не даем крови установить свое собственное динамическое господство. Мы не даем ей прийти к своей собственной динамической связи, к своей кульминации,

к обретению своего собственного глубокого бытия. Если наше сексуальное чувство исходит из верхнего сознания или же из внешнего рационального сознания, мы не получаем ничего, кроме фальсификации и истощения нашей собственной, полноценной жизни, жизни на уровне крови. У нас не оказывается выбора. Если мы не откажемся от вмешательства нашего разума, мы начнем медленно, но верно вырождаться.

И еще одна скверная привычка, связанная с предыдущими,— наш сон при свете дня. С восходом солнца изменяется вся наша внутренняя композиция. А когда солнце поднялось уже высоко над землей, наш сон (если мы ведем нормальный образ жизни и нормально спим по ночам) перестает быть сном в полном смысле этого слова. Когда солнце высоко поднимается над землей, начинают работать центры активного динамического верхнего сознания. Изменяется характер вибрации крови, и даже ее химический состав. Значит, пора просыпаться. Слишком долго спя по утрам, мы наносим себе огромный ущерб. Уж лучше полчасика соснуть после обеда. Долгий утренний сон вреден прежде всего потому, что мы подчиняем наши ставшие активными центры динамического верхнего сознания господству автоматического кровяного потока. Мы сковываем себя цепями утреннего сна, растрачиваем силу утренних кровяных потоков на бессмысленные сновидения и на растущий потенциал инерции. Тем самым мы начинаем катиться по наклонной плоскости, от плохого — к худшему.

Наши активные нервные центры к моменту пробуждения уже не только скованы, но и полуразрушены. Мы ни-

когда не просыпаемся с обновленным дневным сознанием, потому что обрекли наши мощные центры дневного сознания на печальную участь быть истощенными сновидениями и инерцией, возбуждаемыми тяжелым автоматическим потоком крови в часы утреннего сна. Мы просыпаемся с унылым сознанием монотонности и инертности жизни. В нашем пробуждении нет радостной свежести. Еще не начав свой день, мы чувствуем себя усталыми. Вот так мы и влачим за собой наше дневное сознание до самой ночи, когда начинаем наконец просыпаться. И мы говорим себе, что не высыпаемся и что надо отоспаться, встав утром попозже. Уж лучше спать по шести часов в сутки, чем продлевать свой сон по утрам, когда солнце уже близко к зениту. Каждый из нас должен заставлять себя вставать с постели сразу же после рассвета, особенно если у нас не в порядке нервы. Вставать и тут же начинать активную деятельность. Большинству людей только пойдет на пользу, если они будут заниматься с раннего утра активным физическим трудом. Если же они не будут этого делать, то могут со временем стать неврастениками.

Глава XV

НИЖНЕЕ «Я»

Давайте опять вернемся к Луне, царице наших ночей, и к Солнцу, царю наших дней. То, что Луна светит ночью, а Солнце — днем, не простое совпадение, не механическая случайность. Влияние Луны на морские приливы и на нас — не просто случайное совпадение двух феноменов. Это результат сотворения Вселенной самой Жизнью. Сама Жизнь поместила Луну по левую руку от себя, а Солнце — по правую. И сама Жизнь поддерживает динамические витальные взаимоотношения между Луной и живыми существами на Земле. Луна так же зависит от жизни отдельных индивидов — в самом продолжении своего существования,— как и каждый отдельный индивид зависит от Луны.

Точно так же и с Солнцем. Солнце устанавливает и поддерживает совершенную полярность жизненной циркуляции между собой и всеми живыми индивидами. Прервите эту циркуляцию — прервется и Солнце: без человека, без животных, без бабочек, без деревьев, без лягушек и жаб оно оплывет, как огарок свечи, и погаснет. Именно жизненные токи индивидов питают его горение и поддерживают мощное равновесие его сердца-ядра.

Жизнь Луны так же поддерживается нашей жизнью, а наша — жизнью Луны. Все относительно. Не только каждая сила относительна в ее взаимодействии с другой силой или другими силами, но и каждое существование также относительно во взаимосвязи с другими существованиями.

Жизнь человека зависит не только от других людей, животных или растений, но и от Солнца, от Луны и от звезд. Точно так же существование Луны всецело зависит от жизни людей, животных и растений, от жизни индивидов — единственного истока существования всей Вселенной. Без жизни индивидов Луна — прежде других небесных тел во Вселенной — развалилась бы на части: ведь она динамически поляризована по отношению именно к нашей планете. Мы не знаем, какая удаленная от нас жизнь дышит между звездами и Солнцем. Но наше существование поддерживает прежде всего Луна. Она является полюсом нашей единственной и неповторимой земной индивидуальности.

Таким образом, мы должны понимать, что между Луной и каждым индивидом существует витальный динамический поток. Поэтому жизнь индивидов прямо зависит от Луны, а существование Луны прямо зависит от жизни индивидов.

В каком же смысле жизнь индивидов зависит от Луны?

Луна — мать тьмы. Она ключ к деятельной тьме. Мы же — в областях ниже пояса — ведем существование в полной тьме. Ниже пояса мы незрячи и незримы. В дневное время жизнь в человеке направлена вверх — к открытым глазам, пробужденным Солнцем, к открытому разуму, наделенному способностью видеть, но в это же самое время мощные динамические центры нижнего тела выполняют вспомогательные функции, действуя в негативной полярности. Мы всем своим существом устремлены вверх, к познанию Вселенной посредством зрения, речи и мысли; мы стремимся побольше увидеть, услышать, узнать — и на собст-

венном опыте, и понаслышке. Мы представляем собой могучее движение динамического потока, устремленного вверх, к широко распахнутым глазам нашей души, которая стремится свести весь мир до уровня нашей сознательной индивидуальности и готова на основе этого мира создавать новые миры, пуская новые зеленые побеги на Древе жизни. Подобно тому как дерево может умереть, если перестанет пускать новые зеленые побеги по всему своему древесному телу, так и вся Вселенная может погибнуть, если человек, животное или растение перестанут порождать себе подобных, но уже на новом, чуть более совершенном уровне. Лягушонок обретает чуть более яркий цвет, чуть мягче прыгает на лапках, становится чуть более *rusé*[98]. Птенец добавляет новые нотки к песне, новые коленца к полету, а став взрослым — новый уют гнезду. Человек же создает новые миры, новые цивилизации. Не будь у живых индивидов этой жажды творения нового, Вселенная стала бы приходить в упадок. — понемногу, постепенно, пока не развалилась бы на части. Подобно дереву, которое перестает выпускать новые, зеленые побеги и шириться своей раскидистой кроной.

Но каждый новый побег появляется вместо прежнего, предшествовавшего ему. Сухие листья обязаны опадать, а старые формы — отмирать. Если каждый год миллионы людей умирают и оказываются в земле, то почему бы и листьям каждую осень не умирать и не падать на землю?

[98] *Rusé* (*фр.*) — хитрый, коварный, лукавый.

Из опавших листьев получается прекрасный гумус. Так же, как из умерших людей. И даже из душ умерших людей.

Если смерть должна быть уделом многих, пусть будет так. Если Америка должна изобрести смертоносный отравляющий газ, пусть себе изобретает. Если смерть для нас — цель из целей, то нам ничего не остается, как искать новые способы умерщвления, какими бы пылкими ни были наши уверения в благих намерениях.

И вот, как мне кажется, наступает то время, когда человечество должно пройти через зимнюю пору, пору смерти и оголенных ветвей. Некоторые нации просто обязаны пойти на это. Ибо ныне нет такого огромного энергетического резервуара варварской жизни, как во времена Римской империи. Где древние готы и галлы, германцы и славяне? В мире много народов, но все они деградируют, роскошествуя в условиях своих собственных цивилизаций, и у всех имеются наши пороки, наши механизмы, наши средства уничтожения. Но на сей раз самой развитой цивилизации не удастся так же просто и спокойно умереть, как умерли Греция, Рим и Персия. Ее ждет долгий и мучительный коллапс. Но через весь этот коллапс ей придется пронести ключ к следующей цивилизации. И нечего думать о том, чтоб передать его Китаю или Японии, Индии или Африке или же другому подобному муравейнику.

Но очень уж мы непохожи на людей, которым есть что передавать новой эре. В самом деле, что у нас есть за душой? Не теория же относительности Эйнштейна, в самом деле! До чего же нас взбудоражило это слово «относитель-

ность»! В нем есть нечто такое, чего мы все давно уже ожидали. Но чего? Насколько я понимаю, для широкой публики «относительность» означает лишь то, что в физическом мире нет такой абсолютной силы, которой должны были бы подчиниться все прочие силы. Нет одного-единственного, главного, абсолютного принципа, управляющего всем миром. Великие космические силы или механические принципы познаются лишь в их взаимодействии друг с другом, да, собственно, и существовать они могут лишь посредством такого взаимодействия. Но, говорит Эйнштейн, это взаимодействие между механическими силами имеет постоянный характер и может быть выражено математической формулой, каковая математическая формула может служить универсальным уравнением для всех механических сил во Вселенной.

Надеюсь, вышесказанное звучит не слишком по-дилетантски. Во всяком случае, именно так я понимаю теорию Эйнштейна. Что вызывает у меня сомнение, так это сама математическая формула. Кроме того, мне кажется, что скорость света в пространстве — *deus ex machina*[99] Эйнштейновой физики. Кто-нибудь в один прекрасный день насыплет соли на хвост этому самому свету, перемещающемуся в пространстве, и тогда его простая скорость превратится в нечто необычайно сложное и формула теории относительности разлетится вдребезги. Но я закоренелый аутсайдер, так что уж лучше попридержу язык.

Я знаю одно: люди слишком уж носятся с этим новомодным словечком «относительность», а это указывает на то, как и всегда в подобных случаях, что в массовом сознании

созрела потребность в возникновении новых заумных идей и понятий. Нам только недоставало еврея[100], чтобы выбить последний и главный костыль, на который опиралась наша идеально сконструированная Вселенная. Еврейские интеллектуалы всегда пробивали бреши в наших идеальных системах — как научных, так и общественных, что оказывалось для них невероятно полезным. И вот теперь мы рады думать, что мистер Эйнштейн выбил самую ось из самой идеальной среди наших систем — системы мироздания и Вселенной. Во всяком случае, так это воспринято массовым сознанием. Формула или уравнение здесь ни при чем. Отныне, согласно массовому сознанию, Вселенная, лишенная скрепляющей ее оси, может подобно перекати-полю носиться туда и сюда в безграничном пространстве, повинуясь дуновениям космических «ветров». Поистине анархическое умозаключение. Но еврейский ум с присущим ему коварством всегда подводит нас к анархическим умозаключениям. А мы, так или иначе, всегда рады быть выведенными из ложной автоматической фиксации. И поскольку нас уже вывели прямиком к нигилизму, мы должны найти способ не только войти туда, но и выйти оттуда.

Итак, во всей Вселенной не осталось ничего абсолютного. Лорд Холдейн[101] называет абсолютом чистое знание. Несомненно — коль скоро чистое знание признать таковым. Но чистое знание — слишком хрупкий кусочек Вселенной,

99 *Deus ex machina* (*лат.*) — букв. «бог из машины». Подробнее см. примечание 5 на с. 39.

100 Лоуренс намекает на национальность Альберта Эйнштейна.

к тому же всегда относительный как по отношению к предмету, так и к носителю знания.

Я и сам придерживаюсь логики относительности. Я полагаю, что во Вселенной нет ни одного абсолютного принципа. Думаю, что в ней действительно все относительно. Но в то же время я убежден, что каждое индивидуальное живое существо абсолютно само по себе, в своем собственном бытии. И если во Вселенной все относительно, то именно по отношению к индивидуальному живому существу. А индивидуальные живые существа относительны друг по отношению к другу.

А как насчет конечной цели? Ответ не вызывает сомнений: конечной цели не существует. Но каждый пройденный шаг имеет свою собственную, маленькую, относительную цель. Каким же, интересно, будет следующий наш шаг?

Ну, а самое главное — это чтобы каждое индивидуальное живое существо обрело свою собственную, особую, индивидуальную полноту бытия. «Очень хорошо,— скажете вы,— но как?» Да хотя бы посредством живых динамических взаимоотношений с другими существами. «Очень мило,— снова скажете вы.— Все это звучит замечательно. Но какого рода должны быть эти живые динамические взаимоотношения?» Во всяком случае, это не должны быть вза-

101 *Холдейн, лорд Ричард Бердон* (1856—1928) — британский политик и философ. Неоднократно занимал министерские посты. Лоуренс имеет здесь в виду книгу Холдейна «Царство относительности» (1921), посвященную философским последствиям открытий Эйнштейна.

имоотношения любви, братства и равенства. Отношения человека с человеком, мужчины с мужчиной должны строиться в духе взаимного доверия и ответственности, преданности и уважения, дисциплины и уважения к авторитету. Люди должны избрать себе лидеров и беспрекословно им подчиняться. Должна сложиться система «пирамидальной» аристократии, то есть общественная пирамида из аристократов, на острие которой должен находиться верховный вождь.

Многим все это может показаться непривлекательным. Но мы просто обязаны учиться новому порядку на всех тех печальных уроках, которые дает нам наша эпоха «любви, духовности и демократии».

Мы пытались извлечь целое из части. И не смогли. Ибо невозможно извлечь из части целое. Сначала мы хотели, чтобы в светлое время суток мы имели дело с одними лишь нашими прекрасными «я». Но из этого ничего не вышло. Ибо, хотим мы того или не хотим, у нас есть еще и наши «я» для темного времени суток, и от них никуда не деться. Даже самая духовная из женщин, когда-либо рожденных на этот свет, должна исполнять свои естественные функции точно так же, как и любая другая, даже самая заурядная женщина. Мы никогда не должны забывать об этом.

Ну, так вот, у каждого из нас есть свои «ночные “я”». А ночное «я» — это основание динамического «я». Наш истинный источник и исток — это сознание текущей в нас крови и страсть, рождаемая в нас кровью. Это не значит, что мы должны всегда оставаться у истока. Или же видеть в нем свою цель, как это пытается делать Фрейд. Дело живуще-

го — найти себе путь, начинающийся у истока. Но совершать этот путь нужно заново каждый день, получив сначала заряд новой свежести от истока. Каждое утро мы должны просыпаться бодрыми и исполненными энергии, освеженными в темном море крови.

Отправляясь спать, говорите себе:

— Вот умирает тот человек, который является мною.

А когда просыпаетесь утром, говорите себе:

— Вот рождается заново человек, который является мною.

Это «я», которое каждое утро рождается заново, выходя нагим из темного моря страстной, глухо зовущей крови,— представитель тех «я», из которых будет строиться новое общество. Магнитное тяготение чувственной крови индивида — к жизни и к избранному вождю — такова динамика будущей цивилизации. Мощное и страстное тяготение души к душе более сильного, великого индивида, страстная вера, исходящая из крови, в реальное воплощение этого тяготения — вот что составит смысл жизни людей будущей цивилизации.

Мы должны погрузиться в темные глубины элементарного сознания крови. И вновь подняться оттуда к новым высотам. Но без этого погружения во тьму и пребывания там в течение какого-то времени невозможен и подъем к свету.

Как общественные существа, как цивилизованные люди, мы просто обязаны правильно отправлять и свои физиологические функции. Каждый день солнце скатывается с небосклона, и земля погружается во мглу. И каждый день, когда

это происходит, в нас начинается новый цикл жизни. В нас полностью изменяется направление жизненного потока. Если днем он двигался по направлению вверх, к нашему рациональному сознанию и активной деятельности, то теперь он устремляется вниз. Вниз — к процессам пищеварения, вниз — в поисках сексуального единения, вниз — ко сну.

Теперь душа ищет укрытия именно здесь, подальше от дневной внешней жизни, поближе к истокам. Поэтому сначала она должна побыть какое-то время на первых «узловых станциях» чувств — то есть в солнечном сплетении и поясничном ганглии. Но движение жизненного потока продолжается, и он влечет нашу душу вниз, к сплошной, почти беспредельной тьме секса, где в странном, лунатическом напряжении действуют поджелудочное сплетение и крестцовый ганглий, а потом еще глубже, к последней станции самого темного участка психики, в направлении к центру Земли. После этого мы засыпаем.

Вот таким образом мы устремляемся к своим основам, основам самих себя. От верхнего сознания, от разума, зрения и речи устремляемся вниз, в глубокое и мощное сознание темной, живой крови, которое отныне начинает управлять нами. В кульминационный момент секса я как бы перевоплощаюсь, становясь могучей волной бушующей крови, устремившейся навстречу катящейся по направлению ко мне волне крови другого индивида. Когда поток индивидуальной крови, который в этот миг является мною, накатывается девятым валом на поток индивидуальной крови, которым в этот миг является женщина, каждый из нас — и я и она —

достигает океана, где сливаются оба наших сознания, где достигается глубочайшая полнота бытия.

Все это происходит под влиянием Луны и богини любви Афродиты, которая, как известно, была рождена морем. Я оказываюсь унесенным прочь от моего солнечного, дневного «я» в ту область другого, могучего «я», где рациональные знания не имеют никакой ценности и где я должен быть послушен, как море послушно приливам. Но как бы далеко и глубоко ни был я унесен, все это время прилива я сознаю, что я — это я.

Таков дуализм моего дневного и ночного бытия — дуализм, которого так страшится подросток. Ибо подросток со стыдом и ужасом думает о наступлении ночи. Он хотел бы не иметь ничего общего со своим ночным «я», но это тот Молох, от которого никуда не уйдешь.

Дерево рождается с корнями и листьями, а мы — с нашими днями и ночами. Без ночей мы то же, что дерево без корней.

А ночное завершение каждодневного цикла протекает под воздействием Луны, побуждающим нас к соединению и единению. Этот процесс циркуляции двух потоков нижнего «я» происходит по причудливо извивающейся, а вовсе не прямой линии. Порыв к соединению и единению завершается вспышкой молнии, освещающей двоих как одно существо. Слепящий момент слияния двух морей крови — это и есть момент зарождения новой жизни. Но даже момент рождения ребенка не так важен, как момент возрождения мужчины и возрождения женщины. Женщина в этот момент

рождается заново, получая мощный жизненный заряд от мужчины, рождается в своем новом и более наполненном «я», а мужчина рождается заново, получая мощный жизненный заряд от женщины. И это главное. А все то, чего не смогли или не успели свершить эти двое, падает в землю и прорастает семенем новой жизни, конечное предназначение которой состоит в том, чтобы воплотить невоплощенное родителями..И так продолжается вечно.

Секс, таким образом, есть поляризация индивидуальной крови мужчины по отношению к индивидуальной крови женщины. А сексуальное единение означает приведение в контакт сексуальных динамических полюсов мужчины и женщины.

В сексе мы обретаем свое фундаментальное, наиболее элементарное бытие. Обретаем свой самый элементарный контакт. Именно в поджелудочном сплетении и крестцовом ганглии вспыхивают темные силы мужественности и женственности. Из темного симпатического сплетения исходят резкие, интенсивные симпатические вибрации, направленные прямо к соответственному полюсу другого индивида. Или, во всяком случае, так должно быть в истинно страстной любви. Тут не должно быть никакого вмешательства разума. И даже вмешательства верхних центров. Любовь должна быть слепа. Хотя современная любовь всегда надевает очки.

Но даже современная любовь на самом деле слепа. Нельзя ни видеть, ни обонять, ни слышать тот мощный магнитный поток, вибрации которого исходят из поджелудочного

сплетения женщины, посылающего в атмосферу свой сигнал, подобный мощному радиосигналу. И тут же возникает ответ в крестцовом ганглии какого-нибудь мужчины. И тогда помрачается зрение и дневное сознание у обоих. У низших животных, по-видимому, любой самец воспринимает сигнал любой самки, причем, если это требуется, он способен воспринимать его даже на очень удаленном расстоянии. Но чем выше уровень развития индивида, тем более индивидуально его восприятие. Каждая радиостанция способна воспринимать лишь те сигналы, которые она может декодировать. Так же и с сексом у высокоразвитых индивидов. Из своего мощного динамического центра женщина посылает свой темный призыв, мощные темные вибрации секса. И получает ответные сигналы от мужчины в соответствии со своей собственной природой. Мужчина входит в магнитное поле женщины. Он беспомощно вибрирует в ответ. И наконец, устанавливается динамическая циркуляция, более или менее мощная и устойчивая. Представляется, что, пока жизнь остается свободной и независимой, этому воздействию циркуляции секса не может противиться никто из людей, а тем более никакое из низших существ. Это единый электромагнитный поток, охватывающий одного самца и одну самку или одного самца и группу самок, которые посылают сигналы в одном и том же ключе.

Эта циркуляция витального магнетизма, поначалу свободная и широкая, постепенно сужает поле действия, становясь более интенсивной и целенаправленной, пока два индивида не войдут в контакт. Но даже после этого характер

пульсации и вибрации притяжения и отталкивания все время меняется. В дикой природе каждое прикосновение приводит к реакции мощного отталкивания, а каждое отталкивание возбуждает мощную симпатическую реакцию. И эта странная битва желания и реакции на него длится достаточно долго, но в конце концов достигает желанного завершения.

Это в точности соответствует тому, что происходит в грозу, когда приходят в столкновение динамические силы Солнца и Луны. Результат троякий: сначала электрический разряд, затем рождение воды, затем вода проливается на землю.

Точно так же и в сексе. Тот же троякий результат. Сначала разряд чувств, напоминающий электрический. Затем рождается совершенно новое состояние крови в каждом партнере. А затем наступает освобождение.

Но, так же как и в грозе, здесь главное — абсолютное обновление атмосферы (в сексе — крови). Думаю, нетрудно установить с помощью соответствующих приборов, что электродинамическое состояние белых и красных кровяных телец заметно изменяется после полового акта, точно так же, как и химический состав кровяного потока.

В этом обновлении и заключается великая магия секса. Жизнь индивида течет изо дня в день без видимых изменений. Однако на самом деле в нервах и в крови неизбежно скапливается электричество, и его скопление становится для организма невыносимым бременем. Единственно возможным способом обрести освобождение и обновление является взаимообмен между индивидами посредством акта чистой, беспримесной страсти. Такой же чистый и страстный взаи-

мообмен происходит на уровне верхнего «я», и это случается тогда, когда люди соединяются в некой творческой, или религиозной, или созидательной деятельности — или же когда сражаются друг с другом в смертельной схватке. Великая цель творческой или созидательной деятельности или же завоевания победы в героической борьбе всегда должна быть целью дневного «я». Но сама возможность достижения такой цели возникает из живого динамизма сознающей крови. А кровь индивида обретает свое великое обновление в совершенной сексуальной циркуляции.

Совершенная сексуальная циркуляция и совершенный сексуальный союз — возможны ли они? Совершенного сексуального союза не может быть в том случае, если душу мужчины все время снедает огонь более великой мечты — мечты о целеустремленной *созидательной* деятельности или мечты о целеустремленной *разрушительной* деятельности. Для индивида с выраженной целеустремленностью обе эти цели часто означают одно и то же. Секс ради секса, безусловно, вреден, а часто и пагубен. Но еще более пагубна фанатичная устремленность к идеальной цели, не укорененная в глубокой стихии страстного секса. Ныне мы знаем лишь две эти крайности: секс как роковая цель (ныне основная тема жанра трагедии) и фанатизм в достижении идеальной цели (ее можно сравнить с паразитом на бездыханном теле). Сексуальная страсть как самоцель всегда ведет к трагедии. Вдохновение для жизни можно черпать лишь в чем-то более важном и осмысленном, и это никогда нельзя терять из виду. Но безжизненная, автоматическая, идеальная цель —

это даже не трагедия, это медленное, стерильное засыхание индивида.

Важно, чтобы оба пола блюли свою чистоту. Под чистотой мы не имеем в виду идеальную стерильную невинность мальчиков и девочек или унылую их одинаковость. Мы имеем в виду чистую мужественность мужчины и чистую женственность женщины. Женщина поляризована книзу, к центру Земли. Ее глубокая позитивность образуется потоком, направленным вниз,— потоком лунного света. А мужчина поляризован кверху, в сторону Солнца и дневной деятельности. Динамически мужчины и женщины различны — буквально во всем. Даже в сфере разума, где, как нам кажется, мы идем навстречу друг другу, мы на самом деле остаемся совершенно чуждыми друг другу. Мы, мужчины и женщины, можем произносить слова на одном и том же языке, но точно так же немец и турок могут оба научиться говорить на одном языке, например на латыни. Но о чем бы ни говорил мужчина, смысл его слов не совсем таков, каким его воспринимает разум женщины. И сколько ни пытайся изменить сексуальную полярность полов, как ни старайся перенаправить токи между мужчиной и женщиной, разница между ними все равно остается одной и той же. Кажущееся взаимопонимание в дружеском общении между мужчиной и женщиной — это иллюзия, которая очень легко разрушается.

Женщина может поляризовать свое сознание по-иному, направив его вверх. Она может даже пойти на сексуальное самоудовлетворение. Или направить электрический разряд соития в верхнее сознание. Этому трюку научил еще первую

женщину змей-искуситель, оказавшись между нею и первым мужчиной. Змей, сознание которого было динамическим, не церебральным, и у которого не было разума как такового, а только лукавый, живой, динамический ум, позавидовал рациональному, «умственному» сознанию человеческого рода. Он понимал, этот ушлый и хитрый змей, что для того, чтобы заставить человечество сполна расплатиться за данный ему разум, нужно развратить женщину, то есть стимулировать в ней верхний поток сознания.

Ибо истинная полярность женского сознания — это полярность, направленная книзу. Ее глубочайшее сознание — в животе и чреслах. Такова природа женщины, даже если она всячески извращает свое сознание. Великий поток женского сознания устремлен вниз, стекая вдоль налитых ягодиц до самых пят. Попытайтесь изменить это, направьте поток по ложному руслу вверх, к груди и голове — и вы получите расу «интеллектуальных» женщин, бодрых приятельниц, жеманных куртизанок, умных проституток, благородных идеалисток, преданных подруг, домохозяек с широкими культурными интересами, неутомимых тружениц, блестящих организаторов — словом, женщин, не хуже мужчин владеющих всеми мужскими трюками (а может быть, даже и лучше, ибо, стоит женщине начать осваивать их, ее уже не остановить). Но рано или поздно всему этому приходит конец. Некогда женщину привлекали мужские идеалы и мужские «трюки», и она решила, что она ничем не хуже мужчин, но, когда к ней пришло настоящее понимание мужского мира, весь ее пыл погас. Она решила, что с нее достаточно, и ста-

ла ненавидеть то, чему посвятила жизнь. Извращение ее женского сознания прошло весь порочный круг, и теперь у нее осталось одно желание: трансформировать все свои идеалы в секс. Чем она и занимается до сих пор.

Мы поражаем змея в голову[102] — в его плоскую, безмозглую голову. Но он нам за это мстит, жаля в пятки. Пятки, через которые протекает мощная циркуляция книзу,— они у нас ужалены, сведены чудовищной невротической судорогой. Мощный темный поток, поляризующий нас по отношению к центру Земли, заблокирован и разорван. Мы превратились в шаткие существа на тоненьких ножках, вроде поганок. У нас нет корней, и мы едва удерживаемся на земле. Змей все жалил и жалил нам пятки, пока мы окончательно не охромели. Увечные боги, пленные боги, изнуренные хромоножки, молящие о женском сочувствии,— вот кто мы такие сегодня. Разве вы видели, чтобы Солнце и Луна на небе играли в чехарду? Между ними огромная пропасть, которую в состоянии преодолеть только их лучи.

Мужчине и женщине следует восстановить чистоту своих половых различий. Каждому из них нужно выбраться из сосредоточенного на себе сознания, не больше и не меньше. Или, скорее, каждый должен помочь выбраться оттуда дру-

102 *«Мы поражаем змея в голову...»* — В Библии сказано, что Бог одно из наказаний змею за совращение Евы (по наущению змея она вкусила запретный плод) установил в следующем: «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Первая Книга Моисеева. Бытие. Глава 3, стих 15).

гому. Вместо этой терпимости, которой мы научены придерживаться в наших интимных отношениях с противоположным полом, пусть лучше будет напряженный и открытый антагонизм. Если ваша жена флиртует с мужчинами, а вам это не по душе, то без обиняков скажите жене и всем этим мужчинам, что вы этого не потерпите. Если вам кажется, что жена вам постоянно лжет, скажите ей об этом прямо в глаза, и это ее остановит. Не бойтесь, что вас кто-то осудит. Если она ведет себя недостойно, не сдерживайте себя в своем гневе. Сделайте ее жизнь адом, не скрывайте от нее своей ярости. Не предавайтесь тихой ненависти и покорному терпению. Это только усугубит и без того напряженные отношения между вами. Если вы чувствуете страшный гнев, обрушьте его на нее,— это пойдет ей только на пользу. И никогда, ни при каких обстоятельствах не раскаивайтесь. Ваша вспышка гнева причинит больше страданий вам самому, чем ей. Но в любом случае не раскаивайтесь в своем поступке, даже если ваш гнев был не совсем справедлив. Если вы немало страдали из-за этой женщины, если она причинила вам много зла и сделала вашу жизнь невыносимой, верните ей с лихвой все страдания, верните ей сполна все ее злые поступки, даже если от этого ваше сердце будет обливаться кровью, и, сказав ей, что желаете ей всего наихудшего, навсегда распрощайтесь с ней.

Точно так же должны поступать и жены с мужьями. Если муж непростительно груб с женой или несправедливо придирчив к ней, она должна не бояться поставить его на место. А если ей кажется, что он чересчур любезен и галантен

с другими женщинами, она должна не стесняться поставить его на место — даже в присутствии этих женщин,— что отобьет у него охоту к флирту в дальнейшем. Вместо того чтобы в тихом углу обливаться слезами, ответьте на причиненное мужем горе, устроив ему невыносимую жизнь. И как бы жестко вы ни поступили с мужем, никогда не раскаивайтесь в этом.

В нас сидят пороки всепрощающей любви, приторной мягкости, сентиментальной нежности, тошнотворной вкрадчивости, недопустимой интимности, всепрощающей доброты — и тому подобных малоприятных качеств. Но мы искренне убеждены, что эти пороки являются нашими величайшими достоинствами. Вот только мужьям (или, соответственно, женам) они почему-то ужасно действуют на нервы. Однако мы думаем, что те попросту не понимают нас, и молча предаемся унынию

Не стоит этого делать. Когда Иисус сказал: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его»[103],— он был не совсем прав. На самом деле мой правый глаз «соблазняет» вовсе не меня. Сам я вполне доволен своим правым, косым глазом. Но он «соблазняет» того, кто меня любит. Так что это его право — вырвать у меня правый глаз.

Вот так же пороки любви и терпимости — они никогда не соблазняют (то есть, говоря современным языком, не провоцируют) нас самих. Но жена или муж сыты ими по горло.

[103] *«Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его»* — Евангелие от Матфея. Глава 5, стих 29.

Именно на этой всепрощающей любви, приторной мягкости, сентиментальной нежности, тошнотворной вкрадчивости, чрезмерной интимности и всепрощающей доброте — на всем этом наборе пороков, воспринимаемых большинством людей как набор добродетелей,— покоится наше сосредоточенное на самих себе сознание. «Вырвать» из нас все это — значит «вырвать» из нас наше «самолюбующееся» сознание.

Так что, мужья, «вырывайте» из своих жен их «самолюбующееся» сознание, их притворную вкрадчивость и преувеличенное мнение о самих себе. Пусть лучше они будут жалкими и смешными в своих глазах. Так же и вы, жены, поступайте со своими мужьями.

Вам, мужчины, следует бороться за свое место в жизни, бороться в том числе и со своей женой и с ее «самолюбующейся» озабоченностью. Верните ее к истинному, искони свойственному женщине и направленному на своего мужа сознанию. Сорвите с нее все эти наклейки и ярлыки «современной женщины» и «прелестного создания». Возвратите ее к состоянию нагой Евы и отшвырните как можно дальше этот дурацкий плод искушения.

Сделайте так, чтобы она сама захотела вернуть свое собственное, настоящее, бессознательное «я» и навсегда забыла о том «я», что гнездится сейчас у нее в голове. Если нужно, силой заставьте ее возвратиться к своему собственному, истинному, бессознательному началу.

А после этого вам предстоит решить еще более трудную задачу. Вы должны будете сделать так, чтобы жена перестала смотреть на вас как на своего «возлюбленного». Исцели-

те ее от этого, если вам не удалось это сделать раньше. Дайте ей понять, что вместо этого она снова должна поверить в вас и в ту великую цель, которой вы решили посвятить всю свою жизнь. Но прежде вам придется и в самом деле наметить для себя такую великую цель. При этом учтите, что брать с собой женщину в трудный путь к достижению этой цели не имеет никакого смысла. Даже если она сама вызовется пойти с вами, думая, что совершает самоотверженный поступок и любуясь собой,— она будет только мешать вам в пути.

Но никогда не уставайте сражаться с ней. Сражайтесь с ее сексуальным своеволием, с ее тайной гордыней, с ее высокомерием в сексуальных делах. Сражайтесь с ее самоуверенностью, с ее убеждением, что она все знает и во всем права. «Вырывайте» из нее все это. Сделайте так, чтобы она вновь захотела быть руководимой мужчиной, если, конечно, вы способны руководить ею или чем бы то ни было. Если же нет, то лучше оставьте ее в покое: у нее всегда есть своя собственная, по меньшей мере одна, пусть и не великая, цель, и это лучше, чем ваша бесцельность и пустота.

Вы должны прийти в своей душе к необходимости жить по-новому и решительно порвать со старой жизнью. Вы должны помнить, что вы мужчина, а быть мужчиной — значит всегда идти в одиночестве, впереди женщины, прокладывая себе и ей путь через старый мир в новый. Вы просто обязаны быть одиноки и идти впереди один. А если вы не знаете, в каком направлении вам идти, оглянитесь вокруг и идите за тем, кто знает дорогу и на кого вам укажет серд-

це. Но, следуя за ним, никогда не оглядывайтесь назад. Ибо если Лотова жена[104], оглянувшись, превратилась в соляной столб, то те мужчины, что вечно оглядываются назад, спрашивая дорогу у своих женщин, давно уже превратились в жалкие столбы полузастывшей слезливости.

Вы должны также бороться за веру женщины в вас как в настоящего мужчину, в первопроходца. Ни один мужчина не будет в глазах своей женщины настоящим мужчиной, пока не станет первопроходцем. Еще более нелегкая борьба предстоит вам за то, чтоб она захотела иметь и свою собственную цель, но обязательно учитывающую и вас — свою «ночную» цель, соответствующую вашей «дневной». Луна, планета женщин, отклоняет нас от нашего дневного пути, отворачивает нас от нашего общественного единения; планомерно, как повторяющийся прилив, она приводит нас в состояние критицизма, разобщенности и общественного разделения. Все это и является целью женщины, присущей ей искони, как бы она ни отрицала этого. Ее цель — глубокий чувственный индивидуализм тайны и исключительности в ночной тиши, враждебной ко всему постороннему и пребывающей в безопасности за крепкими засовами. И вам предстоит долгая и трудная борьба за то, чтобы у вашей женщи-

[104] *Лотова жена* — библейский персонаж. Когда Бог решил истребить Содом и всех его жителей за грехи, он пощадил одного лишь Лота, также жившего в Содоме, и разрешил ему уйти из города со всей семьей. Но когда жена Лота, идущая за ним, оглянулась, чтобы посмотреть на начавшееся истребление Содома, она превратилась в соляной столб (Первая Книга Моисеева. Бытие, гл.19, ст. 26).

ны возникло желание посвятить свою цель именно вам; за то, чтобы она искренне, всеми фибрами своей души, поверила в вашу цель, признав, что она выше ее цели; за то, чтобы свою цель она превратила в способ осуществления вашей цели, что придало бы вам новые силы для ее осуществления. Но женщина не поверит в вашу цель до тех пор, пока вы сами не сделаете эту цель главным смыслом своей жизни — главным настолько, что для вашей души все остальное потеряет свое значение, в том числе и сама женщина. Она не поверит в вас до тех пор, пока вы сами в своей душе не обрубите все свои прежние связи и не уйдете вперед, во тьму.

Конечно, вполне может быть, что она уже и сейчас вас любит бескорыстной любовью, любит ради вас самих. Но любовь ее не станет настоящей любовью без уважения или даже страха перед вашей великой целью, без живой веры в вас, идущего впереди и устремленного в будущее.

Но по-настоящему наполненной ваша жизнь будет только тогда, когда женщина поверит в вас как в первопроходца, каковым вы действительно станете, поставив перед собой великую цель; когда она увидит в вас настоящего мужчину, идущего впереди нее и смело прокладывающего путь во тьму; когда она узнает боль и красоту этой веры, на алтарь которой она положит одиночество ожидания и необходимость следовать позади вас, а не рядом с вами. Как это прекрасно — возвращаться к своей женщине по вечерам, когда она ожидает вас в предвкушении увидеть вас и в то же время в страхе за вас! Как хорошо возвращаться в свой дом, наполненный уютом и присутствием любимой жены! Как хоро-

шо наблюдать рядом с ней, как сгущаются сумерки! Каким сокровищем станут для вас эти вечера! А для нее это будет означать наступление времени, когда она вновь обретает все то, что потеряно днем; все то, по чему она так скучала, что принадлежит ей одной и существует ради нее одной; все то, что в полноте и богатстве, какие никогда ей не были ведомы, она обретает, заключая вас в свои объятия. Вот когда наступает ее час, вот в чем заключается ее цель, вот что значит быть настоящей женой.

Ах, как это и в самом деле хорошо — прийти домой к своей верной жене, зная, что она верит в вас и покоряется вашей цели, признавая ее выше всех своих целей. И как прекрасно это ночное падение с высот вашего неустанного стремления к поставленной цели! Как радостно у вас на душе, когда, усталый, со всем бременем прожитого дня, оставленным позади, вы возвращаетесь к себе домой! Теперь вы и сами готовы обратиться к другой вашей цели — к наслаждению таинственной тьмой в объятиях своей женщины. И вы знаете, что эта цель любовно подготовлена ею специально для вас. Как необыкновенно хорошо это чувствовать! Вы ощущаете несказанную благодарность женщине, которая любит вас, и верит в вашу цель, и обретает вас в великолепном ночном шатре своих жарких объятий. Вот что значит иметь жену.

Но ни один мужчина не может сказать о себе, что у него есть жена (даже если он и женат), если он не служит какой-нибудь высшей цели. В противном случае он скорее имеет любовницу, чем жену. И тут не имеет значения, как долго он

был женат. Но если его дни не посвящены живой, требующей полной отдачи, по-настоящему великой цели — цели более высокой, чем у супруги; если его душа не отдана служению этой цели, то его жена не может считаться женой, а только его любовницей, точно так же, как и он не может считаться мужем, а только ее любовником.

Если у мужчины нет такой «дневной» цели, тогда его жена низводится до уровня просто женщины, а ее цель — до уровня «ночной» цели, превращающейся в великую цель секса. Но эта цель — скорее не цель, а крик тоски по чему-то более значимому и возвышенному. По тому, чтобы мужчина, высвободившись утром из ее объятий, отправлялся в ожидающий его день к достижению высшей цели. По тому, чтобы каждое утро мужчина исчезал за горизонтом, продолжая свой путь к будущему. Полнокровная сексуальная цель требует, и требует настоятельно, этого последующего исчезновения мужчины за горизонтом будущего. Если же этого не будет происходить, если впереди у мужчины нет великого пути, исполненного веры в поставленную им для себя цель, если секс служит для него одновременно и отправной точкой, и целью, тогда этот секс становится бездонной пропастью. И непременный финал такого секса — полное растворение в смерти как в единственно возможном будущем. Так было с Кармен и Анной Карениной. Когда секс — одновременно и отправная точка, и пункт назначения, единственный выход — смерть. Именно это мы видим в «Кармен» и в «Анне Карениной», и такая развязка является темой для всей современной трагедии. Это наша единственная и порядком надоев-

шая, избитая тема, тема экстаза и агонии любви, тема финальной страсти и ее агонии в смерти. Смерти как единственно возможного, чистого и прекрасного завершения великой страсти. Любовники, романтические любовники воскликнут: «Но это же действительно прекрасно!»

Но ничего прекрасного в этом нет. Хотя, с другой стороны, уж лучше великая страсть и ее финал, смерть, чем ложная, фальшивая цель. Толстой сказал «нет» такой страсти и «красивому» завершению ее в смерти. А вот собственную жизнь он завершил не очень красивым и, может быть, даже фальшивым поступком[105]. Его книги лучше его жизни. Луч-

105 *«...собственную жизнь он завершил не очень красивым и, может быть, даже фальшивым поступком».*— Лоуренс имеет в виду неожиданный уход Толстого из Ясной Поляны, в которой он жил до самой старости и которую покинул, стремясь согласовать свою жизнь со своим образом мыслей. Умер Толстой по пути из Ясной Поляны, на железнодорожной станции Астапово.

106 *«...Наташи и ее увальня Пьера...»* — Имеются в виду Наташа Ростова и Пьер Безухов, персонажи романа-эпопеи Льва Толстого «Война и мир» (1869). Речь идет о событиях в эпилоге романа.

107 *«Да, как орудие... развалина».*— Это действительно последние слова Вронского, произнесенные им в романе «Анна Каренина» (часть 8, гл. 5), когда после самоубийства Анны Вронский отправляется добровольцем в Сербию, воюющую с Турцией (как он сам объясняет, «для того чтоб умереть»). В английском переводе «Анны Карениной», из которого цитирует Лоуренс, слова «как орудие» буквально звучат «как солдат» («as a soldier»), и это придает последним словам Вронского оттенок того трагического романтизма, которым любуется автор «Фантазии на тему о бессознательном», но который на самом деле отсутствует у Толстого, не простившего своему герою безличности «орудия», в особенности «орудия» женской любви.

ше уж «женская» цель, страсть и смерть, чем фальшивая цель мужчины.

И все же Анна Каренина и Вронский в тысячу раз лучше Наташи и ее увальня Пьера[106]. Эта славная, но очень уж приторная парочка так старательно принялась размножаться, что Пьеру ради того же секса пришлось основательно попыхтеть и над своей великой целью. На мой взгляд, Вронский в романе выглядит даже лучше, чем сам Толстой в своей жизни. Вспомните последние слова Вронского: «Да, как орудие, я могу годиться на что-нибудь. Но, как человек, я — развалина»[107]. Лучше уж это, чем Толстой, и толстовство, и его домотканая крестьянская рубаха, без которой он не мог обходиться.

Лучше пылкая страсть и смерть, чем все эти комплексы и всякого рода «измы». Отбросим старую демагогию и старые цели, а вместе с ними и лицемерные рассуждения, подаваемые к ним как приправа. Лучше уж страсть и смерть.

Но самое лучшее — это все-таки жизнь, разве не так?

Ради всего святого, попытайтесь мне возразить, если вы не согласны со мной. К чему ходить вокруг да около?

Автопортрет Д. Г. Лоуренса

Д. Г. Лоуренс — единственный писатель современной Англии, которому есть что сказать по-настоящему нового.

Дж. М. Марри,
рецензия на книгу Д. Г. Лоуренса
«Фантазия на тему о бессознательном»
в немецкой газете «Allgemeines Handelsblatt»
от 31 марта 1923 г.

А каков из меня получился лжец?

Странные и в то же время гениальные произведения о сексе, впервые представляемые на суд русского читателя в этой книге, не могли быть порождением никакого иного гения, кроме британского. И причины для этого существуют веские, хотя и достаточно парадоксальные.

Дело в том, что образ жизни рядового британца традиционно определяется характером и образом жизни высшего света, а если говорить точнее — короля или королевы или же королевской семьи. Эпохи, стили архитектуры, литературные направления — все это в Британии носит имя правящего монарха. Многие из нас знакомы с такими понятиями, как «Викторианская эпоха», «елизаветинская литература», стиль архитектуры «тюдор», «якобитский» стиль мебели. И эта традиция — далеко не формальность. Она на протяжении многих веков отражала самый дух островитян-британцев.

Молодость Лоуренса пришлась на переломный период в истории Англии, когда страна прощалась с эпохой королевы Виктории, правившей с 1837 по 1901 год (беспрецедентно долго по меркам

британской монархии), и вступала в XX век. Викторианская эпоха по-разному воспринималась и современниками, и последующими поколениями, но чаще всего ее называют периодом «канонизированного фарисейства и ханжества».

Британец или британка, имевшие дерзость вслух заявить, что они знают о существовании секса, подвергались в те времена (особенно если на эту тему осмеливались открыто говорить известные личности) остракизму, изгнанию из страны, а то и мученичеству (о последнем викторианском «мученике во имя секса» — Оскаре Уайльде — Лоуренс не без некоторой иронии упоминает в той же «Фантазии на тему о бессознательном»). Но, по парадоксальному убеждению Лоуренса, ханжество верхов имело скорее положительное влияние на низы, чем отрицательное, ибо те «не брали секс в голову».

Лоуренсу была ненавистна индустриализация старой доброй Англии. С язвительным сарказмом изображает он в своем романе «Любовник леди Чаттерлей» старого аристократа Лесли Уинтера, человека с «широкими взглядами», который без тени иронии заявляет по поводу шахтеров, повадившихся для сокращения пути ходить через его старинный фамильный парк: «Возможно, шахтеры не столь декоративны, как косули, но выгоды от них во сто крат больше»*.

Для Лоуренса шахта — не деталь пейзажа, а чудище, поглотившее недюжинную силу его могучего бородача-отца, а потом хладнокровно выплюнувшее его на улицу. В финале «Любовника леди Чаттерлей», в письме лесника Меллорза («того самого» любовника леди Чаттерлей), адресованном главной героине романа Констанции (Конни) Чаттерлей, обрисована «экономическая ситуация», хорошо знакомая и автору, и большинству его читателей:

* Этот и дальнейшие отрывки из романа Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» приводятся в переводе *В. Чухно: см. Дэвид Герберт Лоуренс. Люббовник леди Чаттерлей. М.: «ЭКСМО-Пресс», 2000.*

«Шахты сейчас работают два, два с половиной дня в неделю, и никаких улучшений не предвидится даже к зиме. А это значит, что человек должен содержать свою семью на двадцать пять — тридцать шиллингов в неделю. Но особенно возмущаются женщины — на них просто удержу нет, так ведь они не знают удержу и когда тратят деньги, во всяком случае в наши дни.

Если бы только можно было им объяснить, что жить — это одно, а тратить деньги — совсем другое. Но это безнадежно. Кабы их учили жить, вместо того чтобы тратить заработанные деньги, они прекрасно бы обходились двадцатью пятью шиллингами и чувствовали бы себя счастливыми. Если бы мужчины ходили в алых брюках, как когда-то я тебе говорил, они бы не думали так много о деньгах; если бы они танцевали, радовались жизни, прыгали и скакали, пели и были щеголями, да и вообще если бы они были красивы и на них было бы приятно смотреть, они обошлись бы минимумом денег. Они были бы интересны женщинам и без помощи денег, а женщины были бы интересны им. Людям нужно вновь научиться не стесняться своей наготы и чувствовать себя при этом прекрасными, распевать на мессах, танцевать старинные групповые танцы, украшать резьбой табуретки и стулья, на которых они сидят, и на всем вышивать свои собственные эмблемы. Тогда им не понадобятся никакие деньги. И это единственный способ решить проблему чрезмерной индустриализации — научить людей искусству жить, жить в красоте, без этой постоянной потребности тратить деньги. Но этому их не научишь. У них мышление как бы с односторонним движением. Хотя большинству людей вовсе не обязательно мыслить — они попросту не способны на это. Им достаточно было бы чувствовать себя живыми, резвыми существами и радоваться жизни, поклоняясь великому богу Пану. *Он* должен стать единственным богом для масс — на веки веков. Остальные же люди — а их очень немного — могут по желанию исповедовать более высокие формы религии. А массы пусть навсегда остаются язычниками.

Но углекопы — далеко не язычники. Это печальное племя полумертвых людей: они мертвы для своих женщин, мертвы для жизни».

Если бы это было возможно, зрелый Лоуренс сам стал бы их учить — а ведь он в молодости и в самом деле учительствовал. Но учил бы он не так, как это делали его современники Фрейд и Юнг.

С предостережения против преклонения перед ними как учителями и начинается «Психоанализ и бессознательное», первая из двух работ Лоуренса о «бессознательном». Это эссе Лоуренс написал во Флоренции, куда в конце 1919 года он удалился изгнанником из Британии. Фрейд и Юнг, по его мнению, не могут быть признаны учителями, да и учиться у них нечему, ибо они не подвижники в деле служения человеку и проповедуют свое учение не с культурных. не с гуманитарных позиций. «Что касается Фрейда,— пишет Лоуренс,— тот, по крайней мере, всегда выступает с позиций ученого. А вот Юнг поверх своей университетской мантии пытается надеть на себя церковный стихарь, так что, слушая его, не понимаешь, кто, собственно, перед тобой — проповедник или ученый. Мы все-таки отдаем предпочтение сексуальным теориям Фрейда перед всеми этими *libido* Юнга».

Свою «теорию секса» Лоуренс открыл «случайно» — когда, собираясь во время войны эмигрировать в США, писал свои «Очерки классической американской литературы». В общих чертах и пунктирно эта теория была им впервые изложена именно в этой книге. Он вполне серьезно торопил американского издателя «Очерков» с их публикацией, в письме к нему утверждая, что некий английский психоаналитик, ознакомившись с ними в рукописи и оценив значение новоиспеченной теории, помчался в Вену докладывать об этом открытии лично Зигмунду Фрейду, так что (видимо, опасался Лоуренс) не ровен час — жди плагиата. Фрейд, правда, успел уже к тому времени опубликовать все свои основные теории.

Если эссе «Психоанализ и бессознательное», написанное в 1921 году, было прямой реакцией Лоуренса на учительские пре-

тензии и поучающий тон мэтров психоанализа (и вдобавок, как мы видим, оно было страховкой от плагиата), то в написанной в следующем году «Фантазии на тему о бессознательном» психоанализ был почти забыт, и речь уже шла о человеке и о типах его любви. Лоуренс — прежде всего поэт, и «Фантазия на тему о бессознательном» — это прежде всего поэма.

Автор «Любовника леди Чаттерлей» вполне «концептуален» в своем романе, он вольно пользуется многими терминами и понятиями, впервые «сконструированными» им в работе «Психоанализ и бессознательное». Но читателей не пугает некоторая перегруженность романа такими понятиями, как «психология» или «нервная система», и начиная с 60-х годов прошлого столетия, когда «Любовник леди Чаттерлей» был впервые опубликован полностью, без каких-либо купюр и сокращений, в кругах образованной интеллигенции стало считаться просто неприличным его не прочесть. А вот «почти научный» очерк «Психоанализ и бессознательное», равно как и более легко читаемые эссе «Порнография и непристойность» и «Фантазия на тему о бессознательном», внимательно прочли очень немногие. Это были даже не критики-литературоведы или психоаналитики — те и другие только развели руками. Прочли эти вещи лишь немногочисленные искренние друзья самого Лоуренса — при его жизни — и не намного более многочисленные поклонники его самобытного таланта как очеркиста и «дилетанта-ученого» — после его смерти.

Интересно, что сам Лоуренс в предисловии к «Фантазии на тему о бессознательном» определяет соотношение художественного и концептуального начал в творчестве писателя вот каким образом: «Эта моя «псевдофилософия» (или «*психа* анализ» — анализ психа,— как отозвался бы о ней один из моих уважаемых оппонентов) выросла из моих романов и стихотворных произведений, а не наоборот. Романы и стихи выходят из-под пера пишущего нечаянно, ненароком. И лишь потом абсолютная потребность

в хоть сколько-нибудь удовлетворительном рациональном понимании самого себя и общего хода вещей заставляет его извлекать некие абстрактные выводы из своего писательского и просто человеческого опыта. Романы и стихи — это эмоциональный опыт в чистом виде. А вся эта «*психа* аналитика» — заключения, сделанные впоследствии, на основании такого опыта».

Через несколько лет Лоуренс напишет эссе «Роман», в котором с еще большей убежденностью будет утверждать: «У автора обязательно припрятана в рукаве дидактическая «цель»... Она есть у большинства великих романистов... Но лучше дайте мне сам роман! Дайте мне услышать, что поведает мне роман. Что касается романиста, то обычно он — бормочущий лжец».

Но самым недвусмысленным и парадоксальным образом Лоуренс выразил эту мысль в стихах — в одном из своих поздних великолепных верлибров под названием «Поиски истины». Вот его полный текст (в переводе *С. Сухарева*):

Не ищи ничего иного, кроме истины,—
только истину.
Хладнокровно ищи — и доберись до сути.
Доберись — и тотчас задайся вопросом:
а каков из меня получился лжец?

Времена вновь меняются. Наступил XXI век, и широкие массы почти перестали читать романы — во всяком случае серьезные. К тому же пушкинские слова о том, что роман «требует мыслей и мыслей», относятся далеко не ко всем романам, написанным в XX веке, а тем более к тем, что выходят сегодня. Тут-то и вспоминаются слова Дж. М. Марри, поставленные эпиграфом к настоящему послесловию, о том, что Лоуренс — один из тех немногих писателей, которому было что сказать по-настоящему нового. Нового по самой своей сути: о человеке и человечестве — и не только в романах, но и в «нехудожественной» прозе.

Владимир Звиняцковский

Содержание

Литературно-художественное издание

Дэвид Герберт Лоуренс

ПСИХОАНАЛИЗ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ. ПОРНОГРАФИЯ И НЕПРИСТОЙНОСТЬ

Ответственный редактор *М. Яновская*
Литературный редактор *В. Чухно*
Художественный редактор, оформление переплета *Е. Шамрай*
Компьютерная верстка *О. Татаринова*
Корректоры *И. Желанникова, И. Коновалова*

ООО «Издательство «Эксмо».
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5.
Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@ eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а.
Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»).
Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»).
Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

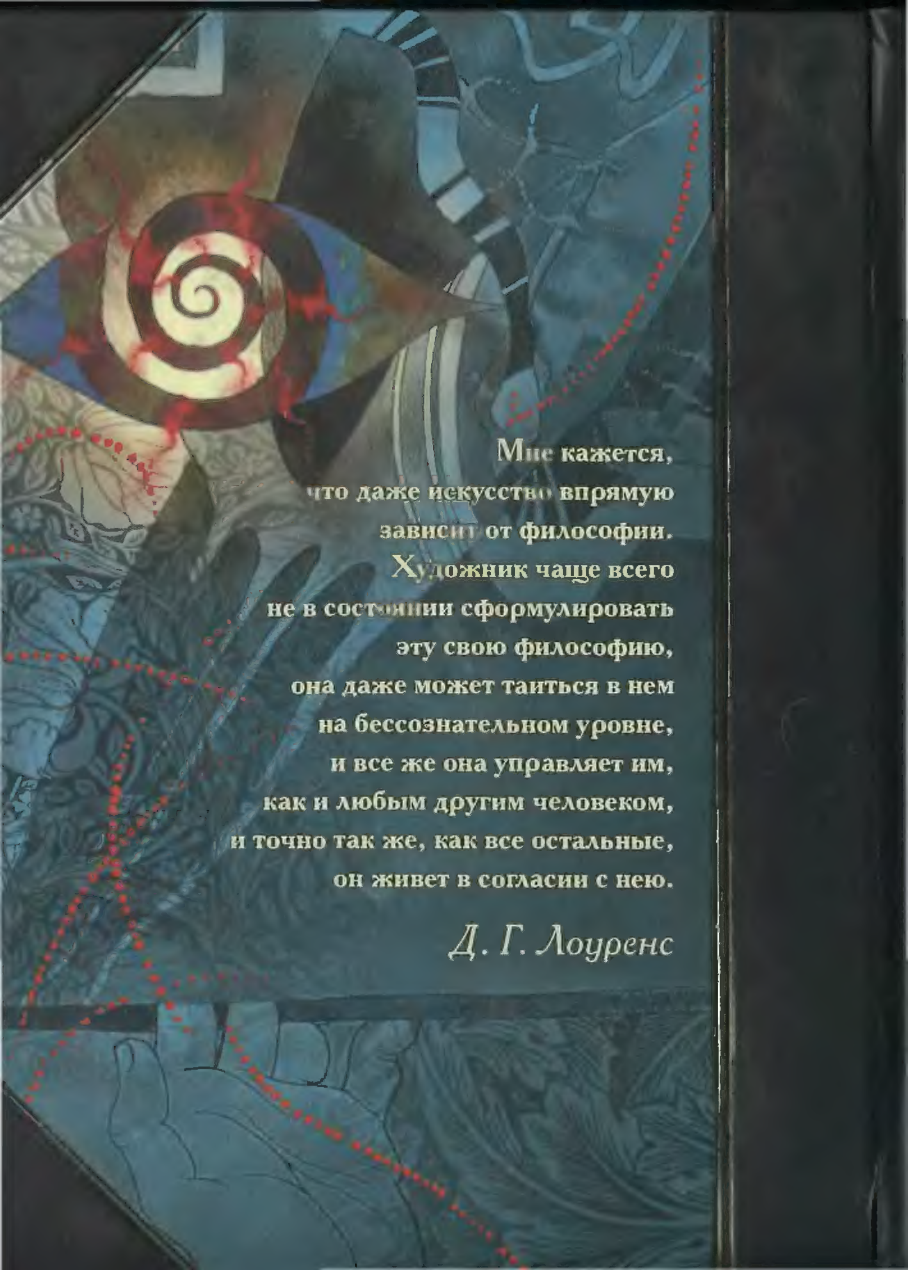
Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.05.2003.
Формат 70x100 $^1/_{32}$. Гарнитура «Академия». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 19,5 + вкл. Уч.-изд. л. 21,3

Тираж 5000 экз. Заказ 392.

ISBN 5-699-03099-9

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.


Мне кажется,
что даже искусство впрямую
зависит от философии.
Художник чаще всего
не в состоянии сформулировать
эту свою философию,
она даже может таиться в нем
на бессознательном уровне,
и все же она управляет им,
как и любым другим человеком,
и точно так же, как все остальные,
он живет в согласии с нею.
Д. Г. Лоуренс